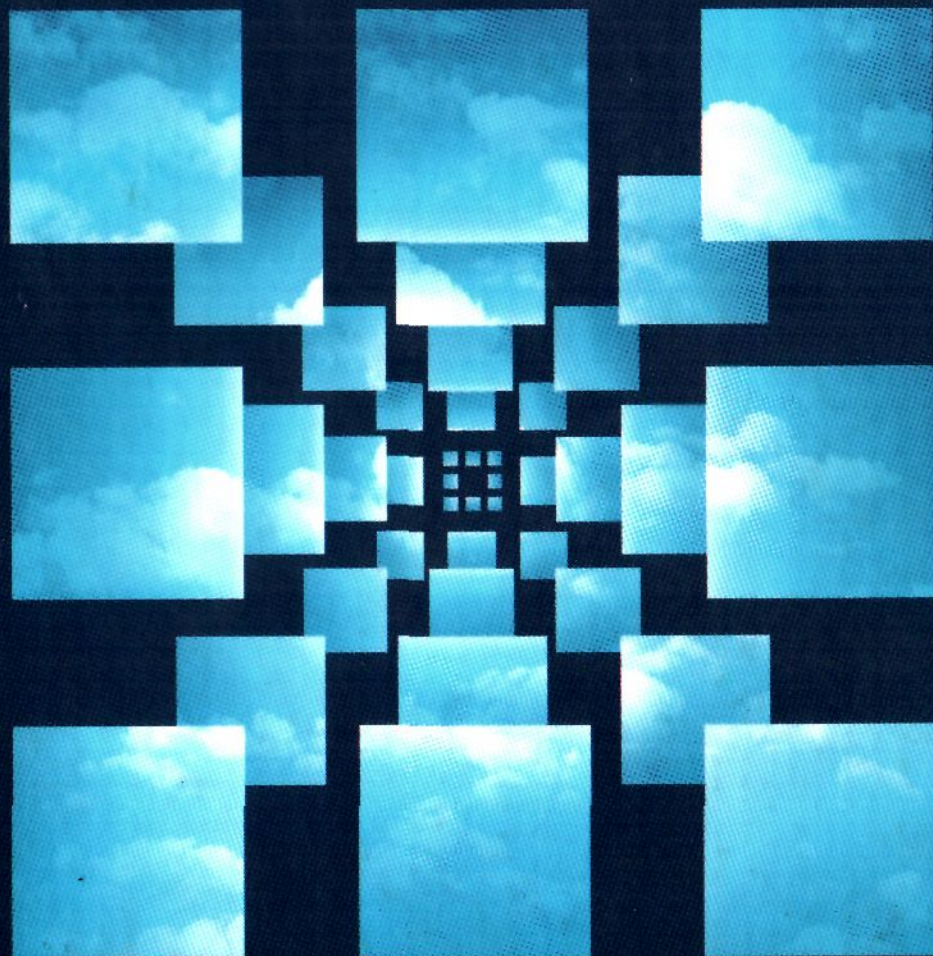

В. П. ПУГАЧЕВ, А. И. СОЛОВЬЕВ

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТОЛОГИЮ

У Ч Е Б Н И К

В. П. Пугачев, А. И. Соловьев

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТОЛОГИЮ

Издание четвертое, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Отделением по философии, политологии
и религиоведению УМО по классическому университетскому
образованию в качестве учебника для студентов высших
учебных заведений, обучающихся по направлению
и специальности «Политология»*

АСПЕНТ ПРЕСС

**Москва
2005**

УДК 373.167.1:32
ББК 66.0
П 88

Авторы глав:

- Пугачев В. П.** — Введение, главы 1—5, § 2 главы 6, главы 7—13, 17, 20, 23, общая редакция;
Соловьев А. И. — § 1 и 3 главы 6, главы 14—16, 18, 19, 21, 22;
§ 3 главы 2 написан в соавторстве

Пугачев В.П., Соловьев А.И.

П 88 Введение в политологию: Учебник для студентов вузов /
В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.:
Аспект Пресс, 2005. — 477 с.

ISBN 5—7567—0165—6

Цель этого наиболее популярного учебника по политологии — ознакомить студентов с основами современной политической науки и демократической культуры. Учебник ориентирован на реальные потребности России и других постсоциалистических стран в политическом просвещении граждан. Авторы стремились ознакомить читателя с основами современной политической теории и в то же время сконцентрировать внимание на наиболее актуальных для российских условий проблемах: демократизации и модернизации общества, правовом социальном государстве, гуманистических, ненасильственных началах в политике, цивилизованном участии в ней граждан.

УДК 373.167.1:32
ББК 66.0

ISBN 5—7567—0165—6

© ЗАО Издательство «Аспект Пресс»,
1995, 2005

Все книги издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ К 4-МУ ИЗДАНИЮ

После выхода в свет первого издания настоящего учебника прошло уже много лет. За минувшие годы на прилавках магазинов появилась масса учебников и учебных пособий по политологии. Однако можем с удовольствием констатировать, что, не взирая на это, у читателей сохраняется устойчивый спрос на нашу книгу. Вероятно, это связано прежде всего с тем, что при ее написании мы не исходили из политической или рыночной конъюнктуры, а стремились донести до читателя выводы науки, проверенные временем, руководствуясь при этом ценностями демократии и гуманизма.

Настоящее, четвертое издание, сохраняя в основном «классический» материал учебника и его прежний объем, значительно расширяет круг тем. В книгу включены две новые главы «Политические технологии» и «Международная политика». В свете новейших научных разработок переработаны главы о политических системах, политической культуре и др. Ряд других глав также существенно переработан и обновлен. Критической проверке подвергся весь материал книги. Надеемся, что нынешнее издание учебника будет не менее интересно для читателя, чем его предыдущие издания.

*В. П. Пугачев,
А. И. Соловьев*

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена, а в наши дни особенно политика оказывает важное, порою судьбоносное влияние на жизнь отдельных людей и целых народов. Она неразрывно связана с самыми глубокими основами человеческой цивилизации. Как отмечал еще в V в. до н.э. величайший ум античности Аристотель, политика коренится в природе человека как социального существа, способного полноценно жить лишь в коллективе, обществе и «обреченного» взаимодействовать с другими людьми.

Политические знания и культура нужны сегодня любому человеку независимо от его профессиональной принадлежности, поскольку, живя в обществе, он неизбежно должен взаимодействовать с другими людьми и государством. Без обладания такими знаниями личность рискует стать разменной монетой в политической игре, превратиться в объект манипулирования и порабощения со стороны более активных в политическом отношении сил.

Массовая политическая грамотность граждан необходима и всему обществу, ибо предохраняет его от деспотизма и тирании, от антигуманных и экономически неэффективных форм государственной и общественной организации. Поэтому сознательное формирование политической культуры как искусства совместного цивилизованного проживания людей в государстве — забота всего современного общества, важное условие его благополучия. Как отмечает руководитель Академии политического образования ФРГ Т. Майер, «там, где политическое образование отличается постоянством, непрерывностью и охватывает все социальные слои, оно не всегда обращает на себя большое общественное внимание. Ненужным же оно не будет никогда»¹.

И если в государствах с прочно укоренившимися в сознании масс демократическими традициями и эффективными институтами контроля за правительством и другими властями часть граждан может позволить себе некоторую аполитичность, то в странах, недавно переживших авторитарные или даже тоталитарные, диктаторские режимы, массовое отстранение от политики чревато тяжелыми социальными последствиями. Демократический строй не может утвердиться и

¹ Meyer T. Wie entbehrlich ist Politische Bildung?//Friedrich-Ebert-Stiftung-Info. 1994. № 1. S. 2.

быть эффективным без соответствующей политической культуры населения. Демократия предполагает превращение человека в источник власти, вершителя судеб своей страны и международной политики. И хотя в условиях демократического государства далеко не каждый индивид оказывает реальное воздействие на принятие политических решений, именно от сознательности выбора и активности большинства граждан зависит учет в государственной политике интересов различных групп населения, компетентность и ответственность правящих элит.

Способность граждан к принятию рациональных решений, участие в политике не формируется стихийно, а обретается в ходе систематического приобретения ими соответствующих знаний и опыта. Сегодня во всех индустриально развитых демократических странах существуют специальные институты политического образования, помогающие решать эти задачи. Деятельность таких учреждений не могут заменить средства массовой политической коммуникации — телевидение, радио, газеты, дающие обычно лишь поверхностную картину событий и предполагающие умение граждан самостоятельно, критически анализировать получаемую информацию.

Практическое осуществление политико-просветительской деятельности в современном мире выходит за рамки национально-государственных границ. Так, страны Европейского Союза координируют усилия в области политического просвещения для формирования у своих граждан чувства западноевропейской идентичности, принадлежности к общей родине — Европе, к новому межгосударственному объединению. Тем самым укрепляется субъективная, личностно-мотивационная основа европейской интеграции.

Демократическое политическое образование базируется на признании основных гуманистических ценностей и прежде всего свободы и достоинства каждой личности, ее естественных, неотъемлемых прав. Оно помогает гражданину правильно оценить соответствующий общественный строй, осознать свои место и роль в государстве, права и обязанности. Главная его цель — научить человека адекватно ориентироваться в сложном и противоречивом современном мире, представлять и защищать свои интересы, уважая интересы и права других людей, коллективно решать общие проблемы. Оно направлено также на формирование у граждан уважения к демократическому порядку и обеспечивающим его государственным и общественным институтам, ибо без твердого политического порядка свобода отдельной личности не может быть реальной.

Демократическое политическое образование призвано придать политике человеческое измерение, сдерживать проявления в политических действиях эгоцентрической мотивации, нетерпимости и эмоциональной неуравновешенности, а также идеологического классового или националистического иррационализма, нередко выступающего под флагом борьбы за тотальную рационализацию общества. Одна

из его первейших задач — выработка у граждан устойчивого иммунитета или по крайней мере взвешенного, критического отношения к различного рода радикалистским идеологиям, враждебным демократическому строю и стремящимся навязать обществу ту или иную социальную утопию.

В странах с недавним авторитарным или даже тоталитарным прошлым, охваченных глубоким кризисом, опасность разрушительного воздействия новых радикалистских идеологий весьма велика. Отсутствие у населения устойчивой демократической культуры, твердых ориентаций на общечеловеческие ценности, посткоммунистическая массовая ментальность, дополняемые полунцианским существованием широких слоев населения, острыми социальными и национальными конфликтами, могут привести и уже приводят многих людей в объятия новых, прежде всего националистических и религиозно-экстремистских идеологий, господство которых не менее разрушительно, чем воздействие официального марксизма.

Конечно, ни в одной стране мира политическое образование не свободно полностью от идеологического содержания, так как оно, выполняя функцию интеграции, объединения общества, в той или иной форме обосновывает и защищает общенациональные интересы и ценности, ограничивает эгоистические и партикуляристские тенденции и тем самым охраняет социальную систему от распада. Однако в демократическом обществе в отличие от тоталитарного государства, где политическое образование сводится к внедрению в массовое сознание официальной идеологии, оно опирается в первую очередь на общечеловеческие ценности, базируется на принципах **деидеологизации, департизации и добровольности.**

Деидеологизация означает отказ от всяких официальных идеологий, идейно-теоретический плюрализм, свободное соревнование идейных платформ и ценностей. Департизация предполагает отказ от монополизации руководства политическим образованием одной партией, его базирование на гуманистическом ценностном консенсусе, равноправное участие в его организации и осуществлении всех (в том числе оппозиционных) партий и общественных объединений. Добровольность гарантирует свободу выбора идей и убеждений, хотя и не исключает обязательности усвоения политических знаний молодежью, а также теми категориями служащих, для которых политическая образованность выступает необходимым элементом профессиональной компетентности: руководителей государственных служб и учреждений, учителей, работников СМИ и т.п. Учет этих принципов, гарантирующих демократический характер политического образования, особенно необходим в странах, переживших времена тотальной политической обработки населения.

Овладение гражданами основами политической науки и демократической культуры — одно из важнейших условий успеха политичес-

ких и общественных реформ в России и других постсоциалистических государствах. Известно, что любые социальные перемены начинаются прежде всего с сознания людей.

Переход от командной экономики к рыночному хозяйствованию и от авторитарной политической системы к правовому государству требует коренных изменений в политической культуре населения, формирования массового менталитета, адекватного рыночной экономике и плюралистической демократии. Демократическое политическое образование способно в значительной мере ускорить этот процесс.

В нашем обществе оно призвано выполнять ряд конструктивных функций и прежде всего помогать людям вырабатывать рационалистический и демократический менталитет, усваивать ценности и нормы демократической политической культуры, формировать такие качества, как политическая толерантность (терпимость), готовность к компромиссу и партнерству, стремление к консенсусу, умение цивилизованно и институционализированно (в рамках закона и с помощью демократических институтов) выражать и защищать свои интересы, предотвращать или же относительно безболезненно разрешать социальные конфликты, укреплять российскую общенациональную идентичность, патриотизм и государственность. Развитие демократического политического сознания способствует также упрочению у населения чувства гражданского долга, ответственности перед обществом и государством, ограничивает влияние политического радикализма и экстремизма.

Особенно необходимы политические знания и навыки молодому поколению, отличающемуся большим радикализмом суждений и действий, повышенной восприимчивостью к различного рода утопическим идеологиям и демагогическим призывам.

Цель настоящего учебника — ознакомить студентов и всех интересующихся политической проблематикой с основами современной политической науки и демократической культуры. Оно ориентировано на реальные потребности России и других постсоциалистических стран в политическом просвещении граждан. Авторы стремились ознакомить читателя с основами современной политической теории и в то же время сконцентрировать внимание на наиболее актуальных для российских условий проблемах: демократизация и модернизация общества, правовое социальное государство, выборы, гуманистические, ненасильственные начала в политике, цивилизованное участие в ней граждан и т.д.

Раздел I

ПРЕДМЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА?

Политология, как следует уже из самого названия, — это наука о политике. Поэтому наличие правильных и ясных представлений о политике — первейшее условие глубокого осознания предмета политологии, ее особенностей и содержания.

§ 1. Понятие политики

Многообразие определений политики

«Политика» — одно из наиболее распространенных и многозначных слов в русском языке, да и во многих других языках мира. В повседневной жизни политикой часто называют всякую целенаправленную деятельность, будь то деятельность руководителя государства, партии или фирмы или даже отношение жены к своему мужу, подчиненное определенной цели. Под политикой понимают также искусство возможного, а нередко характеризуют ее как «грязное дело».

Такой разброс обыденных представлений о политике связан не только с недостаточно четкими, ограниченными или просто ошибочными знаниями о ней различных людей, но в первую очередь со сложностью, многогранностью, богатством проявлений этого феномена.

Научные трактовки термина «политика» отличаются от повседневных представлений строгой логической аргументацией, обобщенностью и систематизацией, хотя и не исключают некоторой противоречивости мнений.

Разнообразные научные определения политики могут быть систематизированы и подразделены на несколько групп, каждая из

которых внутренне дифференцирована. Критериями выделения таких групп служат используемые для характеристики политики общие исследовательские подходы: социологический, субстанциальный (выясняющий материю, основу явления) и системный, а также акцентированные в определениях политики ее важнейшие конституирующие качества и функции в обществе. В соответствии с этими подходами можно выделить **три группы определений политики: социологические, субстанциальные и научно сконструированные, связанные со специфической интерпретацией политики.**

Группа социологических трактовок политики. Экономические дефиниции

Социологические определения политики, основываясь на социологическом подходе, характеризуют ее через другие общественные явления: экономику, социальные группы, право, мораль, культуру, религию. В соответствии с отражаемой сферой общества их можно подразделить на экономические, стратификационные (социальные), правовые, этические (нормативные) и т.д.

Социологические определения политики, основываясь на социологическом подходе, характеризуют ее через другие общественные явления: экономику, социальные группы, право, мораль, культуру, религию. В соответствии с отражаемой сферой общества их можно подразделить на экономические, стратификационные (социальные), правовые, этические (нормативные) и т.д.

Экономические определения политики, наиболее ярко представленные в марксизме и других концепциях экономического детерминизма, характеризуют политику как надстройку над экономическим базисом, как концентрированное выражение экономики, ее потребностей и интересов. Политика как специфическая область общественной жизни в этом случае утрачивает свою самостоятельность, сохраняя лишь относительную, ограниченную автономию. В целом же она определяется объективными экономическими законами, не зависящими от воли политических акторов (субъектов).

Определения политики в духе экономического детерминизма подчеркивают лишь один из важнейших источников политики. Обычно они гипертрофируют влияние экономических потребностей на политику, недооценивают ее самостоятельность. Опыт истории, и прежде всего более чем 70-летнее существование командно-административного социализма, свидетельствует, что не только экономика оказывает сильное влияние на политику, но и последняя может выступать по отношению к экономике командной, главенствующей силой. Поэтому с точки зрения науки представляется более плодотворным рассматривать взаимоотношение экономики и политики как взаимодействие равнозначных и равноправных областей общественной жизни.

**Стратификационные и правовые
дефиниции политики**

Важной составной частью **социологических** определений политики являются ее стратификационные дефиниции. Они трактуют политику как соперничество определенных общественных групп: классов и наций (марксизм) или заинтересованных групп — за реализацию своих интересов с помощью власти (А. Бентли, Д. Трумэн и др.). Если марксистские трактовки политики как борьбы между классами в современном мире во многом утратили свое влияние, то теория заинтересованных групп получила широкое распространение и развитие, и, в частности, она представлена в плюралистических концепциях демократии, трактующих политику в современном демократическом государстве как соперничество разнообразных заинтересованных групп, обеспечивающее баланс, равновесие общественных интересов.

В истории политической мысли, в том числе и среди современных теоретиков, достаточно широко представлены **правовые** концепции политики. Они считают политику, государство производными от права и прежде всего от естественных прав человека, которые лежат в основе публичного права, законов и деятельности государства. Яркий пример правовой концепции политики — ее контрактивистские («общественного договора») теории, представленные такими видными мыслителями, как Спиноза, Гоббс, Локк, Руссо, Кант. Суть этих теорий состоит в трактовке политики и прежде всего государства как специализированной деятельности по охране присущих каждому человеку от рождения фундаментальных прав: на жизнь, свободу, безопасность, собственность и т.д.

В современной научной литературе широко представлены и противоположные правовым концепциям политики теории. Они рассматривают право как порождение политики, важнейшее средство ее реализации, инструмент создания стабильного политического порядка. Право непосредственно создается государством и основано на политической воле и государственной целесообразности.

В политологии до сих пор остается спорным вопрос «связано ли право лишь исключительно с существованием государства или ему органично присущи некоторые черты (и особенно принцип справедливости), которые вытекают из догосударственного права и предшествуют государственному праву»¹.

¹ Lernfeld Politik: Eine Handreichung zur Aus- und Weiterbildung. Bonn, 1992. S. 111.

Этические определения

Правовая трактовка политики непосредственно примыкает к ее этическим (нормативным, ценностным) дефинициям. Это ярко проявляется в концепциях, признающих догосударственное существование естественного права в форме моральных принципов человеческого сообщества. В целом же нормативные понятия политики — важное направление ее социологической трактовки. Используемый в них нормативный подход предполагает рассмотрение политики исходя из идеалов, ценностей, целей и норм, которые она должна реализовать. Анализируемая под этим углом зрения политика представляет собой **деятельность, направленную на достижение общего блага**. Ее высшей ценностью является общее благо, включающее такие более частные ценности, как справедливость, мир, свобода и др., целью — служение этому общему благу, нормами — конкретные правила, законы, ведущие к его достижению.

Нормативная трактовка политики возникла в глубокой древности. Так, еще Аристотель считал политику высшей формой жизнедеятельности человека, поскольку через нее во взаимоотношениях между людьми утверждается справедливость и достигается благо каждого. «Справедливость, — писал он, — имеет место только в политической жизни, потому что весь строй политического общежития держится на праве»².

Нормативные трактовки политики имеют как сильные, так и слабые стороны. Их достоинство состоит в том, что в них выражается гуманистический идеал, в соответствии с которым должна строиться политика. Такой идеал ориентирует участников политики на общественно ценное поведение. В то же время нормативный подход оперирует достаточно многозначными, не всегда четко определенными категориями, допускающими возможность различной трактовки общественного блага. Тем самым создаются предпосылки для маскировки, камуфлирования корыстных интересов различных политических сил.

Слабость данного подхода проявляется также в большом расхождении понимания политики как деятельности по достижению общего блага и реальности, которая свидетельствует о широком распространении в политике эгоистической мотивации. Кроме того, не все действия по обеспечению общего блага являются политическими. Многие люди совершают общественно полезные, благородные поступки, движимые нравственными или религиозными мотивами.

² Аристотель. Политика. М., 1865. С. 11. См. также: Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 380.

Несмотря на отмеченные недостатки — нормативный подход, отражая важный аспект политики, имеет полное право на существование. В нем выражается стремление людей, общества окультурить, гуманизировать и рационализировать политику, внести в нее нравственное начало. В нормативных трактовках отражается влияние на политику нравственности, культуры, религиозных ценностей. Поэтому нормативные дефиниции политики наряду с экономическими, стратификационными и правовыми входят в группу ее социологических трактовок.

Группа субстанциальных определений политики. Власть как политическая субстанция

Вторая наиболее распространенная группа дефиниций политики — субстанциальные определения. Они ориентируются на раскрытие той первоосновы, ткани, из которой состоит политика. В этой

группе определений существуют несколько трактовок политики. Самая распространенная из них — это трактовка политики как **действий, направленных на власть: ее обретение, удержание и использование**. Политика, писал М. Вебер, это «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе включает»³.

Некоторые из сторонников «властного» подхода к политике акцентируют внимание на искусстве, технике, способах и средствах борьбы за власть и ее использование. Так, один из основателей политической науки, Н. Макиавелли, еще в 1515 г. характеризовал политику как «совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удерживаться у власти и полезно использовать ее <...> Итак, политика есть обращение с властью, заданное обстоятельствами и зависящее от могущества властителя или народа, а также от текущих ситуаций»⁴.

Институциональные и антропологические трактовки политики

«Властные» определения политики отражают ее сущность, важнейшее конституирующее качество. Они конкретизируются и дополняются с помощью **институциональных дефиниций**. Последние характеризуют политику через организации, институты, в которых воплощается и материализуется власть, и прежде всего через важнейший институт — государ-

³ Вебер М. Избранные произведения/ Пер. с нем. М., 1990. С. 646.

⁴ Цит. по: Innenpolitik und politische Theorie. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. S. 27.

ство. Политика предстает в этом случае как «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства»⁵.

Некоторые из институциональных дефиниций политики отмечают возросшую роль в ней негосударственных институтов и прежде всего партий. Так, вождь Коммунистической партии Китая Мао Цзедун, отражая главенствующую роль компартии в социалистическом государстве, определял политику как «исходный пункт всех практических действий революционной партии. Она выражается в процессе этих действий и их результатах»⁶.

Если «властные» и институциональные трактовки политики видят ее основу во власти и ее носителях-организациях, то **антропологические** определения пытаются отразить ее более глубокий источник, коренящийся в природе человека. С этой точки зрения, **политика — форма цивилизованного общения людей на основе права, способ коллективного существования человека**. Обоснование антропологического понимания политики дал еще Аристотель. Он считал, что человек — существо политическое, поскольку он — существо коллективное. Нормальная жизнь человека, удовлетворение его многообразных потребностей и обретение счастья возможны только при общении с другими людьми. Высшей, по сравнению с семьей или селением, формой такого общения и выступает политика. Ее превосходство над предполитическим общением состоит в том, что она представляет собой общение в государстве свободных и равных людей по нормам права, воплощающего справедливость, одинаковое отношение ко всем гражданам. С помощью политики, государства в общении людей достигается гармония.

Современные антропологические концепции политики разделяют не все идеи Аристотеля, однако, как и он, считают политику органически присущей человеческому роду, укорененной в коллективной природе человека, его индивидуальной свободе, в общественном разделении труда и вытекающем из этого сложном и противоречивом взаимодействии индивидов.

**Конфликтно-консенсусные
определения**

Антропологические трактовки политики значительно обогащаются и дополняются ее конфликтно-консенсус-

ными дефинициями. «Политическая теория, — пишет известный французский политолог Морис Дюверже, — колеблется между двумя драматическими противостоящими интерпретациями поли-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 340.

⁶ Цит. по: Innenpolitik und politische Theorie. S. 27.

тики. В соответствии с одной политикой является конфликтом, борьбой, в которой те, кто обладает властью, обеспечивают себе контроль над обществом и получение благ. В соответствии с другой точкой зрения политика представляет из себя попытку осуществить правление порядка и справедливости <...> означает обеспечение интеграции всех граждан в сообщество»⁷.

Конфликтные дефиниции политики акцентируют внимание на противоречиях, которые лежат в основе политики, определяют ее динамику. С точки зрения таких противоречий политика рассматривается как **деятельность по насильственному и мирному разрешению конфликтов**. Хотя общую окраску политике придает конфликт, она обычно невозможна без определенного консенсуса, согласия ее участников, основанного на их общей заинтересованности в общественном порядке, на признании правомерности власти и необходимости подчинения закону и т.п.

Особенно важна роль консенсуса, объединяющего политических субъектов фактора в демократическом государстве, где предотвращение и разрешение конфликтов осуществляется на базе признания подавляющим большинством граждан таких основополагающих ценностей, как свобода личности, права человека, воля большинства, а также автономия и право на собственное мнение меньшинства. Как отмечает известный американский политолог С. Ф. Хантингтон, при полном отсутствии социальных конфликтов нет политики, а при полном отсутствии социального консенсуса, общественной гармонии невозможны политические институты⁸.

**Политика как отношения
«друзей» — «врагов»**

Специфическую интерпретацию и развитие конфликтно-консенсусные трактовки политики получили у видного немецкого политолога Карла Шмитта. Нередко его концепцию политики рассматривают как самостоятельное, оригинальное направление в понимании «политического». Согласно К. Шмитту, политика не имеет собственной основы, субстрата. «“Политическое” способно черпать свою силу из различных областей общественной жизни, из религиозных, экономических, нравственных и других противоречий. Оно характеризует не какую-то собственную, специфическую сферу жизнедеятельности, но только **степень интенсивности объединения (ассоциации) или разъединения**

⁷ Duverger M. The Idea of Politics. Indianapolis, 1966. P. 186.

⁸ См.: Комоцкая В. Д., Тихомирова Е. Б. Поколение 50-х в американской политологии: С.Ф. Хантингтон//Социально-политические науки. 1991. № 9. С. 59.

(диссоциации) людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или культурном смысле), экономическими или другими и в различные времена вызывают различные соединения или разъединения»⁹.

Политическое качество возникает в результате «уплотнения» общественных противоречий, их осознания как отношений «друзей» — «врагов». Враг — это кто-то «чужой», представляющий угрозу данному субъекту или его интересам, друг же — это союзник, помощник в достижении целей.

К. Шмитт придает отношениям «друг» — «враг» конституирующее, создающее политику значение, оставляя в тени объективные основы политической дифференциации людей. На наш взгляд, его концепция хорошо объясняет субъективное переживание политики, ее эмоциональную мотивацию. Однако отношения «друзья» — «враги» — это лишь один из важнейших аспектов политики, далеко не охватывающий всего ее содержания.

Группа научно сконструированных трактовок политики. Деятельностные, телеологические и системные определения

Динамический, процессуальный характер политики раскрывают ее деятельностные определения. Они характеризуют политику как **процесс подготовки, принятия и практической реализации обязательных для всего общества решений**. Такая интерпретация политики позволяет проанализировать важнейшие стадии ее осуществления. К таким стадиям относятся: определение целей политики, принятие решений; организация масс и мобилизация ресурсов для реализации этих целей; регулирование политической деятельности; контроль за ней; анализ полученных результатов и определение новых целей политики. Деятельностная интерпретация политики широко используется, в частности, в теории политических решений.

Она применяется также в **телеологических** трактовках политики, рассматривающих ее как **деятельность по эффективному достижению коллективных целей**. Как писал патриарх американской социологии Т. Парсонс, политика представляет собой совокупность «способов организации определенных элементов тотальной системы в соответствии с одной из ее фундаментальных функций, а именно эффективного коллективного действия для достижения общих целей»¹⁰.

⁹ Schmitt K. Der Begriff des Politischen. Berlin, 1963. S. 38.

¹⁰ Parsons T. Politics and Social Structure: On the Concept of Political Power. New York, 1969. P. 355.

В телеологических дефинициях политики подчеркиваются два ее конституирующих момента: **коллективная природа** деятельности (причем это деятельность крупных социальных групп: классов, наций, государств и т.п.) и **сознательный, целенаправленный характер**. В политике частные цели индивидов «вырастают» до общегосударственных.

Телеологические определения политики, как это видно из характеристики, данной Парсонсом, широко используются в рамках системного анализа общества. С **системной точки зрения** политика является **относительно самостоятельной системой, сложным социальным организмом, целостностью, отграниченной от окружающей среды — остальных областей общества — и находящейся с ней в непрерывном взаимодействии**. Политическая система заботится о самосохранении и призвана удовлетворять целый ряд общественных потребностей, важнейшая из которых интеграция общества.

Системная интерпретация политики получила детальное обоснование и развитие в разнообразных теориях политических систем, первыми и наиболее значительными из которых были концепции американских политологов Д. Истона и Г. Алмонда.

Рассмотренные выше трактовки политики не исчерпывают всего многообразия ее определений, хотя и отражают важнейшие из них. Такое обилие научных характеристик объясняется прежде всего сложностью политики, богатством ее содержания, многообразием свойств и общественных функций. Обобщая различные дефиниции, можно определить политику как **деятельность социальных групп и индивидов по артикуляции (осознанию и представлению) своих противоречивых коллективных интересов, выработке обязательных для всего общества решений, осуществляемых с помощью государственной власти**.

§ 2. Структура и функции политики

Форма, содержание и процесс политики

Политика существует в различных ипостасях (формах) — в виде мышления, речи и поведения людей. Она имеет сложное строение. В научной литературе выделяются различные аспекты и составные части политики. Одно из наиболее широко распространенных препарирований (делений) политики — разграничение в ней формы, содержания и процесса (отношений).

Форма политики — это ее организационная структура, институты (в том числе и система правовых и организационных норм),

придающие ей устойчивость, стабильность и позволяющие регулировать политическое поведение людей.

Форма политики реально воплощается в государстве, партиях и группах интересов (ассоциациях и движениях), а также в законах, политических и правовых нормах.

Содержание политики выражается в ее целях и ценностях, в проблемах, которые она решает, в мотивах и механизмах принятия политических решений.

В политическом **процессе** отражается сложный, многосубъектный и конфликтный характер политической деятельности, ее проявление как отношений различных социальных групп, организаций и индивидов.

**Полити (polity)- ,
полиси (policy)-
и политикс (politics)-
исследования**

В английском языке, а также в американской и мировой политической науке в целом для обозначения различных сторон политики используются три самостоятельных термина: «polity» («полити», или «полития»), «policy» («полиси») и «politics» («политикс»). Эти понятия примерно соответствуют форме политики, ее содержанию и политическому процессу. **Полития** означает политическую организацию того или иного общества, государство в широком смысле этого слова, т. е. как совокупность всех граждан страны, весь механизм осуществления власти. Иными словами, это политический строй, политический порядок в единстве составляющих его институтов и норм.

Полиси в узком значении этого слова характеризует содержание, образ действий власти, правительства, технологию принятия политических решений. Полиси-исследования, как одно из направлений политической науки, стремятся выяснить, как, почему и с каким эффектом политические инстанции принимают обязательные для всех решения по распределению дефицитных ценностей и благ, какие социальные последствия и реакцию вызывают эти решения.

В **широком значении** понятие «полиси» относится не только к действиям центральной власти, но и к способу поведения, принятия решений других политических акторов: партий, профсоюзов и т.д.

Политикс — это политика, рассматриваемая с точки зрения возникновения и разрешения в ней конфликтов. Политикс-анализ занимается субъектами, претендующими на власть или стремящимися повлиять на политические решения: партиями, общественными

ми организациями, средствами массовой информации (СМИ), заинтересованными группами и т.д., а также конфликтующими интересами, идеологиями, целями и ценностями, насильственными и мирными способами разрешения конфликтов. Полити (форма), полиси (содержание) и политикс (процесс) нередко называют изменениями политики, отражающими ее важнейшие аспекты.

Элементы и уровни политики

Форма, содержание и процесс не исчерпывают строение политики. В качестве ее относительно самостоятельных **элементов** можно выделить: 1) политическое сознание, включающее внутренний мир, менталитет, ценностные ориентации и установки индивидов, а также политические взгляды и теории; 2) нормативные идеи: программы и избирательные платформы политических партий, целевые установки групп интересов, политико-правовые нормы; 3) институты власти и борьбы за нее; 4) отношения властвования — господства и подчинения, а также политической борьбы и сотрудничества.

Если попытаться перечислить конкретные составные части политики, то в качестве таковых можно назвать политические взгляды, идеи, теории, программы, ценностные ориентации, установки, стереотипы и т.п., обычаи и традиции, образцы поведения, общественное мнение, специфический политический язык, психологию людей, государство, партии, группы интересов и движения, законы, права человека и другие политические и политико-правовые нормы, отношения власти и по поводу власти, политических лидеров, элиты, группировки и т.д.

Помимо составных частей и элементов в политике иногда выделяют **три уровня ее существования**. Первый, собственно политический, макроуровень, характеризует государство как целое, публичную принудительную власть, ее устройство и функционирование в центре и на местах. Второй, микроуровень, политики охватывает отдельные организации: партии, профсоюзы, корпорации, фирмы и т.п. Здесь, как и в государстве в целом, также обнаруживаются внутренние явления и процессы, свойственные большой политике: выдвижение и реализация коллективных целей, принятие решений, распределение должностей и благ, применение санкций, соперничество индивидов и групп за власть, конфликты интересов и т.д. Третий, мегауровень, политики относится к деятельности международных организаций: ООН, НАТО, ЕЭС и т.п.

Первый из этих уровней занимает центральное место и характеризует суть политики. Второй и третий уровни имеют подчиненное значение.

С общегосударственным, макроуровнем, политики обычно связывают ее основные функции в обществе. Они характеризуют важнейшие направления воздействия политики на общество. К ним относятся:

— поддержание и укрепление целостности общества как сложно дифференцированной социальной системы, обеспечение общественного порядка и организованности;

— разработка целей всего общества и составляющих его коллективных субъектов, организация масс и мобилизация ресурсов на их осуществление;

— авторитарное, обязательное для всех распределение дефицитных ценностей и благ;

— предотвращение и регулирование групповых конфликтов;

— конституирование сложных социальных субъектов (коммуникационная функция). Суть этой функции достаточно полно описывает английский политолог Р. Н. Берки: «Политика предполагает: выявление смысла существования общности; определение общих интересов всех субъектов политики, т.е. участников данной общности; выработку приемлемых для всех субъектов правил поведения; распределение функций и ролей между субъектами или выработку правил, по которым субъекты самостоятельно распределяют роли и политические функции; наконец, создание общепонятных для всех субъектов языков (вербального и символического), способных обеспечить эффективное взаимодействие и взаимопонимание между всеми участниками данного сообщества»¹¹.

Кроме этих, присущих в большей или меньшей степени любому обществу задач, политика выполняет и ряд специфических для определенных типов социальных систем функций. Это — поддержание классового или социального господства; защита основополагающих прав человека; привлечение граждан к управлению государственными и общественными делами; обеспечение социальной справедливости и общего блага и др.

Достаточно детально вопрос о функциях политики разработан в системном анализе. Так, один из основоположников теории политических систем Г. Алмонд выделяет две основополагающие группы функций: функции «ввода» — воздействия общества на политику и функции «вывода» — влияния политической системы на общество. К функциям «ввода» относятся: политическая социализация и привлечение граждан к участию в политике; артикуляция интересов;

¹¹ *Berki R. N. The History of Political Thought: A Short Introduction. London, New York, 1977. P. 7.*

агрегирование интересов. К функциям «вывода» — разработка норм (законов); их применение; контроль за их соблюдением¹².

Многообразие функций политики свидетельствует о ее глубоком проникновении в общество, распространении на весьма различные социальные явления. Какова же область распространения политики и существуют ли пределы ее проникновения в общество?

§ 3. Границы политики в обществе

**Область распространения
политики**

Ответ на вопрос о распространенности политики в обществе прямо зависит от ее трактовки, а также от конкретных типов общественных и политических систем. Из широкого понимания политики как любой деятельности и поведения, связанных с властью, авторитетом, организацией и управлением (Г. Лассуэлл, Г. Вассерман и др.), логически следует, что она проникает во все области общественной жизни: экономику, культуру, религию, науку, спорт и т.д. Как пишет известный американский политолог Роберт Даль, к политическим ассоциациям принадлежат не только такие организации, как государство и партии, но также профсоюзы, частные клубы, деловые предприятия, религиозные организации, группы граждан, дикие племена, кланы и даже отдельные семьи¹³.

Еще более широкий взгляд на сферу распространения политики выражает американский политолог Д. Хелд. Трактую политику как «борьбу за организацию человеческих возможностей», он утверждает, что она является «составным элементом всей человеческой жизни, неотъемлемым вектором, измерением производства и воспроизводства общества», а не только деятельностью правительства¹⁴.

Представляется, что приведенные выше трактовки политики отмечают ее важнейшие социальные индикаторы (показатели): власть, авторитет (хотя авторитет нередко рассматривают как одно из свойств, атрибутов власти), организацию, управление. В то же время широкая трактовка политики таит в себе опасность затемнения ее особенностей, растворения среди близких к политике по своей природе явлений — власти, социальной организации, управления, изучение которых — предмет специальных наук, соот-

¹² Более подробно об этих функциях см.: Основы политической науки: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. Ч. 2. М., 1993. С. 85—88.

¹³ См.: Даль Р. А. Современный политический анализ//Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки: Реф. сб. Вып. 4. М., 1991. С. 57.

¹⁴ Цит. по: Политика как научная дисциплина по Д. Хелду//Полис: (Полит. исслед.). 1991. № 5. С. 146—147.

ветственно: социологии власти, социологии организации, теории управления.

Более конкретно критерии и границы политики определяет М. Вебер. Он пишет: «Ассоциация может быть названа политической, если выполнение ее распоряжений постоянно осуществляется на определенной территории под угрозой или с применением принуждения со стороны административного органа»¹⁵.

Таким образом, Вебер ограничивает критерии политического **постоянством** власти, ее распространением на определенную территорию, наличием специальных **органов принуждения**. Нетрудно заметить, что политика связывается Вебером с общегосударственным (макро-) уровнем ее функционирования.

Подвижность границ политики Отмеченные выше индикаторы (критерии) политики отражают ее статику, важнейшие постоянно воспроизводимые черты. В то же время политика достаточна динамична, изменчива, подвижна. Она распространяется на многие экономические, культурные и другие общественные явления, причем порою, казалось бы, даже на сугубо личные, интимные области. Так, например, в начале 90-х гг. в Польше, ФРГ и некоторых других странах острые политические дискуссии и противоборство вызвал вопрос о запрете абортов.

Почти любая общественная проблема может стать политической в том случае, если, по мнению политических лидеров, она затрагивает интересы всего общества и требует обязательных для всех граждан решений. **Политика — это инструмент сознательного саморегулирования общества**. Поэтому она может распространяться на самые различные общественные явления, как на те, которые требуют постоянного властного регулирования (например, охрана безопасности граждан, общественного порядка, развитие международных связей и т.д.), так и на те, которые временно приобретают политическую значимость (например, государственная помощь населению в случае стихийных бедствий).

Охватывая многие экономические, культурные, религиозные и другие явления, политика не подменяет их, а придает им особый аспект — делает их объектом воздействия публичной власти. Одна и та же общественная ассоциация нередко имеет и политический, и экономический, и культурный, и религиозный аспекты. Так, например, промышленная корпорация, занимающаяся экономической деятельностью, создающая материальные ценности, в то же время может оказывать финансовую и иную поддержку

¹⁵ Цит. по: Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 4. М., 1991. С. 56.

определенной политической партии и субсидировать культурный или научный фонд.

Многоаспектность различных общественных объединений объясняется в конечном счете многообразием качеств и социальных ролей человека, который есть одновременно существо и экономическое — производитель и потребитель материальных ценностей, и политическое — гражданин государства, член партии или другой ассоциации, и социальное — представитель социальной группы, и культурное — носитель определенных идей, ценностных ориентаций и традиций, и религиозное — приверженец определенных религиозных верований или атеист.

Широкое проникновение политики в общество не означает, что она не имеет границ, пределов. В мировой социально-политической мысли по этому вопросу существуют различные точки зрения. Наиболее типичные из них — тоталитарные, анархистские, либеральные и кейнсианские воззрения.

Тоталитарная и анархистская трактовки политики

Тоталитарные концепции устраняют всякие ограничения политического воздействия, исходят из всеобъемлющей, тотальной политизации общества, политического командования экономикой, культурой, наукой и т.д. В тоталитарных моделях политика непосредственно управляет всеми другими сферами, фактически упраздняет гражданское общество, автономию частной жизни.

Анархистские концепции являются антиподом тоталитаризма. Они отождествляют политику, всякую организованную власть с насилием, подавлением личности и стремятся заменить ее самоуправлением, добровольным объединением снизу доверху свободных суверенных людей, сохраняющих свободу выхода из ассоциации. Получив значительное распространение в XIX в., анархизм впоследствии утратил существенное влияние на интеллектуальную и политическую жизнь, не сумев доказать практическую реализуемость своих идей.

Либерализм и кейнсианство

Более умеренную по сравнению с тоталитаризмом и анархизмом позицию по отношению к политике и ее влиянию на общество занимают либерализм и кейнсианство. Классический либерализм разделяет общественную систему на государство и гражданское общество — неконтролируемую государством частную хозяйственную, культурную, семейную, религиозную и иную, в том числе политическую, жизнь.

Государство создается свободными гражданами для выполнения вполне определенных, ограниченных целей — охраны общест-

венного порядка, гарантий безопасности, свободы и других фундаментальных прав личности, а также для обеспечения благоприятных условий хозяйствования и общения людей. Оно не вмешивается в дела гражданского общества и выполняет роль «ночного сторожа» — охранника личной и общественной безопасности и порядка. Сфера политики ограничена. Она не распространяется на дела гражданского общества.

Либеральное ограничение функций государства и политики еще более усиливает либертариизм, считающий задачей любого государства только обеспечение свободы и защиту индивида от физического насилия.

Либеральные взгляды, господствовавшие на Западе в XVIII—XIX вв., были подвергнуты существенному пересмотру в 30-е гг. нынешнего столетия (а частично и значительно раньше) Д. М. Кейнсом и получили название «кейнсианство». Суть этой концепции состоит в отказе от классических либеральных взглядов на капитализм как на саморегулирующееся общество и в обосновании необходимости взятия правительством ответственности за благополучие всей социальной системы, всех ее элементов. Это предполагает в свою очередь возможность вмешательства государства в экономику, сферу социального обеспечения, занятости, трудовые и другие общественные отношения. Кейнсианские взгляды на роль государства и политики преобладают в современных постиндустриальных демократиях и служат, в частности, теоретическим обоснованием **социального государства** (см. главу 14).

Выступая за регулятивную роль политики по отношению ко всему обществу, кейнсианство и близкие к нему современные теории признают в отличие от тоталитаризма определенные границы политического вмешательства. Важнейшие из таких границ — разнообразные права человека, а также принципы рыночной экономики, нарушение которых могло бы подорвать систему частного предпринимательства. В современных постиндустриальных государствах по этим вопросам обычно существует общественный консенсус, хотя в своей идеологии консерваторы больше тяготеют к классическому либерализму или даже к либертариизму, социал-демократы же и близкие к ним партии — к широкому использованию государственного регулирования в целях обеспечения социальной стабильности, укрепления социальной справедливости и расширения участия граждан в политике.

В целом же важнейшая роль политики по отношению к обществу не подвергается сомнению. Во всех индустриально развитых демократических странах мира она является объектом широких научных исследований и массового изучения.

ПОЛИТОЛОГИЯ КАК ТЕОРИЯ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Люди осознают политику двумя главными способами: через обыденные взгляды, получаемые в повседневном практическом опыте, и через научное знание, являющееся результатом исследовательской деятельности.

Обыденные, несистематизированные представления о политике существуют на протяжении многих тысячелетий. В той или иной форме они присущи каждому человеку и составляют неотъемлемый элемент массового политического сознания. Отражая преимущественно внешнюю, практическую сторону политических явлений, обыденные знания могут быть как истинными, так и ложными. В целом же они не отражают глубоко и всесторонне действительность и поэтому не могут служить надежным ориентиром человека в мире политики. Все это призвана обеспечивать политическая наука и ее изучение. Что же она собой представляет, когда и как возникла и какие познавательные способы и средства использует?

§ 1. Возникновение и предмет политологии

Зарождение политической науки

На протяжении длительного исторического периода политическая наука была органично вплетена в единую ткань обыденных политических представлений, религиозных и философско-этических взглядов. Исторически первой формой осмысления политики была ее **религиозно-мифологическая** трактовка. Судя по сохранившимся источникам, во II—I тысячелетиях до н.э. у всех древних народов господствовали представления о божественном происхождении власти и общественно-политического строя и сами эти представления передавались обычно в форме мифов.

Примерно с середины I тысячелетия до н.э. наметилась тенденция рационализации политических взглядов, появляются первые политические категории и дефиниции, а затем и целые концепции, носящие философско-этическую форму. Тем самым закладывается основа собственно теоретических исследований политики. Этот процесс связан прежде всего с трудами Конфуция, Платона и Аристотеля.

Аристотель трактует политическую науку как высшую из всех наук, поскольку она учит людей жить по законам справедливости и права и имеет своей целью общее благо. В работе «Политика», полной житейской и политической мудрости, он писал: «Желанно, разумеется, и [благо] одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства».

Для своих политических выводов и в частности классификации государств этот выдающийся мыслитель использовал огромный фактический материал — результаты конкретных исследований 158 годов-государств — полисов. Учитывая огромные заслуги Аристотеля в развитии политической мысли, его нередко называют родоначальником, отцом политической науки. Однако это не совсем так, поскольку становление политологии — длительный процесс, в котором соседствуют истина и заблуждение, глубокие проникновения в сущность политических явлений и поверхностные, исторически ограниченные и прямо ошибочные суждения, например утверждение Аристотеля о неpoliticalности рабов по своей природе.

Политические исследования Аристотеля, как и его предшественников, еще не выделились в самостоятельную дисциплину и были неразрывно переплетены с философскими и этическими идеями. Впоследствии политическая мысль постепенно освобождается от религиозного влияния и философско-этической формы. Так, произведения Цицерона «О республике» и «О законах» уже не содержат каких-либо общеполитических или религиозных рассуждений.

Наиболее четко размежевание политической науки, философии и этики осуществил в XVI в. Н. Макиавелли. Он выделил политические исследования в качестве самостоятельного научного направления, уподобил политические процессы природным явлениям, поставил в центр анализа проблемы государства и власти, разработал целый комплекс методов борьбы за власть. Его творчество не только ознаменовало крупный шаг на пути превращения политологии в самостоятельную науку, но и способствовало сближению теории и практики, подчинению политических исследований решению реальных задач борьбы за власть и ее удержание.

Свое дальнейшее развитие политическая наука получила в трудах Гоббса, Локка, Монтескье, Руссо, Мэдисона, Берка, Милля, Токвиля, Маркса, Энгельса, Ленина и других мыслителей.

Политология как самостоятельная дисциплина

Несмотря на наличие достаточно широких политических исследований, вплоть до второй половины XIX в. политология развивалась без самостоятельной дисциплинарной оформленности, главным образом как учение о государстве и полити-

ко-философская теория. С этим связаны трудности в определении времени завершения процесса ее формирования. Некоторые ученые считают формальным началом политологии как самостоятельной науки образование в первой половине XIX в. правовой школы в Германии¹, другие же — преимущественно американские авторы — датируют ее возникновение второй половиной XIX в. и связывают прежде всего с именем Френсиса Лейбера, который в 1857 г. начал читать в Колумбийском университете курс лекций по политической теории и создал необходимые условия для открытия там же в 1880 г. сменившим его Джоном Берджессом высшей школы политической науки².

В последующие годы в Америке создается целая сеть политологических учебных и научных институтов, что позволило учредить в 1903 г. Американскую ассоциацию политических наук, насчитывающую сегодня свыше 16 тысяч членов.

В конце XIX — начале XX в. сам термин «политическая наука» получает признание и распространение и в Европе. В 1896 г. один из виднейших европейских политологов и социологов итальянец Г. Моска называет свой ставший позднее классическим труд «Элементы политической науки».

В начале XX в. процесс выделения политологии в самостоятельную академическую дисциплину в основном завершается. Развитию политических исследований заметно способствовало создание в 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО Международной ассоциации политической науки, которая продолжает свою плодотворную деятельность и сегодня.

Политическая наука в России

В России политическая мысль имеет длительную историю и содержит много интересных и оригинальных идей. Современный облик политические исследования приобретают здесь в конце XIX — начале XX в. Заметный вклад в мировую политическую науку внесли М. М. Ковалевский, Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, М. Я. Острогорский и ряд других исследователей, а также марксистские теоретики В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и др.

Бурное развитие политической науки было сильно заторможено, а во многих направлениях и прервано после большевистской революции 1917 г. Политология стала трактоваться как лженаука, буржуазная наука и т.п. Робкие попытки создания «марксистско-ле-

¹ См.: Гаджиев К. С. Опыт введения в политологию // Полис. 1992. № 1/2. С. 105.

² См.: Haddow A. Political Science in American Colleges and Universities, 1636—1900. New York, 1939. P. 175.

нинской политической науки» и активизации политических исследований успеха не имели. Отдельные политические проблемы анализировались в организационных рамках исторического материализма, научного коммунизма, истории КПСС, теории государства и права и некоторых других сильно идеологизированных дисциплин. Однако их познавательные, эвристические возможности были ограничены догмами официального марксизма и общим положением обществоведения как служанки власти.

Отношение к политологии начало меняться лишь во второй половине 80-х гг. Сегодня, несмотря на многочисленные трудности, она постепенно занимает подобающее ей место в системе обществознания, оказывает все более заметное влияние на практическую политику, строительство демократической государственности. Что же более конкретно представляет собой политическая наука?

Дискуссии о предмете политологии. Политология — одна из наук о политике

Политология, как следует из буквального перевода самого этого слова, — наука о политике. Такая ее общая трактовка обычно не вызывает особых возражений, хотя вопрос о том, в каком объеме политология изучает политику, является дискуссионным. Исследователи трактуют эту проблему по-разному:

Политология — наука, традиционно занимающаяся исследованием государства, партий и других институтов, осуществляющих власть в обществе или воздействующих на нее, а также ряда других политических явлений. Как это отражено в англо-американском «Словаре политического анализа», к нынешнему этапу развития ее предметное содержание значительно расширилось и обычно включает «управление на национальном и местном уровнях; сравнительный или межстрановой (cross-national) анализ; политику и политическое поведение; публичное право и судебнопроводное поведение; политическую теорию; публично-административную деятельность (public administration) и организационное поведение; международные отношения»³. В этом случае политология — дисциплина, однопорядковая с политической социологией, политической философией, политической психологией и т.п., т.е. одна из наук о политике.

Главным аргументом в пользу такой позиции является ссылка на естественно сложившуюся в ходе истории дифференциацию наук, на междисциплинарное разделение труда. Действительно, в силу различных причин традиционно главным объектом изучения

³ 26 основных понятий политического анализа //Полис. 1993. № 1. С. 81.

политической науки были государство, его устройство и деятельность, а также другие политические организации.

Затем предмет ее расширился за счет политических явлений, не исследуемых другими науками: политических процессов, политического поведения, политических систем и т.д. Однако такое спонтанное расширение предмета политологии нередко противоречит научной логике и не позволяет ответить на вопрос, почему, помимо традиционных для нее политических институтов, она включает в свой предмет одни политические явления, например поведение, и не включает другие, например стереотипы, установки и т.п.

Кроме того, существенным недостатком трактовки политологии как сравнительно частной науки о политике является логически следующее из такого подхода фактическое отрицание общей науки о политике, интегрирующей все политические знания в единую систему. Вероятно, в силу отмеченных слабостей, эта (первая) позиция в последние годы утрачивает свое влияние, особенно в Европе.

Политология — точная наука

Политология — единая наука о политике. Однако она включает не все знания об этой сфере общественной жизни, а лишь те, которые опираются на строго научные, преимущественно эмпирические методы. В содержание политической науки не входят такие общетеоретические дисциплины, опирающиеся на нормативный, ценностный подход, как политическая философия, политическая этика, история политических идей и некоторые другие. Эта точка зрения представлена сторонниками бихевиоризма, о котором более подробно речь пойдет ниже. Бихевиористы отрицают подлинную научность предшествующих политических теорий и уподобляют политологию естественным наукам, основанным на точных эмпирических, математических, кибернетических и тому подобных методах.

В 60-х гг. нынешнего века радикально настроенные политологи-бихевиористы вообще противопоставляли политическую науку политической теории, под которой понималась «отрасль, занимающаяся политической этикой и историей политических идей»⁴. Современные сторонники бихевиоризма обычно не столь категоричны в отрицании политической теории. Однако и они признают в качестве научных лишь эмпирико-аналитические концепции, построенные на базе конкретных, эмпирических фактов и верифицируемых (проверяемых на опыте) гипотез. При этом отрицаются

⁴ *Smithburg D. W. Political Theory and Public Administration // Journal of Politics. 1951. No. 13. P. 61.*

связанные с ценностным подходом нормативные теории, исследующие сущность и смысл существования государства и общества, разрабатывающие политические идеалы и пути их реализации, а также историко-диалектические концепции, занимающиеся критическим анализом общества, раскрытием лежащих в основе политики противоречий и закономерностей.

Логическим следствием бихевиористской позиции является разделение политических знаний на две части: на **нормативные** знания, связанные с ценностями и оценками, требованиями и пожеланиями, и на строго **научные** знания, основанные на фактах. Такой подход подвергается критике за противопоставление двух этих видов знаний и за отлучение нормативных теорий от науки. Как показывает история, хотя нормативные и эмпирические знания имеют большую специфику, их полный разрыв губителен для общественной науки, поскольку обрекает ее на дегуманизацию, отход от жгучих проблем человечества и вырождение в малозначимые абстракции.

Политология — весь комплекс знаний о политике

Политология — общая, интегральная наука о политике во всех ее проявлениях, включающая весь комплекс наук о политике и ее взаимоотношениях с человеком и обществом: политическую философию, политическую социологию, политическую психологию, теорию политических институтов и прежде всего государства и права и т.д. Понимаемая в этом значении, политология аналогична экономической науке, социологии, философии и другим интегральным наукам, объединяющим соответствующие комплексы знаний о тех или иных сферах жизнедеятельности.

Достоинством широкой трактовки политической науки является не только простота понимания, прямое соответствие категории «политология» значению этого термина — общая наука о политике, но прежде всего ориентация на интеграцию самых различных политических знаний и тем самым на получение целостной картины исследуемых объектов. Научная позиция, рассматривающая политологию как общую, единую и вместе с тем внутренне дифференцированную науку о политике, находит все более широкое мировое признание, что, в частности, получило отражение в употреблении термина «политическая наука» в единственном числе в названии всемирной организации политологов — «Международная ассоциация политической науки».

Итак, политология представляет собой **единую, интегральную науку о политике, ее взаимодействии с личностью и обществом.** Дать

более конкретное общее определение этой науки практически невозможно. Это вызвано прежде всего чрезвычайной многозначностью термина «политика», возможностью различных способов ее описания, а также дискуссионностью представлений о предмете политологии. Учитывая все это, некоторые авторы предлагают вообще отказаться от попыток дать этой науке общепризнанное определение⁵.

§ 2. Структура политической науки

Являясь единой по своей сути наукой, политология внутренне дифференцирована и включает целый ряд более частных дисциплин, отражающих отдельные аспекты, стороны политики и ее взаимоотношение с обществом. Как считает немецкий ученый П. Ноак, политическая наука складывается из четырех важнейших дисциплин: политической философии, или политической теории; учения о политических институтах; политической социологии; теории международной политики⁶.

Кроме названных этим автором политических наук, их перечень может быть дополнен историей политических учений, политической антропологией, политической психологией, политической географией, политической экологией, политической астрологией и т.п.

Науки о самой политике

Несколько условно все политические науки можно разделить на две группы: дисциплины, изучающие непосредственно саму политику, и науки, исследующие ее взаимосвязь с остальным миром. К первым относятся политическая философия (в той мере, в которой она изучает природу политики и ее общие законы), учение о политических институтах, теория международной политики, политическая история; ко вторым — политическая социология, политическая психология, политическая география и др. Что же представляют собой важнейшие из этих наук?

Политическая философия — отрасль знаний, изучающая политику как целое, ее природу, значение для человека, взаимоотношения между личностью, обществом и государственной властью и разрабатывающая идеалы и нормативные принципы политического устройства, а также общие критерии оценки политики. Она

⁵ См.: Innenpolitik und politische Theorie. S. 479—481.

⁶ См.: Noack P. Was ist Politik?: Eine Einführung in ihre Wissenschaft. München, 1987. S. 26.

стремится ответить на вопросы, почему и зачем существуют те или иные политические явления и каковыми они должны быть.

Предмет политической философии можно разделить на три группы явлений. Во-первых, это политические ценности, критерии оценки реальной политики с точки зрения морали, интересов крупных общественных групп или всего человечества. В этой области исследований создаются нормативные теории, даются этические оценки политическим институтам и процессам, разрабатываются идеалы и цели, а также важнейшие пути их достижения.

Во-вторых, предметом политической философии являются наиболее глубокие основы политики. В отличие от эмпирических наук, опирающихся на частные наблюдаемые факты и верифицируемые гипотезы, политико-философские знания основываются на теоретических рациональных изысканиях, обобщениях глобального исторического опыта, логических рассуждениях, хотя и не исключают анализ конкретных фактов.

В-третьих, эта наука анализирует способы и средства познания политики, определяет смысл политических категорий, например таких из них, как власть, свобода, равенство, справедливость, государство, права человека, политическое поведение и т.д. Без опоры на такие категории в конечном счете невозможны и эмпирические политические исследования.

Таким образом, политическая философия служит общей методологической базой политических исследований, определяет смысл различных концепций, выявляет универсальные принципы и законы во взаимоотношениях человека, общества и власти, соотношение рационального и иррационального в политике, ее нравственные критерии и мотивационную основу, определяет границы и принципы государственной власти и т.п. Политическая философия была исторически первой формой существования политической науки. Философские знания составляют ядро мировоззрения человека и политической культуры общества.

Учение о политических институтах представлено в первую очередь теориями политической организации общества, государства и права, политических партий и других институтов. В рамках этого учения имеется множество относительно самостоятельных дисциплин. Так, например, учение о государстве и праве, помимо общей теории государства, включает целый комплекс юридических дисциплин. Политические институты, традиционно стоявшие в центре политических исследований, и сегодня занимают в них одно из важнейших мест.

Теория международной политики — область политических исследований, предмет которой — международные организации и объединения (ООН, НАТО, ОБСЕ, Социнтерн, «Международная амнистия» и т.п.), внешнеполитическая деятельность государств, партий и общественных движений, международные отношения. Она изучает также проблемы войны и мира, предотвращения и урегулирования международных конфликтов, формирования нового мирового порядка.

Политическая история изучает политические теории, взгляды, институты и события в их хронологической последовательности и связях друг с другом. Вся человеческая история в определенном смысле — это прошлая политика. Без знания истории невозможно понять и предвидеть будущее. Поэтому любые значительные политические исследования так или иначе предполагают обращение к политической истории.

**Пограничные
политологические
дисциплины**

Эту группу составляют науки, занимающие промежуточное положение между политологией и другими науками. Важнейшей из них является **политическая социология** — наука о взаимодействии между политикой и обществом, между социальным строем и политическими институтами и процессами. Она выясняет влияние остальной, неполитической части общества и всей социальной системы на политику, а также ее обратное воздействие на свою окружающую среду. Эта наука занимает промежуточное положение между политологией и социологией, примыкает как к одной, так и к другой из этих дисциплин. Она выделяется среди других наук о политике прежде всего социологическим подходом к исследованию своего предмета, требующим выяснения зависимости политики от общества, социальной детерминированности политических явлений.

Политическая социология использует как макросоциологический подход, предполагающий выяснение социальных основ власти, влияния конфликтов между социальными группами на политические процессы и т.п., так и микросоциологический метод, суть которого состоит в рассмотрении конкретных политических институтов как социальных организаций, в анализе их формальной и неформальной структур, методов руководства и т.д.

Политическая психология изучает субъективные механизмы политического поведения, влияние на него сознания и подсознания, эмоций и воли человека, его убеждений, ценностных ориентаций и установок. Эта наука рассматривает человеческое поведение

ние как процесс и результат взаимодействия индивида со средой, при котором действия личности определяются как характером внешнего воздействия, так и особенностями их восприятия и осознания субъектом, который и является непосредственным предметом психологического анализа.

Политико-психологические исследования особенно широко применяются при изучении электорального и иного политического поведения, политического лидерства, политической социализации, политического конфликта и сотрудничества. Относительно самостоятельным направлением этой науки является политический психоанализ, представленный в трудах З. Фрейда, Б. Буллитта, Г. Лассуэлла, Э. Фромма и др.

Политическая антропология изучает зависимость политики от родовых качеств человека: биологических, интеллектуальных, социальных, культурных, религиозных и др., а также обратное влияние политического строя на личность. Эта наука уделяет большое внимание исследованию элементов политики в примитивных этнических сообществах с родоплеменным строем.

Политическая география исследует взаимосвязь политических процессов с их пространственным положением (например, в зависимости от близости к океану, к сильным государствам и т.п.), территориальными, экономико-географическими, климатическими и другими природными факторами.

Политическая астрология занимается выяснением влияния космоса, расположения звездных светил, солнечной активности, фаз Луны и т.д. на политические события и политическое поведение. Хотя многие выводы этой дисциплины носят гипотетический или даже весьма сомнительный характер, отдельные ее положения, например влияние солнечной активности на массовое политическое поведение, политическую активность, заслуживают внимательного учета в практической политике, особенно в кризисных ситуациях.

Реальные политические исследования обычно полидисциплинарны и не укладываются в рамки отдельных политических наук. Так, например, если мы хотим получить глубокие разносторонние знания о политической партии, то должны изучить социальный и демографический состав партии и ее электората (предмет политической социологии), ее формальные организационные структуры, устройство и нормы функционирования (теория политических институтов), психологию политических лидеров и членов (политическая психология), историю возникновения и партийные традиции (политическая история) и некоторые другие аспекты.

Отдельные политические науки обычно различаются не только по предмету, характеризующему, что, какой аспект политики изучается, но и по парадигмам и особенно методам исследования.

§ 3. Методы политической науки

Парадигмы политической мысли

Для обобщенной характеристики специфических подходов к анализу и объяснению политики нередко используется понятие парадигмы. Парадигма — это специфическая логическая, мыслительная модель, определяющие способы восприятия и интерпретации действительности.

В истории политической мысли использовались различные общие парадигмы и прежде всего теологическая (религиозная), натуралистическая, социальная, рационально-критическая. **Теологическая парадигма** базируется на сверхъестественном объяснении государственной власти, видит ее истоки в Божественной воле и религиозных кодексах (святых писаниях, заветах пророков и т.п.). **Натуралистическая парадигма** ориентирует на рассмотрение человека как части природы и объяснение политики природной средой: географическими факторами, биологической конструкцией, врожденными психическими свойствами и т.д. **Социальная парадигма** по существу совпадает с социологическим подходом и истолковывает политику через влияние на нее других сфер общества: экономики, социальной структуры, права, культуры и т.д. **Рационально-критическая парадигма** ориентирует на раскрытие внутренней природы политики, ее важнейших элементов и их взаимодействие, на выявление лежащих в основе динамики политической жизни конфликтов и т.п.

Понятие парадигмы отражает связь политической мысли с типами мирозерцания, с общими философскими картинами мира, господствовавшими в те или иные исторические эпохи. Как писал М. Вебер, «не интересы (материальные и идеальные), не идеи непосредственно господствуют над поведением человека, но «картины мира», которые создавались «идеями». Они, как стрелочки, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше [человеческое] действие»⁷.

Воплощаемые в парадигмах различные картины мира на протяжении человеческой истории задавали общие параметры и границы развития политической мысли. Однако в отличие от методов политологии не все парадигмы политической мысли являют-

⁷ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 750.

ся научными, некоторые из них ориентируют на ложный путь объяснения политических явлений.

Общие методы политологии Разнообразные методы, применяемые политической наукой, позволяют глубже и всестороннее познать ее предмет. Они представляют собой приемы, способы изучения политики. Какие же методы использует политология?

В принципе это могут быть любые методы, применяемые наукой. Однако на деле не все приемы и способы исследования имеют для политологии одинаковую значимость. Наиболее важные и часто используемые ею методы можно подразделить на **три группы**. Первая — общие методы исследования политики (нередко их называют **подходами**). Они отличаются непосредственной направленностью на изучаемый объект и либо дают его специфическую интерпретацию (например, системный и деятельностный подходы), либо ориентируют на особый подход к нему (сравнительный и исторический методы). Каковы же важнейшие подходы этой группы и в чем их смысл?

Социологический подход предполагает выяснение зависимости политики от общества, социальной обусловленности политических явлений, в том числе влияния на политическую систему экономических отношений, социальной структуры, идеологии и культуры. В своих крайних, жестко детерминистских формах социологический подход широко представлен в марксистских трактовках политики как надстройки над экономическим базисом, как отношений между классами, нациями и государствами (В. И. Ленин). Этот метод ярко выражен и в теории заинтересованных групп А. Бентли, рассматривающей политику как сферу соперничества разнообразных общественных групп, преследующих собственные интересы.

Социологический метод по праву занимает одно из центральных мест в социологической науке, во многом определяет специфику политической социологии. Одним из его широко распространенных, более частных проявлений выступает **культурологический подход**, ориентирующий на выявление зависимости политических процессов от политической культуры.

Традиционно с глубокой древности политическая мысль базировалась на **нормативном**, или **нормативно-ценностном**, подходе, который не утратил своей значимости и в наши дни. Он предполагает выяснение значения политических явлений для общества и личности, их оценку с точки зрения общего блага, справедливости, свободы, уважения человеческого достоинства и других ценностей. Этот

подход ориентирует на разработку идеала политического устройства и путей его практического воплощения. Он требует исходить из должного и желаемого, из этических ценностей и норм и в соответствии с ними строить политическое поведение и институты.

Нормативный подход подвергается критике за идеализацию политической действительности, оторванность от реальности, умозрительность многих построенных на его основе политических проектов и конструкций. Его определенная слабость проявляется в релятивности, относительности ценностных суждений, их зависимости от мировоззрения, социального положения и индивидуальных особенностей людей. И все же, несмотря на некоторую ограниченность, этот подход необходим для политической науки, поскольку он придает политике этическое, человеческое измерение, вносит в нее нравственное начало.

В отличие от нормативного **функциональный подход** требует изучения зависимостей между политическими явлениями, обнаруживающихся в опыте, например, взаимосвязей уровня экономического развития и политического строя, степени урбанизации населения и его политической активности, избирательной системы и количества партий и т.п. Этот метод предполагает абстрагирование от этической оценки политики и ориентацию лишь на факты и логику. Одним из первых функциональный метод в политологии широко использовал Н. Макиавелли, провозгласивший отказ от религиозных догм и этических ценностей при изучении политики, необходимость анализа реальной жизни во всей ее противоречивости. Специфическим развитием и качественным обогащением функционалистских установок выступает **бихевиористский подход**, который будет специально рассмотрен в следующем параграфе.

К функционалистски, позитивистски ориентированным методам примыкает **структурно-функциональный анализ**. Он предполагает рассмотрение политики как некоторой целостности, системы, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное назначение и выполняет специфические функции (роли), направленные на удовлетворение соответствующих потребностей системы. Деятельность элементов системы как бы запрограммирована ее структурной организацией, непосредственно занимаемыми ими (людьми, институтами) позициями и выполняемыми ролями (президентов, министров, граждан и т.п.). Структурно-функциональный метод широко использовали К. Маркс, Т. Парсонс и многие другие известные социологи и политологи. Он выступает в качестве одного из принципов системного анализа.

Системный подход к политике впервые был детально разработан в 50–60-х гг. нынешнего века известными американскими уче-

ными Т. Парсонсом и особенно Д. Истоном. Суть этого метода состоит в рассмотрении политики как целостного, сложно организованного организма, как саморегулирующегося механизма, находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через вход (воспринимающий требования граждан, их поддержку или неодобрение) и выход (принятые политические решения и действия) системы. Политической системе принадлежит верховная власть в обществе. Она стремится к самосохранению и выполняет, по Д. Истону, две важнейшие функции: 1) распределение ценностей и ресурсов; 2) обеспечение принятия гражданами распределительных решений в качестве обязательных. (Более подробно применение системного метода в политологии освещается в главе 10.) За сравнительно ограниченный срок системный подход к политике показал свою конструктивность и представлен в разнообразных теориях политических систем.

Вплоть до начала XX в. в политической науке наряду с нормативным методом господствовал **институциональный подход**, и сегодня занимающий в ней приоритетные позиции. Он ориентирует на изучение институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность: государства, партий, других организаций и объединений, права, правительственных программ и других регуляторов политической деятельности.

Не менее древнюю, чем институциональный метод, историю имеет **антропологический подход**, проявившийся еще у Аристотеля в его видении истоков политики в коллективной сущности человека. Этот подход требует изучения обусловленности политики не социальными факторами, а природой рода человеческого, присущими каждому индивиду потребностями (в пище, одежде, жилище, безопасности, свободном существовании, общении, духовном развитии и др.). Сегодня он исходит прежде всего из таких принципов, как: 1) постоянство, инвариантность фундаментальных родовых качеств человека как существа биологического, социального и разумного (духовного), изначально обладающего свободой; 2) универсальность человека, единства человеческого рода и, независимо от этнических, расовых, социальных, географических и иных различий, равноправия всех людей; 3) неотъемлемость естественных, основополагающих прав человека, их приоритета по отношению к принципам устройства, законам и деятельности государства.

Применительно к исследованию реальных политических действий антропологический подход требует не ограничиваться изучением влияния социальной среды или разумной, рациональной мотивации, но выявлять и иррациональные, инстинктивные, био-

логические и другие мотивы политического поведения, обусловленные человеческой природой и наиболее ярко проявившиеся еще в первобытных обществах.

Определенное сходство с антропологическим методом в требованиях исходить в политических исследованиях из человека имеет **психологический подход**. Однако в отличие от антропологизма он имеет в виду не человека вообще как представителя рода, а конкретного индивидуума, что предполагает, конечно, и учет его родовых качеств, социального окружения и особенностей индивидуального развития.

Психологический метод ориентирован на изучение субъективных механизмов политического поведения, индивидуальных качеств, черт характера, а также типичных механизмов психологических мотиваций. Этот подход зародился в глубокой древности. Так, еще Конфуций рекомендовал правителям Китая учитывать в своем поведении психологическую реакцию подданных для обеспечения их доверия и послушания. Заметный вклад в разработку психологии властвования внес Н. Макиавелли, особенно в работе «Государь».

Современный психологический подход многовариантен. Одно из центральных мест в нем занимает **психоанализ**, основы которого разработал З. Фрейд. Психоанализ ставит в центр психологических исследований бессознательные психические процессы и мотивации. Он исходит из того, что острые аффективные переживания человека не исчезают из психики, а вытесняются в сферу бессознательного и продолжают оказывать активное воздействие на политическое поведение. На основе психоанализа возможно объяснение различных типов политического поведения, в частности авторитарного типа личности, стремящегося с помощью приобретения власти к преодолению чувства собственной неполноценности, различного рода комплексов, внутреннего напряжения.

Психологический подход не претендует на исключительность и позволяет выявить один из важнейших аспектов политической жизни. Его специфическим развитием выступает **социально-психологический метод**, ориентирующий на изучение зависимости политического поведения индивидов от их включенности в социальные группы и различных параметров последних, а также на исследование психологических характеристик групп (малых групп, толпы, этносов, классов) и т.д.

Динамическую картину политики дает **деятельностный подход**. Он предполагает рассмотрение ее как специфического вида живой и овеществленной деятельности, как циклического процесса, имеющего последовательные стадии, этапы: определение целей деятельности, принятие решений; организация масс и моби-

лизация ресурсов на их осуществление; регулирование деятельности; учет и контроль за реализацией целей; анализ полученных результатов и постановка новых целей и задач.

Деятельностный подход служит методологической базой теории политических решений. Рассмотренная под этим углом зрения политика выступает как процесс подготовки, принятия и реализации обязательных для всего общества решений. С использованием деятельностного подхода связана и трактовка политики как специфической формы управления обществом.

Своеобразным развитием и конкретизацией деятельностного метода является **критически-диалектический метод**. Он ориентирует на критический анализ политики, выявление ее внутренних противоречий, конфликтов как источника ее самодвижения, движущей силы политических изменений. Критически-диалектический метод широко используется в марксистском анализе политики, в неомарксизме (И. Хабермас, Т. Адорно и др.), в лево-либеральной и социал-демократической мысли, а также в целом ряде других идейно-политических течений.

Плодотворность этого метода признается по существу всеми сторонниками плюралистической организации общества, ибо плюрализм основывается на принципе противоречий, конкурентного соперничества многообразных идей, ценностных ориентаций, политических, экономических и культурных институтов, индивидов и групп. Критически-диалектический метод является ведущим в такой важной социологической и политологической дисциплине, как конфликтология.

Широкое распространение в современной политологии получил **сравнительный (компаративистский) подход**. Он использовался уже в античном мире Платоном, Аристотелем и другими мыслителями. Этот метод предполагает сопоставление однотипных политических явлений, к примеру, политических систем, партий, различных способов реализации одних и тех же политических функций и т.д. с целью выявления их общих черт и специфики, нахождения наиболее эффективных форм политической организации или оптимальных путей решения задач.

Применение сравнительного метода расширяет кругозор исследователя, способствует плодотворному использованию опыта других стран и народов, позволяет учиться на чужих ошибках и избавляет от необходимости «изобретать велосипеды» в государственном строительстве. Творческое, с учетом специфики страны использование этого метода особенно актуально для современной российской политологии в условиях реформирования общества и государства. На компаративистском методе базируется специальная отрасль политических знаний и исследований — сравнительная политология.

К числу традиционных и фундаментальных методов политической науки принадлежит **субстанциальный** (от слова «субстанция» — первооснова, материя), или **онтологический, подход**. Он требует выявления и исследования первоосновы, составляющей специфическую качественную определенность политики. Такой первоосновой обычно считают власть, отношения господства и подчинения в их многообразных проявлениях или деление общества на «друзей» и «врагов» (К. Шмитт). Среди огромного количества определений политики явно доминируют ее характеристики через власть и господство.

С давних пор в политологии и других науках используется **исторический подход**. Он требует хронологической фиксации политических событий и фактов, их исследования во временном развитии, выявления связи настоящего, прошлого и будущего. Этот метод преобладает в исторических науках. Он хорошо известен и едва ли нуждается в специальных комментариях.

**Общелогические
и эмпирические методы**

Использование всех названных и некоторых других методов первой группы позволяет дать разнообразные всесторонние характеристики политической реальности. Однако арсенал познавательных средств политологии не исчерпывается общими методами исследования политики. Он включает и **вторую группу** методов, которые относятся не к исследованию политических объектов, а непосредственно к организации и процедуре познавательного процесса. Их иногда называют **общелогическими методами**.

Учитывая, что эти познавательные средства не дают специфической картины политики и принадлежат не только политологии, но и науке в целом, можно ограничиться их кратким перечислением. В данную группу методов входят индукция и дедукция, анализ и синтез, сочетание исторического и логического анализа, моделирование, мысленный эксперимент, математические, кибернетические, прогностические и другие подобные методы.

Третью группу познавательных средств политологии составляют методы эмпирических исследований, получения первичной информации о политических фактах. Они, как и уже рассмотренная группа, прямо не отражают специфику политологии и в основном заимствованы ею из конкретной социологии, кибернетики и некоторых других наук. К этим методам относятся: использование статистики, в первую очередь электоральной; анализ документов; анкетный опрос; лабораторные эксперименты; деловые игры, особенно плодотворные при принятии политических решений; наблюдение, осуществляемое исследователем, являющимся непосредственным участником реальных политических событий,

или наблюдение за поведением людей, находящихся в условиях экспериментальной ситуации, и др. Наиболее широкое применение эмпирические методы находят в прикладной политологии.

§ 4. Прикладная политология

**Роль бихевиоризма
в развитии эмпирического
анализа**

В XX в. из всех методов наибольшее влияние на развитие политологии, придание ей современного научного облика оказал бихевиоризм. Не случайно с его использованием связывают революцию в политологии и общественных науках в целом, которая произошла в 50-х гг. нашего столетия, хотя по существу началась гораздо раньше и происходила под влиянием позитивизма и неопозитивизма. Их специфическим выражением и развитием и явился бихевиоризм. Он представляет собой не просто метод, но целое методологическое направление в общественных науках и академическое движение.

Бихевиоризм возник в американской психологии в конце XIX в. и быстро распространился на многие общественные науки, где получил специфическое выражение. Он исходит из идеи единства науки, которое обусловлено прежде всего наличием у человека лишь одного способа познания мира — его постижения через непосредственно наблюдаемый опыт, систематизируемый по законам логики. Познание действительности требует не абстрактного мыслительного понимания, а обнаружения и анализа реальных фактов. Отражающие эти факты научные утверждения и выводы должны быть интерсубъективны, т. е. доступны для проверки другим исследователям, которые, используя определенные процедуры, могут получить те же результаты. Научные теории выводятся из гипотез, обобщающих эмпирические факты.

Важнейшие из принципов научности теории — верификация (проверка опытом) и эксплицитность. Последняя означает ясность используемых категорий и концепций, их операционализируемость, т. е. сводимость к верифицируемым высказываниям, опирающимся на эмпирические факты.

Кредо бихевиоризма — политология должна изучать непосредственно наблюдаемое (вербальное, словесное и практическое, осознанное и мотивируемое подсознанием) политическое поведение людей при помощи строго научных, эмпирических методов. Конституирующими началами этого подхода в политологии выступают следующие парадигмы:

— личностное измерение политики. Коллективные, групповые действия людей так или иначе восходят к поведению конкретных

личностей, являющихся главным объектом политического исследования. Ученый-политолог обязан ориентироваться на точный анализ явно наблюдаемых феноменов индивидуального и группового поведения;

— доминирование психологических мотивов в политическом поведении. Эти мотивы, конечно, могут быть социально обусловлены, хотя далеко не всегда внешне детерминированы и могут иметь специфическую индивидуальную природу;

— разграничение фактов и ценностей, освобождение науки от ценностных суждений. Ценности и оценки могут быть объектом, но не результатом исследования. Они являются предпосылкой научного анализа, поскольку определяют выбор его объекта и цели исследования. Однако в процессе познания ученый должен быть свободен от личной пристрастности и общественных запросов и руководствоваться лишь фактами и логикой. Его задача — выявление закономерностей и объяснение событий, но он не должен давать им оценку и практические рекомендации о том, что следует делать (это положение является объектом острой критики);

— использование в политологии методов и достижений других наук, в том числе естественных. Такое использование правомерно, поскольку модели (образцы) поведения людей часто сходны в различных ситуациях и областях деятельности, например поведение служащего промышленной корпорации и государственного чиновника;

— квантификация, количественное выражение и измерение политических явлений. Это открывает перед политологией широкие возможности в использовании математических и других точных методов, статистических данных, результатов анкетных и других опросов, компьютерной техники.

После второй мировой войны бихевиористский подход стал знаменем направления в политологии, выступающего за превращение ее в строго научную дисциплину. Он стимулировал широкое применение методов конкретной социологии: наблюдения, изучения статистических материалов и документов, анкетного исследования, опроса, лабораторных экспериментов и др. Все это создало необходимые предпосылки для развития нового уровня политологических исследований — прикладной политологии.

**Отличительные черты
и социальное назначение
прикладной политологии**

В современной политической науке существуют два основных уровня исследований: теоретический и прикладной. В таком ее строении отражается ориентация этой отрасли знаний на решение практических политических задач. Политические концепции, как правило, имеют ту или иную практическую направленность. Даже поли-

тические воззрения древних были прямо связаны со стремлением усовершенствовать государственное правление, воспитать законопослушных граждан, повысить авторитет власть предержащих.

Со временем в политических исследованиях наряду с абстрактными, теоретическими представлениями, достаточно дистанцированными от конкретной действительности, выкристаллизовались знания, которые были непосредственно сфокусированы на изучении и решении практических коллизий политической жизни. Они и составили область прикладной политологии.

Этот уровень (направление) политической науки отличает особый характер рассмотрения изучаемых проблем. Если, к примеру, политическая теория относится к политике как к специфической сфере общественной жизни, с присущими ей противоречиями, закономерностями и т.д., то для прикладной политологии она представляет собой реальное пересечение волевых устремлений государственных институтов, партий, движений, групп интересов и иных субъектов.

Иными словами, главный предмет прикладной политологии — конкретная ситуация во всем богатстве ее связей и отношений. В силу этого область ее интересов значительно уже, чем у теоретической политологии, и по преимуществу связана с различными аспектами деятельности определенных государств, партий, заинтересованных групп и граждан, причем рассматриваемых в конкретном временном контексте. Поэтому в прикладной политологии используются далеко не все теоретические выводы и положения политической науки. Так, например, философские вопросы о сущности власти, демократии, критериях политического развития и т.п., как правило, находятся за рамками ее предмета.

В то же время прикладные исследования активно используют те выводы и положения, которые снижают уровень неопределенности теоретических данных и раскрывают отличительные особенности отдельных политических систем, свойств правящей и оппозиционной элит, характеризуют фазы и этапы решений и т.д. и тем самым помогают лучше разобраться в текущей политической ситуации. Поскольку же в политических событиях и ситуациях проявляется действие множества самых разнообразных факторов, то в сфере прикладных исследований значительно ярче проявляется **междисциплинарный** характер политологического знания, отражающий воздействие на реальные события психологических, экономических, культурных, религиозных, географических и других детерминант.

Существенным отличием прикладных политологических исследований является и то, что их конечным продуктом являются не

абстрактные общие положения, в равной степени применимые для характеристики многих однотипных политических явлений, а практические советы и рекомендации конкретным участникам политического процесса, доказательства преимуществ определенных способов и приемов действий, важные параметры и описания состояния и характера политических событий, краткосрочные прогнозы развития ситуации в определенных областях жизни.

Рекомендательные по своему характеру выводы и обобщения обычно адресуются лицам, обладающим властными полномочиями в сфере управления и непосредственно определяющим реальную политику.

Выводы прикладной политологии могут быть также направлены на подкрепление (или разрушение) типичных установок общественного мнения в целях сохранения (или нарушения) политической стабильности или на придание тем или иным политическим процессам заданной направленности. Так, в ряде западных стран нередко используются публикации результатов социологических опросов непосредственно перед выборами для того, чтобы склонить симпатии колеблющихся граждан в пользу определенной партии или кандидата. Рекомендации прикладной политологии формулируются, как правило, в соответствии с законом, но иногда они и нарушают его.

Субъектами, разработчиками прикладной политологии являются не столько теоретики, сколько аналитики, эксперты, советники политических деятелей, работники партийных аппаратов, пиермены (специалисты по политической рекламе, налаживанию отношений с общественностью) и другие лица, которые чаще всего непосредственно связаны с выработкой политической линии лидеров или целых органов управления, с принятием властных решений.

Во многих странах существуют специальные аналитические центры, экспертные советы и прочие структуры, где вырабатываются рекомендации по принятию тех или иных политических решений, подготавливаются соответствующие материалы, справки, документы для звеньев государственного управления, партий, групп давления и т.д. В современном мире существуют и организации, решающие подобные задачи на уровне международных отношений.

Проверенные практикой выводы прикладной политологии зачастую служат основанием для соответствующих теоретических обобщений, для формулировки положений теоретической политологии. Так, например, моделирование последствий ядерных конфликтов в современных условиях сыграло существенную роль в обосновании тезиса о невозможности использования военной силы

для достижения ряда политических целей, в частности целей геополитических.

Таким образом, прикладная политология является составной частью и одновременно специфическим уровнем политической науки, непосредственно сфокусированным на решении практических задач. Ее основное назначение состоит в формулировании конкретных рекомендаций и краткосрочных прогнозов определенным политическим субъектам в целях повышения эффективности их деятельности.

Методы прикладной политологии

Необходимая база данных для изучения политических проблем и выработки соответствующих рекомендаций формируется на основании применения определенных методов политологических исследований. Как составная часть политической науки прикладная политология опирается на те же общенаучные подходы и принципы анализа, что и теоретические исследования. Однако доминирующую роль здесь играют средства микрополитического анализа, где господствуют индуктивные методы, основывающиеся на изучении частных, единичных явлений.

К таким методам относится прежде всего **наблюдение** событий. Оно может проводиться в форме «открытой» констатации фактов (отслеживание конкретных событий и долговременных последствий тех или иных решений) и в форме «включенного наблюдения» (когда исследователь в течение определенного времени либо находится внутри изучаемой группы — например, руководства партии, либо «погружается» в какую-нибудь конкретную ситуацию — скажем, в атмосферу проведения переговоров). При любом из этих вариантов получаемая информация должна быть достоверной, не зависимой от пристрастий наблюдателя, что на практике достижимо далеко не всегда, поскольку не только в политике, но и в науке о ней действуют живые люди со своими интересами, симпатиями и антипатиями.

Важный метод прикладной политологии — **контент-анализ**. Он предполагает целенаправленное изучение определенных документов (конституций, правовых актов, кодексов, программ, инструкций) или же других непосредственных носителей информации: книг, картин, кинофильмов, лозунгов и т.п. Этот метод опирается на широкое применение компьютерных технологий, что позволяет в результате индексирования ключевых слов подсчитать частоту их использования и выбрать информацию из весьма значительных по объему текстов.

Широко используется в прикладной политологии метод **опроса** прямых или косвенных участников политических событий, а

также экспертов, способных дать профессиональный анализ ситуации. Выявление, обобщение и систематизация информации могут осуществляться через интервьюирование отдельных граждан или путем проведения массовых анкетных или других опросов. Возможность широкого использования при этом математических методов повышает достоверность данных, а значит, и научную обоснованность политических прогнозов и рекомендаций.

Игровые методы предполагают предварительное конструирование ситуации, имитацию того или иного варианта развития процесса, конфликта и т.д. Это позволяет разработать различные модели действий управленческих структур, распределить роли участников событий, уточнить характер их поведения и взаимоотношения между ними. Такого рода приемы дают возможность предсказать варианты изменения ситуации, подготовить управленческий персонал к принятию решений в неординарных ситуациях, находить качественно важные звенья и противоречия в соответствующих процессах.

В прикладной политологии широко применяются и более частные методы исследований, например **фактор-анализ**, сводящий множество эмпирических данных к основным, определяющим; использование **когнитивных карт** — матриц, в которых фиксируются типичные реакции лидеров (или других лиц) на кризисные ситуации, образцы их действий в стабильных условиях, биографические данные и прочая информация, помогающая прогнозировать их будущее поведение; **конфигуративные** исследования, использующие сравнительный анализ для выявления специфических признаков политических объектов; **биографический** анализ и др.

Результаты сравнительных исследований в области прикладной политологии способствуют выработке определенных теоретических единиц анализа политической реальности, т.е. моделей изучения той или иной ситуации, конфликта или другого процесса. Такие модели, предусматривающие, например, действия правительства в условиях международного кризиса или комплекс мероприятий по организации предвыборной кампании, позволяют добиваться всесторонней характеристики политических процессов, учитывать неизбежные фазы и этапы их развития, своевременно замечать наиболее опасные зоны и кризисные моменты.

**Основные сферы
применения прикладной
политологии**

Прикладные политологические исследования, как правило, связаны с такими сторонами действительности, которые обладают устойчивой практической значимостью для государственной политики. Возможности этой дисциплины используются для разработки программ деятельности правительства в

области здравоохранения, социальной, национальной и оборонной политики и т.п. Прикладные исследования уточняют текущие и перспективные цели, распределение полномочий между различными государственными органами, прогнозируют качественные изменения политической ситуации.

Важная сфера их использования — определение путей предотвращения или разрешения социальных конфликтов и достижения необходимого обществу консенсуса. Такие исследования разрабатывают технологии разрешения кризисов, позволяющие находить согласие между их участниками и обеспечивать управляемость конфликтными ситуациями.

Близки к кругу вопросов, связанных с управлением конфликтами, проблемы ведения переговоров. Переговорный процесс как сфера применения прикладных политологических исследований требует выработки «технологии торга», которая, со своей стороны предполагает определение приемов и способов взаимодействия сторон. В рамках вырабатываемых здесь моделей формулируются рекомендации действующим лицам относительно стиля их поведения в отношениях с аутсайдером или, напротив, с заведомо более сильным оппонентом, определяются приемы, позволяющие добиваться большего взаимопонимания с оппонентом и снижать жесткость, ригидность его позиции, устанавливаются правила информирования участников переговоров и т.д.

Одной из самых разработанных и распространенных сфер применения прикладной политологии является проведение избирательных кампаний. Эта дисциплина формулирует рекомендации по характеру финансирования избирательных кампаний, выбору важнейших тем для ведения предвыборной борьбы, помогает определить время, оптимальное для начала развертывания агитационно-пропагандистской кампании, и т.д.

Еще одна специфическая сфера применения прикладных исследований — выработка и принятие политических решений. Здесь прикладная политология разрабатывает критерии выделения политически значимых общественных проблем, обеспечивает необходимую информацию, формулирует варианты принятия альтернативных решений, меры по нейтрализации действий оппонентов и т.д.

Функционально прикладная и теоретическая политология взаимно дополняют и обогащают друг друга, составляя единое целое. Развитость обеих этих отраслей политической науки — важная предпосылка цивилизованности и эффективности политики, ее гуманистической ориентации.

Раздел II

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Глава 3

ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ. НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ В ПОЛИТИКЕ

§ 1. Соотношение политики и морали

**Мораль как воплощение
гуманизма**

Политика может по-разному воздействовать на общество: как служить орудием массового насилия в интересах господствующего меньшинства, так выступать инструментом защиты свободы и прав граждан, поддержания в обществе порядка, законности и социальной справедливости. Гуманистическая роль политики в обществе обеспечивается через ее ориентацию на нормы морали.

Мораль (или нравственность, в дальнейшем между этими понятиями не будет проводиться различие, хотя нередко мораль трактуется как определенные общественные нормы и ценности, в то время как нравственность характеризует их субъективное усвоение) — особая сфера общественной жизни, основанная на оценке любых поступков и действий с точки зрения добра (блага) и зла, справедливости и несправедливости и т.п. Идеи гуманизма, т.е. отношения к каждому человеку как к высшей ценности, составляют ядро, общечеловеческое содержание морали.

Соблюдение норм и требований морали не утилитарно для отдельных индивидов, не сулит им какой-нибудь непосредственной личной выгоды или пользы. Нравственное поведение отличает бескорыстность, высокогуманная мотивация. В то же время мораль утилитарна для всего человечества. Она — условие сохранения человеческого рода, отражает многовековой опыт человеческого общения

и фиксирует те требования, выполнение которых необходимо обществу и всему человечеству. В моральном сознании эти требования становятся убеждениями, внутренними критериями оценки личностью собственных и чужих поступков. Как показывает опыт истории, аморализм приводит в конечном счете как к разрушению личности, так и к деградации всего общества.

**Функциональная общность
политики и морали**

Мораль и политика как специализирующиеся на регуляции поведения людей секторы общества имеют как общие черты, так и отличия. Обе этих сферы вырастают из единого источника — противоречия между индивидуальностью и уникальностью человека, с одной стороны, и его коллективной природой, «обреченностью» жить в обществе, невозможностью быть счастливым и даже просто быть человеком без других людей — с другой.

Мораль представляет собой внутриличностный способ удержания человека от опасных для общества искушений, разрешения противоречий между индивидом и всей общностью. Первоначально, на заре цивилизации небольшие человеческие коллективы — род, племя, могли обойтись без политики, регулируя взаимодействие людей и обеспечивая общественный порядок с помощью обычаев, традиций, различного рода табу и вырастающей на основе всего этого морали, а также таких естественно-исторических институтов социального контроля, как семья, община, церковь. Преобладание неполитического регулирования в обществе предполагало социальное равенство, а следовательно, низкий уровень конфликтности, сравнительную немногочисленность общностей людей и весьма простые формы их взаимодействия.

Когда же с усложнением общества и ослаблением традиционных форм социального контроля ритуально-нравственные формы регулирования поведения людей оказались недостаточными, появилось государство и особый вид деятельности по регулированию поведения людей с помощью специального аппарата принуждения, т.е. политика.

Таким образом, главные общественные функции морали и политики совпадают. Политика, как и мораль, имеет основание претендовать на защиту общего блага и социальной справедливости, хотя очень часто она далека от выполнения этих гуманных задач. Политика возникает вследствие регулятивной недостаточности морали как ее специфическое дополнение. Не случайно, отражая этот факт, мыслители древности рассматривали политику как одну из ветвей этики. Разделение политики и морали и

учений о них впервые произвел лишь в конце XV — начале XVI в. Н. Макиавелли.

Политика выступает как бы формой объективации, внешнего выражения и материализации механизмов нравственного самоконтроля. Так, например, характерную для морали функцию угрызений совести здесь выполняет суд, формализовавший критерии своих оценок в виде права и предусматривающий определенные санкции за нарушение установленных норм.

Различия между политикой и моралью

Несмотря на отмеченные и некоторые другие элементы общности, политика имеет принципиальные отличия от морали. Одной из важнейших из них является конфликтность политики. Как уже отмечалось, политика представляет собой деятельность по разрешению социальных конфликтов, затрагивающих все общество и требующих применения власти. Мораль же характеризует ординарные, повседневные отношения между людьми, частным случаем которых являются конфликты, обычно не достигающие политической остроты.

Непосредственным источников политики являются экономические и другие насущные интересы людей, причем в первую очередь **интересы** крупных социальных групп: наций, классов, слоев и т.п. Непосредственным же источником морали выступают общечеловеческие, а также другие коллективные ценности, следование которым не сулит индивидуальной личной выгоды. Поэтому соперничество моральных и политических мотивов поведения — это борьба прежде всего материальных личных интересов и духовных ценностей.

Многие императивы морали носят характер **идеалов**, с которыми следует соотносить свои действия, но которые в реальной жизни едва ли кому-нибудь удастся достичь. Так, например, едва ли можно найти человека, который за всю свою жизнь ни разу не слухавил, говорил лишь одну правду или же в соответствии с христианскими нравственными заповедями возлюбил каждого своего ближнего как самого себя.

Отступления от морали — общераспространенное явление. «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!» — обратился Христос к толпе, пытавшейся строго судить блудницу, и никто из людей не поднял руку, посчитав себя безгрешным.

В отличие от **абстрактно-нормативного** характера нравственных императивов, требования политики **конкретны** и обычно облечены в форму законов, нарушение которых влечет за собой реальные наказания.

Политика направлена вовне и **целесообразна**, то есть ориентирована на достижение определенных целей, **результатов**. Мораль же оценивает **субъективное, внутреннее переживание** поступков. Для нее важны не столько достигнутые результаты, сколько сам поступок, его мотивы, средства и цели, независимо от того, достигнуты они или нет.

Мораль всегда **индивидуальна**, ее субъект и ответчик — отдельный человек, делающий свой нравственный выбор. Политика же носит групповой, **коллективный** характер. В ней индивид выступает как часть или представитель класса, нации, партии и т.п. Его личная ответственность как бы растворяется в коллективных решениях и действиях.

Политика **ситуативна**. Ориентируясь на успех, она призвана учитывать реальную ситуацию, все факторы, способные повлиять на достижение целей. Моральные же требования в своей основе **универсальны** и, как правило, независимы от конкретной обстановки.

Важнейшей отличительной особенностью политики является также **опора на силу**, использование принудительных санкций за невыполнение требований. Политика, писал М. Вебер, «оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит **насилие**»¹.

Мораль же в принципе осуждает насилие и опирается главным образом лишь на «санкции» совести. Собственная совесть, особенно если она не развита, может простить человеку даже преступления. Политика же карает не только противников и нарушителей, но нередко и невинных, вызывая у людей страх.

Отмеченные выше особенности политики по отношению к морали свидетельствуют об автономности этих сфер жизнедеятельности и дают основания для различных толкований их взаимосвязи.

Основные точки зрения на взаимоотношение морали и политики. Морализаторский и автономистский подходы

В мировой социальной мысли можно выделить четыре главных подхода к взаимоотношению политики и морали: **морализаторский, автономистский, негативистский и компромиссный**. Ис-

торически первым из них является **морализаторский подход**. Выражаемый в крайней форме — в форме морального абсолютизма — этот подход означает, что политика должна иметь не только высоконравственные цели (общее благо, справедливость и т.п.),

¹ Вебер М. Избранные произведения. С. 694.

но и при любых обстоятельствах не нарушать нравственные принципы (правдивость, благожелательность к людям, честность и т.п.), используя при этом лишь нравственно допустимые средства.

Морализаторский подход к политике, господствовавший в общественной мысли вплоть до Нового времени, не утратил своего значения и в XX в. Освобожденный от крайностей, он представлен, в частности, в идеологии христианско-демократического движения — одного из наиболее влиятельных политических движений современного мира. Такой подход, понимаемый как нравственный ориентир субъектов политики, их стремление сделать ее нравственной, учитывая при этом социальные реальности, способствует гуманизации политики. В то же время жизнь показала, что попытки полностью подчинить политику нравственности в духе морального абсолютизма обрекают ее на неэффективность и тем самым компрометируют и мораль, и политику.

Гипертрофированным отражением различий политики и морали является второй, **автономистский**, подход к их взаимоотношению, отделяющий эти две области общественной жизни друг от друга. Согласно этому подходу, **политика и мораль автономны и не должны вмешиваться в компетенции друг друга. Мораль — это дело гражданского общества, личной ответственности, политика же — область противоборства групповых интересов, свободная от нравственности.**

Родоначальником таких взглядов многие считают Н. Макиавелли. Действительно, в своей знаменитой работе «Государь» (1532 г.) он отмечал, что политика должна учитывать конкретное состояние общественных нравов, в том числе нравственную испорченность людей. Человек, желающий всегда делать добро, при безнравственном окружении ничего не добьется, не будучи реалистом, и погибнет. Поэтому, если в народе не развиты гражданские добродетели и в обществе нарастает анархия, то ради спасения государства и порядка государь вправе использовать любые, в том числе и безнравственные средства. В частной же жизни он обязан руководствоваться общепринятыми нормами морали. Макиавелли, таким образом, сохраняет мораль как регулятор частной жизни политиков, а также как благородную цель, оправдывающую безнравственные способы ее достижения.

Попытки освободить политику от нравственных оценок, поставить ее по ту сторону Добра и Зла широко распространены в наши дни. Как правило, они делаются для того, чтобы оправдать антигуманные действия или по крайней мере вывести политику из-под критики. В действительности же они ведут к вмешательству политики в область морали и к ее разрушению.

Политика — это всегда зло!

Игнорирование политикой нравственных ценностей делает ее аморальной.

В реальной жизни безнравственность политики — широко распространенное явление. Это служит основанием для третьей, **негативистской**, точки зрения на нравственность политики — их трактовки как непримиримых противоположностей — добра (морали) и зла (политики).

Наиболее негативно оценивает политику анархизм. Политика и ее главный носитель — государство, писал отец русского анархизма М. Бакунин, — именно и значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного и откровенного². Зло, продолжал он, коренится в самой природе политики — во власти. «Кто облечен властью, тот по неизменному социологическому закону непременно сделается притеснителем и угнетателем общества». Причем власть развращает не только ее обладателей, но и тех, кто вынужден ей покоряться³.

Близкой к анархизму общей оценки политики придерживается марксизм. Он трактует политику как неизбежное в условиях существования эксплуатации, классов и социального неравенства зло, область насилия. Однако это зло все же необходимо использовать пролетариату в борьбе за построение неполитического коммунистического общества, основанного на социальном равенстве, общественном самоуправлении и свободе личности.

Негативные оценки политики широко распространены также среди либеральных мыслителей и населения в целом. Почему же у многих людей создается впечатление о политике как о «грязном», аморальном занятии?

Можно выделить целый ряд **причин**, объясняющих кажущуюся, а очень часто и реальную аморальность политики. К ним относятся:

1. Уже упомянутые свойства власти распоряжаться материальными и духовными благами, судьбами людей. Это дает ее обладателям высокий престиж, влечет к государственной «кормушке» многих людей, жаждущих личной славы и обогащения. Власть обычно вызывает у ее обладателя соблазн использования в корыстных целях, а у зависящих от нее — почтение к сильным мира сего, стремление угодить начальству, польстить ему и т.п. Развращающее воздействие власти на управляющих и управляемых нарастает по мере ее концентрации и бесконтрольности. Как говорил изве-

² Бакунин М. А. Государственность и анархия // Полн. собр. соч. Т. 2 СПб., 1907. С. 27.

³ Там же. С. 164–166.

стный английский историк лорд Д. Актон, «всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

Учитывая эти особенности власти, для обеспечения гуманной направленности политики, предотвращения различного рода злоупотреблений общество нуждается в создании эффективной системы отбора не только компетентной, но и нравственной политической элиты, в обеспечении действенного контроля за власть имущими.

2. Органическая связь политики с насущными интересами людей, выступающих ведущим мотиватором их поведения. В политике реальные, прагматические интересы традиционно стояли на первом плане, оправдывая хитрость, ложь, убийства и другие безнравственные поступки. Как сострил по этому поводу один из послов английского короля Якова Первого, политик — «это вежливый человек, который должен лгать в интересах своего государства». И хотя коллизии между политикой и нравственностью возникают далеко не всегда, в случае появления таких противоречий они чаще разрешаются в пользу интересов.

3. Обобщенность, безличность, представительность и опосредованность осуществления политических решений, облегчающие отступление от морали. Политические решения обычно принимаются от имени партии, народа, нации, класса и т.п. и касаются не конкретных личностей, а достаточно общих социальных групп и объединений. Те, кто принимает решения, как правило, их непосредственно не исполняют и часто не видят и не чувствуют негативных последствий своей политики. Принять общее решение, например, о ликвидации целого эксплуататорского класса, в моральном отношении значительно легче, чем самому уничтожить хотя бы одного его представителя.

4. Влияние на политику групповых ценностей и групповой морали, часто противоречащих ее общечеловеческим основам. Попытки создать новую, классовую мораль, отличную от традиционной, общечеловеческой нравственности, были предприняты в странах командно-административного социализма, где они использовались для оправдания массовых репрессий. Негативное влияние групповых ценностей и интересов на нравственность политики имеет место и в демократических странах, где политические лидеры обычно предпочитают не выносить сор из собственной партийной или правительственной избы, часто утаивают неблагоприятные факты. Некоторые из них при этом сознательно «пачкают руки», оправдывая свои безнравственные поступки как благородную личную жертву ради общего дела.

Противопоставление групповых интересов и ценностей общечеловеческой нравственности, подчинение морали политике на деле означает разрушение всякой морали. Это убедительно подтвердило постсоветское развитие России, где прогрессирующая еще с коммунистических времен нравственная деградация правящей номенклатурной элиты привела не только к явному аморализму, но и к широкой криминализации политики.

5. Мультипликационный эффект политических злоупотреблений. Он заключается в том, что аморальные действия в высших эшелонах власти имеют свойство умножаться и нарастать подобно катящемуся вниз снежному кому. Реально это проявляется в том, что аморальный высший руководитель обычно стремится освободиться от честных работников или сделать их своими сообщниками, окружает себя угодными людьми, которые в свою очередь также плодят себе подобное окружение. Мультипликационный эффект злоупотреблений ведет к закрытости и социальному вырождению правящей элиты. Его проявления особенно велики в жестко централизованных политических структурах со слабо развитыми автономией частей и контролем снизу. В России последних лет такой эффект проявился, в частности, в массовом распространении коррупции.

6. Ориентация политики на эффективность, достижение цели. Политические организации создаются для реализации определенных целей. Именно за их достижение, т.е. за результативность, руководство несет ответственность перед членами организаций и электоратом. Средства же и способы получения результатов мало кого интересуют и обычно остаются в тени.

7. Конфликтность политики, ее функционирование как отношений друзей (союзников) — врагов (соперников), повышающие эмоциональную враждебность или по меньшей мере напряженность между субъектами политики. Врагам же или соперникам, как известно, очень редко стремятся делать добро, а это — главное требование нравственности.

8. Публичность политики, внимание к ней со стороны общества, а также более высокие нравственные требования, предъявляемые гражданами к политическим лидерам. Политика затрагивает интересы многих людей. Поэтому ее главные творцы на виду у общества. Их считают не только наиболее компетентными, но и лучшими, достойными доверия людьми.

· Политики оцениваются гражданами прежде всего в двух главных качествах: деловых (компетентность, энергичность, умение руководить людьми) и человеческих, нравственных (порядочность, справедливость, забота о людях и т.п.). В силу повышенной обще-

ственной значимости деятельности политиков, объектом общественных суждений является не только их профессиональная, но и личная жизнь. Причем судят политиков обычно более строго, чем рядовых граждан.

9. Рыночные принципы деятельности СМИ, которые в погоне за массовой аудиторией и рекламодателями уделяют чрезмерно большое внимание различного рода политическим сенсациям, скандалам, фактам коррупции, насилия и т.п. Это создает гипертрофированное впечатление о безнравственности политики.

**Компромиссный подход
к соотношению политики
и морали**

В силу действия отмеченных и некоторых других факторов реальная политика очень часто бывает далека от нравственности и считается многими

«грязным делом». Однако полностью оторваться от морали политика не может, ибо это рано или поздно ведет к компрометации самой политики и деградации всего общества. Осознание этого, равно как и претензия на реализм, проявляется в четвертом, **компромиссном**, подходе к взаимоотношению политики и морали.

Этот подход сегодня преобладает среди ученых и политиков. Он исходит из признания необходимости и целесообразности воздействия нравственности на политику, учитывающего специфику последней. Один из виднейших обоснователей компромиссного подхода — М. Вебер — считал, что не следует полностью разделять этику и политику, хотя необходимо внимательно учитывать особенности последней. Не может существовать единого нравственного кодекса, одинаково применимого к деловым и сексуальным, к служебным и семейным отношениям, к друзьям и конкурентам и т.п. Поэтому этика должны учитывать особенности политики, главной из которых является применение насилия. «Именно специфическое средство **легитимного насилия** ... в руках человеческих союзов, — писал он, — обуславливает особенность всех этических проблем политики»⁴.

Эта особенность делает для политики невозможным следование, например, евангельской заповеди «не противостоять злу насилием». Политик в силу своего профессионального занятия должен противостоять злу, в противном случае он несет ответственность за его победу.

Для того чтобы очертить границу влияния нравственности на политику, Вебер разделяет мораль на этику убеждений и этику ответственности. Этика убеждений означает неотступное следова-

⁴ Вебер М. Избранные произведения. С. 701.

ние нравственным принципам, независимо от того, к каким результатам это приведет, не считаясь с затратами и жертвами.

Этика ответственности, напротив, предполагает учет конкретной обстановки, ориентацию политики в первую очередь на ее последствия, внутреннюю ответственность политиков за те результаты своих действий, которые можно предвидеть, готовность предотвратить большее зло, в том числе и с помощью зла меньшего — противоречащих нравственным заповедям средств. Соотношение этики ответственности и этики убеждений в реальных действиях должен определять сам политик.

Идеи Вебера о соотношении морали и политики получили широкое распространение. Несмотря на свою кажущуюся реалистичность, они имеют ряд слабостей. Прежде всего Вебер фактически сводит политику к легитимному использованию насильственных средств, оправдывая тем самым необходимость установления границ влияния нравственности на политику. Однако задачи политики, особенно в современных демократических государствах, намного сложнее, чем применение насилия. При решении целого ряда политических вопросов использование или угроза применения насилия могут лишь повредить делу. Без гражданской ответственности, готовности к компромиссам, солидарности и кооперации политических акторов невозможно современное правовое государство. Выход содержания политики за пределы сферы применения насилия позволяет более широко использовать в ней нравственные ценности.

Институционализация нравственных требований

Веберовское понимание соотношения морали и политики по существу освобождает политиков от закрепленной в

конкретных институциональных нормах нравственной ответственности перед другими людьми и обществом, поскольку решение вопроса о следовании нравственным принципам и применении средств для реализации политических целей оставляется на усмотрение самих политиков. Однако очевидно, что многие стоящие у кормила власти люди вообще не задумываются о безнравственности своих действий. Поэтому оставлять моральную сторону политики без правового и общественного контроля — значит поощрять безнравственность в политике.

Нравственный контроль общества за политикой возможен через **институционализацию этических требований**, предусматривающую их закрепление в праве, этических кодексах и нормах. Такие кодексы существуют, например, у парламентариев, государственных служащих и т.д. и предполагают определенные санкции за их нарушение.

Институты могут как стимулировать нравственность в политике, так и препятствовать ее влиянию. Как отмечает Б. Сутор, для гуманизации политики и укрепления нравственности лучшим является не тот строй, «который предъявляет к своим гражданам более высокие или даже наивысшие моральные требования. На самом деле лучше тот строй, который прежде всего отвечает человеческому характеру в его обычной амбивалентности: дурным наклонностям людей ставит необходимые ограничения, но в то же время открывает максимально возможный простор для права и воли людей осуществлять саморазвитие, для их способности к добру»⁵.

Чтобы быть эффективными, политические институты должны быть рассчитаны не на святых, морально совершенных людей, а на обыкновенных граждан и способствовать им в выражении своих интересов, защите прав и выполнении обязанностей, побуждать их соблюдать приемлемые для всех «правила игры» — законы и нормы, обеспечивающие сочетание индивидуальной пользы с благом всего общества.

В современном мире центральным направлением институционализации нравственных требований к политике являются права человека. В соответствии с документами, принятыми мировым сообществом, они выступают универсальным критерием оценки гуманности политики, ее человеческого измерения. В целом же влияние нравственности на политику может и должно осуществляться по ряду направлений. Это — постановка нравственных целей, выбор адекватных им и реальной ситуации методов и средств, учет в процессе деятельности моральных принципов, обеспечение эффективности политики. Конечно, выполнение всех этих требований в реальной политике — весьма сложная задача. На практике ее гуманность непосредственно зависит не столько от провозглашаемых целей, сколько от средств и методов, используемых в процессе их достижения.

§ 2. Цели и средства в политике

Что такое цели, средства и методы в политике?

Политика возникает и осуществляется ради определенных целей, которые внутренне противоречивы и разнообразны. Ее **высшая цель** в социальной системе — интеграция внутренне дифференцированного общества, увязывание конфликтующих частных устремлений граждан с общей целью всего обще-

⁵ Сутор Б. Политическая этика//Полис. 1993. № 1. С. 68.

ства. Еще Платон по существу выявил эту цель политики. Он писал: политика как «царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей»⁶.

Высшая цель политики трудно реализуется на деле, поскольку предполагает нахождение приемлемой для всех сторон меры сочетания конфликтующих интересов групп, обладающих неравными ресурсами и возможностями политического влияния и преследующими в политике в первую очередь свои собственные интересы. Поэтому эффективно повлиять на конкурирующие частные интересы и обуздать групповой эгоизм можно с помощью определенных средств и методов.

Средства политики представляют собой инструменты, орудия практического осуществления целей, превращения идеальных мотивов в реальные действия. Это законодательные акты, пропагандистские кампании, забастовки, вооруженная сила, деньги, затрачиваемые на электоральную борьбу и т.д. **Методы** политики обычно характеризуют способы воздействия на ее объекты. К ним относятся насильственный и ненасильственный методы, принуждение и убеждение.

Вопрос о влиянии целей и средств на результаты и нравственную оценку политики издавна является предметом горячих споров. Среди различных воззрений на этот счет можно выделить три основные точки зрения: 1) нравственный характер политики и других действий определяется их целью; 2) приоритетное влияние на нравственную значимость политики оказывают используемые средства; 3) как цель, так и средства одинаково важны для придания политике гуманного характера и они должны быть соизмеримы друг с другом и с конкретной ситуацией.

Цель оправдывает средства

Широко известными приверженцами **первого** подхода были Макиавелли (больше как теоретик) и Ленин (преимущественно как практик). Оба они оправдывали использование безнравственных средств ради благородных целей. И все же наиболее детальное теоретическое обоснование и практическое воплощение тезис «цель оправдывает средства» получил у иезуитов.

Католический орден иезуитов, основанный в 1534 г. в Париже, существует и сегодня. Он является воинствующей организа-

⁶ Платон. Соч.: В 3-х т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 82.

цией, использующей любые средства для утверждения своей веры. Этот орден построен на жестком централизме, железной дисциплине, обязательном взаимном шпионаже и доноситељстве.

Идеологи иезуитов разработали специальную систему доказательств морального оправдания своего права на безнравственные действия: ложь, интриги, клятвопреступления, подлог, заговор, убийства и т.п. Как утверждали, в частности, главные моралисты ордена Г. Безенбаум (1600–1688), а затем Лагуори (1696–1787), нравственность поступков считается доказанной ссылкой на церковный авторитет и обеспечивается с помощью ряда специальных приемов. Так, с помощью «мысленной оговорки» — произнесенной в уме приставки «не» («non») — морально оправдывается любое клятвопреступление, измена обещаниям, присяге и т.п. В целом же любой поступок становится моральным, если он продиктован нравственно оправданной целью.

Теоретики этого ордена разработали целую систему иезуитской морали, построенной на оправдании любого преступления, в том числе и развязывания ядерной войны, высокой религиозно-нравственной целью.

В столь откровенно выраженной, как у иезуитов, форме тезис «цель оправдывает средства» встречается довольно редко. Однако облеченная в более мягкие и привлекательные одежды эта формула имеет широчайшее применение в политике и очень часто служит для прикрытия аморальных политических действий.

Обычно никто даже из самых одиозных политиков не признается в полной безнравственности своих целей. Все величайшие политические преступления: войны, массовый террор, кровавые революции и т.п., прикрывались великими с точки зрения их творцов целями, сулящими благо если не всему человечеству, то по крайней мере своей нации или классу. Ложь, утаивание информации, использование приемов манипулирования сознанием людей широко распространены в мире современной политики и считаются многими людьми вполне допустимыми средствами политического противоборства. Хотя в целом наука и общественное мнение сегодня относятся к этому отрицательно.

**Что важнее —
цели или средства?**

Второй подход к соотношению целей и средств политики исходит из **нравственного приоритета средств над целью**. Он представлен в первую очередь идеологами ненасилия в политике. Так, один из виднейших представителей этого движения, лидер национально-освободительной борьбы Индии Махатма Ганди (1869–1948) считал, что уровень развития общества опре-

деляется в первую очередь моральным совершенством людей. Нравственность же воплощается в реальность прежде всего через используемые в политике средства. Именно они — выразитель нравственной воли человека. Средства имеют приоритет над целями и являются главным нравственным критерием политики, ее человеческим измерением.

Третий подход к соотношению целей и средств политики исходит из их **соизмеримости**. Он пытается избежать крайностей, учесть нравственную значимость как целей, так и средств. В реальной политике каждый из этих компонентов играет собственную, весьма важную роль. Всякая политика начинается с цели. Цель объединяет все действия и их результаты в единую целостную систему, фактически предопределяет объект политического воздействия, противников и союзников.

Очевидно, что если, например, политическая партия ставит целью устранение частной собственности и капитализма, то вряд ли она может рассчитывать на симпатии слоя предпринимателей и крупных собственников, даже если ограничивается мирными средствами борьбы.

Важное влияние цель оказывает не только на результат политической деятельности, но и на ее средства. Сами политические цели имеют иерархическую структуру и делятся на конечные и промежуточные, краткосрочные и перспективные, общие и частные. Именно **промежуточные цели оказывают наибольшее воздействие на выбор методов и средств политической борьбы**.

Так, например, на развязывание гражданской войны в России после прихода большевиков к власти повлияла не их конечная цель — построение коммунизма, а прежде всего промежуточная цель — экспроприация частной собственности, а также упорство в достижении этой цели, нежелание отказаться от нее или хотя бы отодвинуть сроки ее осуществления. Хотя, конечно, непосредственной причиной гражданской войны явилось массовое использование насильственного метода борьбы.

Между целями и средствами существует взаимовлияние. С одной стороны, цель и условия ее реализации во многом предопределяют используемые средства, с другой — средства, непосредственно влияя на достигнутый результат, определяют реалистичность или утопичность цели, ее изменение или вообще отказ от цели. Причем причиной несовпадения целей и результатов политики может быть как утопичная цель, так и неадекватные ей и ситуации средства. В целом же, будучи выбранными для реализации цели, именно средства оказывают непосредственное влияние на результаты политики.

Достаточно убедительную трактовку общего соотношения целей и средств в политике с точки зрения ее нравственной оценки дает Н. Бердяев: «Цель уходит в отвлеченную даль, средства же остаются непосредственной реальностью ... Когда применяют злые, противоположные целям средства, то до цели никогда не доходят, все заменяют средствами и о целях забывают, или они превращаются в чистую риторику... Цель имеет смысл лишь в том случае, если ее начать осуществлять сейчас же, тут»⁷.

Опыт коммунистического движения подтверждает истинность такого подхода к соотношению целей и средств в политике. Великая гуманная цель — освобождение людей труда от эксплуатации и угнетения, построение общества, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»⁸ — в результате применения взявшими власть большевиками насилия против всех несогласных привела их к прямо противоположным результатам.

**Пути разрешения
противоречий
между целями
и средствами**

Несмотря на негативное влияние на политику безнравственных действий, в некоторых ситуациях полный отказ от них может иметь еще худшие последствия. Противоречия между гуманными, благородными целями и безнравственными действиями-средствами политики существуют реально и не всегда могут решаться за счет отказа от целей из-за опасения применения сомнительных в нравственном отношении действий.

Решение такого рода конфликтов можно найти на пути нахождения нравственной соизмеримости целей и средств политики. Известно, что нравственные ценности имеют иерархическую структуру. Одни из них представляют большую ценность, чем другие. Так, например, жертвование жизнью ради спасения других людей — несравненно более нравственный поступок, чем жертвование бедным в качестве благотворительности небольшой части своего дохода. Точно так же и безнравственные дела существенно различаются на шкале моральных ценностей: одно дело — убийство человека и совсем другое дело — безобидное лукавство.

Применительно к политике это означает, что в ней бывают ситуации, когда человек должен действовать **по принципу меньшего зла** подобно врачу, утаивающему от больного губитель-

⁷ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 272–273.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 447.

ную или вредную для него правду. Еще Платон в проекте своего совершенного государства оправдывал применение лжи в лечебных для народа целях. «...Правителям, — писал он, — потребуется у нас нередко прибегать ко лжи и обману — ради пользы тех, кто им подвластен. ...Подобные вещи полезны в виде лечебного средства»⁹.

«Лечебность» безнравственных средств в политике в целом весьма сомнительна. Единожды солгав в благих намерениях, человек намного легче делает это вторично. С каждым разом у него усиливается соблазн безнравственных действий. Длительное же применение безнравственных средств в политике разлагающе действует как на самих лидеров, так и на их сторонников, подрывает доверие и у оппонентов, и у союзников и в конечном счете ведет не только к нравственной деградации людей, использующих такие средства, но и ставит под сомнение эффективность проводимой ими политики.

Хотя принцип наименьшего зла нравственно допустим в некоторых случаях, более приемлем для укрепления моральных ориентаций политики принцип **избегания ситуаций, в которых ложь более нравственна, чем правда**. Его рекомендовал политикам выдающийся немецкий философ-гуманист И. Кант.

Современная наука не может определить, какие средства являются нравственными и эффективными применительно ко всем случаям практики. Однако она в состоянии установить нравственную недопустимость использования некоторых средств для достижения политических целей.

Так, например, наукой доказано, а историей практически подтверждено, что в современных демократических государствах использование политического террора или вооруженных акций для достижения групповых интересов или даже самых привлекательных целей не только безнравственно, но и преступно перед обществом. Точно так же в современных условиях нравственно недопустимо использование ядерного или других видов оружия массового уничтожения для решения спорных международных вопросов.

Все это свидетельствует о том, что для реализации политических целей приемлемы далеко не любые средства. От тех целей, достигнуть которые можно лишь с помощью явно антигуманных действий, следует отказаться. Наиболее несовместимы с нравственностью насильственные средства.

⁹ Платон. Государство//Соч.: В 3-х т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. 459 с.

§ 3. Насилие и ненасилие в политике

Понятие и историческая роль насилия

Политика издавна связывается или даже отождествляется с насилием. Как уже отмечалось, ее важнейшим отличительным признаком является применение организованного насилия. Легальное политическое насилие на своей территории осуществляет лишь государство, хотя нелегально его могут применять и другие субъекты политики: партии, террористические организации, группы или же отдельные личности.

Насилие представляет собой преднамеренное действие, направленное на уничтожение человека (или других живых существ) или нанесение ему ущерба и осуществляемое вопреки его воле. Насилие может быть физическим, экономическим, психологическим и др. Применительно к политике, говоря о насилии, обычно имеют в виду физическое насилие (или ненасилие) как средство ее осуществления.

Политическое насилие отличается от его других форм не только физическим принуждением и возможностью быстро лишить человека свободы, жизни или нанести ему непоправимые телесные повреждения, но также организованностью, широтой, систематичностью и эффективностью применения. В относительно спокойные, мирные времена его осуществляют специально подготовленные для этого люди, обладающие оружием и другими средствами принуждения, объединенные жесткой организационной дисциплиной и централизованным управлением, хотя в периоды восстаний и гражданских войн круг носителей насилия значительно расширяется за счет непрофессионалов.

Насилие — неотъемлемая сторона всей человеческой истории. В политической и общественной мысли встречаются самые различные, в том числе прямо противоположные оценки роли насилия в истории. Некоторые философы, например Е. Дюринг, приписывали ему решающую роль в общественном развитии, сломе старого и утверждении нового.

Близкую к такой оценке насилия позицию занимает марксизм. Он рассматривает насилие как «повивальную бабку истории» (К. Маркс), как неотъемлемый атрибут классового общества. Согласно марксизму, на протяжении всего существования частнособственнического общества движущей силой истории является классовая борьба, высшим проявлением которой выступает политическое насилие. С ликвидацией классов из жизни общества постепенно исчезнет и социальное насилие. Попытки на практике реализовать марксистские идеи обернулись для человечества эс-

калацией социального насилия, огромными людскими потерями и страданиями, но так и не привели к безнасильственному миру.

Негативную оценку социальной роли всякого насилия дают пацифисты и сторонники ненасильственных действий (о них речь пойдет ниже). В целом же в общественном сознании, в том числе среди ученых и политиков, преобладает отношение к насилию как к неизбежному злу, вытекающему либо из природного несовершенства человека (или его «первородного греха»), либо из несовершенства социальных отношений.

Насилие и мораль

Неразрывно связанное с политикой организованное насилие издавна считается средством, наиболее трудно совместимым с нравственностью, связанным с «дьявольскими силами» (М. Вебер). «Не убий» — одна из важнейших библейских заповедей. В число нравственных образцов христианского поведения входит также непротивление злу насилием и любовь к врагу своему, хотя эти принципы носят характер скорее нравственных идеалов святой жизни, чем требований, предъявляемых к обычным людям.

Оцениваемое в целом, в общей форме, насилие — антипод гуманизма и нравственности, ибо означает действия, направленные против человека или его достоинства. Систематическое применение насилия разрушает нравственные основы общества, совместной жизни людей — солидарность, доверие, правовые отношения и т.п.

В то же время вследствие несовершенства прежде всего самого человека, а также форм его коллективной жизни общество не может полностью устранить из своей жизни всякое насилие и вынуждено в целях его ограничения и пресечения использовать силу.

Проявление насилия и его масштабы определяются многими причинами: экономическим и социальным устройством, остротой общественных конфликтов и традициями их разрешения, политической и нравственной культурой населения и т.д. На протяжении многих веков насилие выступало важнейшим способом разрешения острых социальных противоречий, их оборотной стороной, особенно в отношениях между народами. Политикам, не обладающим нравственной культурой, гуманными убеждениями, оно кажется наиболее эффективным и соблазнительным методом достижения своих целей, поскольку способно физически устранить противника. Как говорил И. Сталин, отдавая распоряжения об уничтожении неугодных ему людей, «Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы».

Однако эффективность политического насилия чаще всего является иллюзией. Насилие, применяемое одной стороной, как правило, вызывает адекватное противодействие, ужесточает сопротивление противника, масштабы и ожесточенность конфликта, ведет к эскалации насилия и в конечном счете приводит к неожиданно высоким для его инициаторов людским потерям и материальным затратам. Победа же, если она вообще достигается, как правило, имеет слишком высокую цену.

В истории широкое применение насилия оказывало губительное воздействие не только на отдельных людей, но и на целые нации. Многие народы (например, проживавшие на территории нынешней Прибалтики пруссы) прекратили свое существование в результате жестоких войн и физического истребления. Насилие оказывает и косвенное разрушительное влияние на общество, уничтожая его лучших представителей и подрывая генофонд нации. Новая мировая война, если она будет развязана, может привести к уничтожению или деградации всего человеческого рода.

Все это свидетельствует о том, что в целом насилие не только безнравственно, но и губительно для общества. И все же обойтись без него человечеству не удастся.

Право на насилие

Важнейшим фактором, непосредственно влияющим на размеры, формы проявления и общественную оценку социального насилия как внутри отдельных стран, так и в отношениях между ними является характер политического строя: авторитарный, тоталитарный или демократический (либерально-демократический). Первые два типа этих государств — авторитарные и тоталитарные — наделяют власть, высшее руководство неограниченным правом на государственное принуждение, демократия же — признает источником законного принуждения лишь народ и его представителей. Учитывая социальные реальности, **современная мораль (и право) допускает применение насилия лишь в качестве ответной или превентивной меры по отношению к уголовным преступникам, террористам, злостным нарушителям законов и т.п.**

С глубокой древности виднейшие мыслители-гуманисты считали неотъемлемым **право народа на ответное насилие**: оборонительные, справедливые войны и восстание против тиранов. «Во всех положениях и состояниях, — писал родоначальник либерализма Д. Локк, — лучшее средство против силы произвола — это противодействовать ей силой же. Применение силы без полномочий всегда ставит того, кто ее применяет, в состояние вой-

ны как агрессора и дает право поступать с ним соответствующим образом»¹⁰.

Обращение к силе Локк, а также другие либеральные мыслители считали правомерным и нравственным в том случае, если монарх или избранное правительство не оправдывают доверие народа, нарушают естественные, присущие человеку от рождения права на жизнь, свободу, собственность и др., узурпируют власть и порабащают граждан, жестоко расправляясь с непослушными. В этом случае власть сама ставит себя в состояние войны с народом и узаконивает тем самым его естественное право на восстание против тирании.

В соответствии с этими идеями конституции демократических государств обычно признают законным и нравственным право народа на применение силы, сопротивление против тех, кто пытается насильственно устранить демократический порядок. Однако в конституционном государстве это право действует лишь тогда, когда государственные органы оказываются неспособными противостоять попытке переворота законными средствами.

Демократический строй создает важнейшие предпосылки для ограничения насилия, разрешения конфликтов мирными, ненасильственными средствами. Это достигается прежде всего за счет признания равенства прав всех граждан на управление государством, выражение и защиту своих интересов. В условиях демократии каждая общественная группа имеет возможность свободно выражать и отстаивать свое мнение, добиваться его признания справедливым и принятия парламентом или правительством.

В демократическом правовом государстве само насилие должно быть легитимным, признанным народом и ограниченным правом. Так, в статье 20 (пункт 2) Основного Закона ФРГ говорится: «Всякое государственное насилие исходит от народа. Оно осуществляется с выражаемого на выборах согласия народа особыми органами законодательной и исполнительной власти и правосудия» и в пределах закона.

В конце XX в. в связи с крахом большинства авторитарных социалистических режимов и расширением влияния идеалов гуманизма, свободы и демократии у многих появилась надежда на скорое вытеснение массового насилия (прежде всего войн) из международных и внутригосударственных отношений. Однако последующее развитие, отмеченное вспышками острых межнациональных конфликтов, сепаратизма, терроризма и попыток си-

¹⁰ Локк Д. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. 2. С. 89.

лового вмешательства во внутренние дела суверенных государств, свидетельствует о неготовности человечества к устранению крайних форм политического насилия и постепенному переходу к более гуманному, ненасильственному миру.

**Религиозные истоки
ненасилия**

Уже многие века лучшие умы человечества озабочены проблемой устранения насилия из политической и общественной жизни. Впервые идеи ненасилия зародились в глубокой древности в недрах религиозной мысли в буддизме, индуизме, конфуцианстве, иудаизме, христианстве и некоторых других религиях. В дохристианских культурах ненасилие понималось преимущественно как безропотное подчинение божественной, природной и общественной необходимости, в том числе власти, терпимость ко всему живому, непричинение вреда окружающему миру, стремление к добру, ориентация человека на религиозно-нравственные ценности. В некоторых религиях, например буддизме и иудаизме, законность самой власти рассматривалась в зависимости от ее соответствия нравственным законам.

Христианство внесло в концепцию ненасилия идеи самопожертвования и любви к ближнему, а также вдохновило верующих на одно из первых в истории массовое применение ненасильственных действий. Имеется в виду непротivление гонениям со стороны властей, вызванным отказом христиан поклоняться римским императорам и официальным богам.

Христианство оказало решающее влияние на восприятие и развитие идей ненасилия в европейской цивилизации (что, конечно, не исключает влияние и других источников и, в частности, древнегреческой философии стоицизма). Не случайно некоторые исследователи называют первым идеологом и пророком ненасилия, реально воплотившим его в своих действиях, Иисуса Христа, добровольно взошедшего на голгофу и принявшего мучения ради спасения человечества.

Политика ненасилия имеет глубокие религиозно-нравственные основания. Одну из важнейших идей философии ненасилия — **отрицание насилия, непротivление злу насилieм** — можно найти в заповедях Христа из Нагорной проповеди: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас. Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку ... Не судите и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете» (Лк. 6.27–6.37).

Обоснование политики ненасилия не ограничивается непротивлением злу. Философия ненасилия предполагает **активную позицию и действия, основанные на верховенстве духовно-нравственной власти над властью политической** в соответствии со словами апостола Павла : «Следует Бога больше слушать, чем людей».

Христианские идеи ненасилия на деле пытались воплотить в жизнь разнообразные религиозные течения и секты. Они стали одной из важнейших целей европейского Реформаторства, были полностью приняты к действию движением квакеров, а в России сектой духовных христиан — духоборов. Эта достаточно массовая секта за оппозицию официальному православию, неподчинение властям и отказ от несения военной службы подверглась гонениям со стороны правительства и в конце XIX в. переселилась в Канаду, где проживает и сегодня.

Развитие теории и практики ненасилия

Большой вклад в концепцию ненасилия внесли крупнейшие русские писатели и философы, особенно

Л.Н. Толстой, который создал целое учение о непротивлении злу насилем и стремился воплотить его в жизнь, в том числе личным примером, а также Ф. М. Достоевский, пытавшийся решить проблему нравственной недопустимости насилия в своих произведениях. В Америке виднейшим представителем ненасильственной мысли, обосновавшим использования ненасильственных действий в политике применительно к конституционному государству, был известный писатель Генри Торо (1817—1862).

Новый этап в развитии концепции ненасилия и особенно в ее внедрении в реальную массовую политику связан с именем Махатмы Ганди. С помощью созданного им Индийского Национального Конгресса он успешно воплотил в жизнь целостную стратегию ненасильственной политической борьбы, получившую название «сатьяграхи» (в буквальном переводе — упорство в истине). Эта стратегия основана на объединении и вовлечении в освободительное движение широких народных масс, независимо от их классовой или кастовой принадлежности. Она осуществлялась исключительно методами ненасилия в основном в двух формах — отказа от сотрудничества с колониальной администрацией и гражданского неповиновения. Несотрудничество выражалось в бойкоте правительственных учреждений и учебных заведений, отказе от титулов и званий, пожалованных английскими властями, организации мирных шествий и демонстраций.

Гражданское неповиновение проявлялось в игнорировании законов и распоряжений колониальной администрации, в про-

ведении политических забастовок и харталов (прекращение деловой активности, закрытие торговых заведений и т.п.), неуплате налогов. Во взаимоотношении с колониальными властями использовалась тактика мирных переговоров, компромиссов и поиска консенсуса.

**Особенности
ненасильственной политики**

**Суть концепции ненасилия в политике
заключается в отказе от применения
силы при разрешении конфликтов и**

в урегулировании спорных вопросов на основе принципов гуманизма и нравственности. Она рассчитана на действие более высоких мотивов человеческого поведения, чем страх перед физическим наказанием или экономическими санкциями, — на силу духа, нравственной убежденности, героического примера. Основой насилия, — пишет Д. Фейхи, — является власть ненависти или по крайней мере страха в отличие от ненасилия, основой которого служит сила бесстрашия и любви. Ненасилие «не ранит, не разрушает и не убивает, как физическое оружие, а исцеляет, объединяет и содействует сближению судеб угнетенного и угнетателя»¹¹.

Ненасилие в политике традиционно служило специфическим средством воздействия на власть снизу. Его обычно применяют люди, не обладающие средствами насилия или крупными экономическими ресурсами влияния. Хотя история знает случаи участия в ненасильственных действиях и служащих аппарата принуждения, например полицейских, как это было, в частности, во время освободительной борьбы в Индии. Очень часто ненасильственный метод борьбы используют социальные, национальные и иные меньшинства для того, чтобы обратить внимание властей и общественности на бедственность своего положения. Ненасилие занимает центральное место среди средств влияния экологических движений, например движения «Гринпис».

Ненасильственные методы учитывают такую особенность людей, как наличие у них нравственного сознания, совести и разума, на которые влияют ненасильственные действия. Если бы в обществе действовали лишь разумные, но бесчувственные машины, роботы, то всякое ненасилие было бы бессмысленным. Эффективность ненасилия основана на использовании внутренних механизмов мотивации поведения и прежде всего совести, а также общественного мнения, его авторитета и влияния.

Философия ненасилия утверждает верховенство личности, ее духовно-нравственного мира по отношению к власти. Она исхо-

¹¹ Антология ненасилия. С. 89.

дит из того, что внутренний голос совести выше законов государства. «Неужели гражданин должен, хотя бы на миг или в малейшей степени, передавать свою совесть в руки законодателя? — писал Г. Торо. — К чему тогда каждому человеку совесть? ... Мы должны быть сперва людьми, а потом уж подданными правительства. Желательно воспитывать уважение не столько к закону, сколько к справедливости»¹².

Философия политического ненасилия существенно отличается от **пацифизма, пассивного созерцания зла, непротивления насилию**. Она предполагает активные действия, не только вербальные, словесные, но и практические, однако при этом не должно быть лишь физического воздействия, то есть воздействия на тело человека или ограничение свободы его пространственного передвижения (заключение под стражу, в тюрьму). Хотя в определенных условиях средством ненасильственного воздействия может быть отказ от выполнения своих служебных или иных обязанностей, сознательное воздержание от тех или иных действий.

Ненасильственные действия

Концепция ненасилия претворяется в жизнь с помощью ненасильственных действий. Сам этот термин — «ненасильственные действия» употребляется как в широком, так и в узком значениях. Ненасильственные действия в широком смысле — **любая политическая активность (или умышленная пассивность), исключая насилие**. Исходя из широкого значения данного термина, все политические действия делятся на насильственные и ненасильственные.

В узком значении понятие «ненасильственные действия» включает не всякую ненасильственную деятельность, а лишь ту, которая направлена против властей и связана с гражданским неповиновением, с нарушением буквы или духа закона или административных норм (например, неуход из служебных зданий после завершения рабочей смены). Понимаемые в этом смысле ненасильственные действия отличаются от осуществляемых в соответствии с законом демократических способов политического соперничества: организационно-партийной и пропагандистской работы, избирательных кампаний, парламентской борьбы и т.п. В научной литературе понятие «ненасильственные действия» обычно употребляется в узком смысле, хотя это создает и определенные неудобства, связанные с несоответствием значения данной категории ее дословной трактовке в русском языке.

¹² Антология ненасилия. С. 89.

Способы (средства) ненасильственных действий разнообразны. Многие из них применялись уже в глубокой древности. Так, еще в 494 г. до н.э., чтобы заставить правителей Рима выполнить свои требования, проживающие там плебеи оставили работу и покинули город.

В России ненасильственные способы политической борьбы: стачки, демонстрации, народные собрания и др., широко использовались в 1905—1906 гг. с целью заставить самодержавие учредить парламент. Их результатом стал созыв Государственной Думы.

В современном мире арсенал ненасильственных способов политической борьбы чрезвычайно разнообразен. Американская исследовательница проблем ненасилия Джин Шарп в своей получившей широкую известность книге «Политика ненасильственных действий» (1973) описывает 198 ненасильственных способов борьбы. Это — публичные выступления, заявления, письма протеста или поддержки, выставление лозунгов, депутации, пикетирование, надоедание официальным лицам, остракизм отдельных людей, забастовки, ненасильственная оккупация зданий, невыполнение законов, чрезмерная загрузка административной системы и т.д.

**Ненасильственные способы
борьбы в правовом
государстве**

Все эти и многие другие способы ненасильственных действий этически нейтральны и могут использоваться не только в нравственных, но и в безнравственных целях. В последнем случае они прямо противоречат гуманистическому духу и сути концепции ненасилия. Нравственная направленность ненасильственных средств политики во многом зависит от характера общественного строя. В авторитарных и тоталитарных государствах, не позволяющих гражданам свободно выражать свои требования, использование ненасильственных средств борьбы служит, как правило, нравственным целям.

Установление в обществе демократии в значительной степени устраняет почву не только для применения социального насилия, но и для ненасильственных средств политической борьбы. По своему замыслу демократия базируется на идеях социальной и, особенно, политической справедливости — запрете нелегитимного насилия, признании свободы личности, равенства прав граждан на управление государством и т.д. В условиях демократии каждому предоставляется формально равная возможность открыто и на законных основаниях выражать и защищать свои интересы и мнение с помощью специально предназначенных для этого институтов: выборов в государственные органы, участия в деятельности партий, групп интересов и т.д.

Взамен предоставления каждому гражданину таких прав и тем самым реализации важнейших принципов политической справедливости правовое государство требует от личности выполнения определенного минимума обязанностей. Как пишет немецкий ученый И. Изензее, «этический минимум, который гражданин должен вносить в демократию, является как бы «спортивным» поведением: признание правил игры честного политического соревнования и готовность, в случае чего, признать свое поражение»¹³.

Иными словами, правовое государство требует определенного уровня нравственного развития общества, предполагающего уважения достоинства и равенства прав каждого человека, готовность предъявлять к себе такие же нравственные требования, как к другим, законопослушание и ответственность перед обществом за использование предоставляемой свободы.

Эти этические требования в полной мере касаются и ненасильственных средств политического влияния, многие из которых нравственно амбивалентны, то есть могут использоваться в прямо противоположных целях. Так, например, в постсоветской России ряд категорий работников, обладающих относительно высокой организованностью и важнейшими ресурсами экономического влияния (транспортники, авиадиспетчеры и др.) в условиях общего снижения уровня жизни населения приобрели себе с помощью забастовочной борьбы (ненасильственного действия) ряд экономических и социальных привилегий, оплачиваемых за счет бюджетных средств, предназначенных для других категорий работников и пенсионеров. Забастовки такого рода движимы групповыми эгоистическими интересами. Они противоречат социальной справедливости и являются средством экономического насилия, шантажа и вымогательства. Вместе с тем происходившие примерно в тот же период забастовки ряда социально ущемляемых общественных групп (учителей, врачей и т.д.) были вполне справедливыми, соответствовали духу и букве ненасилия.

В зависимости от конкретной ситуации противоположную с точки зрения нравственности оценку могут носить и **кампании гражданского неповиновения**. Они предполагают неисполнение законов и распоряжений властей, а нередко включают активные действия, нарушающие нормальную работу транспорта или других общественных и государственных служб и учреждений. Такие действия, особенно когда они не влекут за собой серьезного наказания, по существу есть нарушение нравственного обязатель-

¹³ Изензее И. Конституционные права и демократия//Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1992. № 6. С. 21.

ства уважать закон как демократически выраженную или легитимированную волю большинства. Они противоречат также принципу равноправия всех граждан, поскольку претендуют на свое особое право нарушать по своему усмотрению соблюдаемые остальными людьми правила политического поведения.

Таким образом, при оценке с точки зрения идеала демократического правового государства не только насильственные, но и нарушающие закон ненасильственные средства политической борьбы аморальны (хотя последние безнравственны в меньшей мере). Однако реальная политическая жизнь современных государств весьма далека от демократических идеалов и избилует законами и, особенно, практическими действиями властей, противоречащими социальной справедливости и морали в целом. Формальность демократии, бюрократизация государственного аппарата, коррумпированность, консерватизм и бездушие политиков и чиновников, неравное распределение ресурсов политического влияния в обществе и многие другие факторы не всегда позволяют гражданам выразить свои справедливые требования или своевременно обратить внимание общественности и властей на острейшие общественные проблемы. Поэтому в таких условиях использование ненасильственных действий, в том числе гражданского неповиновения, движимых стремлением к социальной справедливости, заботой о благе других людей или безопасности всего человечества, вполне соответствует духу ненасилия и способствует гуманизации политики.

Несмотря на то что ненасильственные средства могут использоваться не только в нравственных, но и в безнравственных целях, в целом их применение несравненно гуманнее, чем использование насилия. Их широкое внедрение в политику за счет вытеснения из нее насилия было бы огромным шагом на пути ее очеловечивания. В современном мире ограничение и исключение насилия из жизни общества стало общей задачей многих религиозных и светских движений, международных институтов, демократических партий и других объединений.

Как отмечается в «Заявлении о ненасилии» конференции ЮНЕСКО (1986 г.), современная наука доказала, что война или какая-нибудь другая насильственная деятельность не запрограммирована генетически в человеческой природе. Биологическая конструкция человека не обрекает его на насилие и войны. «Как «войны начинаются в умах людей», так и мир начинается в наших умах. Тот вид, который изобрел войну, способен изобрести и мир. Ответственность лежит на каждом из нас»¹⁴.

¹⁴ Антология ненасилия. 2-е изд. М.—Бостон, 1992. С. 247—248.

Глава 4

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Понятие и история прав человека

**Права человека
во взаимоотношениях
государства, общества
и личности**

Ориентация политики на интересы людей, живущих в обществе, ее очеловечивание осуществляются с помощью определенных принципов, воплощающих гуманистические ценности во взаимоотношениях между индивидом, обществом и государством. Такой специфической конкретизацией гуманистических представлений применительно к миру политики являются права человека. **Они представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага (это — собственно права).**

Проблема прав человека, выражаемая в той или иной форме, сопутствует всей истории человечества. Права человека представляют собой один из способов трактовки и практического решения вопроса взаимоотношений человека и той общности, в которой он проживает и официальным представителем которой выступает власть. Они утверждают в этих взаимоотношениях свободу и достоинство личности, ее высший ценностный статус.

Возможны четыре основных способа взаимоотношений индивидов с властью: тоталитарный, патриархальный, индивидуалистический и партиципаторный (участия). Первая, **тоталитарная**, модель таких взаимоотношений исходит из отождествления общества и государства, из безусловного приоритета целого над частью и полного подчинения индивида государству. **Она исключает саму постановку проблемы прав человека**, поскольку индивид рассматривается здесь как органическая, неразрывная частичка целого, как винтик в сложном государственном механизме, управляемый из центра.

Патриархальный тип взаимоотношений индивида и власти предполагает сложную иерархию прав и обязанностей людей, неравенство их положения в отношениях власти. Он делит общество на различные сословия и группы, низшие из которых политически бесправны, высшие же обладают максимальными властными полномочиями, главным источником и распределителем которых является авторитарный правитель (монарх, диктатор и т.п.), венчающий пирамиду власти. (Более подробно проблемы авторитарной и тоталитарной власти рассматриваются в гл. 10.)

Ориентация политики на интересы людей, живущих в обществе, ее очеловечивание осуществляются с помощью определенных принципов, воплощающих гуманистические ценности во взаимоотношениях между индивидом, обществом и государством. Такой специфической конкретизацией гуманистических представлений применительно к миру политики являются права человека. **Они представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага (это — собственно права).**

Индивидуалистический способ взаимоотношений личности и власти основан на приоритете индивида в отношениях с государством. Наиболее ярко он представлен в либерализме, который исходит из того, что свободная личность есть конечный источник всякой власти в обществе, в том числе и самого государства. Последнее является результатом соглашения, договора свободных индивидов. Оно подконтрольно народу и призвано выполнять лишь строго ограниченные функции — обеспечение безопасности и свободы граждан, поддержание общественного порядка, некоторые другие.

Взаимоотношения индивида и власти во внешнеполитических сферах и пути утверждения в них свободы и достоинства личности либерализмом вообще не рассматриваются. В результате сама проблема прав человека ставится главным образом в форме **ограждающих от посягательств власти прав**, т. е. узко и ограниченно.

В современной политической науке преобладает третий, **партиципаторный**, подход к взаимоотношениям индивида и власти. Он лишен крайностей и не рассматривает личность как изолированного, независимого от общества индивида, вынужденного в союзе с себе подобными создать государство и подчиняться ему в определенных вопросах, а исходит из неразрывности и противоречивости взаимоотношений между личностью, обществом и государством. В этом случае сама проблема прав человека усматривается не только и не столько в ограждении индивида от государственного вмешательства, а в **использовании государства в целях создания наилучших условий свободного существования и развития личности**.

Все четыре рассмотренных выше способа взаимоотношений индивида и власти в большей или меньшей степени представлены в истории человечества. Они составляют ту систему координат, в которой осознается и оценивается сама проблема прав человека.

**Идеи прав человека
в античности и средневековье**

На заре человечества в условиях родоплеменного строя проблема прав человека не стояла и не могла стоять, так как в то время не было отчужденной от индивидов власти, а значит, и необходимости утверждать и защищать во властных отношениях ценность личности, ее свободу. Кроме того, «средний» человек догосударственной и раннегосударственной эпохи еще не обладал развитым самосознанием и индивидуальностью, руководствовался в отношениях с государством прежде всего вековыми традициями, не отделял себя от рода, общины, селения и государства, обычно с покорностью воспринимал свое положение в общественной иерархии, даже если это было положение раба.

Само возникновение проблемы прав человека неразрывно связано с развитием общества, государства и человеческой индивидуальности. Не случайно впервые идеи прав личности возникают лишь у немногих материально обеспеченных мыслителей, обладающих развитым самосознанием и чувством собственного достоинства. Исторически первой формой осмысления и утверждения индивидуального достоинства и автономии личности по отношению к власти стали идеи **естественного права**, возникшие в первом тысячелетии до н.э.

Впервые эти идеи встречаются у древнегреческих философов-софистов: Ликофрона, Антифона, Алкидама и других в VI—V вв. до н.э. Они утверждали, что все люди равны от рождения и имеют одинаковые, обусловленные природой права. Само же государство Ликофрон трактовал как результат общественного договора. Идею договорного происхождения государства и равенства всех людей перед небом отстаивал в V в. до н.э. китайский философ Мо-Цзы.

Значительный вклад в концепцию прав человека внес Аристотель. Он защищал права, присущие человеку от рождения, и прежде всего его право на частную собственность. Это право коренится в самой природе человека и основывается на его любви к самому себе. Аристотель высказал ряд идей, близких к современной концепции прав человека. Так, он не только признавал права гражданина государства, но и различал естественное и условное, позитивное право, а также считал, что естественное право должно служить образцом для права условного, которое в свою очередь более изменчиво и является результатом деятельности властей и соглашений между людьми. Эта идея верховенства естественного права над законами государства получила свое развитие в современных теориях прав человека, в том числе в концепции правового государства.

Автономия, достоинство и равенство индивидов во взаимоотношениях с властью и другими людьми распространялись философами Древней Греции и Древнего Рима главным образом лишь на свободных граждан, но не на рабов, которые, как считал Аристотель, самой природой наделены качествами, предназначенными для подчинения и исполнения указаний господина¹. Среди античных сторонников естественного права лишь стойки провозгласили лозунг равенства людей по природе, независимо от пола, национальности и социального положения, поскольку все люди созданы космосом и над всеми «равно тяготеет судьба».

¹ См.: *Аристотель*. Политика. С. 3—4. См. также: Соч. Т. 4. С. 382—387.

Выдающийся вклад в массовое распространение гуманистических ценностей, лежащих в основе концепции прав человека, внесло христианство. Оно придало гуманистическим идеям высший ценностный статус, соединив их с религиозно-нравственными ценностями. Христианство обращается к внутреннему миру человека, его свободному выбору веры и ценностных ориентаций и тем самым способствует развитию человеческой индивидуальности. Оно требует уважения каждого человека как творения, наделенного душой и созданного Богом по своему образу и подобию. Божественное происхождение обуславливает принципиальное равенство и свободу всех людей. Кроме того, вдохновляющим примером уважения и любви к человеку служит поступок Бога, сознательно обрекшего Своего Сына на мучительные страдания на кресте ради спасения человечества. Проповеди Христа также обращаются в первую очередь к униженным и оскорбленным, подчеркивают равенство всех людей в их высшем, духовном измерении — в отношении к Богу.

Гуманистические идеи христианства, выступая в качестве нравственных регуляторов поведения людей, оказали огромное влияние на все последующее развитие Старого Света. И все же они не нашли политико-институционального признания и воплощения в реальных государственно-правовых нормах. В эпоху феодализма получили распространение принципы взаимоотношения между индивидом и властью, унаследованные от античного общества и германских обычаев и смягченные патриархальной и христианской моралью.

Отношения между индивидом и властью представляли собой сложную общественную иерархию прав и обязанностей. Человек в соответствии с местом, занимаемым на социальной лестнице, был обязан выполнять указания своего господина (сюзерена) и в то же время мог рассчитывать на его покровительство и защиту, а также на послушание подданных (если они существовали), неся перед ними в свою очередь определенные обязанности.

В целом же во времена феодализма идея равенства от рождения естественных прав всех людей или хотя бы правового равенства всех свободных граждан была отвергнута. Сами же права трактовались как **привилегии, дарованные подданным монархом или сюзереном**. Каждое из сословий имело специфические права, которые сокращались по мере снижения по лестнице общественной иерархии.

Либеральная трактовка прав человека

В период феодализма идеи естественного права не были полностью забыты. Нередко они использовались для обоснования справедливости восстаний против угнетателей, посягающих на традиционные народные вольности. Свое воскреше-

ние, либеральное переосмысление и развитие эти идеи получили в XVII—XVIII вв. в трудах выдающихся мыслителей либерализма и Просвещения.

Виднейшие представители либерализма — Локк, Монтескье, Руссо, Кант, Джефферсон, Смит, Милль, Бентам и др. — по существу заложили основы современного понимания прав человека. Они обосновали понимание фундаментальных прав человека на жизнь, свободу и собственность, сопротивление угнетению и некоторых других как **естественных, неотъемлемых** (неотчуждаемых) и **священных** императивов и норм взаимоотношений между людьми и властью.

При этом естественность прав означает, что они присущи индивиду от рождения вследствие его принадлежности к роду человеческому; неотъемлемость (неотчуждаемость) отражает их имманентность индивиду как живому существу (без наличия которых он не может проявить свои человеческие качества), а также как свойственность человеку вообще, независимо от времени и пространства, в котором он существует (вследствие этого права человека могут служить общим критерием гуманистической оценки любых государств, существовавших в истории); священность характеризует высочайшее уважение и почитаемость прав человека, их высший ценностный статус в иерархии общественных ценностей.

Историческая заслуга Просвещения в вопросе о правах человека состоит не только в их теоретическом обосновании как гуманистических целей человечества, но и в нахождении важнейших способов их практического осуществления. К ним относятся прежде всего принципы народного суверенитета и разделения властей. Первый из них, разработанный в первую очередь Локком и Руссо, означает подчиненность власти индивидам, добровольно объединившимся в народ (общество) и обладающим правом на расторжение «общественного договора» и свержение власти в том случае, если она посягает на фундаментальные права человека на жизнь, свободу и собственность. Второй принцип, гарантирующий индивидуальные свободы, — разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Первым его сформулировал в современной форме Шарль Монтескье в 1748 г. Этот принцип и сегодня является важнейшим инструментом, ограждающим личность от злоупотреблений и притеснений со стороны власти.

Впервые либеральная концепция прав человека нашла систематизированное юридическое выражение в 1776 г. в Вирджинской декларации, положенной в основу Билля о правах конституции США, принятого в 1791 г. В 1789 г. основополагающие права — свобода личности, права на собственность, безопас-

ность и сопротивление угнетению — были конституционно закреплены во французской Декларации прав человека и гражданина. Эти выдающиеся политико-правовые акты не утратили актуальности и сегодня, хотя, конечно же, нынешние представления о правах человека намного богаче по содержанию.

Борьба за социальные права

Либеральные права, постепенно получившие государственное признание в Америке и Европе с конца XVIII в., отвечали в первую очередь интересам буржуазного класса, прямо заинтересованного в отмене феодальных привилегий и сословных ограничений, в устранении государственных запретов на производственную и торгово-предпринимательскую деятельность, в обуздании государства и его подчинении своему контролю с помощью силы денег.

Как писал один из видных теоретиков либерализма Бенжамин Констан, «деньги есть самое опасное оружие деспотизма, вместе с тем и самая крепкая узда для него <...> В наши дни частные граждане сильнее политических властей: богатство есть сила вездесущая, более соотносимая со всеми интересами и оттого гораздо более реальная, вызывающая большее послушание. Власти угрожают, богатство вознаграждает; от властей можно ускользнуть, обманув их; чтобы добиться милости богатства, ему нужно служить»².

Политический либерализм, подчинив права человека силе денег, показал тем самым свою ограниченность. Примерно до 20-х гг. XX в. в большинстве буржуазно-демократических стран низшие слои общества и женщины не имели избирательных прав. Затруднено было практическое использование провозглашенных в конституциях прав неимущими, так как это требовало необходимых знаний, времени и материальных затрат. Вне государственного внимания оставались экономические и социальные условия свободы личности.

Сама постановка проблемы прав человека в классическом либерализме носит узкий, ограниченный характер. Права охватывают лишь одну сферу взаимоотношений индивидов и государства — их взаимодействие как физических лиц, обладающих собственностью. Права человека обеспечивают гражданам личную безопасность, ограждают их частную (экономическую, семейную, религиозную и иную) жизнь от нежелательного вмешательства со стороны дру-

² Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей//Полис. 1993. № 2. С. 104.

гих людей и государства, а также позволяют собственникам контролировать власть посредством избрания ее представителей. При этом вне поля зрения государства остается сфера экономических, культурных и других отношений между людьми и соответствующие виды власти: экономическая, духовно-информационная и др., которые отдаются на откуп собственникам.

Либеральное решение проблемы прав человека хотя и оградило граждан от государственного произвола, однако не защитило их от эксплуатации и деспотизма собственников, не привело к социальному освобождению всех членов общества. Развязав руки буржуазии и создав благоприятные условия для промышленной революции и утверждения капитализма, оно в то же время увеличило социальное неравенство и обострило классовые конфликты. Оказалось, что отсутствие всяких ограничений в использовании гражданских прав делает их привилегией меньшинства. Это породило массовый протест рабочего класса и других низших слоев общества, требовавших принятия законов, создающих социальные условия свободы и уважения человеческого достоинства неимущих граждан и ограничивающих власть собственников.

Впервые требования дополнить либеральные права правами социальными были обоснованы и выдвинуты в первой половине XIX в. чартистским движением рабочих Англии. В своей программе, разработанной в 1839 г., чартисты выступили за эволюционный путь к социализму, не отрицающий либеральные права, в том числе частную собственность, но требующий справедливой, полной оплаты труда и равноправного участия рабочих в управлении государством.

Социальные права и социальная демократия, защищающие личность в производственной сфере и обеспечивающие достойные условия ее существования, являются одним из важнейших лозунгов социалистического движения. Многие из этих прав (право на труд, отдых, образование и др.) впервые были конституционно закреплены в СССР и других странах марксистского социализма, хотя здесь их провозглашение сопровождалось нарушением традиционных либеральных прав. Это привело в конечном счете к нарастанию в обществе различных социальных привилегий, уравниловке в оплате труда, снижению его эффективности, массовому распространению психологии социального иждивенчества, низкому уровню благосостояния большинства граждан.

В странах Запада социальные права граждан получили юридическое признание главным образом после второй мировой войны.

В 1948 г. важнейшие из них — право на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, достойный уровень жизни и др. — были включены во Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН. Это дало толчок для закрепления социальных прав в конституциях или законах целого ряда государств. Во второй половине XX в. в индустриально развитых странах создались благоприятные материальные возможности для их реализации. За последние тридцать лет стоимость валового продукта, созданного человечеством, выросла с 1,7 триллиона долларов до примерно 15 триллионов. Это приблизительно соответствует всему богатству, произведенному на Земле за последние две тысячи лет, и позволяет удовлетворять важнейшие материальные потребности всех граждан.

**Индивидуальные потребности
как источник прав человека**

Статус и авторитет прав человека в государстве во многом связаны с трактовкой их источника. Просвещение утвердило в качестве решающего критерия определения естественных прав личности человеческий разум. Тем самым оно попыталось найти им земную основу. Сегодня политологи различной мировоззренческой ориентации по-разному оценивают конечный источник прав человека. Одни видят его в естественной человеческой природе, в конституирующих человеческий род основополагающих потребностях — в поддержании жизни, в безопасности, свободе от насилия и социально неоправданных ограничений, уважении человеческого достоинства, духовном развитии и т.д.

Другие же возводят наиболее высокие из прав к душе, Богу. «Свобода человеческой личности, — писал Бердяев, — не может быть дана обществом и не может по своему истоку и признаку зависеть от него — она принадлежит человеку как духовному существу <...> Неотъемлемые права, устанавливающие границы власти общества над человеком, определяются не природой, а духом. Это духовные права, а не естественные права, природа никаких прав не устанавливает»³.

Обе эти трактовки конечного источника прав человека укладываются в рамки одного, естественно-исторического подхода к правам человека. Противоречия между ними невелики и устраняются в том случае, если лежащую в их основе природу человека трактуют не как сводимую к его животным, биологическим качествам, а имеющую божественное происхождение. Более существен-

³ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 254—255.

ные отличия в этом вопросе, а также в понимании прав человека в целом связаны с позитивистским и марксистским подходами к их интерпретации.

Основные подходы к правам человека

Апелляция философов-просветителей к разуму как высшему судье в вопросе об определении прав человека послу-

жила основанием для **трех основных подходов** в их трактовке, получивших широкое распространение в XX в. Первый из них, **естественно-исторический**, подход ограничивает роль разума главным образом лишь осознанием объективно существующих естественных человеческих прав. Наследуя либеральную традицию, он исходит из того, что фундаментальные права личности имеют внесударственное и внеюридическое происхождение. Государство может либо уважать и гарантировать их, либо нарушать и подавлять, но отнять у человека присущие ему от рождения естественные права оно не может.

Хотя конкретное содержание и объем прав изменяются и расширяются по мере развития общества, сами фундаментальные права остаются неизменными, отражая постоянство основополагающих качеств человеческого рода. Как базовые моральные принципы и требования права человека существуют независимо от социально-классовой структуры и конкретных этапов развития общества, от законодательных норм. Имея для человека высший ценностный статус, они выступают источником гуманности законов, внешним критерием, универсальной мерой оценки любого политического и общественного строя.

Второй, **позитивистский (или юридическо-позитивистский)**, подход базируется на трактовке государства как реального воплощения общественного разума и отрицании всякого внесударственного происхождения прав человека. Утверждается рациональная самоценность права, его независимость от экономических и социальных предпосылок. Источником и гарантом права считается государство. Право и закон не имеют существенных различий. Права личности не выделяются из общей системы права и не имеют верховенства по отношению к законам государства. Сами права граждан изменяются в зависимости от государственной целесообразности и возможностей общества.

Третий из наиболее распространенных подходов к правам человека, **марксистский**, разделяет прагматическую установку позитивизма, подчиняя ее государственной целесообразности. Однако марксизм исходит не из рациональной самоценности права, а из его социально-экономической и прежде всего классовой детерми-

нации. Право понимается как возведенная в закон воля господствующего класса. При этом сама постановка вопроса о правах индивида становится излишней вследствие трактовки личности как совокупности общественных отношений, продукта определенного общественного строя.

В странах, объявивших марксизм своей официальной идеологией, права личности юридически признавались, однако на деле трактовались сродни феодализму, т.е. как **блага, предоставляемые и дозируемые партией и государством в зависимости от их соответствия произвольно трактуемым классовым и общенародным интересам**. Независимых институтов контроля за соблюдением прав человека не существовало.

В целом же марксизм, и особенно ленинизм и сталинизм, отрицают общечеловеческую природу права, подменяют общечеловеческие ценности моралью, основанной на классовой, партийной целесообразности. Это учение исходит из заведомой непротиворечивости, гармоничности отношений общества и личности в коммунистической формации, из отмирания государства и права, а значит, и ненужности института прав человека. Несмотря на слабую совместимость с самой идеей прав человека, марксизм и претендующие на его реализацию социалистические страны внесли немалый вклад в обоснование и утверждение социальных прав личности.

§ 2. Важнейшие права личности и проблема их реализации в современном мире

**Типология прав человека.
Негативные и позитивные
права**

В наши дни для большинства стран права человека являются высшей ценностью, признанной мировым сообществом. Сам термин «права человека» употребляется как в широком, так и в узком смыслах. В **узком значении** — это только те права, которые не предоставляются, а лишь охраняются и гарантируются государством, действуют независимо от их конституционного закрепления и государственных границ. К ним относятся равенство всех людей перед законом, право на жизнь и телесную неприкосновенность, уважение человеческого достоинства, свобода от произвольного, незаконного ареста или задержания, свобода веры и совести, право родителей на воспитание детей, право на сопротивление угнетателям и др. В **широком значении** права человека включают весь обширнейший комплекс прав и свобод личности, их различные виды.

Современная типология прав человека достаточно разнообразна. Наиболее общей их классификацией является деление всех прав на **негативные** (свободы) и **позитивные**. Такое разграничение прав основано на различии в них негативного и позитивного аспектов свободы. Как известно, в негативном значении свобода понимается как отсутствие принуждения, ограничений по отношению к личности, возможность действовать по своему усмотрению, в позитивном — как свобода выбора, а главное, как способность человека к достижению поставленных целей, проявлению способностей и индивидуальному развитию в целом.

В соответствии с таким пониманием свободы **негативные права** определяют обязанности государства и других людей воздерживаться от тех или иных действий по отношению к индивиду. Они предохраняют личность от нежелательных, нарушающих ее свободу вмешательств и ограничений. Эти права считаются основополагающими, абсолютными. Их осуществление не зависит от ресурсов государства, уровня социально-экономического развития страны. Негативные права составляют фундамент индивидуальной свободы. Почти все либеральные права имеют характер негативного права.

Типичным примером юридической фиксации этой группы прав и в целом негативного (и либерального) подхода к правам человека является Билль о правах конституции США. Так, его первая статья гласит: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений». Термин «не должен» содержится почти во всех статьях (кроме одной) этого документа. Практически все содержание Билля о правах направлено на ограждение личности от всякого рода несправедливых и нежелательных посягательств со стороны правительства.

В отличие от негативных прав **позитивные права** фиксируют обязанности государства, лиц и организаций предоставлять гражданину те или иные блага, осуществлять определенные действия. Характер позитивного права носят все социальные права. Это, например, право на социальное вспомоществование, образование, охрану здоровья, достойный уровень жизни и т.п. Реализовать эти права гораздо труднее, чем права негативные, так как ничего не делать гораздо легче, чем что-то делать или предоставлять каждому гражданину. Осуществление позитивных прав невозможно без наличия у государства достаточных ресурсов. Их конкретное наполнение прямо зависит от богатства страны и демократичности ее политической системы. В случае ограниченности ресурсов пози-

тивные права могут гарантировать гражданам лишь «равенство в нищете», как это имело место во многих странах административного социализма.

Гражданские и политические права

Более конкретной и широко распространенной классификацией прав личности по сравнению с их делением на негативные и позитивные является их подразделение в соответствии со сферами реализации на **гражданские (личные), политические, экономические, социальные (в узком значении этого слова), культурные и экологические.**

Гражданские (личные) права — это естественные, основополагающие, неотъемлемые права человека, имеющие в основном характер негативного права. Их не следует путать с правами гражданина, которые охватывают весь комплекс прав, обеспечиваемых государством лицам, имеющим гражданство. Гражданские права производны от естественного права на жизнь и свободу, которым от рождения обладает каждый человек, и призваны гарантировать индивидуальную автономию и свободу, защищать личность от произвола со стороны власти и других людей. Эти права позволяют человеку сохранять индивидуальность, быть самим собой в отношениях с другими людьми и государством. К гражданским правам обычно относят право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, право на защиту чести и доброго имени, на справедливый, независимый и публичный суд, предполагающий защиту обвиняемого, на тайну переписки, телефонных, телеграфных и иных сообщений, свободу передвижения и выбора места жительства, в том числе право покидать любое государство, включая собственное, и возвращаться в свою страну, и др.

В конституциях многих государств гражданские права обычно объединяют в одну группу с правами политическими. Основанием для этого служит преимущественно негативный характер тех и других, а также направленность обоих видов этих прав на обеспечение свободы личности в ее индивидуальном и общественном проявлениях.

Политические права определяют возможности активного участия граждан в управлении государством и в общественной жизни. К ним относятся право человека на гражданство, избирательные права, свобода союзов и ассоциаций, демонстраций и собраний, право на информацию, свобода слова, мнений, в том числе свобода печати, радио и телевидения, свобода совести и некоторые другие.

В СССР и других коммунистических государствах длительное время господствовал разрешительный подход к политическим пра-

вам, который по существу сводил их на нет, требуя согласия властей на их реализацию. Для того же чтобы эти права можно было свободно реализовать, их предоставление должно носить преимущественно регистрационный характер, т.е. условием их реализации должно быть не предварительное разрешение властей, а лишь уведомление гражданами соответствующих органов и учет их предписаний по обеспечению законности и общественного порядка.

Экономические права

К гражданским и политическим правам непосредственно примыкают права экономические. Они связаны с обеспечением свободного распоряжения индивидами предметами потребления и основными факторами хозяйственной деятельности: условиями производства и рабочей силой. Вплоть до середины XX в. важнейшие из этих прав — права частной собственности, предпринимательства и свободного распоряжения рабочей силой — обычно рассматривались как основополагающие гражданские права. В современных юридических документах эти права чаще называют экономическими и выделяют в относительно самостоятельную группу, однопорядковую с правами гражданскими, политическими и т.п.

Особое место среди экономических прав занимает право частной собственности. В странах Запада и в России до октября 1917 г. это право рассматривалось как одно из первейших для существования гражданского общества и обеспечения индивидуальной свободы. В коммунистических же государствах оно вообще отрицалось, сводилось к праву личной собственности на предметы индивидуального потребления. Однако опыт всех без исключения стран показал, что запрет частной собственности противоестествен для человека. Он подрывает мотивацию добросовестного инициативного труда, порождает массовую хозяйственную безответственность и социальное иждивенчество, ведет к тоталитарной дегуманизации общества и к разрушению самой человеческой личности. Индивид, лишенный не контролируемой государством среды обитания, средств производства, возможностей проявить предприимчивость, попадает в тотальную зависимость от власти, лишается свободы и индивидуальности.

Кроме того, отсутствие права собственности обрекает большинство граждан на бедность и нищету, поскольку без законодательного признания и фактического осуществления этого права невозможна эффективная рыночная экономика. Именно частная собственность является тем мельчайшим кирпичиком, из которых складывается все сложное здание современного хозяйственного механизма, в том числе и различные виды групповой собственности: кооперативной, акционерной и т.д.

В то же время опыт истории свидетельствует о необходимости **ограничения** права частной собственности, впрочем, как почти любого другого права. Потребности экономического развития, рост демократического движения народных масс привели к существенным изменениям самой трактовки частной собственности, к ее социализации, постановке под контроль государства. Сегодня мало кто настаивает на **абсолютном** характере частной собственности. отошел на задний план, хотя в целом и сохранился, принцип **неприкосновенности собственности**. В законодательствах ФРГ, Франции, Италии и целого ряда других государств устанавливаются допустимые пределы частной собственности, говорится о ее использовании в интересах общества. Введение такого рода ограничений никак не означает отрицания фундаментального характера права частной собственности. Для посткоммунистических стран, в том числе для России, нахождение оптимальных форм его практического осуществления в интересах личности и общества имеет поистине ключевое значение для успеха политики реформирования.

**Социальные, культурные
и экологические права**

первого поколения. Все они носят характер преимущественно негативного права, ограждающего свободу личности от посягательств власти и других людей и нуждающихся лишь в охране со стороны государства.

К **правам второго поколения** относят социальные (в широком значении этого термина) права. Они призваны обеспечить материальные условия свободы и достойную жизнь каждому человеку. Их специфика состоит прежде всего в том, что реализация этой группы прав большинством населения еще не полностью обеспечивается конституционным закреплением и государственной охраной, а требует создания целого комплекса материальных благ.

К правам второго поколения относятся собственно социальные, культурные и экологические. Все вместе они определяют обязанности государства гарантировать каждому человеку достойные условия существования, минимум материальных благ и услуг, необходимый для поддержания человеческого достоинства, нормального удовлетворения первичных потребностей и духовного развития, здоровую окружающую среду. При этом **социальные** права связаны с обеспечением каждому человеку достойного уровня жизни и социальной защищенности. Это права на социальное обеспечение, жилище, труд, охрану здоровья, образование и т.п.

Культурные права призваны гарантировать духовное развитие человека. Они включают право на образование, доступ к культурным ценностям, свободу художественного и технического творчества, преподавания и некоторые другие. **Экологические** права — это права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическими правонарушениями.

Коллективные права. Права народов и права человека

Права человека носят характер индивидуального права. Однако существует и коллективное право. Субъекты его разнообразны. Это семьи, производственные коллективы, сексуальные или национальные меньшинства и т.д. В последнее десятилетие в связи с активизацией националистических движений особую остроту приобрел вопрос о соотношении прав народов (наций) на самоопределение с основополагающими правами человека. Во многих новых государствах, образовавшихся после распада СССР, Югославии и некоторых других многонациональных коммунистических стран, получение народами национально-государственной независимости стало использоваться правящими элитами для разжигания национальной ненависти, политической дискриминации и массового нарушения прав граждан некоренной национальности. Такие действия несовместимы с принципами демократии и гуманизма и осуждаются международным сообществом.

Права человека и права народов призваны взаимно дополнять друг друга. Причем права человека являются в этом взаимоотношении основополагающими, имеют более высокий ценностный статус. Без их соблюдения права народа остаются для самых составляющих его граждан иллюзией, используемой властью имущими в своих корыстных целях. Как отмечено в итоговом документе Московского заседания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ в 1991 г., обеспечение соблюдения прав человека выше принципа невмешательства во внутренние дела отдельных государств.

Право наций на самоопределение призвано создавать государственно-правовые гарантии для уважения прав человека и учета в политике специфических этнических, лингвистических, религиозных и других коллективных интересов. При соблюдении прав человека и создании прочных политических и иных гарантий учета особых интересов этнических общностей, их право на суверенитет и государственную независимость в современных условиях растущей интеграции и взаимозависимости народов во многом утрачивает смысл. Об этом свидетельствуют, в частно-

сти, добровольная передача подавляющим большинством европейских стран своих основных прав в области национально-государственного суверенитета Европейскому Союзу и их развитие в направлении создания единого федеративного государства.

Права человека чрезвычайно разнообразны. Выражая общечеловеческие ценности, они учитывают и специфику отдельных общественных групп, например детей, беженцев, заключенных и т.д. В последние десятилетия в рамках ОБСЕ активно разрабатывается каталог прав человека, который детализирует и существенно дополняет рассмотренные выше права личности.

**Обязанности
и ответственность граждан,
гарантии их прав**

Права человека становятся реальностью лишь в том случае, если они неразрывно связаны с обязанностями людей. В конституциях западных государств обязанности граждан почти не упоминались вплоть до второй мировой войны, хотя в целом они в той или иной форме включались в законодательство.

В обязанности граждан демократических государств обычно входит соблюдение законов, уважение прав и свобод других лиц, уплата налогов, подчинение полицейским предписаниям, охрана природы, окружающей среды, памятников культуры и т.д. В некоторых странах к числу важнейших обязанностей граждан относится участие в голосовании на выборах в органы государственной власти и воинская повинность. В конституциях отдельных стран говорится и об обязанности трудиться (Япония, Италия, Гватемала, Эквадор и др.), воспитывать детей (Италия), заботиться о своем здоровье и своевременно прибегать к лечебной помощи (Уругвай). Однако ответственность за невыполнение такого рода обязанностей обычно не предусматривается.

Вопрос об **ответственности** за нарушение прав и обязанностей личности имеет важнейшее значение для их практического осуществления. Без определения конкретной ответственности органов власти, должностных лиц и отдельных граждан в этой области конституционная фиксация прав человека превращается не более чем в красивую декларацию.

Для того чтобы они стали реальностью, необходим также целый комплекс **общественных гарантий**. К ним относятся материальные (финансовые средства и собственность), политические (разделение властей, наличие независимой оппозиции, суда, СМИ и т.д.), юридические (демократическое законодательство и судебная система) и духовно-нравственные (необходимый образователь-

ный уровень, доступ к информации, демократическое общественное мнение и нравственная атмосфера) гарантии.

Права человека как критерий гуманизма политики

Практическая реализация всего комплекса прав человека — сложная, всеобъемлющая задача, степень решения которой непосредственно характеризует уровень развития, прогрессивность и гуманизм как отдельных стран, так и всей человеческой цивилизации. В современном мире соблюдение и все более богатое конкретное наполнение прав личности выступают важнейшим критерием внутренней и международной политики, ее гуманного, человеческого измерения.

Через уважение прав человека утверждается верховная ценность личности в отдельных государствах и мире в целом. В рамках отдельных стран их соблюдение служит необходимым условием здорового экономического и социального развития, торжества в политике здравого смысла, предотвращения губительных тоталитарных и иных экспериментов над народами, агрессивной внутренней и внешней политики. Еще в 1789 г. в преамбуле французской Декларации прав человека и гражданина было отмечено, что «незнание, забвение и неуважение прав человека являются единственной причиной общественных несчастий и коррумпированности правительств». И хотя современная наука не столь категорична, отмечает и другие причины социальных бедствий, она также считает уважение прав человека важнейшим условием благополучия общества.

Универсальны ли права человека?

Пока еще не все государства мира признают права человека. Некоторые политики и теоретики утверждают, в частности, что они соответствуют лишь реальностям основанного на индивидуализме западного общества и неприменимы ко многим странам третьего мира, в которых преобладают коллективистские отношения между людьми и господствуют иные нравственные ценности. С этим аргументом можно согласиться лишь отчасти. Опыт человечества свидетельствует, что экономическое и социальное развитие стран влечет за собой и рост самосознания и индивидуальности человека, его стремление к свободе и уважению человеческого достоинства, т.е. к соблюдению прав человека. Последнее в свою очередь способствуя раскрепощению и самореализации личности, стимулирует общественный прогресс. Поэтому учитывающая национальные реальности все более полная реализация прав личности — общая задача человечества.

Универсальная применимость концепции прав человека нередко ставится под сомнение с помощью ссылок на разрушительные последствия, которые может вызвать их признание государством в условиях массового распространения голода, нищеты, болезней и неграмотности или же в остроконфликтных ситуациях. В таких случаях предоставление свободы действий всем общественным группам якобы может иметь целый ряд негативных для большинства населения последствий: дестабилизировать общество и привести его в хаотическое состояние, препятствовать концентрации усилий на решении наиболее острых общественных проблем, способствовать установлению неограниченного господства наиболее сплоченных и влиятельных групп. Поэтому в слаборазвитых и остроконфликтных странах наиболее эффективной и целесообразной для всего народа формой правления может быть лишь сильная авторитарная власть, предоставляющая права гражданам лишь в ограниченном виде и по своему усмотрению.

Конечно, не существует правил без исключений. В чрезвычайных ситуациях государство вправе ограничивать свободу граждан. Однако такие ситуации обычно недолговечны. В нормальных условиях даже в слаборазвитых и остроконфликтных странах права человека выступают важнейшей гарантией против злоупотреблений власти, условием нахождения общественного согласия, налаживания мирных отношений и сотрудничества с другими странами.

**Права человека
в международной политике**

В масштабах всего мирового сообщества соблюдение прав человека — важнейшая гарантия построения международных отношений на подлинно гуманистических, нравственных началах, сохранения и упрочения мира. Существует прямая зависимость между уважением прав человека отдельным государством и его внешней политикой. Развязывание войн, грубое нарушение международного права обычно связаны с попранием правительством прав своих собственных граждан. Так было и в нацистской Германии, и в СССР, и в Ираке, и в целом ряде других государств, развязывавших агрессивные войны или предпринимавших грубые захватнические акции. Учитывая все это, страны-участницы ОБСЕ рассматривают соблюдение прав человека не как сугубо внутреннее дело каждой отдельной страны, а как предмет их общей озабоченности и коллективной ответственности.

Уважение прав личности способствует укреплению доверия между народами, создает благоприятную атмосферу для разносторонних человеческих контактов и сотрудничества, вносит в международные отношения нравственное начало. Без общей гуманистической

тической ценностной и правовой базы, создаваемой уважением прав человека, невозможны сближение народов, их интеграция.

В то же время в оценке соблюдения прав человека недопустим односторонний подход, двойные стандарты, использование этого вопроса для оправдания агрессивных действий против неугодных государств.

Обеспечение прав каждому человеку, независимо от государственных, национальных, расовых и других различий, — путь к космической разумности и нравственности человечества. На протяжении всей человеческой истории разум и нравственность характеризовали в большей степени отдельных людей, чем человечество в целом. Об этом убедительно свидетельствуют, например, многочисленные разрушительные войны, бездумное, варварское обращение с природой и т.д. Уважение прав каждого представителя человеческого рода может послужить исходным принципом построения земной цивилизации на началах разума и гуманизма. Оно позволяет личности быть сознательным и свободным творцом своей собственной частной и общественной жизни, безболезненно и конструктивно разрешать конфликты, вытекающие из неизбежного несовпадения интересов, мнений и ценностных ориентаций людей, предотвращать злоупотребления властью и ставить ее на службу человеку и человечеству.

Раздел III

ВЛАСТЬ И ЕЕ НОСИТЕЛИ

Глава 5

ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Понятие, структура и агенты власти

**Многообразие определений
власти**

Власть — одно из фундаментальных начал общества и политики. Она существует везде, где есть устойчивые объединения людей: в семье, производственных коллективах, различного рода организациях и учреждениях, во всем государстве — в этом случае мы имеем дело с верховной, политической властью.

В научной литературе существуют разнообразные определения власти, что отражает сложность, многоаспектность этого явления. Каждая из дефиниций обычно акцентирует внимание на той или иной стороне или проявлении власти и связана с определенным подходом к ее анализу. Можно выделить следующие важнейшие аспекты трактовки власти.

1. **Телеологические** (с точки зрения цели) определения характеризуют власть как способность достижения поставленных целей, получения намеченных результатов. «Власть может быть определена как реализация намеченных целей», — пишет Бертран Рассел¹. Телеологические определения трактуют власть достаточно широко, распространяя ее не только на отношения между людьми, но и на взаимодействие человека с окружающим миром — в этом смысле говорят, например, о власти над природой.

2. **Бихевиористские** трактовки рассматривают власть как особый тип поведения, при котором одни люди командуют, а другие

¹ Цит. по: Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. С. 136.

подчиняются. Бихевиористский подход индивидуализирует понимание власти, сводит ее к взаимодействию реальных личностей, обращая особое внимание на субъективную мотивацию власти. Одну из типичных бихевиористских трактовок власти предлагает Г. Лассуэлл. Он считает, что первоначальные импульсы для возникновения власти дает присущее индивидам стремление (воля) к власти и обладание «политической энергией». Человек видит во власти средство улучшения жизни: приобретения богатства, престижа, свободы, безопасности и т.п. В то же время власть — это и самоцель, позволяющая наслаждаться ее обладанием. Политическая власть складывается из столкновения многообразных волей к власти как баланс, равновесие политических сил.

3. **Психологические** интерпретации власти, исходя из ее бихевиористского понимания как поведения реальных индивидов, пытаются раскрыть субъективную мотивацию этого поведения, истоки власти, коренящиеся в сознании и подсознании людей. Одно из виднейших направлений этого рода — психоанализ. Он трактует стремление к власти как проявление, сублимацию подавленного либидо, представляющего собой подверженное трансформации влечение преимущественно сексуального характера (Зигмунд Фрейд) или же психическую энергию вообще (Карл Густав Юнг). Стремление к власти и особенно обладание ею выполняют функцию субъективной компенсации физической или духовной неполноценности. Власть возникает как взаимодействие воли к ней — одних и готовности к подчинению, «добровольному рабству» — других. Как считал Фрейд, в психике человека имеются структуры, делающие его предрасположенным к предпочтению рабства свободе ради личной защищенности и успокоения.

Различные психоаналитики расходятся в объяснении причин психологического подчинения. Одни (С. Московиси, Б. Эдельман) видят их в своего рода гипнотическом внушении, существующем во взаимоотношениях вождя и толпы, другие же (Ж. Лакан) — в особой восприимчивости подсознания человека к символам, выражаемым в языке. В целом же психологический подход помогает выявить механизмы мотивации власти как отношения: командование — подчинение.

4. Противоположностью бихевиористскому и психологическому видениям власти является ее **системная** трактовка. Если первые два направления требуют идти в понимании власти снизу вверх, от индивидов к обществу, руководствуясь реально наблюдаемыми в эмпирическом опыте ее проявлениями, то системный метод исходит из производности власти не от индивидуальных отношений, а от социальной системы, рассматривает власть как «способность

системы обеспечивать исполнение ее элементами принятых обязательств», направленных на реализацию ее коллективных целей². Некоторые представители системного подхода (К. Дойч, Н. Луман) трактуют власть как средство социального общения (коммуникации), позволяющее регулировать групповые конфликты и обеспечивать интеграцию общества. Системностью власти обуславливается ее относительность, т.е. распространенность на определенные системы.

5. **Структурно-функционалистские** интерпретации власти рассматривают ее как свойство социальной организации, как способ самоорганизации человеческой общности, основанный на целесообразности разделения функций управления и исполнения. Без власти невозможны коллективное существование человека, совместная жизнедеятельность многих людей. Само общество устроено иерархично, дифференцирует управленческие и исполнительские социальные роли. Власть — это свойство социальных статусов, ролей, позволяющее контролировать ресурсы, средства влияния. Иными словами, власть связана с занятием руководящих должностей, позволяющих воздействовать на людей с помощью позитивных и негативных санкций, поощрения и наказания.

6. **Реляционистские** (от французского слова «relation» — отношение) определения рассматривают власть как отношение между двумя партнерами, агентами, при котором один из них оказывает определяющее влияние на второго. В этом случае власть предстает как **взаимодействие ее субъекта и объекта, при котором субъект с помощью определенных средств контролирует объект.**

Такое понимание власти позволяет раскрыть ее структуру, увязать в единое целое различные ее характеристики. **Основными компонентами власти являются ее субъект, объект, средства (ресурсы) и процесс**, приводящий в движение все ее элементы и характеризующийся механизмом и способами взаимодействия между партнерами.

Субъект власти

Субъект и объект — непосредственные носители, агенты власти. Субъект (актор) воплощает активное, направляющее начало власти. Им может быть отдельный человек, организация, общность людей, например народ, или даже мировое сообщество, объединенное в ООН.

Для возникновения властных отношений необходимо, чтобы субъект обладал рядом качеств. Прежде всего это желание властвовать, воля к власти, проявляющаяся в распоряжениях или прика-

² Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. New York, 1967. P. 308.

зах. Большинство людей не испытывает психологического удовольствия от обладания властью. Сама по себе власть не является для них ценностью. Многие вообще предпочли бы уклониться от руководящих должностей и связанной с ними ответственности, если бы власть не открывала широкие возможности для получения различного рода благ: высокого дохода, престижа, выгодных связей, привилегий и т.д. Для них стремление к власти имеет инструментальный характер, т.е. служит средством достижения других целей.

Помимо желания руководить и готовности брать на себя ответственность, субъект власти должен быть компетентным, знать суть дела, состояние и настроение подчиненных, уметь использовать ресурсы, обладать авторитетом. Для политической власти важнейшее значение имеет организованность субъекта. Конечно, реальные носители власти в разной степени наделены всеми этими качествами.

Субъекты политической власти имеют сложный, многоуровневый характер. Ее первичными акторами являются индивиды и социальные группы, вторичными — политические организации, субъектами наиболее высокого уровня, непосредственно представляющими во властных отношениях различные группы и организации, — политические элиты и лидеры. Связь между этими уровнями может нарушаться. Так, например, лидеры нередко отрываются от масс и даже от собственных партий.

Отражением первостепенной роли субъекта в отношении власти является широко распространенное в повседневном языке отождествление власти с ее носителем. Так, говорят о решениях власти, о действиях властей и т.п., подразумевая под властью управленческие органы.

Субъект определяет содержание властного взаимодействия через распоряжение (приказ, команду), в котором предписывается поведение объекта власти, указываются или подразумеваются поощрение и наказание за выполнение или невыполнение команды. От характера содержащихся в приказе требований во многом зависит отношение к нему исполнителей, объекта — второго важнейшего элемента власти.

Объект власти

Власть никогда не является свойством или отношением лишь одного действующего лица (органа), конечно, если не иметь в виду власть человека над самим собой, предполагающую подчинение его поведения доводам разума, как бы раздвоение личности. Но это уже психологический, а не социальный феномен.

Власть всегда двустороннее, асимметричное, с доминированием воли властителя взаимодействие ее субъекта и объекта. Она

невозможна без подчинения объекта. Если такого подчинения нет, то нет и власти, несмотря на то, что стремящийся к ней субъект обладает ярко выраженной волей властвования и даже мощными средствами принуждения. В конечном счете у объекта властной воли всегда есть пусть крайний, но все же выбор — погибнуть, но не подчиниться. Осознание зависимости власти от покорности населения нашло практическое политическое выражение в акциях гражданского неповиновения, широко используемых в современном мире как средство ненасильственной борьбы.

Границы отношения объекта к субъекту властвования простираются от ожесточенного сопротивления, борьбы на уничтожение (в этом случае власть отсутствует) до добровольного, воспринимаемого с радостью повиновения. В принципе подчинение так же естественно присуще человеческому обществу, как и руководство. Готовность к подчинению зависит от ряда факторов: от собственных качеств объекта властвования, от характера предъявляемых к нему требований, от ситуации и средств воздействия, которыми располагает субъект, а также от восприятия руководителя исполнителями, наличия или отсутствия у него авторитета. Качества объекта политического властвования определяются прежде всего политической культурой населения. Преобладание в обществе людей, привыкших лишь беспрекословно повиноваться, жаждущих «твердой руки», является благоприятной питательной средой деспотических режимов.

Природа подчинения

Мотивация подчинения достаточно сложна. Она может основываться на страхе перед санкциями; на долговременной привычке к повиновению; на заинтересованности в выполнении распоряжений; на убежденности в необходимости подчинения; на авторитете, вызываемом руководителем у подчиненных; на идентификации объекта с субъектом власти.

Все эти мотивы существенно влияют на **силу власти**, т.е. способность ее субъекта влиять на объект. Высокая сила воздействия и вероятность подчинения отличают власть от **влияния** — более широкой, чем власть, категории, характеризующей как властное, так и более слабое и менее эффективное воздействие субъекта на объект.

Сила власти, основанная на **страхе**, вызываемом угрозой санкций, прямо пропорциональна тяжести наказания и обратно пропорциональна вероятности избежать его в случае непослушания. Такая власть имеет тенденцию к ослаблению вследствие естественного стремления людей избавиться от этого неприятного эмоционального состояния.

Сравнительно безболезненно воспринимается людьми власть, базирующаяся на **привычке**, обычае повиноваться. Привычка была одним из ведущих мотивов подчинения государству в традиционных обществах. Она — надежный фактор стабильности власти до тех пор, пока не приходит в противоречие с требованиями реальной жизни. Если же это происходит, то власть, основанная лишь на привычке к повиновению, быстро разрушается, как только люди замечают, что «король-то — голый», что власть изжила себя и недостойна повиновения.

Наиболее стабильной является власть, построенная на **интересе**. Личная заинтересованность побуждает подчиненных к добровольному выполнению распоряжений, делает излишним контроль и применение негативных санкций. Она способствует развитию у людей других типов позитивной мотивации подчинения — повиновения на основе убежденности, авторитета и идентификации.

Подчинение по **убеждению** связано с мотивационным воздействием достаточно глубоких слоев сознания: менталитета, ценностных ориентаций и установок, составляющих «вторую природу» личности (ее «первая природа» образуется под воздействием первичных, преимущественно биологических потребностей и повседневных интересов индивида). Готовность подчиняться государству или другому носителю власти ради каких-либо более высоких, чем непосредственные индивидуальные интересы, целей (патриотических, нравственных, религиозных и т.п.) — важный источник силы власти.

Одной из наиболее благоприятных для власти мотиваций подчинения является **авторитет**. Он формируется на базе общей заинтересованности объекта и субъекта власти и убежденности подчиненных в особых способностях руководителя. **Авторитет представляет собой высоко ценимые качества, которыми подчиненные наделяют руководителя и которые детерминируют их повиновение без убеждения или угрозы санкций.** Он основывается на согласии и означает уважение к руководящей личности или институту, доверие к ним. Авторитет может быть истинным, когда руководитель действительно обладает теми качествами, которыми его наделяют подчиненные, и ложным, основанным на заблуждениях относительно личности руководителя. В зависимости от лежащих в его основе качеств авторитет бывает научным (качество учености), деловым (компетентность, навыки, опыт), моральным (высокие нравственные качества), религиозным (святость), статусным (уважение к должности) и т.п.

Власть, основанная на интересах, убежденности и авторитете, часто перерастает в **идентификацию** подчиненного с руководите-

лем. В этом случае достигается максимальная сила власти и субъект воспринимается объектом как свой представитель и защитник. Субъективная идентификация исполнителей с руководителем может объясняться двумя причинами: 1) быть свойством реального двойственного положения людей в отношениях власти, как это имеет место в демократических организациях, где индивиды выступают и субъектом власти — выбирают и контролируют руководство, и ее объектом — исполняют его решения. В этом случае оба агента власти совпадают, хотя и не полностью; 2) выступать результатом общности интересов и ценностей руководителя и исполнителя и возникновения у последнего чувства единения со всей организацией или группой.

Субъект или объект характеризуют крайние полюса, активные начала структуры власти. Само деление людей на субъектов и объектов, начальников и подчиненных во многом релятивно и изменчиво: в одном отношении человек выступает начальником, в другом — подчиненным, причем со временем индивиды могут поменяться ролями. Применительно к политической власти взаимодействие ее агентов опосредуется целым комплексом средств или ресурсов и осуществляется в рамках специального институционального механизма, стабилизирующего и регулирующего процесс властвования. Что же представляют собой эти компоненты власти?

§ 2. Ресурсы, процесс и виды власти

Понятие ресурсов власти

Важнейшей социальной причиной подчинения одних людей другим является неравномерное распределение ресурсов власти. Сам этот термин употребляется как в широком, так и в узком значениях. В широком смысле ресурсы власти представляют собой «все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других»³.

Такое понимание ресурсов достаточно общо и не позволяет дифференцировать различные элементы власти (ее субъект, объект, средства), поскольку в этом случае ресурсы включают все факторы, которые способны так или иначе повлиять на власть: собственные качества субъекта (компетентность, организованность и т.п.); некоторые свойства объекта (например, его политическую доверчивость, привычку подчиняться власти, авторитет и т.д.); благоприятную для субъекта ситуацию (экономический подъем, раздоры в стане оппозиции и т.п.), а также материальные и иные

³ *Dahl R. A. The Analysis of Influence in Local Communities//Social Science and Community Action. East Lancing, 1960. P. 31.*

средства воздействия (деньги, оружие, сырье и т.п.). При столь широком понимании ресурсов утрачивается их специфика как **относительно самостоятельного, обычно материализованного звена, опосредующего взаимодействие агентов власти и служащего важнейшим социальным фактором подчинения и господства.**

Поэтому для изучения власти и ее структуры предпочтительнее более узкая трактовка ресурсов, их понимание как **всех тех средств, использование которых обеспечивает влияние субъекта на объект власти.** Ресурсы могут применяться для поощрения, наказания или убеждения. В процессе их реализации субъектом они могут трансформироваться во власть, которая и представляет собой способность превращать определенные ресурсы в устойчивое влияние в рамках системы взаимосвязанных агентов. Ресурсы иногда отождествляют с основаниями власти, хотя чаще к таким основаниям относят также и агентов власти — ее субъект и объект.

Первостепенная значимость ресурсов как оснований власти отражена в теории «социального обмена» (П. Блау и др.). Согласно этой теории, в основе власти лежит неравномерное распределение дефицитных ресурсов. Люди, не имеющие ресурсов, получают их в обмен на исполнение распоряжений их владельцев. Тем самым одни попадают в зависимость от других, подчиняются им.

Типы ресурсов

Ресурсы власти так же разнообразны, как многообразны средства удовлетворения различных потребностей и интересов людей. Существует несколько классификаций ресурсов. Так, согласно А. Этциони, они делятся на **утилитарные, принудительные и нормативные**⁴. Утилитарные ресурсы — это материальные и другие социальные блага, связанные с повседневными интересами людей. С их помощью власть, особенно государственная, может покупать не только отдельных политиков, но и целые слои населения. Эти ресурсы используются как для поощрения, так и для наказания (например, уменьшение зарплаты недобросовестным работникам). В качестве принудительных ресурсов обычно выступают меры административного наказания, используемые в тех случаях, когда не срабатывают ресурсы утилитарные. Это, например, судебное преследование участников забастовки, не побоявшихся экономических санкций. Нормативные ресурсы включают средства воздействия на внутренний мир, ценностные ориентации и нормы поведения человека. Они призваны убедить подчиненных в общности интересов

⁴ См.: Etzioni A. A Comparative Analysis of Complex Organizations. New York, 1961.

руководителя и исполнителей, обеспечить одобрение действий субъекта власти, принятие его требований.

Для выделения различных видов власти широко распространена классификация ее ресурсов в соответствии с важнейшими сферами жизнедеятельности — на экономические, социальные, культурно-информационные, принудительные (силовые). **Экономические ресурсы** — это материальные ценности, необходимые для общественного и личного производства и потребления, деньги как их всеобщий эквивалент, техника, плодородные земли, полезные ископаемые и т.п. **Социальные ресурсы** — способность повышения или понижения социального статуса или ранга, места в социальной стратификации. Они частично совпадают с экономическими ресурсами. Так, например, доход и богатство, являясь экономическим ресурсом, вместе с тем характеризуют и социальный статус. Однако социальные ресурсы включают и такие показатели, как должность, престиж, образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и т.п.

Культурно-информационные ресурсы — знания и информация, а также средства их получения и распространения: институты науки и образования, средства массовой информации и др. Как считает известный американский социолог-прогнозист Олвин Тоффлер, в конце XX в. знания и информация становятся важнейшим ресурсом власти. Уже сегодня в постиндустриальных странах «знания, в силу своих преимуществ — бесконечности, общедоступности, демократичности, — подчинили силу и богатство и стали определяющим фактором функционирования власти». В ходе общественного развития такие традиционные ресурсы власти, как сила и богатство, утрачивают влияние, хотя и не исчезают полностью. Истинную же власть приобретают знания и обладание информацией⁵. Конечно, далеко не во всех странах знания и информация имеют приоритет над экономическими, социальными и силовыми ресурсами. Однако тенденция повышения значимости культурно-информационных ресурсов как источника власти в современном мире проявляется достаточно отчетливо.

Принудительные (силовые) ресурсы — это оружие, институты физического принуждения и специально подготовленные для этого люди. В государстве их ядро составляют армия, полиция, службы безопасности, суд и прокуратура с их вещественными атрибутами: зданиями, снаряжением и техникой, тюрьмами и т.п. Этот

⁵ Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века//Свободная мысль. 1992. № 2. С. 16 и др.

вид ресурсов традиционно считается наиболее эффективным источником власти, поскольку его использование способно лишить человека жизни, свободы и имущества — высших ценностей.

Различные ресурсы власти обычно применяются ее субъектами в комплексе, особенно государством, в большей или меньшей степени обладающим всеми видами ресурсов.

Специфическим ресурсом власти является сам человек — **демографические ресурсы**. Люди — это универсальный, многофункциональный ресурс, который производит другие ресурсы. Человек — создатель материальных благ (экономические ресурсы), солдат и член партии (политико-силовые ресурсы), обладатель и распространитель знаний и информации (культурно-информационные ресурсы) и т.д. Личность выступает ресурсом власти лишь в одном из своих многочисленных измерений — будучи использована как средство реализации чужой воли. В целом же человек — не только ресурс власти, но и ее субъект и объект.

**Процесс властвования.
Два «лица власти»**

Использование ресурсов власти приводит в движение все ее компоненты, делает реальностью ее процесс, который характеризуется прежде всего способами и механизмом властвования. Существуют **два главных способа властвования** (два «лица власти»). Первый из них заключается в побуждении объекта к определенным, угодным субъекту действиям. Второй состоит в обеспечении бездействия подвластных, блокировании нежелательных для руководства видов их поведения.

Впервые на ограничительное свойство власти особое внимание обратили американские политологи Петер Бахрах и Мортон Баратц, назвавшие его «вторым лицом власти». Реальное проявление в обществе этого свойства политической власти состоит в ее способности исключать из сферы общественных дискуссий и политических решений определенные темы и тем самым предотвращать их адекватное отражение в массовом сознании и реальное развертывание соответствующих политических конфликтов.

В странах командного социализма такими запретными для критики темами были прежде всего право коммунистических партий на руководство обществом и право граждан на идеологическое и политическое инакомыслие и оппозицию. В ФРГ 50–60-х гг. блокированной властями политической темой явилось, например, отношение к строительству атомных электростанций. Согласие, достигнутое по этому вопросу политической элитой, СМИ, предпринимателями и менеджерами под прикрытием популярного лозунга «больше роста — больше энергии», позволило

исключить саму дискуссию об альтернативных атому источниках энергии⁶.

Способы властвования имеют сложную и неоднозначную классификацию. Они могут быть демократическими (власть осуществляется при участии в принятии решений их исполнителей), авторитарными (неограниченная власть, не претендующая на полный контроль над подданными), тоталитарными (всеобъемлющий контроль субъекта над объектом), конституционными (правление в рамках закона), деспотическими (всевластие, произвол и беззаконие), либеральными (уважение свободы и прав личности) и др.

Процесс властвования упорядочивается и регулируется с помощью специального **механизма власти** — системы организаций и норм их устройства и деятельности. Применительно к такому сложному социальному субъекту, как общество (народ), механизмом власти выступают государственные органы и другие политические институты и право. (Они специально анализируются в последующих главах.)

Виды власти

Особенности различных элементов власти (субъекта, объекта, ресурсов и процесса) могут использоваться в качестве оснований ее типологии. Наиболее содержательна классификация власти в обществе в соответствии с ресурсами, на которых она основывается, на **экономическую, социальную, культурно-информационную, принудительную**.

Экономическая власть — это контроль над экономическими ресурсами, собственность на различного рода материальные ценности. В обычные, относительно спокойные периоды общественного развития экономическая власть доминирует над другими видами власти, поскольку «экономический контроль — это не просто контроль одной из областей человеческой жизни, никак не связанной с остальными; это контроль над средствами достижения всех наших целей»⁷.

С экономической властью тесно связана власть **социальная**. Если экономическая власть предполагает способность распределения материальных благ, то социальная — распределения позиций на социальной лестнице — статусов, должностей, льгот и привилегий. Современные государства обладают большой социальной властью, с помощью социальной политики они могут влиять на общественное положение широких слоев населения, вызывая тем самым их лояльность и поддержку.

⁶ См.: Innenpolitik und politische Theorie. Opladen, 1979. S. 32.

⁷ Хайек Ф. А. Дорога к рабству//Новый мир. 1991. № 7. С. 218.

Культурно-информационная власть — это прежде всего власть над людьми с помощью научных знаний, информации и средств их распространения. Кроме того, это моральная, религиозная и некоторые другие виды власти, связанные с подчинением на основе авторитета. В современном обществе из всех видов духовного влияния на первый план выдвигается научно-информационная власть. Знания используются как при подготовке правительственных решений, так и для непосредственного воздействия на сознание людей в целях обеспечения их политической лояльности и поддержки. Такое воздействие осуществляется через институты социализации (школа, другие образовательные учреждения), а также с помощью СМИ.

Информационная власть способна служить разным целям: не только распространению объективных сведений о деятельности правительства, положении в обществе, но и **манипулированию** — управлению сознанием и поведением людей вопреки их интересам, а нередко и воле, основанному на специальных методах обмана.

Принудительная власть опирается на силовые ресурсы и означает контроль за людьми с помощью применения или угрозы применения физической силы. Принудительную власть не следует отождествлять с властью политической, хотя легальное использование силы в масштабах государства — важнейшая особенность последней. Насилие, физическое принуждение могут использоваться и неполитической властью, например в отношениях между рабами и рабовладельцами, между деспотом — главой семьи и ее членами, между главарем и членами преступной группировки, между рэкетирами и торговцами и т.д.

Особенности политической власти

Политическая власть характеризуется рядом отличительных признаков:

1) легальностью использования силы в пределах государства; 2) верховенством, обязательностью решений для всякой иной власти, способностью проникновения в любые общественные процессы. Политическая власть может ограничить влияние мощных корпораций, СМИ и других учреждений или же вовсе ликвидировать их; 3) публичностью, т.е. всеобщностью и безличностью. Это означает, что политическая власть в отличие от личной, приватной власти, которая обычно существует в небольших, контактных группах, обращается от имени всего общества с помощью права ко всем гражданам; 4) моноцентричностью, наличием единого центра принятия решений. В рыночном демократическом обществе в отличие от политической власти эко-

номическая, социальная и духовно-информационная власти полицентричны. Здесь существует много независимых собственников, СМИ, социальных фондов и т.п.; 5) многообразием ресурсов. Политическая власть, и особенно государство, использует не только принуждение, но и экономические, социальные и культурно-информационные ресурсы.

Соотношение властей в обществе

Различные общественные власти находятся в сложном взаимодействии.

Многие политологи, в том числе марксистской ориентации, считают важнейшей среди них экономическую власть, власть собственников средств производства и других общественных богатств. В рыночном обществе, где почти все имеет цену и денежное выражение, подавляющее большинство СМИ принадлежит крупным собственникам. Деньги оказывают сильное влияние на проведение избирательных кампаний и итоги выборов, широко используются для подкупа политиков и избирателей. Концентрация экономической власти у крупных собственников создает опасность установления плутократии — прямого политического правления небольшой группы богачей. В современных западных государствах всевластие крупного капитала сдерживается конкуренцией между собственниками, политическим влиянием многочисленного среднего класса и общественности, демократическим устройством государства.

Политическая власть, испытывая сильное воздействие власти экономической, достаточно самостоятельна и способна превалировать над ней, подчинять ее своим целям. При определенных обстоятельствах доминирующее влияние на общество может оказывать власть духовно-информационная. Ее монопольное использование может обеспечить политической группировке победу на выборах и длительное сохранение своего господства несмотря на неэффективность экономической и социальной политики.

Во взаимодействии различных властей в обществе имеет место так называемый **кумулятивный эффект** — усиливающееся накопление власти. Он проявляется в том, что богатство повышает шансы человека на вхождение в политическую элиту и доступ к СМИ и образованию; высокая политическая должность способствует накоплению богатства, доступу к знаниям и информационному влиянию; последние же в свою очередь улучшают возможности в занятии лидирующих политических позиций и повышении дохода.

Слияние политической, экономической, социальной и духовно-информационной властей при командной роли политики наблюдается в тоталитарных государствах. Демократический же строй пред-

полагает разделение как самих этих властей, так и каждой из них: в экономике — наличие множества конкурирующих центров влияния, в политике — разделение властей между государством, партиями и группами интересов, а также самой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, в духовной сфере — плюрализм СМИ и других источников знания и информации.

Как уже отмечалось, типологии власти разнообразны. В зависимости от субъектов власть бывает автократическая (самодержавие), олигархическая (группократия) и самоуправленческая (власть всех членов группы или организации). По сферам проявления власть делится на государственную, партийную, профсоюзную, армейскую, семейную и т.п. По широте распространения выделяются: мегауровень — международные организации, например ООН, НАТО и т.п.; макроуровень — центральные органы государства; мезоуровень — организации (областные, районные и т.п.), подчиненные центру, и микроуровень — власть в первичных организациях и малых группах. Возможна классификация власти по функциям ее органов, например законодательная, судебная и исполнительная власти государства; по способам взаимодействия субъекта и объекта власти — демократическая, авторитарная и т.п.

§ 3. Политическое господство и легитимность

Понятие политического господства

Проявления власти в обществе чрезвычайно многообразны, изменчивы и относительны. Для того чтобы упорядочить их, стабилизировать власть в обществе и сделать ее функционально способной, ее необходимо институционализировать, закрепить в форме политического господства. Многие политологи, особенно европейские, считают категорию господства центральной, базовой для понимания политики, а изучение системы политического господства — одной из первейших задач политологии.

Политическое господство означает структурирование в обществе отношений командования и подчинения, организационное и законодательное оформление факта разделения в обществе управленческого труда и обычно связанных с ним привилегий — с одной стороны, и исполнительской деятельности — с другой. Оно возникает тогда, когда власть институционализируется, превращается в устойчивые отношения, когда в организации устанавливаются позиции, занятие которых позволяет принимать решения, приказывать, разрешать или запрещать. «Господство, — писал Вебер, — означает шанс встретить повиновение определенному приказу»⁸.

⁸ Weber M. Staatssoziologie. Berlin, 1966. S. 99.

Господство неразрывно связано с властью, является формой ее организации в обществе. Политическая власть, опираясь на вооруженную силу, может возникнуть и до установления господства. Однако в этом случае она не сможет долго продержаться и выполнять свои функции в обществе.

Научное понимание господства в отличие от его трактовки в повседневном языке этически нейтрально и не связано с такими негативными атрибутами, как эксплуатация, угнетение, подавление. Господство — это политический порядок, при котором одни командуют, а другие подчиняются, хотя первые могут находиться под демократическим контролем вторых. Такой порядок может соответствовать интересам не только управляющего меньшинства, но и всего общества или по крайней мере его большинства, хотя в истории человечества политическое господство проявлялось обычно как форма закрепления и (или) средство приобретения социального господства, т.е. привилегированного положения в обществе, связанного с социальным неравенством.

В современных правовых социальных государствах связь политического господства с социальными привилегиями ослабла, хотя и не исчезла полностью. Альтернативой политическому господству является самоуправленческая организация общества, осуществление которой в обозримой перспективе нереально.

Политическая легитимность

Господство как институционализовавшаяся власть может по-разному оцениваться гражданами. Положительная оценка, принятие населением власти, признание ее правомерности, права управлять и согласие подчиняться означает ее **легитимность**. Легитимная власть обычно характеризуется как правомерная и справедливая. Легитимность связана с наличием у власти авторитета, ее соответствием ценностным представлениям большинства граждан, с консенсусом общества в области основополагающих политических ценностей.

Сам термин «легитимность» иногда переводят с французского как «законность» или «узаконенность». Такой перевод не совсем точен. Законность, понимаемая как действие через закон и в соответствии с ним, может быть присуща и нелегитимной власти.

Большой вклад в теорию легитимации господства (власти) внес Макс Вебер. В зависимости от мотивов подчинения он выделил три главных типа легитимности власти:

1. **Традиционная** легитимность. Она обретается благодаря обычаям, привычке повиноваться власти, вере в непоколебимость и священность издревле существующих порядков. Традиционное гос-

подство характерно для монархий. По своей мотивации оно во многом схоже с отношениями в патриархальной семье, основанными на беспрекословном повиновении старшим и на личном, неофициальном характере взаимоотношений между главой семьи и ее членами. Традиционная легитимность отличается прочностью. Поэтому, считал Вебер, для стабильности демократии полезно сохранение наследственного монарха, подкрепляющего авторитет государства многовековыми традициями почитания власти.

2. **Харизматическая** легитимность. Она основана на вере в исключительные качества, чудесный дар, т.е. харизму, руководителя, которого иногда даже обожествляют, создают культ его личности. Харизматический способ легитимации часто наблюдается в периоды революционных перемен, когда новая власть для признания населением не может опереться на авторитет традиций или же демократически выраженной воли большинства. В этом случае сознательно культивируется величие самой личности вождя, авторитет которого освящает институты власти, способствует их признанию и принятию населением. Харизматическая легитимность базируется на вере и на эмоциональном, личностном отношении вождя и массы.

3. **Рационально-правовая (демократическая)** легитимность. Ее источником выступает рационально понятый интерес, который побуждает людей подчиняться решениям правительства, сформированного по общепризнанным правилам, т.е. на основе демократических процедур. В таком государстве подчиняются не личности руководителя, а законам, в рамках которых избираются и действуют представители власти.

Рационально-правовая легитимность характерна для демократических государств. Это преимущественно **структурная** или институциональная легитимность, основанная на доверии граждан к устройству государства, а не к отдельным личностям (**персональная** легитимность). Хотя нередко, особенно в молодых демократиях, легитимность власти может основываться не столько на уважении к выборным институтам, сколько на авторитете конкретной персоны руководителя государства. В современном мире легитимность власти нередко отождествляют лишь с ее демократической легитимностью.

Легитимность власти не ограничивается ее тремя, ставшими классическими типами. Существуют и другие способы легитимации и соответственно типы легитимности. Один из них — **идеологическая** легитимность. Ее суть состоит в оправдании власти с помощью идеологии, вносимой в массовое сознание. Идеология обосновывает соответствие власти интересам народа, нации или класса, ее право управлять. В зависимости от того, к

кому апеллирует идеология и какие идеи она использует, идеологическая легитимность может быть классовой или националистической.

В странах командно-административного социализма была широко распространена классовая легитимность. Во второй половине XX в. многие молодые государства в попытках получить признание и поддержку населения очень часто прибегают к националистической легитимации своей власти, нередко устанавливая этнократические режимы.

Идеологическая легитимация основывается на внедрении в сознание и подсознание людей определенной «официальной» идеологии с помощью методов убеждения и внушения. Однако в отличие от рационально-правовой легитимации, апеллирующей к сознанию, разуму, она — односторонний процесс, не предполагающий обратных связей, свободного участия граждан в формировании идеологических платформ или их выборе.

Соотношение легитимности и эффективности власти

Легитимность власти коренится в политической культуре населения и означает соответствие ее устройства ценностным представлениям граждан. Однако их отношение к власти может быть не только ценностным — с позиций норм нравственности, но и инструментальным — оценивающим ее с точки зрения того, что она дает или может дать людям. Такое инструментальное отношение между гражданами и властью характеризуется понятием эффективности.

Эффективность власти — это ее результативность, степень выполнения ею своих функций в политической системе и обществе, реализации ожиданий (экспектаций) граждан и прежде всего наиболее влиятельных слоев — элит. В современных условиях легитимность и эффективность власти — два важнейших фактора ее стабильности, доверия к ней и поддержки ее гражданами.

Несмотря на мотивационные различия, легитимность и эффективность власти взаимосвязаны. В конечном счете любые типы легитимности власти очень во многом определяются надеждами населения на ее эффективность, т.е. удовлетворение его требований. Многие авторитарные режимы, первоначально страдающие дефицитом легитимности, например в Чили, Южной Корее, Бразилии, впоследствии в значительной мере приобрели ее благодаря успешной экономической политике, укреплению общественного порядка и повышению благосостояния населения.

Однако достичь эффективности, не обладая легитимностью, т.е. одобрением и поддержкой граждан, достаточно сложно. В наши

дни большое число государств переживает кризис легитимности. На протяжении многих десятилетий особенно остро он проявлялся в форме политической нестабильности, частых государственных переворотов в «третьем мире». В последние годы проблема легитимности стала крайне актуальной для большинства посткоммунистических стран. Это связано с разрушением там традиционных, идеологических и харизматических механизмов легитимации, с отсутствием многих зрелых предпосылок, необходимых для демократии, и с низкой эффективностью власти, сформированной по демократическим процедурам.

Неспособность правящих режимов таких государств вывести свои страны из кризиса подрывает доверие населения к рационально-правовым способам легитимации. Для большинства из них, относительно слабо укорененных в политической культуре демократических ценностей, укрепление легитимности власти возможно прежде всего на пути практической демонстрации способности решать острые экономические и социальные проблемы.

Политическая власть распределена в обществе неравномерно. В любой стране мира, как в древности, так и сегодня, большинство людей не принимает непосредственного систематического участия в политике и управлении государством. Даже в условиях демократии (подробно о демократии см. разд. IV), основанной на признании граждан, народа источником власти, реальными повседневными ее носителями являются политические элиты и лидеры.

Глава 6

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ

§ 1. Социальная стратификация

Понятие социальной стратификации

В любом сложно организованном обществе люди всегда отличаются друг от друга как по врожденным, так и по приобретаемым в процессе жизни характеристикам. В той мере, в какой они обладают одинаковыми чертами и свойствами, они образуют группы; различия же между этими группами создают тот уровень общественной дифференциации, который может иметь самые серьезные политические последствия.

Как показывает опыт, именно переплетение интересов групп, их различные связи и взаимоотношения оказывают существенное воздействие на содержание политических процессов. Характер влияния групп на политику определяется прежде всего сохраняющимися между ними различиями в обладании теми или иными ресурсами, которые они могут использовать для защиты своих интересов. Другими словами, в качестве своего важнейшего источника политика имеет реально существующее расслоение населения, которое характеризует неравенство общественного положения групп.

Отношения общественного равенства и неравенства, а также права и обязанности групп, вытекающие из занимаемых ими общественных позиций (статусов), называются **социальной стратификацией**. Это понятие характеризует ту постоянно существующую асимметрию в отношениях групп, которая структурирует общество, но всегда является результатом воздействия конкретных социально-экономических и иных общественных отношений в конкретной стране. Как писал В. Парето, «изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах» и даже тех, которые «провозглашали равенство людей *gene*»¹. В то же время социальная стратификация — это результат взаимодействия тенденций к расслоению населения и его преодоления. «В любом обществе, в любые времена, — писал П. Сорокин, — происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания»².

Некоторые специалисты полагают, что социальная стратификация выражает только иерархические связи между группами. Однако большинство ученых все же считает, что это понятие характеризует общественную дистанцию, складывающуюся между людьми не только по вертикали (к примеру, различия в положении генерала и рядового военнослужащего), но и по горизонтали (отношение между тем же генералом и соответствующим ему по рангу работником гражданского сектора в аппарате государственного управления).

Разносторонность и многообразие социальной стратификации, помимо фиксации групповых различий, означает также и то, что человек одновременно принадлежит к разным социальным стратам (скажем, в одно и то же время является отцом семейства, членом определенной профессиональной, а также национальной группы, жителем того или иного города и т.д.). Таким образом, социальная стратификация показывает, что человек обладает различными со-

¹ Pareto V. *Traite de sociologie*. P., 1919. Vol. 1. P. 613.

² Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. С. 334.

циальными статусами, среди которых, конечно, есть «главный статус» (Н. Мелзер), обуславливающий наиболее важную для человека групповую характеристику.

В принципе люди стремятся воспроизводить действительность в соответствии с нормами, соответствующими своему более высокому статусу. Однако «сопротивление» представителей других статусов чаще всего вызывает определенную конфликтность в восприятии своего места в обществе и как следствие — их обостренную политическую реакцию на жизненные ситуации. Таким образом, одна только разница социальных статусов («социальная декомпозиция») способна вызвать социальную и политическую напряженность в поведении человека.

Так, упоминавшееся стремление человека идентифицировать себя прежде всего с более высокой статусной группой, по замечанию американского ученого С. Липсета, на деле означает политическое давление, побуждающее людей становиться более консервативными. Это служит известным доказательством существующего в индустриальном обществе некоего «консервативного уклона», противостоящего влиянию антиэлитарных левых партий, апеллирующих к недовольству и устремлениям менее привилегированных слоев. Как отмечает С. Липсет, «положение многих людей в различных измерениях стратификационной системы подвергает их противоречивым политическим воздействиям... Как показали многочисленные исследования, когда люди занимают несовместимые социальные положения, два взаимопротиворечивых статуса могут породить реакции, отличные от действия каждого из них, взятого само по себе, а иной раз даже вызвать к жизни более экстремистскую реакцию»³.

Социальная стратификация в широком смысле включает в себя все группы, обладающие различными, в том числе политическими, статусами и ресурсами. Например, Г. Моска и В. Парето писали о властвующем меньшинстве (элите) и неэлитарных слоях общества, которые не выполняют в политике управленческих функций. Однако в узком, более специальном смысле важно различать собственно социальные и политические виды стратификаций.

**Система социального
представительства**

Каждое общество обладает той или иной социальной структурой, но далеко не каждая группа способна включиться в политику, используя институты государственной власти для укрепления своей целостности, завоевания новых ресурсов или достиже-

³ Липсет С. Политическая социология//Американская социология. М., 1972. С. 217.

ния более высоких статусов. К примеру, многие группы могут строить свои отношения на идеях сотрудничества и соучастия в разрешении тех или иных проблем без обращения за помощью к государству. В то же время в определенных, в частности в тоталитарных, системах группы, как правило, являются объектами, а не субъектами власти. Политическая пассивность групп может быть вызвана и их социальной инерцией, привычкой сохранять с государством достигнутый баланс отношений (как это было, к примеру, в 70-х гг. в СССР, когда политическая пассивность населения в значительной мере поддерживалась отсутствием явной безработицы, низкими ценами на жилье и товары первой необходимости, бытовой притерпелостью людей к укоренившемуся образу жизни).

Таким образом, социальная группа с политической точки зрения — это еще субъект в потенции. Становление ее реальным, действующим субъектом политических отношений, когда находящиеся в ее распоряжении ресурсы начинают использоваться для изменения характера функционирования государственной власти и управления, зависит от многих причин, прежде всего — от социальных противоречий и интересов групп, доминирующих ценностей, способностей к самоорганизации и др.

Первостепенным побудительным мотивом политической активности группы выступают, как правило, наиболее существенные, т.е. властно значимые, интересы, которые она не может реализовать без привлечения механизмов государственного управления. Как заметил по этому поводу Ф. Бро, задача политологии и состоит в констатации тех или иных различающихся по определенным основаниям объединений людей с целью выявления их специфических интересов по отношению к власти, поняв при этом «политические ресурсы», которыми они располагают, чтобы заставить государство услышать свои требования⁴.

Властно значимые социальные интересы, воля групп подаются на «вход» политической системы в виде требований или солидарной поддержки властей с целью оказать воздействие на принимаемые политические решения. Однако не все требования становятся содержанием политических решений. Эффективность воздействия непосредственно зависит от активности тех политических ассоциаций, которые как бы озвучивают и транслируют интересы групп в политическом пространстве (по определению А. Токвиля, это такие «вторичные ассоциации», как группы интересов, партии, разнообразные институты власти, элитарные объединения и т.д.).

⁴ См.: Бро Ф. Политология. М., 1992. С. 46—47.

Вообще интересы одного социального слоя могут представлять несколько политических объединений (например, на защиту интересов рабочего класса претендуют социалистические и коммунистические партии). Причем автономность и самостоятельность этих объединений такова, что они в принципе могут представлять и защищать интересы даже несуществующих социальных групп (так, национал-социалистическая партия Германии пыталась говорить от имени несуществующей арийской расы; в 70–80-х гг. XX столетия КПСС защищала интересы так и не ставшего устойчивой полиэтнической и мультисоциальной группой «советского народа» и т.д.).

Социальные группы участвуют в политической жизни не непосредственно, а способствуя формированию для представительства своих интересов специальных политических институтов. Сложное взаимодействие таких институтов, занимающих левые или правые, центристские, радикальные или иные политические позиции, и характеризует систему социального представительства. Эти политические посредники между гражданским обществом и государством информируют последнее о существующих проблемах и противоречиях, способствуя тем самым консолидации и интеграции групп, а также коррекции политической линии властей. Деятельность таких объединений может серьезно влиять на содержание интересов социальных групп, их ценности, стремление к социальной замкнутости или открытости, и в конечном счете на характер социального структурирования. В то же время, оказывая давление на государство, они предохраняют его от застоя, стремятся подчинить его службе обществу и интересам граждан. Направленность и интенсивность деятельности этих политических субъектов зависит прежде всего от характера различий и противоречий между социальными группами.

Виды социальной стратификации

Стратифицированное ранжирование (градация) групп может производиться по разным основаниям (ресурсам), каждый из которых имеет неодинаковую политическую значимость. В науке сложились разнообразные способы определения социальных различий между группами. Так, Р. Парк и Э. Богарадус интерпретировали эту проблему сугубо психологически: чем больше люди испытывают симпатию друг к другу, тем они более социально близки, и наоборот, испытывающие взаимную неприязнь и даже ненависть социально отдалены. У. Уорнер стратифицировал общество на основе «репутационного метода», предполагающего самоидентификацию граждан, т.е. отнесения себя к той или иной

социальной группе. В результате такого стратифицирования он выделил следующие значимые для общества группы: высший слой высшего класса, низший слой высшего класса, высший слой среднего класса, низший слой среднего класса, высший слой низшего класса и низший слой низшего класса. Достаточно типичны и характеристики социальной структуры как с точки зрения выделения больших (классы, профессиональные группы, этнические общности и др.), средних (производственные и некоторые территориальные объединения) и малых групп (семьи, соседские общины и т.д.), так и с точки зрения указания на специфику целевых (функционирующих в соответствии с заранее установленными целями) и социально-психологических (неформальных) объединений.

Однако более распространенными оказались приемы, кладущие в основу социальной стратификации объективно существующие различия в обладании теми или иными ресурсами. Так, К. Маркс предложил вариант дифференциации общества на классы, разделяющий большие группы людей по их отношению к средствам производства и потому предполагающий жесткую привязанность индивидов к такого рода группам. В противоположность ему Т. Парсонс и другие «интеграционисты» выдвинули идею, согласно которой социальная стратификация представляет собой набор статусов и ролей, обозначающих гибкую, подвижную и временную принадлежность людей к тем или иным группам.

Широкое влияние на научную мысль оказал подход к социальному стратифицированию, разработанный М. Вебером. В качестве факторов, определявших неравенство в распределении ресурсов между группами, он предложил рассматривать: **богатство**, определяющее положение социальной группы в зависимости от величины присваиваемых ею благ; **престиж**, выражающий принятые в обществе оценки и стандарты относительно образа жизни того или иного слоя; **власть**, характеризующую способность различных объединений оказывать преимущественное воздействие на сферу управления.

Дополняя и развивая положения М. Вебера, его многочисленные последователи предлагали собственные варианты описания социальной структуры общества. Например, известный американский ученый Б. Барбер, помимо профессионального престижа, степени властного могущества, а также различий в богатстве, предлагал учитывать также различия в образовании людей, религиозные признаки, родственные и этнические характеристики. По его мнению, в соответствии с этими признаками можно выделить высшую страту профессионалов и администраторов, группу технических специалистов среднего уровня, коммерческий класс, мел-

кую буржуазию, группу техников и рабочих, осуществляющих руководящие функции, группу квалифицированных рабочих и группу неквалифицированных рабочих.

В последнее десятилетие некоторые западные и отечественные ученые обратили внимание и на ряд сравнительно новых социальных источников политических отношений. По их наблюдениям, в процессе интенсивного динамичного развития в позднеиндустриальных обществах наметились устойчивые тенденции к диверсификации и индивидуализации общественного положения людей. Это выразилось прежде всего в возникновении и даже усилении различий социокультурного характера. Так, в среде молодежи стали активно формироваться группы устойчивых приверженцев альтернативных, контркультурных ценностей (хиппи); ряд традиционных социальных различий перестал отражаться на образе жизни отдельных групп (например, многие рабочие в силу повышения материального благосостояния стали вести образ жизни буржуазных слоев); в области семейных отношений начали появляться формы однополых связей, ломающие привычные стандарты поведения людей, характерные для данной общности, и т.д.

Таким образом, в результате ослабления, а подчас и разрушения социальных привязанностей людей к традиционным общественным группам «люди становятся свободными от социальных форм индустриального общества — класса, семьи, слоя, обусловленного полом положения мужчины и женщины»⁵. Причем, как было отмечено исследователями, такие социальные подвижки, новые социальные дифференциации людей коррелируют и с рядом устойчивых тенденций в политической жизни, например с расширением форм индивидуального политического участия, ослаблением партийной идентичности, ростом поддержки независимых политических деятелей и т.д.

Суммируя представления об имеющих политическое значение социальных различиях, можно выделить следующие их разновидности, характеризующие социальную дистанцию между группами:

- территориально-языковые (между жителями Приморья и Воркуты, Башкирии и Москвы и т.д.);
- поло-возрастные (между молодежью и пенсионерами, женщинами и мужчинами, родителями-одиночками и родителями из полных семей и т.д.);
- родственные и этнические (между теми или иными семейными группами, национальными и этническими общностями);

⁵ Beck U. Risikogesellschaft auf dem Weg in eine andere Moderne. F./a. M., Suhrkamp, 1986. S. 15.

- конфессионально-религиозные (между верующими и атеистами, представителями различных вероисповеданий);
- социокультурные (различия в стилях поведения, жизненных ориентациях, доминирующих традициях и иных культурно значимых компонентах поведения граждан);
- социально-экономические (различия в доходах, уровне образования, профессиональной компетенции тех или иных групп работников);
- социальные различия по характеру оценки обществом важности и значимости тех или иных сторон или форм поведения группы (престиж, уважение и честь разнообразных человеческих объединений в социуме);
- различия по степени властного могущества и влияния (по возможности прямого или косвенного воздействия на принятие управленческих решений).

Каждая из этих разновидностей групповых различий обладает собственными источниками политической активности граждан.

Социальная мобильность

Политически значимым является не только характер социальной дифференциации, но и способы ее изменения, которые обуславливаются активностью групп и граждан, пытающихся преодолеть ограниченность собственных ресурсов и подняться вверх по социальной лестнице.

В целом динамика преодоления социальной дистанции, сопровождающаяся повышением статуса (восходящая мобильность), как правило, всегда сопряжена с повышением политической напряженности, ибо такие процессы нередко ведут к понижению статуса других групп (нисходящая мобильность), а порой и к уничтожению конкурирующей группы, что естественно повышает уровень социального сопротивления последней, провоцирует активизацию сил правого и левого экстремизма, вызывает массовое распространение стрессов, зависти, предубежденности к другим людям.

Особое возбуждение политических отношений вызывает восходящая динамика слоев, находящихся на самых нижних этажах социальной лестницы. Их известная «невстроенность» в общество, отсутствие должных внутренних свойств для продвижения вверх заставляет их ориентироваться на политические средства едва ли не как на единственные для улучшения своего общественного положения. Нередкая в таких случаях озлобленность по отношению к высшим, привилегированным слоям дополняет стремление к успеху устойчивой готовностью к постоянному перевертыванию статусов.

Конечно, в обществе всегда есть группы, чье социальное положение отличается большей устойчивостью. Однако и их «ведущее» положение в достаточной мере условно. Ведь усиление экономической конкуренции или структурная перестройка экономики, межнациональная напряженность или другие существенные для данного общества противоречия могут не только перестроить иерархические связи в социальной сфере, но и сказаться на характере политических отношений. Как показали исследования, если групповые перемещения в области социально-экономических отношений не превышают привычных для общества показателей, т.е. совершаются в естественных для общества пределах, то это обходится без существенных политических потрясений. Если же экономические изменения приобретают резкий и скачкообразный характер, то политическая стабильность подвергается сильнейшему давлению, а отдельные демократические режимы могут и погибнуть⁶. Значит, независимо от уровня экономического развития демократические страны должны последовательно стремиться к постепенному уменьшению неравенства в доходах. Это положение, в частности, должно послужить предостережением и молодой российской демократии, где одним из мощных источников политического напряжения сегодня является 15-кратный разрыв в доходах между 10% самой обеспеченной части населения и 10% самой бедной⁷.

Негативные последствия социальной мобильности усиливаются в государствах, переживающих распад доминирующих социальных ценностей (аномию), особенно в тех случаях, когда социальная стратификация жестко ограничивает возможности овладения символами общественного успеха (Р. Мертон). Наибольшая политическая напряженность возникает, как правило, в тех странах, где власти искусственно регулируют социальные иерархии. Так, проводившаяся большевистским режимом в 20-х гг. политика раскулачивания (лишения собственности и ссылки в Сибирь зажиточных крестьян) породила острую политическую борьбу в деревне и даже крестьянские восстания.

Внутренним источником и одновременно составной частью групповой мобильности являются социальные перемещения отдельных граждан как внутри групп, так и между группами. Интенсивность этой разновидности социальной мобильности обусловлена, с одной стороны, границами, которые устанавливает общество для подобных перемещений, а с другой — субъективными устрем-

⁶ См.: *Muller E.N. Democracy, Economic Development and Income Inequality// American Sociological Review. N.Y., 1988. Vol. 53. № 2. P. 50—68.*

⁷ Социс. 1995. № 2. С. 23.

лениями самих людей, стремящихся изменить свое общественное положение по причине ориентации на новые ценности, изменения жизненных планов, повышения образования и т.д.

Приблизительно до середины XIX в. даже в капиталистических странах, как правило, доминировали нормы «органической идеологии», которая оправдывала стабильность занимаемого человеком положения и тем самым ратовала за сохранение неизменности социальной структуры. В противовес этой идее К. Маркс выдвинул мысль о социальной революции, способной сломать неподвижную стратификацию буржуазного общества. Однако развитие индустриального общества пошло другим путем. Оно резко расширило возможность преодоления социальных дистанций за счет поощрения индивидуальных перемещений людей на основе их способностей и активности. Возобладавшая идеология «открытого класса» исходила из того, что индивидуальная мобильность является неотъемлемым правом личности и важнейшей предпосылкой развития общества. Тем самым утверждалась и мысль о том, что социальные различия не предполагают возникновения разрушительных политических действий со стороны каких-либо социальных сил.

При политике государственной поддержки статусного роста граждан не только «победители» обретают новый общественный статус, но и не сумевшие по какой-либо причине преодолеть социальную дистанцию не остаются «за бортом» жизни, лишь на время смиряя свои притязания, используя при этом помощь институтов власти в борьбе с безработицей, в повышении квалификации, овладении новыми ценностями и т.д.

Итак, обеспечение государством доступности ресурсов и статусов на основе открытой индивидуальной мобильности служит важнейшей предпосылкой политической стабильности общества. При таком условии в обществе действуют естественные механизмы образования социальных слоев, укореняются демократические ценности и идеалы. Противоположная стратегия неизбежно ведет к нарастанию политической напряженности, чреватой самыми непредвиденными трудностями для правящего режима.

§ 2. Роль социальных классов в политике

Наблюдающаяся в демократических индустриально развитых странах мира тенденция роста социальной мобильности, расширения возможностей повышения статуса для представителей различных групп общества сочетается с сохранением в них устойчивого группового социально-экономического и политического неравенства. Субординацию основных общественных групп, их деление

на высшие и низшие с точки зрения обладания важнейшими общественными и прежде всего социально-экономическими ресурсами (богатство, доход, престиж, образование) отражает понятие «социальный класс».

Современные трактовки классов и их политической значимости достаточно разнообразны, порою произвольны и не всегда отличают класс от других страт общества. Некоторые авторы (например, Г. Моска, Р. Михельс и др.), исходя из идеи приоритетной значимости политических различий в социальном структурировании общества, используют понятие «политический класс» («класс управляющих»), которым обозначают класс, выделяющийся на основе обладания властью. Однако в этом случае речь идет уже не о **социальных классах**, а о **политических элитах**, анализу которых посвящена следующая глава учебника. О социальных же классах «можно говорить лишь в том случае, когда экономическое положение групп связывается с характерными условиями и стилем жизни, с социальными и политическими установками людей. При этом важную роль играют также такие факторы, как уровень образования, «культурный капитал» (Бурдьё) и образец социальной мобильности и иммобильности поколений»⁸.

Социальные классы обычно выделяются среди других страт на основе их экономического положения, устойчивости социального положения их представителей, затрудненности социальной мобильности, перехода из низшего класса в высший, а также многочисленности их представителей. Все это обуславливает их существенное, а иногда и определяющее воздействие на политику.

Рассматривая разнообразные определения классов, можно выделить **три главных подхода к их трактовке: марксистский, веберовский** (в честь М. Вебера) и **стратификационный** (функциональный) (Т. Парсонс, У. Уорнер и др.). Из всех этих подходов наибольшее влияние на политическую мысль и политическую историю XX в. оказала марксистская теория классов, придающая им приоритетную значимость в детерминации политических процессов и политического строя.

Марксистская трактовка политической роли классов

С точки зрения марксизма, любое общество, основанное на господстве частной собственности, состоит из классов — «больших групп людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному

⁸ Lexikon der Politik/ hrsg. von D.Nolen. Bd. 3. München, 1992, S. 173.

в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»⁹. Одни классы благодаря своему экономическому положению могут присваивать труд других классов.

Капиталистическое общество делится на два основных антагонистических класса: класс собственников — буржуазию и класс наемных рабочих — пролетариат. Все другие группы (землевладельцы, ремесленники, крестьяне, интеллигенция, служащие и т.д.) так или иначе примыкают к основным классам. Класс, владеющий средствами производства, является и политически господствующим, руководит государством. Интересы основных классов несовместимы, антагонистичны. Осознание своего положения в обществе приводит к формированию у рабочих классового сознания и к развитию классовой борьбы, высшей формой которой является борьба за государственную власть — борьба политическая. Последняя в ходе обострения противоречий капитализма и роста классовой борьбы трудящихся завершается социалистической революцией, в результате которой рабочий класс устанавливает свое политическое господство и использует его для строительства бесклассового самоуправляющегося общества — коммунизма.

Согласно марксизму, классы — главные субъекты политики, а классовая борьба — движущая сила истории в тот ее период, когда общество оказывается расколотым на противоположные, антагонистические классы. Она является важнейшим источником динамики всей политической жизни, в частности, капиталистического общества, а также международных отношений. Поэтому классовый анализ необходим для правильного, научного понимания любых политических институтов и процессов, характерных для классового общества.

Антагонистические классы и современность

В конце XIX — первой половине XX в. историческая практика давала известные подтверждения марксистской концепции политической роли классов. В то время на историческую арену вышли массовые политические партии рабочего класса, в России и некоторых других странах мира под классовыми лозунгами прошли революции, главной движущей силой которых, однако, были скорее руководимые компартиями военные, маргиналы и низшие слои общества в целом, чем рабочий класс.

⁹ Ленин В.И. Великий почин// Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

По мере развития капиталистического общества, повышения благосостояния и расширения социальных прав трудящихся и всего населения политическая практика стала все больше расходиться с классовой теорией марксизма. Большинство рабочих не поддерживали классовые партии, звавшие к насильственной революционной борьбе против капитала, встали на путь социал-реформизма и социального партнерства или проявляли политическую индифферентность. Эта тенденция сохраняется и по сей день. В Великобритании, например, в последние десятилетия примерно одна треть рабочих на выборах отдает свой голос за партию консерваторов, традиционно являющуюся партией крупного капитала. По результатам эмпирических исследований, в ФРГ лишь 10% населения считают принадлежность к социальному классу в его марксистском понимании важнейшим фактором общественной дифференциации, причем рабочие составляют среди них лишь 5%, чиновники — 3, служащие — 15, предприниматели — 18%¹⁰.

В 80—90-х гг. в странах командного социализма рабочие также не проявили классовой сознательности и не выступили в поддержку социалистического строя и «своей» власти. Более того, в некоторых странах, прежде всего в Польше, организованное рабочее движение выступило основным политическим оппонентом коммунистических режимов и главной силой в борьбе за демократизацию общества и формирование социально ориентированной рыночной экономики.

Эти и другие подобные факты, ставящие под сомнение классовую теорию марксизма, получают неоднозначную интерпретацию среди ученых. Радикальные противники марксизма видят в них доказательство ошибочности марксистской классовой теории или по меньшей мере ее явного несоответствия реальностям современного постиндустриального общества. Сторонники же марксизма объясняют отсутствие у широких слоев рабочих классового сознания и включенности в политическую борьбу формированием рабочей аристократии, которой капитал создает благоприятные жизненные условия за счет эксплуатации прежде всего трудящихся других стран (В. И. Ленин); интегрированием рабочего класса богатых стран Запада, кроме его низших слоев и иностранных рабочих, в капиталистическую систему (Г. Маркузе); экономической стабилизацией «позднего капитализма» и созданием достаточно эффективной системы идеологического и политического господ-

¹⁰ См.: Mayer K.U. Ungleichheit und Mobilität im sozialen Bewusstsein. Opladen, 1975. S. 312.

ства капитала, обеспечивающей массовую политическую лояльность (Ю. Хабермас и другие неомарксисты).

Современные неомарксисты, считая социально-экономический классовый конфликт основополагающим для современного западного общества, критикуют противников классовой теории за узкий эмпиризм и функционализм, простую констатацию корреляций между объективным социально-экономическим положением и политическим сознанием людей, за игнорирование сложного механизма, опосредующего это взаимодействие. По их мнению, факторами, препятствующими адекватному отражению классового положения в сознании и политической борьбе рабочих и других лиц наемного труда, являются рост их благосостояния и социальной обеспеченности, контролирование капиталом институтов социализации и создание индустрии формирования массового иллюзорного сознания с помощью системы образования, СМИ и т.д.

Что же касается пассивного восприятия рабочим классом краха коммунистических режимов в странах Восточной Европы, то современные сторонники марксистской классовой теории объясняют это бюрократическим перерождением социализма, формированием нового господствующего эксплуататорского класса — номенклатуры, которая, узурпировав государственную власть, дезориентировала рабочий класс, отказалась от социалистической идеологии и, стремясь превратить свое политическое господство в господство экономическое, ликвидировала социализм как общественную систему.

Хотя аргументация этого рода не лишена определенных оснований, в целом трактовка классов как главных субъектов политики, а классовой борьбы как движущей силы истории в свете современного исторического опыта и эмпирических исследований выглядит если не ошибочной, то по меньшей мере далеко расходящейся с действительностью. Ни в одной стране мира рабочий класс так и не смог установить свое политическое господство. В развитых странах мира традиционные классовые партии либо изменили свою ориентацию, либо не пользуются поддержкой сколько-нибудь значительной части населения.

Это, однако, не означает, что марксистский классовый анализ полностью исчерпал себя. В демократических постиндустриальных странах классовая (в марксистском понимании) принадлежность остается одной, хотя и не главной, социально-экономической детерминантой политики. В странах же с «диким», несоциализированным капитализмом, где произвол частных собственников не имеет жестких государственных ограничений, классовые конфликты могут приобретать большую остроту и выходить на передний план

политической жизни. К числу таких государств принадлежит и современная Россия.

Трактовка классов
М. Вебером

Хотя марксистская теория классов до сих пор имеет немалое влияние, многие современные ученые широко используют и иные трактовки классов, их роли в политической жизни. основополагающее значение для них имеет концепция классов М. Вебера, который признавал «неизбежное существование на земле вечной борьбы людей против людей» и выступал с критикой одномерности (лишь на основе отношения к собственности) и жесткого экономического детерминизма марксистского подхода к классам. Согласно М. Веберу, **классы — это группы людей с примерно одинаковыми жизненными шансами, интересами и ценностными ориентациями, общность экономического положения которых отличает их друг от друга и создает возможность классовых конфликтов.** Специфическими классовыми признаками, по его мнению, выступают не только контроль над средствами производства, но и над имуществом, а также профессия, квалификация и некоторые другие социально-экономические признаки. К важным характеристикам классов он относил также доступ к власти и политическую организованность.

В работе «Экономика и общество» (1922) М. Вебер выделил три типа классов: **имущие**, получающие доход от собственности; **приобретающие**, доход которых определяется от продажи рабочей силы и ситуации на рынке труда, и **социальные** классы, особенностью которых является высокая внутригрупповая мобильность, легкость и типичность внутригрупповых перемещений отдельных индивидов и целых поколений. Классами современного ему общества он называл: 1) рабочий класс; 2) мелкую буржуазию; 3) не имеющую собственности интеллигенцию и специалистов; 4) класс собственников и лиц, привилегированных в силу высокого образования. Современные последователи М. Вебера выделяют два новых класса: 1) работники сферы услуг и 2) лица, живущие за счет государственных пособий (пенсионеры, студенты и т.п.). Все классы имеют специфические общественные и политические интересы.

Хотя проблема классов не получила у М. Вебера детальной разработки (а некоторые ее аспекты были лишь намечены и по-разному интерпретируются в современной науке, его подход к классам преодолевает жесткий экономический детерминизм теории классов К. Маркса, позволяет учитывать различные стороны положения класса в обществе, аккумулирующиеся в его жизненных возможностях и интересах. Многомерность такого подхода к клас-

сам повышает применимость этого понятия к сложному, плюралистическому обществу наших дней. На веберовском понимании классов базируются преобладающие в науке современные трактовки, в частности конфликтная концепция классов немецкого социолога Р. Дарендорфа, который рассматривает экономические классы в марксистском понимании лишь как их частный случай и выделяет классы прежде всего в зависимости от их обладания (или необладания) властью и авторитетом. В силу различного положения в системе власти классы выступают потенциальным источником общественных конфликтов. В целом же «класс — это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней, и именно этим он может быть четко отделен от слоя как категории, используемой для описания иерархических систем в текущий момент»¹¹. Не претендуя на универсальность, трактовка классов Р. Дарендорфом ориентирует на выявление и анализ потенциальных политических конфликтов.

Функциональный подход к классам

В современной западной, особенно американской, социологии широко распространена трактовка классов в русле стратификационной теории, т.е. как одной из основных общественных страт. В рамках этого подхода центральное место занимает функциональная (статусная) концепция классов, согласно которой классы — это группы людей примерно одинакового социального статуса, определяемого величиной дохода, престижностью профессии, уровнем образования, доступом к власти. Эти статусные параметры проявляются в политическом поведении, чувстве коллективной идентичности, сознании и образе жизни класса.

Само классовое деление функционально, полезно для общества. В нем всегда существует дефицит талантов и заинтересованность в распределении социальных позиций, должностей в соответствии со способностями индивидов. Классовое деление помогает реализовать эту социальную потребность, поскольку с помощью растущего по мере продвижения по социальной лестнице материального и идеального (престиж, общественное признание и уважение) вознаграждения оно стимулирует активность и соревновательность индивидов за более высокие позиции в социальной иерархии и тем самым способствует занятию наиболее важных для общества постов самыми талантливыми и подготовленными к соответствующей деятельности людьми. Функциональная классовая

¹¹ *Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. L., 1957. P. 76.*

структура, согласно сторонникам данного подхода к классам, необходима для нормального развития общества, поэтому всякие попытки ликвидации классов и социального неравенства противоестественны и дисфункциональны. Исходя из этого, главной задачей политики в современном обществе признается обеспечение открытости классовых позиций для каждого человека, создание для всех примерно равных стартовых возможностей.

Результаты эмпирических исследований в значительной мере расходятся с важнейшими положениями функциональной теории классов. Прежде всего они свидетельствуют о том, что во многих областях общественной жизни (статусных иерархиях) не существует ни открытой соревновательности за занятие высоких позиций, ни рационального распределения вознаграждений в соответствии со значимостью профессии и (или) поста. Более того, как показывает повседневная практика, определяющее влияние на распределение вознаграждений зачастую оказывают традиции, идеологические и политические факторы, в том числе политическая организованность и активность той или иной профессиональной группы.

Средний класс

В русле функционального подхода к классам возникла весьма распространенная в современной политической мысли теория среднего (или нового среднего) класса (Х. Шельский, Р. Арон, Д. Белл и др.), который характеризуется различными авторами в качестве среднего по отношению либо к буржуазии и пролетариату, либо (что обычно связано с первым) к высшему и низшему классам. Средний класс рассматривается сторонниками этой теории как главная социальная база и опора демократии. В силу своего положения в обществе он заинтересован в политической стабильности, высоко почитает ценности свободы и прав человека, склонен к компромиссам и примирению политических крайностей, обладает умеренностью политических требований, относительно высокой компетентностью и активностью при принятии электоральных и других политических решений. В то же время, как отмечает С. Липсет, нисходящие слои среднего класса служат благоприятной питательной почвой для экстремистских движений, особенно фашистского и правоэкстремистского толка.

Теории среднего класса явились отражением количественного роста в странах Запада служащих, интеллигенции, менеджеров, сохранения значительной численности мелких предпринимателей, повышения социальной защищенности и уровня образования рабочих и ряда других групп, а также сближения доходов, уровня потребления и образа жизни широких слоев населения. По мне-

нию последователей теории среднего класса, данный процесс привел к устранению традиционных классовых различий между буржуазией и пролетариатом и образованию новой социальной группы, охватывающей и ценностно объединяющей большинство населения индустриально развитых стран, — она-то и составляет средний класс. К нему относятся индивиды, обладающие близким уровнем дохода, образования, престижности профессии, образа жизни и идентифицирующие себя с этой группой общества. По результатам опросов, в странах Запада свыше половины населения (до 70—80%) причисляют себя к среднему классу. Формирование среднего класса обеспечивает обществу высокий уровень социальной однородности, сглаживает или вовсе устраняет классовые конфликты, помогает сближению позиций партий, профсоюзов и т.д.

Отражая реальный процесс сглаживания социального неравенства и сближения статусных позиций широких слоев населения индустриально развитых стран, формирование среднего класса не отрицает существования традиционных классовых и стратификационных различий, которые нередко имеют большую политическую значимость, чем принадлежность индивидов к среднему классу.

В целом же классовый анализ во всех его основных проявлениях, дополняемый и обогащаемый стратификационными методами исследования, позволяет раскрыть социальные истоки политики, ее наиболее мощные и обычно скрытые движущие силы, дает возможность обнаружить тенденции и перспективы политических изменений.

§ 3. Динамика социальной структуры в современном мире

**Тенденции развития
социальной структуры
в странах Запада**

Колоссальное многообразие социальных связей в обществе порождает столь же богатейшие отношения и в сфере политической власти. И все же, если говорить о развитых индустриальных странах, то можно обозначить ряд устойчивых тенденций в изменении социальной структуры и их политических последствий.

В целом, как показывает практика, изменения в социальной структуре происходят здесь прежде всего под влиянием новых производственных и информационных технологий, роста материального благосостояния граждан, усиления их ценностных ориентаций в пользу свободного времени и культуры, расширения межгосударственных связей и отношений. Заметно возрастает доля

населения, занятого в непродуцированной сфере (услуги, обслуживание коммуникаций, банковское дело и пр.), растет численность дееспособного населения, существующего благодаря политико-административному обеспечению со стороны государства (учащиеся, пенсионеры, инвалиды, безработные и т.п.). Наблюдается уравнивание международных и расовых отношений, рост разнообразия социокультурных стилей жизни. В ряде стран образовалась весомая группа иностранных рабочих и т.д.

Однако важнее всего отметить ведущие социальные позиции среднего класса в этих странах. Жизнь не подтвердила предположение К. Маркса о слиянии данного класса с буржуазией или рабочим классом. В настоящее время он занимает центральное место в социальной структуре общества. Благодаря занимаемому в обществе положению он заинтересован в политической стабильности и защите идеалов свободы и прав человека. Менталитет же и поведение принадлежащих к нему граждан уравнивают крайности социально-политических противоречий между бедными и богатыми слоями населения. Его социально лидирующая роль демонстрирует и то, что различия в собственности в основном воспринимаются людьми как временные статусные различия и все меньше и меньше выступают как фактор, способный инициировать существенные политические потрясения.

Конечно, не все процессы формирования и функционирования среднего класса имеют политически нейтральный характер. Например, из того факта, что образование для его членов стало абсолютно доступным, отнюдь не вытекает беспрепятственности занятия ими ограниченного числа рабочих мест. Разгорающаяся же конкуренция за эти места подчас стимулирует проявления различных форм политической активности. Вызывает отдельные политические колебания и нисходящая мобилизация в эти классы. Помимо этого, переток населения из среднего в более низкие слои общества также сопровождается возникновением стрессов и массовых индивидуальных разочарований, вызывающих определенные изменения в политической атмосфере общества.

Одним словом, индустриальные общества отнюдь не бесконфликтны. Социальные противоречия, вызванные безработицей, перестройкой экономических отношений, национальными и расовыми проблемами, способствуют возникновению подчас довольно острых политических противоречий. В то же время наличие такого мощного социального стабилизатора, каким является средний класс, господство разделяемых подавляющим большинством общества идеалов и ценностей, доминирование законов и уважение традиций ограничивают уровень политических притязаний разно-

образных групп и слоев отдельными поправками к политическому курсу режимов. Политические требования групп не подрывают стабильности существующего строя, а смены кабинетов министров, парламентов, правящих партий осуществляются при незыблемой власти закона.

В противоположность этой группе стран, к примеру, в посткоммунистических государствах социальные противоречия групп вызывают значительно более острые политические процессы. В целом, видимо, можно говорить о двух наиболее крупных макротенденциях. С одной стороны, отмена запретов на хозяйственную инициативу, рост городов, структурная перестройка экономики, укрепление рыночного уклада хозяйствования, а также ряд других аналогичного действия факторов способствует укреплению открытой социальной мобильности, распространению и укоренению либерально-демократических ценностей в обществе. Но с другой стороны, влияние интересов низкодходных групп общества, в том числе работников физического труда, части управленческого аппарата, пенсионеров и др., усиливает требования социальной справедливости и равенства, укрепления порядка и усиления государственного патернализма. Характер столкновения этих социальных и политических интересов групп хорошо виден на примере современной России.

**Социальные источники
политических отношений
в России**

Особенности состояния и динамики социальной структуры в современном российском обществе прежде всего определяются переходным состоянием общественных отношений. Наиболее важные изменения состоят в том, что реально произведенные демократические преобразования (хотя они и не гарантированы от обратимости) породили новые социальные механизмы перераспределения ресурсов и статусов, формы социальной стратификации.

Эти социальные процессы существуют как бы параллельно традиционным механизмам структурирования, которые прежде всего связаны с функционированием дотационных и неконкурентных секторов экономики, старой инфраструктурой хозяйствования и разделением труда, прежним привилегированным положением ряда национальных групп и т.д. С этими факторами стратификации, как правило, связаны работники малорентабельных и нерентабельных предприятий госсектора, ряда госучреждений, слабо вписывающихся в рыночную экономику, жители малых городов и сельской местности, где менее всего заметны результаты реформ, пенсионеры, некоторые категории учащейся молодежи и др.

Наряду с указанными источниками структурирования складываются и его новые механизмы, вызванные введением частной собственности, капитализацией хозяйственных отношений, урбанизацией, перестройкой коммуникаций, ростом национального самосознания и др. Они привели к возникновению групп предпринимателей, фермеров, крупных и мелких собственников, высококвалифицированных менеджеров, увеличили разнообразие этнокультурных групп (казачество) и стилей жизни, не сводимых к традиционным классовым характеристикам.

В целом в социальной структуре российского общества можно выделить три группы макросоциальных противоречий, вызывающих мощные политические потоки, а именно: внутри традиционалистской (нерыночной) стратификации, внутри новой (рыночной) стратификации, а также между этими двумя типами социальности. В то же время наблюдаются противоречивые тенденции, свидетельствующие не только об объективном усложнении, но и упрощении социальной структуры, сведении ее важнейших критериев к экономическим.

Так, существеннейшее влияние на политические отношения оказывают противоречия между привилегированной, сильно коррумпированной частью госчиновничества и остальным населением, а также между работниками монополизированных государством сфер и тружениками иных экономических областей. Содержание политических отношений стало в значительной мере зависеть и от наличия экономических классов, различающихся по степени дохода принадлежащих к ним лиц. На одном полюсе сосредоточилось 2–5% богатых и сверхбогатых и 10–15% обеспеченных слоев населения, а на другом — 15–20% наименее обеспеченных граждан. Еще одной тенденцией изменения социальной структуры, имеющей существенные политические последствия, служит маргинализация общества, связанная, в частности, с массовым обнищанием части населения, последствиями безработицы, значительно разросшимися миграционными процессами, прежде всего за счет граждан из бывших республик СССР и рядом других социальных процессов.

Многообразие и богатство социальных взаимосвязей в современном российском обществе порождают переплетение множества политических процессов: группы, заинтересованные в рыночных преобразованиях и побуждающие государство к расширению поддержки предпринимательства, соперничают с силами, не заинтересованными в структурной перестройке экономики и стремящимися сохранить политику госрегулирования и патернализма; номенклатурные кланы в государственном аппарате, пытающиеся

поставить себе на службу ход реформ, сталкиваются с протестом широких социальных слоев, пытающихся утвердить в обществе принципы социальной справедливости и свободы; борение сил и слоев, связанных с криминализированной и «честной» экономикой, приобретает острейшие формы, вплоть до актов политического террора и т.д.

В целом же столкновение разнообразных политических потоков вызывает серьезные кризисы в деятельности государства, поддерживает ценностный раскол в политической культуре общества, инициирует политический протест широких социальных слоев населения.

Опыт показывает, что смягчение политической напряженности в России, как и в других странах с переходной социальной структурой, как правило, связано с усилением социальной направленности деятельности правительства (особенно в отношении наименее защищенных слоев населения), борьбой с привилегиями государственной бюрократии и преступностью, расширением возможностей профессиональной переподготовки граждан и рядом других мер.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

§ 1. Возникновение понятия и теории элит

**Происхождение понятия
«политическая элита»**

Слово «элита» в переводе с французского означает «лучшее», «отборное», «избранное». В повседневном языке оно

имеет два значения. Первое из них отражает обладание какими-то интенсивно, четко и максимально выраженными чертами, наивысшими по той или иной шкале измерений. В этом значении термин «элита» употребляется в таких словосочетаниях, как «элитное зерно», «элитные лошади», «спортивная элита», «элитные войска», «воровская элита» и т.п.

Во втором значении слово «элита» относится к лучшей, наиболее ценной для общества группе, стоящей над массами и призванной в силу обладания особыми качествами управлять ими. Такое понимание слова отражало реальности рабовладельческого и феодального общества, элитой которого выступала аристократия. (Сам термин «аристос» означает «лучший», соответственно аристократия — «власть лучших».)

В политической науке термин «элита» употребляется лишь в первом, этически нейтральном значении. Определяемое в самой общей форме, это понятие характеризует **носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций**. Теория элит стремится исключить нивелировку, усредненность в оценке влияния людей на власть, отражает неравномерность ее распределения в обществе, соревновательность и конкуренцию в области политической жизни, ее иерархичность и динамизм.

Научное употребление категории «политическая элита» основывается на вполне определенных общих представлениях о месте и роли политики и ее непосредственных носителей в обществе. Теория политической элиты исходит из равноправности и равноценности или даже приоритета политики по отношению к экономике и социальной структуре общества. Поэтому эта концепция несовместима с идеями экономического и социального детерминизма, представленного, в частности, марксизмом, трактующим политику всего лишь как надстройку над экономическим базисом, как концентрированное выражение экономики и классовых интересов. Из-за этого, а также вследствие нежелания правящей номенклатурной элиты быть объектом научных исследований, понятие политической элиты в советском обществоведении рассматривалось как псевдонаучное и буржуазно-тенденциозное и в позитивном значении не употреблялось.

Первоначально в политической науке французский термин «элита» получил распространение в начале XX в. благодаря трудам Сореля и Парето, хотя идеи политического элитизма возникли вне Франции в глубокой древности. Еще во времена разложения родового строя появляются взгляды, разделяющие общество на высших и низших, благородных и чернь, аристократию и простой люд. Наиболее последовательное обоснование и выражение эти идеи получили у Конфуция, Платона, Макиавелли, Карлейля, Ницше. Однако такого рода элитарные теории сколь-нибудь серьезного социологического обоснования еще не получили. Первые современные, классические концепции элит возникли в конце XIX — начале XX в. Они связаны с именами Гаэтано Моски, Вильфредо Парето и Роберта Михельса.

Теория элит Моски

Выдающийся итальянский социолог и политолог Моска (1858—1941) попытался доказать неизбежное деление любого общества на две неравные по социальному положению и роли группы. В 1896 г. в «Основах политической науки» он писал: «Во всех обществах, начиная с самых среднеразвитых и едва достигших зачатков цивилизации

и кончая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда относительно малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизировать власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым <...> и поставляет ему <...> материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма».

Моска проанализировал проблему формирования политической элиты и ее специфических качеств. Он считал, что важнейшим критерием вхождения в нее является способность к управлению другими людьми, т.е. организаторская способность, а также выделяющее элиту из остальной части общества материальное, моральное и интеллектуальное превосходство. Хотя в целом этот слой наиболее способен к управлению, однако не всем его представителям присущи лучшие, более высокие по отношению к остальной части населения качества.

Отмечая сплоченность группы управляющих и ее господствующее положение в обществе, Моска называл ее политическим классом. Этот класс подвержен постепенным изменениям. Существуют две тенденции в его развитии: аристократическая и демократическая. Первая из них проявляется в стремлении политического класса стать наследственным если не юридически, то фактически. Преобладание аристократической тенденции приводит к «закрыванию и кристаллизации» класса, к его вырождению и, как следствие к общественному застою. Это в конечном счете влечет за собой активизацию борьбы новых социальных сил за занятие господствующих позиций в обществе.

Вторая, демократическая, тенденция выражается в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев. Такое обновление предотвращает дегенерацию элиты, делает ее способной к эффективному руководству обществом. Равновесие между аристократической и демократической тенденциями наиболее желательно для общества, ибо оно обеспечивает как преемственность и стабильность в руководстве страной, так и его качественное обновление.

Концепция политического класса Моски, оказав большое влияние на последующее развитие элитарных теорий, подвергалась критике за некоторую абсолютизацию политического фактора (принадлежности к управленческому слою) в социальном структурировании общества, за недооценку роли экономики. Применительно к современному плюралистическому обществу такой подход во многом неправомерен. Однако теория политического класса на-

шла неожиданное подтверждение в тоталитарных государствах. Здесь политика приобрела главенствующее положение над экономикой и всеми другими сферами общества и в лице номенклатурной бюрократии сформировался прообраз «политического класса», описанного Москвой. В тоталитарных государствах вхождение в политическую номенклатуру, приобщение к власти и управлению стали первопричиной экономического и социального господства «класса управляющих».

**Концепции Парето
и Михельса**

Независимо от Моски примерно в это же время теорию политических элит разрабатывал Парето (1848–1923). Он, как и Моска, исходил из того, что миром во все времена правило и должно править избранное меньшинство — элита, наделенная особыми качествами: психологическими (врожденными) и социальными (приобретенными вследствие воспитания и образования). В «Трактате по общей социологии» он писал: «Нравится это некоторым теоретикам или нет, но человеческое общество неоднородно и индивиды различны физически, морально и интеллектуально». Совокупность индивидов, чья деятельность в той или иной сфере отличается эффективностью, высокими результатами, и составляет элиту.

Она делится на правящую, прямо или опосредованно (но эффективно) участвующую в управлении, и неправящую — контрэлиту — людей, обладающих характерными для элиты качествами, но не имеющих доступа к руководству из-за своего социального статуса и различного рода барьеров, существующих в обществе для низших слоев.

Правящая элита внутренне сплочена и борется за сохранение своего господства. Развитие общества происходит посредством периодической смены, циркуляции двух главных типов элит — «лис» (гибких руководителей, использующих «мягкие» методы руководства: переговоры, уступки, лесть, убеждение и т.п.) и «львов» (жестких и решительных правителей, опирающихся преимущественно на силу).

Изменения, происходящие в обществе, постепенно подрывают господство одного из этих типов элиты. Так, властвование «лис», эффективное в относительно спокойные периоды истории, становится непригодным в ситуациях, требующих решительных действий и применения насилия. Это ведет к росту недовольства в обществе и усилению контрэлиты («львов»), которая с помощью мобилизации масс свергает правящую элиту и устанавливает свое господство.

Крупный вклад в развитие теории политических элит внес Р. Михельс (1876—1936). Он исследовал социальные механизмы, порождающие элитарность общества. В основном солидаризируясь с Москвой в трактовке причин элитарности, Михельс особо выделяет организаторские способности, а также организационные структуры общества, усиливающие элитарность и возвышающие управляющий слой. Он сделал вывод, что сама организация общества требует элитарности и закономерно воспроизводит ее.

В обществе действует «железный закон олигархических тенденций». Его суть состоит в том, что неотделимое от общественного прогресса развитие крупных организаций неизбежно ведет к олигархизации управления обществом и формированию элиты, поскольку руководство такими объединениями не может осуществляться всеми их членами. Эффективность их деятельности требует функциональной специализации и рациональности, выделения руководящего ядра и аппарата, которые постепенно, но неизбежно выходят из-под контроля рядовых членов, отрываются от них и подчиняют политику собственным интересам, заботятся в первую очередь о сохранении своего привилегированного положения. Рядовые же члены организаций недостаточно компетентны, пассивны и проявляют равнодушие к повседневной политической деятельности. В результате любой, даже демократической организацией всегда фактически правит олигархическая, элитарная группа. Такие наиболее влиятельные группы, заинтересованные в сохранении своего привилегированного положения, устанавливают между собой различного рода контакты, спланиваются, забывая об интересах масс.

Из действия «закона олигархических тенденций» Михельс делал пессимистические выводы относительно возможностей демократии вообще и демократизма социал-демократических партий в частности. Демократию же он фактически отождествлял с непосредственным участием масс в управлении.

В трудах Моски, Парето и Михельса понятие политической элиты получило уже достаточно ясные очертания. Были намечены ее важнейшие свойства, **параметры, позволяющие разграничивать и оценивать различные элитарные теории** современности (эти параметры будут использоваться ниже). К ним относятся: 1) особые свойства, присущие представителям элиты; 2) взаимоотношения, существующие внутри элитарного слоя и характеризующие степень его сплоченности, интеграции; 3) отношения элиты с неэлитой, массой; 4) рекрутирование элиты, т.е. как и из кого она образуется; 5) роль (конструктивная или деструктивная) элиты в обществе, ее функции и влияние.

§ 2. Основные направления современной элитарной теории

Макиавеллистская школа

Концепции элит Моски, Парето и Михельса дали толчок широким теоретическим, а впоследствии (преимущественно после второй мировой войны) и эмпирическим исследованиям групп, руководящих государством или претендующих на это. Современные теории элит разнообразны. Исторически первой группой теорий, не утративших современной значимости, являются уже вкратце рассмотренные концепции макиавеллистской школы (Моска, Парето, Михельс и др.). Их объединяют следующие идеи:

1. Особые качества элиты, связанные с природными дарованиями и воспитанием и проявляющиеся в ее способности к управлению или хотя бы к борьбе за власть.

2. Групповая сплоченность элиты. Это сплоченность группы, объединяемой не только общностью профессионального статуса, социального положения и интересов, но и элитарным самосознанием, восприятием себя особым слоем, призванным руководить обществом.

3. Признание элитарности любого общества, его неизбежного разделения на привилегированное властвующее творческое меньшинство и пассивное, нетворческое большинство. Такое разделение закономерно вытекает из естественной природы человека и общества. Хотя персональный состав элиты изменяется, ее господствующие отношения к массам в своей основе неизменны. Так, например, в ходе истории сменялись вожди племен, монархи, бояре и дворяне, народные комиссары и партийные секретари, министры и президенты, но отношения господства и подчинения между ними и простым человеком сохранялись всегда.

4. Формирование и смена элит в ходе борьбы за власть. Господствующее привилегированное положение стремятся занять многие люди, обладающие высокими психологическими и социальными качествами. Однако никто не хочет добровольно уступать им свои посты и положение. Поэтому скрытая или явная борьба за место под солнцем неизбежна.

5. В общем конструктивная, руководящая и господствующая роль элиты в обществе. Она выполняет необходимую для социальной системы функцию управления, хотя и не всегда эффективно. Стремясь сохранить и передать по наследству свое привилегированное положение, элита имеет тенденцию к вырождению, утрате своих выдающихся качеств.

Макиавеллистские теории элит подвергаются критике за преувеличение значения психологических факторов, антидемократизм и недооценку способностей и активности масс, недостаточный учет эволюции общества и современных реальностей государств «всеобщего благоденствия», циничное отношение к борьбе за власть. Такая критика во многом не лишена оснований.

Ценностные теории

Преодолеть слабости макиавеллистов пытаются ценностные теории элиты.

Они, как и макиавеллистские концепции, считают элиту главной конструктивной силой общества, однако смягчают свою позицию по отношению к демократии, стремятся приспособить элитарную теорию к реальной жизни современных государств. Многообразные ценностные концепции элит существенно различаются по степени защиты аристократизма, отношению к массам, демократии и т.д. Однако они имеют и ряд следующих общих установок:

1. Принадлежность к элите определяется обладанием высокими способностями и показателями в наиболее важных для всего общества сферах деятельности. Элита — наиболее ценный элемент социальной системы, ориентированный на удовлетворение ее важнейших потребностей. В ходе развития у общества отмирают многие старые и возникают новые потребности, функции и ценностные ориентации. Это приводит к постепенному вытеснению носителей наиболее важных для своего времени качеств новыми людьми, отвечающими современным требованиям. Так в ходе истории произошла смена аристократии, воплощающей нравственные качества и прежде всего честь, образованность и культуру, предпринимателями, в хозяйственной инициативе которых нуждалось общество. Последние же в свою очередь сменяются менеджерами и интеллектуалами — носителями столь важных для современного общества знаний и управленческой компетентности.

Некоторые современные сторонники ценностной теории элит утверждают, что лишь индустриальное и постиндустриальное общество становится подлинно элитарным, поскольку «покоившееся на владении частной собственностью классовое господство сменилось в нем господством групп, которые рекрутируются отныне не по крови или владению собственностью, а на основе деловой квалификации»¹.

2. Элита относительно сплочена на здоровой основе выполняемых ею руководящих функций. Это — не объединение людей,

¹ Von Beume K. Die politischen Theorien der Gegenwart. Opladen, 1992. S. 226.

стремящихся реализовать свои эгоистические групповые интересы, а сотрудничество лиц, заботящихся прежде всего об общем благе.

3. Взаимоотношения между элитой и массой имеют не столько характер политического или социального господства, сколько руководства, предполагающего управленческое воздействие, основанное на согласии и добровольном послушании управляемых и авторитете власть имущих. Ведущая роль элиты уподобляется руководству старших, более знающих и компетентных по отношению к младшим, менее осведомленным и опытным. Она отвечает интересам всех граждан.

4. Формирование элиты — не столько результат ожесточенной борьбы за власть, сколько следствие естественного отбора обществом наиболее ценных представителей. Поэтому общество должно стремиться совершенствовать механизмы такой селекции, вести поиск рациональной, наиболее результативной элиты во всех социальных слоях.

5. Элитарность — условие эффективного функционирования любого общества. Она основана на естественном разделении управленческого и исполнительского труда, закономерно вытекает из равенства возможностей и не противоречит демократии. Социальное равенство должно пониматься как равенство жизненных шансов, а не равенство результатов, социального статуса. Поскольку люди не равны физически, интеллектуально, по своей жизненной энергии и активности, то для демократического государства важно обеспечить им примерно одинаковые стартовые условия. На финиш же они придут в разное время и с разными результатами. Неизбежно появятся социальные «чемпионы» и аутсайдеры.

Некоторые сторонники ценностной теории элит пытаются разработать количественные показатели, характеризующие ее влияние на общество. Так, Н. А. Бердяев на основе анализа развития разных стран и народов вывел «коэффициент элиты» как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Коэффициент элит, составляющий свыше 5%, означает наличие в обществе высокого потенциала развития. Как только этот коэффициент опускался до примерно 1%, империя прекращала существование, в обществе наблюдались застой и окостенение. Сама же элита превращалась в касту, жречество.

Ценностные представления о роли элиты в обществе преобладают у современных неоконсерваторов, утверждающих, что элитарность необходима для демократии. Но сама элита должна служить нравственным примером для других граждан и внушать к себе уважение, подтверждаемое на свободных выборах.

Теории демократического элитизма

Основные положения ценностной теории элит лежат в основе концепций демократического элитизма (элитарной демократии), получивших широкое распространение в современном мире. Они исходят из предложенного Йозефом Шумпетером понимания демократии как конкуренции между потенциальными руководителями за доверие избирателей. Как писал Карл Мангейм, «демократия влечет за собой антиэлитистскую тенденцию, но не требует идти до конца к утопическому уравниванию элиты и масс. Мы понимаем, что демократия характеризуется не отсутствием страты элиты, а скорее новым способом рекрутирования и новым самосознанием элиты»².

Сторонники демократического элитизма, ссылаясь на результаты эмпирических исследований, утверждают, что реальная демократия нуждается как в элитах, так и в массовой политической апатии, поскольку слишком высокая политическая партиципация угрожает стабильности демократии. Элиты необходимы прежде всего как гарант высокого качественного состава руководителей, избранных населением. Сама социальная ценность демократии решающим образом зависит от качества элиты. Руководящий слой не только обладает необходимыми для управления свойствами, но служит защитником демократических ценностей и способен сдерживать часто присущий массам политический и идеологический иррационализм, эмоциональную неуравновешенность и радикализм.

В 60–70-е гг. утверждения о сравнительном демократизме элиты и авторитаризме масс были в значительной мере опровергнуты конкретными исследованиями. Оказалось, что хотя представители элит обычно превосходят низшие слои общества в принятии либерально-демократических ценностей (свободы личности, слова, конкуренции и т.д.), в политической толерантности, терпимости к чужому мнению, в осуждении диктатуры и т.п., но они более консервативны в признании социально-экономических прав граждан на труд, забастовку, организацию в профсоюз, социальное обеспечение и т.п. Кроме того, некоторые ученые (П. Бахрах, Ф. Нашольд) показали возможность повышать стабильность и эффективность политической системы с помощью расширения массового политического участия.

Концепции плюрализма элит

Установки ценностной теории о ценностно-рациональном характере отбора элит в современном демократическом обществе развивают концепции множественности, плюрализма элит, являющиеся, пожа-

² Essays on the Sociology of Culture. London, 1956. P. 200.

луй, наиболее распространенными в сегодняшней элитарной мысли. Их нередко называют функциональными теориями элиты. Они не отрицают элитарную теорию в целом, хотя и требуют коренного пересмотра ряда ее основополагающих, классических установок. В основе плюралистической концепции элиты лежат следующие постулаты:

1. Трактовка политических элит как элит функциональных. Квалификационная подготовленность к выполнению функций управления конкретными общественными процессами — важнейшее качество, определяющее принадлежность к элите. «Функциональные элиты, — пишет Э. Гольтманн, — это лица или группы, обладающие особой квалификацией, необходимой для занятия определенных руководящих позиций в обществе. Их превосходство по отношению к другим членам общества проявляется в управлении важными политическими и социальными процессами или во влиянии на них»³.

2. Отрицание элиты как единой привилегированной относительно сплоченной группы. В современном демократическом обществе власть расплывлена между разнообразными группами и институтами, которые с помощью прямого участия, давления, использования блоков и союзов могут налагать вето на неугодные решения, отстаивать свои интересы, находить компромиссы. Сами отношения власти изменчивы, флюидны. Они создаются для определенных решений и могут заменяться для принятия и реализации других решений. Это ослабляет концентрацию власти и предотвращает складывание устойчивого властвующего слоя.

Существует множество элит. Влияние каждой из них ограничено специфической для нее областью деятельности. Ни одна из них не способна доминировать во всех областях жизни. Плюрализм элит определяется сложным общественным разделением труда, многообразием социальной структуры. Каждая из множества базисных, «материнских» групп — профессиональных, региональных, религиозных, демографических и др. — выделяет свою собственную элиту, защищающую ее ценности и интересы и одновременно активно воздействующую на нее. Различия между элитами важнейших общественных секторов более значительны, чем различия между слоями элиты, принадлежащими к одному сектору.

3. Деление общества на элиту и массу относительно, условно и часто размыто. Между ними существуют скорее отношения представительства, чем господства или постоянного руководства. Элиты находятся под контролем материнских групп. С помощью разно-

³ *Holtmann E. Politik-Lexikon. München; Wien, 1991. S. 138.*

образных демократических механизмов — выборов, референдумов, опросов, прессы, групп давления и т.д. — можно ограничить или вообще предотвратить действие сформулированного Михельсом «закона олигархических тенденций» и удержать элиты под влиянием масс. Этому способствует конкуренция элит, отражающая экономическую и социальную конкуренцию в современном обществе. Она предотвращает складывание единой господствующей руководящей группы и делает возможной подотчетность элит массам.

4. В современных демократиях элиты формируются из наиболее компетентных и заинтересованных граждан, которые весьма свободно могут входить в состав элиты, участвовать в принятии решений. Главный субъект политической жизни — не элиты, а группы интересов. Различия между элитой и массой основаны главным образом на неодинаковой заинтересованности в принятии решений. Доступ в руководящий слой открывают не только богатство и высокий социальный статус, но прежде всего личные способности, знания, активность и т.п.

5. В демократических государствах элиты выполняют важные общественные функции, связанные с управлением. Говорить же об их социальном господстве неправомерно.

Концепции плюрализма элит широко используются для теоретического обоснования современных западных демократий. Однако эти теории во многом идеализируют действительность. Многочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о явной неравномерности воздействия различных социальных слоев на политику, о преобладании влияния капитала, представителей военно-промышленного комплекса и некоторых других групп. Учитывая это, некоторые сторонники плюралистического элитизма предлагают выделять наиболее влиятельные «стратегические» элиты, чьи «суждения, решения и действия имеют важные предопределяющие последствия для многих членов общества»⁴.

**Леволлиберальные
концепции**

Своего рода идейным антиподом плюралистического элитизма выступают леволиберальные теории элиты. Важнейший представитель этого направления Чарльз Райт Миллс еще в 50-х гг. пытался доказать, что США управляются не многими, а одной властвующей элитой. Леволлиберальный элитизм, разделяя

⁴ Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New York, 1963. P. 20.

некоторые положения макиавеллистской школы, имеет и специфические, отличительные черты:

1. Главный элитобразующий признак — не выдающиеся индивидуальные качества, а обладание командными позициями, руководящими должностями. Властвующая элита, пишет Миллс, «состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможности возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия <...> Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества <...> Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются»⁵. Именно занятие ключевых позиций в экономике, политике, военных и других институтах обеспечивает власть и тем самым конституирует элиту. Такое понимание элиты отличает леволлиберальные концепции от макиавеллистских и других теорий, выводящих элитарность из особых качеств людей.

2. Групповая сплоченность и разнообразие состава властвующей элиты, которая не ограничивается элитой политической, непосредственно принимающей государственные решения, а включает и руководителей корпораций, политиков, высших государственных служащих и высших офицеров. Их поддерживают интеллектуалы, хорошо устроившиеся в рамках существующей системы.

Сплачивающим фактором властвующей элиты является не только общая заинтересованность составляющих ее групп в сохранении своего привилегированного положения и обеспечивающего его общественного строя, но и близость социального статуса, образовательного и культурного уровня, круга интересов и духовных ценностей, стиля жизни, а также личные и родственные связи.

Внутри правящей элиты существуют сложные иерархические отношения. Хотя Миллс остро критикует господствующую элиту США, раскрывает связь политиков с крупными собственниками, он все же не сторонник марксистского классового подхода, рассматривающего политическую элиту лишь как выразителей интересов монополистического капитала.

3. Глубокое различие между элитой и массой. Выходцы из народа могут войти в элиту, лишь заняв высокие посты в общественной иерархии. Однако реальных шансов на это у них немного. Воз-

⁵ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 24.

возможности влияния масс на элиту посредством выборов и других демократических институтов весьма ограничены. С помощью денег, знаний, отработанного механизма манипулирования сознанием властвующая элита управляет массами фактически бесконтрольно.

4. Рекрутирование элиты осуществляется преимущественно из своей собственной среды на основе принятия ее социально-политических ценностей. Важнейшими критериями отбора являются обладание ресурсами влияния, а также деловые качества и конформистская социальная позиция.

5. Первейшая функция властвующей элиты в обществе — обеспечение своего собственного господства. Именно этой функции подчинено решение управленческих задач. Миллс отрицает неизбежность элитарности общества, критикует ее с последовательно демократических позиций.

Сторонники леволиберальной теории элиты обычно отрицают прямую связь экономической элиты с политическими руководителями, действия которых, как считает, например, Ральф Миллс, не определяются крупными собственниками. Однако политические руководители стран развитого капитализма согласны с основными принципами рыночной системы и видят в ней оптимальную для современного общества форму социальной организации. Поэтому в своей деятельности они стремятся гарантировать стабильность общественного строя, основанного на частной собственности и плюралистической демократии.

В западной политологии основные положения леволиберальной концепции элиты подвергаются острой критике, особенно утверждения о закрытости властвующей элиты, непосредственном вхождении в нее крупного бизнеса и др. В марксистской же литературе, напротив, это направление из-за его критической направленности оценивалось весьма положительно.

§ 3. Типология, социальная результативность и рекрутирование элиты

**Общее определение
и причины существования элиты**

Каждое из рассмотренных выше основных направлений элитарной теории отражает те или иные стороны действительности, ориентируется на определенные исторические эпохи и страны. Выделенные в них важнейшие черты и аспекты элиты позволяют дать ее общее определение. **Политическая элита** — это составляющая меньшинство общества внутренне диф-

ференцированная, неоднородная, но относительно интегрированная группа лиц (или совокупность групп), в большей или меньшей степени обладающих качествами лидерства и подготовленных к выполнению управленческих функций, занимающих руководящие позиции в общественных институтах и (или) непосредственно влияющих на принятие властных решений в обществе. Это относительно привилегированная, политически господствующая группа, претендующая на представительство народа и в демократическом обществе в той или иной мере подконтрольная массам и относительно открытая для вхождения в ее состав любых граждан, обладающих необходимой квалификацией и политической активностью.

Ее существование обусловлено действием следующих основных факторов: 1) психологическим и социальным неравенством людей, их неодинаковыми способностями, возможностями и желанием участвовать в политике; 2) законом разделения труда, который требует профессионального занятия управленческим трудом как условия его эффективности; 3) высокой общественной значимостью управленческого труда и его соответствующим стимулированием; 4) широкими возможностями использования управленческой деятельности для получения социальных привилегий (поскольку политико-управленческий труд прямо связан с распределением ценностей); 5) практической невозможностью осуществления всеобъемлющего контроля за политическими руководителями; 6) политической пассивностью широких масс населения, главные интересы которых обычно лежат вне политики.

Типология элит

Эти и некоторые другие факторы обуславливают элитарность общества. Сама политическая элита неоднородна, внутренне дифференцирована и существенно различается на разных исторических этапах и в разных странах. Это, а также специфика исследовательских подходов усложняют ее классификацию.

В зависимости от источников влияния элиты подразделяются на **наследственные**, например аристократия, **ценностные** — лица, занимающие высокопрестижные и влиятельные общественные и государственные позиции, **властные** — непосредственные обладатели власти и **функциональные** — профессионалы-управленцы, имеющие необходимую для занятия руководящих должностей квалификацию.

Среди элит различают **правящую**, непосредственно обладающую государственной властью, и **оппозиционную** (контрэлита);

открытую, рекрутирующуюся из общества, и **закрытую**, воспроизводящуюся из собственной среды, например дворянство.

Сама элита делится на **высшую** и **среднюю**. Высшая элита непосредственно влияет на принятие решений, значимых для всего государства. Принадлежность к ней может быть обусловлена репутацией, например неофициальные советники президента, его «кухонный кабинет», или положением в структурах власти. В западных демократиях на каждый миллион жителей приходится примерно 50 представителей высшей элиты. Среди самой высшей элиты часто выделяют ядро, характеризующееся особой интенсивностью коммуникаций, взаимодействия и насчитывающее обычно 200–400 человек.

К средней элите относят примерно 5 процентов населения, выделяющихся одновременно по трем признакам — доходу, профессиональному статусу и образованию. Лица, обладающие высшими показателями лишь по одному или двум из этих критериев, относятся к **маргинальной** элите. Как отмечает Карл Дойч, «в целом люди, чей образовательный уровень гораздо выше, чем их доход, обычно более критичны к существующим отношениям, в своих политических убеждениях тяготеют к центризму или левому радикализму. Лица, чей доход заметно превышает уровень образования, также зачастую не удовлетворены своим положением, престижем и, как правило, занимают правые политические позиции. Таким образом, взгляды 5 процентов взрослого населения страны, составляющего элиту общества, определяемые соотношением доходов, профессионального статуса и образовательного уровня, могут многое поведать о том, что политически приемлемо и что не приемлемо для данной страны»⁶.

Многие политологи отмечают тенденцию возрастания роли средней элиты, особенно ее новых слоев, называемых «субэлитой», — высших служащих, менеджеров, ученых, инженеров и интеллектуалов — в подготовке, принятии и реализации политических решений. Эти слои обычно превосходят высшую элиту в информированности, организованности и способности к единым действиям.

К политической элите, непосредственно участвующей в процессе принятия политических решений, примыкает элита **административная**, предназначенная для исполнительской деятельности, однако на деле обладающая большим влиянием на политику.

Одной из достаточно содержательных классификаций политической элиты в демократическом обществе является выделение в

⁶ Цит. по: Шаран П. Сравнительная политология /Пер. с англ. Ч. 2. М., 1992. С. 92.

зависимости от степени развитости и соотношения вертикальных (социальная представительность) и горизонтальных (внутригрупповая сплоченность) связей элиты ее четырех основных типов: **стабильной демократической** («этаблированной») элиты — высокая представительность и высокая групповая интеграция; **плюралистической** — высокая представительность и низкая групповая интеграция; **властной** — низкая представительность и высокая групповая интеграция и **дезинтегрированной** — низкие оба показателя (см. табл.).

		Социальная представительность	
		высокая	низкая
Групповая интеграция	высокая	стабильная демократическая	властная
	низкая	плюралистическая	дезинтегрированная

Оптимальной для общества является стабильная демократическая элита, сочетающая тесную связь с народом с высокой степенью групповой кооперации, позволяющей понимать политических оппонентов и находить приемлемые для всех компромиссные решения.

Результативность и интеграция элиты

Элитарность современного общества достаточно доказанный факт. Всякие попытки ее устранения и политической нивелировки населения приводили лишь к господству деспотических, нерезультативных элит, что в конечном счете наносило ущерб всему народу. Устранить политическую элитарность можно лишь за счет общественного самоуправления. Однако на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации самоуправление народа скорее привлекательный идеал, чем реальность. Для демократического государства имеет первостепенную значимость не борьба с элитарностью, а формирование наиболее результативной, полезной для общества элиты, обеспечение ее социальной представительности, своевременное качественное обновление, предотвращение тенденции олигархизации, превращения в замкнутую господствующую привилегированную касту.

Социальная результативность элиты, характеризующая эффективность выполнения ею функций руководства обществом, скла-

дывается из многих показателей. К числу важнейших из них относятся **оптимальное сочетание горизонтальной и вертикальной интеграции и эффективная система рекрутирования**, обеспечивающая высокую профессиональную компетентность и необходимые для руководящих кадров ценностные ориентации: честность, уважение законов и прав человека, заботу об общем благе и т.п.

Горизонтальная интеграция — это кооперация различных представителей элиты, ее групповая сплоченность. Удерживаемая в определенных пределах, она выступает необходимым условием принятия коллективных решений, предохранения общества от политической поляризации и радикализации, повышения способности руководителей находить компромиссные решения и достигать консенсуса, предотвращать и разрешать конфликты. Однако внутригрупповая интеграция способствует социальной результативности элиты лишь тогда, когда она происходит не за счет ослабления ее **социальной представительности**, характеризующей выражение элитой интересов всего общества. Как отмечает Е. Хоффманн-Ланге, современные «элиты имеют тенденцию эмансипироваться от своего собственного базиса, требования которого они воспринимают как ограничение их свободы принятия решений»⁷.

**Социальная
представительность элиты**

Выражение элитой запросов и мнений населения зависит от многих причин.

Одна из них — **социальное происхождение** ее представителей. Оно в значительной степени влияет на политические ориентации. Ясно, что выходцам из среды крестьян, рабочих, определенных этнических и других групп легче понять специфические запросы соответствующих слоев, найти с ними общий язык. Однако совсем не обязательно, чтобы интересы рабочих защищали рабочие, фермеров — фермеры, молодежи — молодежь и т.п. Часто это могут лучше делать политики-профессионалы, выходцы из других групп общества.

В современных государствах непропорциональность представления в элите населения достаточно велика. Так, среди элиты стран Запада намного шире, чем другие группы, представлены выпускники университетов. А это в свою очередь обычно связано с достаточно высоким социальным статусом родителей. В целом же непропорциональность представительства различных слоев в политической элите обычно растет по мере повышения статуса занимаемой должности. На первых этапах политико-управленческой пирамиды низшие слои

⁷ Hoffmann-Lange E. Eliten in der modernen Demokratie//Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart; Berlin; Köln, 1990. S. 20.

населения представлены значительно шире, чем в высших эшелонах власти. Непропорциональность в социальных показателях политических элит и всего населения еще не означает непредставительности политических ориентаций руководителей.

Более важной по сравнению с формальным отображением элитой социальной структуры гарантией социальной представительности элиты выступает ее **организационная** (партийная, проф-союзная и т.п.) **принадлежность**. Она прямо связана с ценностными ориентациями людей. Кроме того, партии и другие организации обычно имеют достаточные возможности для воздействия на своих членов в нужном направлении.

В современном демократическом обществе партийные механизмы контроля за элитами дополняются государственными и общественными институтами. К таким институтам относятся выборы, СМИ, опросы общественного мнения, группы давления и т.д.

Системы рекрутирования элит

Большое влияние на социальную представительность, качественный состав, профессиональную компетентность и результативность элиты в целом оказывают системы ее рекрутирования (отбора). Такие системы определяют: кто, как и из кого осуществляет отбор, каковы его порядок и критерии, круг селектората (лиц, осуществляющих отбор) и побудительные мотивы его действий.

Существуют две основные системы рекрутирования элит: гильдий и антрепренерская (предпринимательская). В чистом виде они встречаются довольно редко. Антрепренерская система преобладает в демократических государствах, система гильдий — в странах административного социализма, хотя ее элементы широко распространены и на Западе, особенно в экономике и государственно-административной сфере.

Каждая из этих систем имеет свои специфические черты. Так, для системы **гильдий** характерны:

- 1) закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь наверх. Примером здесь служит сложная чиновничья лестница, предполагающая постепенное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии;

- 2) высокая степень институционализации процесса отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров — формальных требований для занятия должностей. Это могут быть партийность, возраст, стаж работы, образование, характеристика руководства и т.д.;

3) небольшой, относительно закрытый круг селектората. Как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководящего органа или один первый руководитель — глава правительства, фирмы и т.п.;

4) подбор и назначение кадров узким кругом руководителей, отсутствие открытой конкуренции;

5) тенденция к воспроизводству существующего типа элиты. По существу эта черта вытекает из предыдущих — наличия многочисленных формальных требований, назначения на должность высшим руководством, а также длительного пребывания претендента в рядах данной организации.

Антрепренерская система рекрутирования элит во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают: 1) открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций; 2) небольшое число формальных требований, институциональных фильтров; 3) широкий круг селектората, который может включать всех избирателей страны; 4) высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов; 5) изменчивость состава элиты, первостепенная значимость для этого личностных качеств, индивидуальной активности, умения найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее привлекательными идеями и программами.

Эта система больше ценит выдающихся людей. Она открыта для молодых лидеров и нововведений. В то же время определенными недостатками ее использования являются относительно большая вероятность риска и непрофессионализма в политике, сравнительно слабая предсказуемость политики, склонность лидеров к чрезмерному увлечению внешним эффектом. В целом же, как показывает практика, антрепренерская система рекрутирования элит хорошо приспособлена к динамизму современной жизни.

Система гильдий также имеет свои плюсы и минусы. К числу ее сильных сторон относятся уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии и меньшая вероятность внутренних конфликтов, большая предсказуемость политики. Главные ценности этой системы — консенсус, гармония и преемственность. В то же время система гильдий склонна к бюрократизации, организационной рутине, консерватизму, произволу селектората и подмене формальных критериев отбора неформальными. Она порождает массовый конформизм и затрудняет исправление ошибок и устранение недостатков по инициативе снизу. Без дополнения конкурентными механизмами эта система ведет к постепенной дегенерации элиты, ее отрыву от общества и превращению в привилегированную касту.

**Номенклатурная система
и ее социальные последствия**

Собственно так и произошло в странах административного социализма, где долгие десятилетия господствова-

ла номенклатурная система рекрутирования политической элиты — один из наиболее типичных вариантов системы гильдий. Суть номенклатурной системы состоит в назначении лиц на все сколь-нибудь социально значимые руководящие должности лишь с согласия и по рекомендации соответствующих партийных органов, в подборе элиты сверху.

В СССР, например, негативные социальные последствия функционирования этой системы усиливались ее всеобъемлющим характером, полным устранением конкурентных механизмов в экономике и политике, а также идеологизацией, политизацией и непотизацией (доминированием родственных связей) критериев отбора. Такими критериями стали полнейший идеологический и политический конформизм («политическая зрелость»), партийность, личная преданность вышестоящему руководству, угодничество и подхалимаж, родственные связи, показной активизм и т.п. Эти и другие подобные нормы-фильтры отсеивали наиболее честных и способных людей, уродовали личность, порождали массовый тип серого, идеологически закомплексованного, не способного на подлинную инициативу работника, видящего в занятии руководящих постов лишь личную выгоду.

Долголетнее разрушительное воздействие номенклатурной системы, а также уничтожение в войнах и лагерях цвета народа, его лучших представителей привело к вырождению советской политической элиты. Положение не изменилось и после ликвидации власти КПСС, поскольку в России в отличие от многих стран Восточной Европы не сформировалось сколь-нибудь влиятельной, подлинно демократической контрэлиты, способной к эффективному руководству обществом.

Номенклатурное прошлое, усугубляемое почти полным отсутствием социального контроля и нравами легализовавшихся дельцов теневой экономики, ярко проявилось у посткоммунистической российской элиты. Ее низкие деловые и нравственные качества во многом объясняют перманентность и глубину кризиса российского общества в последнее десятилетие, массовое распространение коррупции и безответственности. Выход из сложившейся ситуации, успешное реформирование общества возможны лишь на пути создания новой системы рекрутирования элит, основанной на конкурентных началах и институционализации требований к деловым и нравственным качествам политических и административных руководителей.

Весьма слабая политическая активность граждан, низкая результативность российской элиты, незавершенность процесса рекрутирования нового руководящего слоя и в то же время его перво-степенная значимость для преобразования страны — все это делает проблему политической элиты особенно актуальной для российского общества. Социальные механизмы ее рекрутирования непосредственно влияют не только на общественную роль и облик этой группы в целом, но и определяют типичные черты ее отдельных представителей — политических лидеров.

Глава 8

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

§ 1. Понятие лидерства

Идеи лидерства в истории

Лидерство есть везде, где есть власть и организация. Само слово «лидер» в переводе с английского («leader») означает «ведущий», «руководящий». В этом, сохраняющемся и сегодня значении оно уже издавна знакомо всем народам.

Интерес к лидерству и попытки осмыслить этот сложный и важный социальный феномен восходят к глубокой древности. Так, уже античные историки Геродот, Плутарх и др. уделяли политическим лидерам главное внимание, видя в героях, монархах и полководцах творцов истории.

Значительный вклад в исследование политического лидерства внес Макиавелли. В его трактовке политический лидер — это государь, сплачивающий и представляющий все общество и использующий любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения своего господства. Разработанные Макиавелли практические советы для правителей, предполагающие искусное сочетание хитрости и силы, высоко ценили Кромвель, Наполеон и многие другие выдающиеся политики.

Яркими представителями волюнтаристской теории лидерства, рассматривающей историю как результат творчества выдающихся личностей, явились Томас Карлейль (1795–1881) и Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882). Первый из них считал основную массу населения «убогой во всех отношениях», не способной нормально существовать без направляющего воздействия лидеров. Именно в «пестрой одежде» выдающихся личностей проявляется божественное

провидение и творческое начало в истории. Подобные взгляды на политическое лидерство выражал и Эмерсон. «Все глубокие прозрения,— писал он, — удел выдающихся индивидов»¹.

Концепцию лидерства, оказавшую заметное влияние на последующую политическую мысль и практику, разработал Фридрих Ницше (1844—1900). Он пытался обосновать необходимость формирования высшего биологического типа — человека-лидера, сверхчеловека. «Цель человечества,— писал Ницше,— лежит в его высших представителях <...> Человечество должно неустанно работать, чтобы рождать великих людей — в этом, и ни в чем ином, состоит его задача»².

Сверхчеловек не ограничен нормами существующей морали, стоит по ту сторону добра и зла. Он может быть жестоким к обычным людям и снисходительным, сдержанным, нежным, дружелюбным в отношениях с равными себе, со сверхчеловеками. Его отличают высокие жизненные силы и воля к власти. Это сильная, волевая, развитая и красивая личность, возвышающаяся над человеком так же, как тот превосходит обезьяну. В представлениях Ницше о сверхчеловеке отразилась дарвинистская идея об эволюции биологических видов.

Непосредственное воздействие на современные концепции лидерства оказал Габриель Тард (1843—1904), один из основоположников теории социализации. Тард пытался доказать, что основным законом социальной жизни является подражание последователей лидеру. Большинство населения не способно к самостоятельному социальному творчеству. Единственный источник прогресса общества — открытия, сделанные инициативными и оригинальными личностями.

С многовековой традицией, рассматривающей лидеров как локомотив истории, принципиально расходится марксизм. Он ограничивает возможность активности политических лидеров исторической необходимостью и классовыми интересами. Политический лидер выступает здесь наиболее последовательным, сознательным и умелым выразителем воли класса, т.е. играет по отношению к классу в общем-то вспомогательную, служебную роль. И если Маркс и Энгельс отмечали возможность обособления политических лидеров от представляемого ими класса и предупреждали рабочих о необходимости обезопасить себя от собственных чиновников, то у Ленина и, особенно, у Сталина возобладали еще более упрощенные представления о соотношении масс и политических лидеров.

¹ Journals of R. Emerson with Annotations. Vol. 8. Boston, 1912. P. 135.

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 286.

«Массы, — писал Ленин, — делятся на классы <...> классами руководят обычно <...> политические партии <...> политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»³.

Свойственная ленинизму классовая одномерность общественного развития и жесткий экономический детерминизм в объяснении политики не позволяют в полной мере учесть общечеловеческие начала лидерства, активность политических руководителей, в том числе и их способность навязывать массам, используя их иллюзии и доверчивость, тупиковые варианты общественных изменений, противоречащие интересам классов и всего народа.

Отрицание исторической роли лидеров свойственно и некоторым немарксистским исследователям. Они (например, Б. Мацлих) утверждают, что «лидеры не имеют никакого значения». Массы и окружающая среда в целом диктуют поведение лидеров, влияют на их ценности и цели, определяют средства достижения целей, контролируют их действия с помощью конституций, партий и других институциональных механизмов.

Подавляющее большинство современных исследователей лидерства не разделяют подобные точки зрения, недооценивающие автономию и активность политических лидеров, их многообразное воздействие на общество. Богатство феномена лидерства отражается в его определениях.

Определения лидерства

В современной науке, при наличии общности исходных позиций, лидерство характеризуется неоднозначно. Можно выделить следующие основные подходы к его трактовке:

1. Лидерство — это разновидность власти, спецификой которой является направленность сверху вниз, а также то, что ее носителем выступает не большинство, а один человек или группа лиц. Политическое лидерство, пишет Жан Блондель, — это «власть, осуществляемая одним или несколькими индивидами, с тем, чтобы побудить членов нации к действиям»⁴.

2. Лидерство — это управленческий статус, социальная позиция, связанная с принятием решений, это руководящая должность. Такая интерпретация лидерства вытекает из структурно-функционального подхода, предполагающего рассмотрение общества как сложной,

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 24.

⁴ Блондель Ж. Политическое лидерство. М., 1992. С.10.

иерархически организованной системы социальных позиций и ролей. Занятие в этой системе позиций, связанных с выполнением управленческих функций (ролей), и дает человеку статус лидера. Иными словами, как отмечает Даунтон, лидерство — это «положение в обществе, которое характеризуется способностью занимающего его лица направлять и организовывать коллективное поведение некоторых или всех его членов»⁵.

3. Лидерство — это влияние на других людей (В. Кац, Л. Эдinger и др.). Однако это не любое влияние, а такое, для которого характерны четыре особенности: во-первых, необходимо, чтобы влияние было **постоянным**. К политическим лидерам нельзя причислять людей, оказавших хотя и большое, но разовое воздействие на политический процесс, историю страны. Так, например, Ли Освальд, официально признанный убийцей американского президента Джона Кеннеди, своим поступком оказал существенное влияние на последующее политическое развитие Америки, да и мира в целом. Однако было бы нелепо вследствие этого считать его политическим лидером.

Во-вторых, руководящее воздействие лидера должно осуществляться **на всю группу** (организацию, общество). Известно, что внутри любого крупного объединения существует несколько или даже множество центров локального влияния. Причем постоянно-му влиянию со стороны членов группы подвергается и сам лидер. Особенностью политического лидера является широта влияния, распространение его на все общество или крупные группы.

В-третьих, политического лидера отличает явный **приоритет во влиянии**. Отношения лидера и ведомых характеризует асимметричность, неравенство во взаимодействии, однозначная направленность воздействия — от лидера к членам группы.

В-четвертых, влияние лидера опирается не на прямое применение силы, а на **авторитет или хотя бы признание правомочности руководства**. Диктатор, силой удерживающий группу в подчинении, — это не лидер, как не является лидером, например, террорист, захвативший заложников, или тюремный надзиратель. Следует отметить, что не все авторы считают несовместимым лидерство и постоянное насилие. Отдельные ученые, например Ж. Блондель, допускают использование принуждения.

4. Политическое лидерство — это особого рода предпринимательство, осуществляемое на специфическом рынке, при котором политические предприниматели в конкурентной борьбе обмени-

⁵ Downton J., *Rebel Jr. Leadership: Commitment and Charisma in the Revolutionary Process*. New York; London, 1973. P. 15.

вают свои программы решения общественных задач и предполагаемые способы их реализации на руководящие должности (Дж. Опенгеймер, Н. Фролих и др.). При этом специфика политического предпринимательства состоит в персонализации «политического товара», его отождествлении с личностью потенциального лидера, а также в рекламировании этого «товара» как общего блага. Такая интерпретация политического лидерства вполне возможна. Однако она применима главным образом лишь к демократическим организациям: государствам, партиям и т.п.

5. Лидер — это символ общности и образец политического поведения группы. Он выдвигается снизу, преимущественно стихийно, и принимается последователями. Политическое лидерство отличается от политического руководства, которое, «в отличие от лидерства предполагает достаточно жесткую и формализованную систему отношений господства—подчинения»⁶.

Эта точка зрения до сих пор достаточно широко распространена в российском обществоведении и связана с его длительной оторванностью от мировой науки и, в частности, с узким, преимущественно психологическим пониманием лидерства как главенствующего положения личности, возникающего стихийно в ходе межличностных отношений в малой группе. Применительно к социологии и политологии с такой трактовкой лидерства никак нельзя согласиться из-за ее односторонности, неучета объективной, антропологической и социальной основы этого феномена, недооценки ведущей роли властного статуса в выполнении функций политического лидерства, связанного с воздействием на большие массы людей.

Объективная и субъективная стороны лидерства

Феномен лидерства коренится в самой природе человека и общества. Явления, во многом схожие с лидерством и называемые «протолидерством», встречаются в среде животных, ведущих коллективный, стадный образ жизни, например в стадах обезьян или оленей, в волчьих стаях и т.д. Здесь всегда выделяется наиболее сильная, достаточно умная, упорная и решительная особь — вожак, руководящий стадом (стаей) в соответствии с его неписанными законами, продиктованными взаимоотношениями со средой и биологически запрограммированными.

Лидерство основывается на определенных потребностях сложных организованных систем. К ним относится прежде всего потребность в самоорганизации, упорядочении поведения отдельных эле-

⁶ Ильин М. В., Коваль Б. И. Личность в политике: «Кто играет короля?» // Полис. 1991. № 6. С. 138.

ментов системы в целях обеспечения ее жизненной и функциональной способности. Такая упорядоченность осуществляется через вертикальное (управление—подчинение) и горизонтальное (коррелятивные одноуровневые связи, например разделение труда и кооперация) распределение функций и ролей и прежде всего через выделение управленческой функции и осуществляющих ее структур, которые для своей эффективности требуют, как правило, иерархической, пирамидальной организации. Вершиной такой управленческой пирамиды и выступает лидер (протолидер).

Четкость выделения лидирующих позиций зависит от типа общности, составляющей систему, и ее взаимоотношений с окружающей средой. В системах с низкой групповой интеграцией и высокой степенью автономии и свободы различных элементов и уровней организации функции лидера выражены слабо. По мере же усиления потребностей системы и самих людей в сложно организованных коллективных действиях и осознания этих потребностей в форме коллективных целей — спецификация функций лидера и его структурное, институциональное обособление повышаются.

В малых группах, основанных на непосредственных контактах их членов, институционализация лидирующих позиций может не происходить. Здесь на первый план выдвигаются индивидуальные качества личности, ее способность объединить и повести за собой группу. В крупных же объединениях, эффективность коллективных действий которых требует четкой функционально-ролевой дифференциации и специализации, а также оперативности управления и жесткости подчинения (например, в армии), институционализация и формализация (официальное закрепление) лидирующих позиций, придание им сравнительно больших властных полномочий обязательны.

Именно к такому типу объединений относится политика. В ней действуют огромные массы людей, ставящие перед собой вполне определенные, ясно осознанные цели и испытывающие непрерывное противодействие со стороны политических оппонентов. В силу этого институционализация лидирующих позиций проявляется в политике особенно отчетливо.

Институционализация руководящих функций отражается в понятии **формального лидерства**. Оно представляет собой приоритетное влияние определенного лица на членов организации, закрепленное в ее нормах и правилах и основывающееся на положении в общественной иерархии, месте в ролевых структурах, обладании ресурсами влияния. В противоположность формальному **неформальное лидерство** характеризует субъективную способность, готовность и умение выполнять роль лидера, а также признание за ним права

на руководство со стороны членов группы (общества). Оно основывается на авторитете, приобретенном в результате обладания определенными личными качествами.

Оба этих аспекта — формальный и неформальный — характеризуют политическое лидерство. Причем в политике формальный, институциональный аспект является ведущим, поскольку здесь реализация потребностей в самоорганизации и упорядочении деятельности огромного количества людей зависит не столько от индивидуальных качеств (хотя это тоже очень важно), сколько от силы и влияния организации. В современном обществе, не опираясь на организацию, на СМИ, даже личность, обладающая выдающимися способностями, не сможет стать политическим лидером. Как писал в «Лженероне» Л. Фейхтвангер, «власть даже пустого человека наполняет содержанием». И в этом смысле, даже находясь в полувмняемом состоянии, такие советские руководители, как Л. И. Брежнев и К. У. Черненко, объективно выполняли роль политических лидеров. Именно от них непосредственно зависело принятие важнейших государственных решений.

Таким образом, понятие политического лидерства включает два аспекта: формально-должностной статус, связанный с обладанием властью, и субъективную деятельность по выполнению возложенной социальной роли. Причем первый аспект, предполагая хотя бы минимальную личностную активность, имеет ключевое значение для оценки индивида как политического лидера. Второй же аспект — личностные качества и реальное поведение на занимаемом посту — определяет главным образом лишь сохранение властной должности, а также служит для оценки лидера как результативного или нерезультативного, великого или ординарного, как «хорошего» или «плохого» руководителя. Учитывая все это, отделение политического лидерства от его институционально закрепленной руководящей позиции, которой приданы властные полномочия, представляется неправомерным.

Из всех определений политического лидерства, рассмотренных выше, характеристика лидерства как особого рода влияния представляется наиболее плодотворной, поскольку она в отличие, например, от властной трактовки лидерства охватывает не только властные, но и более «мягкие», опирающиеся лишь на авторитет и убеждение виды руководящего влияния, предполагающие не столь жесткое, однонаправленное воздействие, как власть.

Итак, политическое лидерство представляет собой постоянное приоритетное и легитимное влияние одного или нескольких лиц, занимающих властные позиции, на все общество, организацию или

группу. В структуре лидерства обычно выделяют три главных компонента: индивидуальные черты лидера; ресурсы или инструменты, которыми он располагает; ситуацию, в которой он действует и которая оказывает на него влияние. Все эти компоненты прямо влияют на эффективность лидерства.

Если властные позиции и роли — объективная основа политического лидерства — относительно стабильны, с трудом и достаточно редко подвергаются радикальным изменениям, то личностный, персональный состав лидерства более текуч и подвижен. Что же предопределяет занятие властных позиций одними людьми, в то время как другие довольствуются ролью исполнителей воли лидера и его окружения? Что непосредственно лежит в основе лидерства?

§ 2. Природа политического лидерства

Теория черт

Феномен лидерства пытаются объяснить многие теории. Пожалуй, старейшей из них, не утратившей и сегодня своей актуальности, является теория черт. Она создавалась на основе выявления качеств, присущих идеальным лидерам — героям. Суть этой теории состоит в объяснении феномена лидерства выдающимися качествами человека. Как писал один из основателей этой теории Э. Богардус, «превосходящие интеллектуальные дарования доставляют личности выдающееся положение, рано или поздно приводящее к лидерству»⁷.

Среди черт, присущих политическому лидеру, обычно называют острый ум, твердую волю и целеустремленность, кипучую энергию, незаурядные организаторские способности и, особенно, компетентность и готовность брать на себя ответственность. К обязательным качествам современных политических лидеров в демократических странах все чаще добавляют фото- и телегеничность, внешнюю привлекательность, способность внушать людям доверие и т.п.

Для проверки теории черт были проведены обширные конкретные исследования. Они в значительной мере поставили под сомнение эту концепцию, так как оказалось, что при детальном анализе индивидуальные качества лидера почти в точности совпадают с полным набором психологических и социальных признаков личности вообще. Кроме того, в некоторых сферах деятельности, прежде всего в области предпринимательства, высокие интеллектуальные и моральные качества являются скорее препятствием для занятия

⁷ *Bogardus E. Leaders and Leadership. New York, 1934. P. 138.*

лидирующих позиций, чем условием успеха. К тому же часто выдающиеся способности людей на протяжении многих лет, а порой и всей жизни, оказываются невостребованными, не находят применения.

Все это вовсе не означает полного отрицания теории черт. Очевидно, что для занятия лидирующих позиций в условиях конкуренции действительно нужны определенные психологические и социальные качества. Однако их набор значительно меняется в зависимости от исторических эпох, отдельных государств и конкретных ситуаций. Даже в наши дни личностные качества, дающие шансы на политический успех, существенно отличаются, например, в Швеции, Афганистане, Корее и Сомали. К тому же во многих, главным образом недемократических, государствах политическими лидерами часто становятся заурядные, серые личности, не обладающие яркой индивидуальностью.

Учет всего этого породил вторую волну развития теории черт, или ее **факторно-аналитическую концепцию**. Она различает чисто индивидуальные качества лидера и характерные для него черты, стиль поведения, связанные с достижением определенных политических целей. Между этими двумя группами свойств лидера могут быть существенные различия. Это можно проиллюстрировать на примере Ленина. Его индивидуальные черты, проявляющиеся в отношениях с близким окружением, никак не предвещали жестокого деспота, жаждущего насилия и равнодушного к страданиям людей. Однако его упорство и даже одержимость в стремлении к в общем-то гуманной, но утопической цели построения коммунизма делали из него диктатора, отрицающего общечеловеческие нормы морали и ради удержания власти не останавливающегося перед преступлениями, что проявилось, например, в его приказах о расстрелах заложников, жестоких расправах над священниками и т.д.

Факторно-аналитическая концепция вводит в теорию лидерства понятие целей и задач, связанных с определенной ситуацией. В результате взаимодействия индивидуальных качеств лидера и стоящих перед ним целей и условий их осуществления вырабатывается стиль его поведения, составляющий его «вторую природу». Стиль поведения и целевая ориентация лидера несут на себе отпечаток определенных социальных условий.

Ситуационная концепция

Идею зависимости лидерства от определенных социальных условий обосновывает и развивает его ситуационная концепция (Р. Стогдилл, Т. Хилтон, А. Голдиер и др.). Она исходит из относительности и множественности лидерства. Лидер — функция определенной си-

туации. Как писал Р. Стогдилл, «лидерство есть связь, которая существует между людьми в какой-то социальной ситуации, и люди, являющиеся лидерами в одной ситуации, не обязательно будут ими в других ситуациях»⁸. Именно сложившиеся конкретные обстоятельства определяют отбор политического лидера и детерминируют его поведение. Так, например, ситуация в исламском Иране неизбежно отвергнет политиков европейского или американского типа. Точно так же и религиозный лидер-пророк не сумеет проявить себя на политической арене Запада. Очевидно, что требования к лидеру значительно различаются и в зависимости от того, находится данное государство в состоянии кризиса или развивается стабильно.

С точки зрения ситуационного подхода лидерские качества релятивны, относительно. Один человек может проявить черты лидера на митинге, другой — в повседневной политико-организационной работе, третий — в межличностном общении и т.п. В целом же лидеров отличают главным образом целеустремленность, готовность взять на себя ответственность за решение той или иной задачи, а также компетентность.

Ситуационная теория не отрицает важную роль индивидуальных качеств личности, однако не абсолютизирует их, отдает приоритет в объяснении природы политического лидерства обстоятельствам. На основе этой концепции, подтверждаемой эмпирическими исследованиями, ряд ученых (Э. Фромм, Д. Рисмэн и др.) пришли к выводу, что в современном западном обществе большие шансы на успех имеет беспринципный человек, ориентирующийся на политическую конъюнктуру и не задумывающийся о нравственной значимости своих действий.

Однако такие выводы, как и ситуационная теория в целом, подтверждаются далеко не полностью. Ограниченность этой концепции состоит в том, что она недостаточно отражает активность лидера, его способность правильно и своевременно оценить и изменить ситуацию, найти решение острых проблем.

Теория конститuentов

Уточнением, развитием и качественным обогащением ситуационной концепции явилась теория, объясняющая феномен лидерства через последователей и конститuentов. «Именно последователь, — утверждает Ф. Стэнфорд, — воспринимает лидера, воспринимает ситуацию и в конечном счете принимает или отвергает лидерство»⁹.

⁸ Bass B. M. Stogdill's Handbook on Leadership. New York, 1981. P. 67.

⁹ Groups, Leadership and Men /Ed. by H. Guetskow. Pittsburg, 1951. P. 136.

Достоинством такого подхода является рассмотрение лидерства как особого рода отношений между руководителем и его конституентами, выступающих в виде цепочки взаимосвязанных звеньев: конституенты — последователи — активисты — лидер. Лидер и его конституенты составляют единую систему. В современной науке круг конституентов лидера понимается достаточно широко. В него включаются не только политические активисты и все достаточно четко определившиеся приверженцы (последователи) лидера, но и его избиратели, а также все те, кто взаимодействует с ним, оказывает на него влияние. Анализ конституентов во многом позволяет понять и предсказать политическое поведение лидера, зачастую действующего вопреки своим собственным политическим привычкам, симпатиям и антипатиям.

В формировании и функционировании отношений «лидер—конституенты» особенно велика роль активистов. Именно они достаточно компетентно оценивают личные качества и возможности лидера, организуют кампании в его поддержку, выступают «приводным ремнем», связывающим его с массами, т.е. «делают» лидера.

Через конституентов проявляется воздействие на политику господствующей политической культуры и прежде всего ценностных ориентаций и ожиданий избирателей. В демократическом государстве претенденты на роль политических лидеров могут рассчитывать на успех лишь в случае совпадения их имиджа с ожиданиями большинства народа.

Имея немалые достоинства, трактовка лидера как выразителя интересов и экспектаций конституентов, подобно его ситуационной интерпретации, плохо работает при объяснении инноваций, самостоятельности и активности лидера. История свидетельствует, что некоторые весьма важные действия руководителей идут вразрез с интересами и ожиданиями приведших их к власти социальных слоев и сторонников. Яркий пример тому — политическая деятельность Сталина, который примерно за полтора десятилетия своего господства почти полностью уничтожил большевиков, ранее приведших его к власти, а заодно и свыше половины членов собственной партии.

Взаимодействие лидера и его конституентов — обоюдонаправленное, двустороннее движение. Причем лидеры могут в значительной мере менять свою социальную опору. Самостоятельность лидера по отношению к конституентам прямо зависит от характера политического строя, от степени концентрации власти в руках руководителя и от политической культуры общества в целом. Наибольшие возможности для субъективистской и волюнтаристской политики имеют лидеры в авторитарных и тоталитарных систе-

мах, где они могут порою поставить под угрозу само существование всей нации, как это пытался сделать, например, Гитлер накануне поражения нацистской Германии.

**Психологические концепции
и интерактивный анализ**

Природа политического лидерства достаточно сложна и не поддается однозначной интерпретации. Прояснить его субъективные механизмы помогают психологические теории и, в частности, психоаналитическое объяснение лидерства. Как считал основоположник психоанализа З. Фрейд, в основе лидерства лежит подавленное либидо — преимущественно бессознательное влечение сексуального характера. В процессе сублимации оно проявляется в стремлении к творчеству, в том числе и к лидерству.

У многих людей обладание руководящими позициями выполняет субъективно-компенсаторские функции, позволяет подавлять или преодолевать различного рода комплексы, чувство неполноценности и т.п. Определенные психологические потребности отражает и подчинение лидеру. Субъективное принятие лидерства закладывается еще в детстве, когда ребенок нуждается в покровительстве и авторитете родителей. И в этом смысле авторитет руководителя государства подобен авторитету отца семейства.

Заметный вклад в развитие психоанализа внесли ученые франкфуртской школы Эрих Фромм, Теодор Адорно и др. Они выявили тип личности, предрасположенный к авторитаризму и стремящийся к власти. Такая личность формируется в нездоровых общественных условиях, порождающих массовые фрустрации и неврозы и стремление человека убежать от всего этого в сферу господства и подчинения. Для авторитарной личности власть является психологической потребностью, позволяющей избавиться от собственных комплексов путем навязывания своей воли другим людям.

Обладание безграничной властью над другими, их полное подчинение доставляет такому человеку особое наслаждение. Оно является формой своеобразного садизма. Одновременно авторитарная личность имеет и мазохистские черты — при столкновении с превосходящей силой такая личность восхищается ею и поклоняется ей. Слабость же других вызывает у индивидов авторитарного типа презрение и желание унижить их.

Такой тип поведения в психологическом смысле служит проявлением не силы, а слабости. Авторитарная личность, не имея подлинной внутренней силы, пытается убедить себя в обладании

ею с помощью господства над другими. Эта личность иррациональна, склонна к мистике, руководствуется в первую очередь эмоциями и не терпит равенства и демократии. Она воспринимает других людей и мир в целом сквозь призму отношений силы—слабости, садомазохизма.

Эмпирические исследования, проведенные Адорно и другими учеными, подтвердили реальное существование авторитарного типа личности, выявили ее некоторые новые черты. В целом же это направление психоанализа значительно расширило представления о внутренних мотивациях стремления к лидерству, хотя, конечно же, не исчерпывает все типы таких мотиваций. Как уже отмечалось, существуют и некоторые другие типы психологического отношения к лидерству, например игровой, инструментальный и др.

Совокупность различных интерпретаций позволяет увидеть разнообразные стороны политического лидерства, однако еще не дает его целостной картины. Попытку решить эту задачу, осуществить комплексное исследование лидерства представляет собой **интерактивный анализ**. Он учитывает четыре главных момента лидерства: черты лидера; задачи, которые он призван выполнять; его последователей и конститuentов; систему их взаимодействия, механизм взаимоотношений лидера и его конститuentов. И все же создать единую, универсальную концепцию лидерства, по всей вероятности, невозможно, поскольку само это явление чрезвычайно многообразно по своим проявлениям и функциям, зависит от исторических эпох, типов политических систем, особенностей лидеров и их конститuentов и других факторов.

§ 3. Классификация, функции и тенденции развития лидерства

Типы лидерства

Существуют различные классификации феномена лидерства. Одной из наиболее общих является деление всех лидеров на **обычных** («реальных») и **великих** (как великих «героев», так и великих «злодеев»). Первые, реальные лидеры, не оставляют заметного личного следа в истории, не изменяют обычного хода событий. Вторые, лидеры-герои (злодеи), имеют собственное видение политики и пытаются осуществить в ней свои замыслы, влекущие большие социальные и политические перемены.

Широко распространено деление лидерства в зависимости от отношения руководителя и подчиненных на **авторитарное** и **демократическое**. Авторитарное лидерство предполагает единоличное направляющее воздействие, основанное на угрозе санкций, при-

менении силы. Демократическое лидерство выражается в учете руководителем интересов и мнений всех членов группы или организации, в их привлечении к управлению.

Одна из «классических» типологий лидерства восходит к учению М. Вебера о способах легитимации власти. В соответствии с этими способами лидеров подразделяют на **традиционных** (вожди племен, монархи и т.п.) — их авторитет основан на обычае, традиции; **рационально-легальных**, или рутинных, — это лидеры, избранные демократическим путем; и **харизматических** — наделенных, по мнению масс, особой благодатью, выдающимися качествами, необычайной способностью к руководству. Харизма складывается из реальных способностей лидера и тех качеств, которыми его наделяют последователи. При этом индивидуальные качества лидера нередко играют второстепенную роль в формировании его харизмы. Харизматическими лидерами были, например, Ленин, Сталин, Ким Ир Сен, Фидель Кастро.

Данная классификация лидерства достаточно проста и удобна, хотя, как и любая другая классификация, ограничена в применении. В основе первого типа лидерства лежит привычка, второго — разум, третьего — вера и эмоции. Основоположник этой классификации Вебер особое внимание уделял анализу харизматического лидерства. Он оценивал лидера этого типа как важнейшего движителя, генератора обновления общества в кризисные периоды, поскольку харизматический вождь и его авторитет не связаны с прошлым, способны мобилизовать массы на решение задач социального обновления. В относительно же спокойные периоды развития для общества предпочтительнее рационально-легальное лидерство, оберегающее исторические традиции и осуществляющее необходимые реформы. В целом же в истории многих государств наблюдается определенная последовательность в смене типов политического лидерства. Вождь-основатель (харизматик) сменяется традиционным лидером-охранителем, который в свою очередь уступает место реформатору-законодателю.

В современной политологии нередко называются четыре собирательных образа лидера: **знаменосца** (или великого человека), **служителя**, **торговца** и **пожарного**. Лидера-знаменосца отличает собственное видение действительности, привлекательный идеал, «мечта», способная увлечь массы. Яркими представителями такого типа лидерства были Ленин, Мартин Лютер Кинг, Хомейни. Лидер-служитель всегда стремится выступать в роли выразителя интересов своих приверженцев и избирателей в целом, ориентируется на их мнение и действует от их имени. Для лидера-торговца характерна способность привлекательно преподнести свои идеи и планы,

убедить граждан в их преимуществе, заставить «купить» эти идеи, а также привлечь массы к их осуществлению. И, наконец, лидер-пожарный ориентируется на самые актуальные, жгучие общественные проблемы, насущные требования момента. Его действия определяются конкретной ситуацией. В реальной жизни эти четыре идеальных образа лидерства обычно не встречаются в чистом виде, а сочетаются у политических деятелей в различных пропорциях.

Имеются и другие классификации лидеров. Так, они делятся на правящих и оппозиционных; крупных и мелких; кризисных и рутинных; пролетарских, буржуазных, мелкобуржуазных и т.п. (марксизм).

Функции лидера

Разнообразие типов лидеров во многом объясняется широким кругом решаемых ими задач. При характеристике основных этапов, стадий деятельности лидеров можно выделить их **три общие функции**: 1) политический диагноз, предполагающий анализ и оценку ситуации; 2) определение направления и программы деятельности, служащей решению общественной проблемы; 3) мобилизация исполнителей (должностных лиц, бюрократии и масс) на реализацию целей.

Что же касается более конкретной, содержательной характеристики функций лидера, то к ним можно отнести следующие:

1. Интеграция общества, объединение масс. Лидер призван воплощать в себе и представлять во взаимоотношениях с другими государствами национальное единство, объединять граждан вокруг общих целей и ценностей, подавать пример служения народу, отечеству.

2. Нахождение и принятие оптимальных политических решений. И хотя лидеры не застрахованы от ошибок, часто действуют не лучшим образом, все же именно способностью найти наиболее приемлемые пути решения общественных задач обычно оправдывается их пребывание в руководстве.

3. Социальный арбитраж и патронаж, защита граждан от беззакония, самоуправства бюрократии, различного рода нижестоящих руководителей, поддержание порядка и законности с помощью контроля, поощрения и наказания. Хотя социальный патронаж на деле реализуется далеко не всегда, вера в «хорошего царя», «отца народов», «народного президента» и т.п. до сих пор широко распространена не только в массовом сознании народов с преимущественно патриархальной политической культурой, но и в странах с вековыми демократическими традициями.

4. Коммуникация власти и масс, упрочение каналов политической и, особенно, эмоциональной связи и тем самым предотв-

ращение отчуждения граждан от власти. В условиях сложной, многоступенчатой иерархии государственных органов и их бюрократизации личностное восприятие власти особенно значимо для преодоления недоверия к ней, формирования у населения гражданского сознания, патриотизма. С помощью телевидения и других СМИ, в ходе встреч с избирателями и других мероприятий политические лидеры имеют достаточно широкие возможности непосредственного общения с народом.

5. Инициирование обновления, генерирование оптимизма и социальной энергии, мобилизация масс на реализацию политических целей. Строго говоря, в этой группе объединены несколько близких по своей направленности функций. Лидер призван охранять народные традиции, обеспечивать прогресс общества, вселять в массы веру в социальные идеалы и ценности. В большей мере выполнение этих функций присуще харизматическим лидерам, однако не только им. Так, например, достаточно успешно справился с задачей преодоления «вьетнамского синдрома», национального пессимизма и апатии, распространившихся в США после поражения в войне с Северным Вьетнамом, американский президент Рональд Рейган.

6. Легитимация строя. Эта функция присуща главным образом лидерам в тоталитарных и авторитарных государствах. Когда политический режим не может найти своего оправдания в исторических традициях, национализме и демократических процедурах, он вынужден искать его в особых качествах харизматических лидеров, которые наделяются необыкновенными, пророческими способностями и в большей или меньшей мере обожествляются. Так было в нашей стране, когда большевистская власть, безжалостно разрушая многовековые традиции, узаконивала свои действия гипертрофированным авторитетом Маркса, Ленина и Сталина, наделяя их чертами земных божеств и усиленно насаждая культ их личностей.

Крайняя, максимально завышенная оценка функций и эффективности политического лидера проявляется в культе личности. Он представляет собой чрезмерное возвеличивание и даже обожествление человека. Наиболее часто он встречается в тоталитарных и авторитарных государствах, хотя его элементы порою складываются и в странах демократических, например во Франции во времена президента Ш. де Голля.

**Тенденции развития
политического лидерства**

Социальная значимость, функции и весь облик лидеров прямо зависят прежде всего от характера политического строя. Очевидно, что они будут коренным образом расходиться, например, в теократическом, авторитарном и демократи-

ческом государствах. Демократия, понимаемая в своем прямом, этимологическом значении, как власть народа, большинства, вообще плохо совместима с политическим лидерством, предполагающим руководство одного лица.

В современных демократических государствах примирение принципов лидерства и народовластия осуществляется на пути представительной демократии, оставляющей избанникам народа свободу действий в пределах, очерченных законом. Здесь отчетливо проявляются **три главные тенденции**, во многом изменяющих традиционные, преимущественно харизматические представления о лидерстве. Эти тенденции — **профессионализация, институционализация и повышение ресурсной зависимости** лидерства.

По мере усложнения общества и управления им все более отчетливо проявляется тенденция **профессионализации политического лидерства**. Еще в 1919 г. М. Вебер в своей известной работе «Политика как призвание и профессия» отмечал растущее «превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой»¹⁰. В современных условиях усложнения общественной организации и взаимодействия государственных органов с партиями, группами интересов, СМИ и широкой общественностью важнейшими функциями политики и политиков становятся не применение насилия и даже не борьба за власть, а «преобразование общественных ожиданий и проблем в политические решения»¹¹.

Политик фактически превратился в специалиста в области общественных коммуникаций, главными задачами которого являются: обеспечение четкой формулировки требований населения; налаживание необходимых для принятия коллективных решений и их реализации контактов с парламентскими и правительственными органами, СМИ, общественными организациями и отдельными людьми; разрешение конфликтов и нахождение согласия. Сегодня невозможно эффективное выполнение этих функций людьми, не обладающими специальной квалификацией, знаниями, навыками и опытом.

Политический труд постепенно становится профессией, аналогичной профессии врача, конструктора или адвоката. Он становится главным и постоянным источником дохода. Хотя профессиональные политики занимают выборные должности, большинство из их верх-

¹⁰ Вебер М. Избранные произведения. С. 660.

¹¹ Herzog D. Der moderne Berufspoliticker//Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. S. 38.

него эшелона обычно сохраняет свой род занятий даже после смены правящей партии. Этому способствует аккумуляция ими ряда политических должностей в парламенте, партии, органах местного самоуправления и некоторых других учреждениях.

В ряде стран (Японии, Франции, США и др.) учет профессионализации политической деятельности проявляется в отборе будущих политических лидеров еще в детском или подростковом возрасте и их подготовке в специальных школах и университетах. Такие меры, сочетаемые с развитием политического участия граждан и укреплением контроля за властью имущими, способствуют повышению эффективности политического лидерства, его подчинению интересам всего общества.

Профессионализация лидерства тесно связана с его **институционализацией**. Эта (последняя) тенденция в развитии лидерства сегодня проявляется прежде всего в том, что процесс рекрутирования, подготовки, движения к власти и самой деятельности политических руководителей осуществляется в рамках определенных институтов — норм и организаций. Функции лидеров ограничены разделением законодательной, исполнительной, судебной и информационной властей, конституциями и другими законодательными актами. Кроме того, лидеры отбираются и поддерживаются собственными политическими партиями, контролируются ими, а также оппозицией и общественностью. Все это значительно ограничивает их власть и возможности маневра, повышает влияние среды на принятие решений. В силу этого, а также отсутствия разного рода революционных ситуаций в современных индустриально развитых государствах практически не появляются политики, которые оставляли бы такой же глубокий след в истории, как, например, Наполеон, Бисмарк, Петр Первый и т.п., а также Гитлер или Сталин. Деятельность современных лидеров, больше, чем прежде, подчинена решению обыденных, повседневных созидательных задач.

Институционализация политического лидерства не отменяет тенденции его **растущей зависимости от финансовых и научно-информационных ресурсов**. В ряде западных демократий, особенно в США, карьера общенациональных политических лидеров во многом определяется финансовыми (деньги), человеческими (специалисты по организации избирательной компании, сборщики подписей, распространители листовок и т.п.) и информационными (телевидение и другие СМИ) ресурсами. Сегодня многих политиков делают лидерами национального масштаба прежде всего умелые организаторы избирательных кампаний, имиджмейкеры и другие специалисты по политическим технологиям.

Имидж лидера

Главная цель электоральной технологии — формирование у избирателей позитивного имиджа кандидата, побуждающего их отдать за него свой голос. **Имидж** представляет собой сформировавшийся у окружающих (или определенного круга людей) устойчивый преимущественно эмоциональный образ политика, имеющий характер стереотипа. Он формируется как сплав представлений о внешности, личных качествах, должности, профессии и программе кандидата, его биографии, убеждениях и т.д. Сложившийся у избирателей имидж лидера прямо влияет на их электоральный выбор и тем самым определяет его политическую карьеру. Созданием имиджа занимаются специалисты по формированию общественного мнения — имиджмейкеры. Опыт России и ряда стран Запада свидетельствует, что обладая большими финансовыми и информационными ресурсами современные организаторы избирательных кампаний могут создавать у избирателей далекие от реальности имиджи лидеров, предопределяя успех одних и поражение других. Как показали недавние выборы, в России большие деньги «олигархов» сравнительно легко конвертируются в депутатские и губернаторские места.

В условиях, когда государство не способно поставить преграды для использования манипулирования массовым сознанием и, в частности, «грязных» технологий, не может (или не желает) обеспечить примерное равенство финансовых и информационных ресурсов кандидатов, избирательные кампании превращаются в дорогостоящие шоу, своего рода театрализованные спектакли с четко распределенными ролями всех их исполнителей. Главными аргументами в такого рода спектаклях являются не программы и личные качества политических лидеров, а большие деньги и поддержка СМИ, по передачам и статьям которых избиратели судят о тех или иных политиках. Растущая зависимость карьеры лидеров от финансовых и информационных ресурсов наглядно проявляется в России последних лет, где не только многие депутаты и губернаторы, но и президенты обязаны своим избранием на высокие посты в государстве в первую очередь поддержке крупного капитала и электронных СМИ.

Конечно, данная тенденция рекрутирования политического лидерства идет в разрез с требованиями демократии. Поэтому «очищение» и демократизация механизма рекрутирования политических элит и лидеров — одно из первейших условий становления в России реальной демократии.

Раздел IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ. ДЕМОКРАТИЯ: ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Глава 9

ТОТАЛИТАРНЫЕ И АВТОРИТАРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

§ 1. Понятие и типы политических систем

Разнообразные политические явления неразрывно взаимосвязаны между собой и составляют определенную целостность, социальный организм, выделяющийся из остального общества. Это их свойство и отражает понятие политической системы.

Появление этой категории непосредственно связано с развитием системного анализа общества Т. Парсонсом. Впервые теория политических систем была детально разработана крупным американским политологом Д. Истоном в 50–60-х годах нынешнего столетия. Затем она получила развитие в трудах Г. Алмонда, У. Митчелла, К. Дойча, А. Этциони, Д. Дивайна и многих других ученых. Она занимает центральное место в такой политологической дисциплине, как политическая кибернетика.

**«Политическая система»
как инструмент
исследования и механизм
власти**

В современной науке понятие политической системы имеет два взаимосвязанных значения. В первом из них **политическая система представляет собой**

искусственно созданный, теоретический, мыслительный конструкт, инструмент, позволяющий выявлять и описывать системные свойства различных политических явлений. Эта категория

отражает не саму политическую реальность, а является средством системного анализа политики. Она применима к любому относительно целостному политическому образованию: партии, государству, профсоюзу, политической культуре и т.д. Каждое из этих образований является специфической политической системой.

Использование термина «политическая система» в его первом, методологическом значении применительно ко всей политической сфере предполагает ее рассмотрение как целостного организма, находящегося в сложном взаимодействии с окружающей средой — всем остальным обществом через «вход» — каналы влияния среды на политическую систему и «выход» — обратное воздействие системы на среду. Политическая система выполняет по отношению к среде ряд функций. Это определение целей и задач общества, программы его деятельности; мобилизация ресурсов на достижение поставленных целей; интеграция всех элементов общества с помощью пропаганды общих целей и ценностей, использования власти и т.д.; обязательное для всех распределение дефицитных ценностей.

Некоторые авторы выделяют более детальный перечень функций политической системы. Так, Г. Алмонд описывает ее четыре функции «входа»: политическая социализация; привлечение граждан к участию; артикуляция их интересов; агрегирование интересов, и три функции «выхода»: разработка норм (законов); их применение; контроль за их соблюдением.

Среда воздействует на политическую систему через предъявляемые к ней требования и поддержку, выражаемую в форме одобрения политики, политического участия, налогов и т.п., или же протеста — неодобрения, борьбы и т.п. Политическая система в процессе конверсии «перерабатывает» требования в решения и организует соответствующие действия. Главная цель политической системы — самосохранение путем приспособления к изменяющимся требованиям среды и активного воздействия на нее. Цель политической системы в рамках всего общества — обеспечение его целостности, интеграции, адаптации к окружающей среде.

В современной науке существуют разнообразные модели политических систем. Их теория способствует углублению анализа политической жизни, уточнению и операционализации категорий, расширению использования в политических исследованиях математических, кибернетических и других точных методов.

Приемы и процедуры системного анализа подразумеваются (хотя далеко не всегда используются) при употреблении термина «политическая система» во втором, более конкретном значении — как реального сложного механизма формирования и функционирования

власти в обществе. Этот механизм включает государство, а также партии, СМИ, политические ассоциации и объединения, различных политических субъектов (групп и индивидов) и их взаимоотношения, политическое сознание и культуру, политические нормы.

Применяемое в единстве своих аспектов, понятие политической системы по своему содержанию значительно шире категории государства и обладает достаточно высокой точностью анализа политических явлений. Это позволяет широко использовать его для сравнения политического строя различных стран, выявлять его общие черты и отличия.

Типология политических систем

Будучи чрезвычайно сложными, богатыми по содержанию явлениями, политические системы могут классифицироваться по различным основаниям. Так, в зависимости от типа общества они делятся на традиционные, модернизированные демократии и тоталитарные (Р. Аргон, У. Росту и др.), по характеру взаимодействия со средой — на открытые и закрытые, по политическим культурам и их выражениям в формах организации власти — на англо-американскую; континентально-европейскую; доиндустриальную и частично индустриальную; тоталитарную (Г. Алмонд).

Существует множество и других, в том числе более сложных типологий политических систем. Одна из достаточно простых и наиболее распространенных их классификаций — деление политических систем на **тоталитарные, авторитарные и демократические**. Критерием их разграничения служит **политический режим — характер и способы взаимоотношений власти, общества (народа) и личности (граждан)**. В самом общем виде для тоталитарной политической системы характерно полное подчинение общества и личности власти, всеобъемлющий контроль за гражданами, их сознанием и поведением со стороны государства. Авторитаризм отличается неограниченной властью одного лица или группы лиц над гражданами при сохранении автономии личности и общества во внеполитических сферах. И, наконец, демократия характеризуется контролем общества (большинства) над властью.

При этом, если личность имеет автономию, права и свободы, признается важнейшим источником власти, то имеет место либеральная демократия. Если же власть большинства ничем не ограничена и стремится контролировать общественную и личную жизнь граждан, то демократия становится тоталитарной.

Не только демократические, но и авторитарные и тоталитарные политические системы также неоднородны. Так, в зависимости от того, кто — один человек или группа лиц — является источником власти, авторитарные и тоталитарные режимы могут быть автократическими (у власти одно лицо) или группократическими (аристократическими, олигархическими, этнократическими и т.п.).

Данная классификация отражает идеальные типы политических систем, значительно отличающиеся от реальной жизни. И все же тоталитаризм, авторитаризм и демократия в той или иной форме и в различной степени приближения к идеалу широко представлены в истории человечества и в современном мире. Что же они собой представляют?

§ 2. Истоки и основные разновидности тоталитаризма

Классическая теория тоталитаризма и ее кризис

Термин «тоталитаризм» происходит от позднелатинских слов «totalitas» — полнота, цельность — и «totalis» —

весь, полный, целый. Применительно к обществу он означает управление социальной системой как целым и всеми ее элементами, в том числе людьми, их сознанием. Хотя теория тоталитаризма складывается лишь в середине XX в., идейные истоки этого явления уходят в глубокую древность. Тоталитарные взгляды и прежде всего идеи необходимости полного подчинения части целому, индивиду государству, а также тотальной управляемости обществом существуют свыше двух тысячелетий. Так, еще в V в. до Р.Х. Гераклит считал, что обладая мудростью, совершенным знанием, «можно управлять решительно всеми вещами». Достаточно детальное обоснование тоталитарные модели государства получают у Платона, Мора, Кампанеллы, Бабефа, Сен-Симона, Руссо. В более позднее время они развиваются в трудах Фихте, Гегеля, Маркса, Ницше, Ленина, Сореля, Зомбарта и других мыслителей. Пожалуй, не меньший по сравнению с научными работами вклад в арсенал тоталитарной мысли и в том числе в ее критику внесли такие писатели, как Ф. Достоевский, Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл и др.

В политический лексикон термин «тоталитаризм» впервые ввел для характеристики своего движения Б. Муссолини в 1925 г. В конце 20-х годов английская газета «Таймс» писала о тоталитаризме как о негативном политическом явлении, характеризующем не только фашизм в Италии, но и политический строй в СССР.

Теория тоталитаризма складывается в 40–50-е годы и получает развитие в последующие десятилетия. Она широко использовалась Западом в целях идеологической борьбы против коммунистических стран. Первые «классические» теоретические исследования по проблемам тоталитаризма — работы Ф. Хайека «Дорога к рабству» (1944) и Х. Аренд «Истоки тоталитаризма» (1951), а также совместный труд К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956). В последней из этих работ сделана попытка эмпирического обоснования тоталитаризма как понятия, отражающего сталинизм, национал-социализм и другие однотипные политические режимы.

Более поздние попытки создать эмпирическую, построенную на базе реальных, верифицируемых фактов теорию тоталитаризма не имели большого успеха, поскольку, отображая наиболее одиозные политические системы XX в., они по мере смягчения, либерализации стран командно-административного социализма все больше расходились с действительностью и к тому же не отражали принципиальные отличия различных тоталитарных систем. «В целом концепции тоталитаризма показали себя как слишком упрощенные аналитические модели», адекватные главным образом лишь эпохе сталинского террора¹.

В последние годы сомнения в научной обоснованности и жизнеспособности теории тоталитаризма еще более усилились. Эта концепция оказалась не в состоянии сколь-нибудь удовлетворительно объяснить крах коммунистических режимов в Европе, которые она трактовала как однозначно тоталитарные. Как указывает, в частности, К. Баллестрем, с позиций теории тоталитаризма, отрицающей наличие гражданского общества в бывших социалистических странах или хотя бы его элементов, невозможно осмыслить накопление взрывного материала, подготовившего внезапную смену политического строя в этих государствах².

Теории тоталитаризма, сложившиеся в 50–60-е годы, из-за их широкого распространения и пропагандистского использования получили название **канонических**, или **классических**. Хотя у этого варианта концепций тоталитаризма, противопоставляющего тоталитарную и либерально-демократическую модели общества как крайние полюса, антиподы, и сегодня немало сторонников, в целом кризис данной теории становится все более очевидным³.

¹ Politikwissenschaft: eine Grundlegung/Hrsg. K. von Beume. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz. Bd. 1. 1987. S.160.

² См.: *Maier H.* (Hrsg.) «Totalitarismus» und «politische Religionen». Konzepte der Diktaturvergleichs. Paderborn — München — Wien — Zürich, Ferdinand Schöningh, 1996. S. 251–252 u.a.

³ См., например: *Истягин Л. Г.* Исследования по тоталитаризму: в поисках нового обоснования концепции//Полис. 1997. № 2. С. 180.

Нынешнее тяжелое положение классической теории тоталитаризма вызвано в первую очередь двумя главными причинами:

— во-первых, недостаточной научной обоснованностью канонической концепции тоталитаризма. Это связано прежде всего с ее базированием на крайне ограниченном эмпирическом базисе: анализе сталинистской — в СССР, национал-социалистической — в Германии, фашистской — в Италии политических систем (последнюю, впрочем, некоторые ученые классифицируют как «незавершенный, задержанный» тоталитаризм⁴). Сами эти политические системы вполне можно рассматривать как «вывихи», «отклонения» и т.п. в развитии командно-административного социализма или же националистического капитализма. Кроме того, концепция канонического тоталитаризма в основном ограничивается анализом общих организационных форм политических систем и не учитывает принципиально различное содержание их политики, цели и ценности. Очевидно, что, несмотря на определенное, весьма немалое сходство, сталинистский и национал-социалистический режимы преследовали принципиально разные и даже несовместимые цели — в первом случае это «общество, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (определение коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»), во втором — это мировое господство гитлеровской Германии и арийской расы, «Тысячелетний Рейх». Хотя на практике эти цели во многом подменялись и искажались, однако они оказывали большое влияние на государственную политику;

— во-вторых, политической тенденциозностью канонической концепции тоталитаризма. Эта теоретическая модель создавалась явными противниками коммунизма. Она широко пропагандировалась и практически использовалась Западом в целях идеологической борьбы против коммунистических стран и компрометации коммунистического, а отчасти и социалистического движений. В силу своей вполне определенной политической ориентации каноническая концепция тоталитаризма оказалась слишком упрощенной, в чем-то даже примитивной и не смогла или не захотела заметить противоречащие ей реалии в странах командного социализма.

В наши дни, когда политические цели Запада в глобальном противоборстве двух мировых политических блоков оказались в

⁴ См.: *Maier H.* (Hrsg.) «Totalitarismus» und «politische Religionen». Konzepte der Diktaturvergleichs. S. 320.

основном достигнутыми, интерес к этой теории со стороны правящей элиты и ориентированных на нее ученых вполне естественно упал. Актуальность концепции тоталитаризма признается преимущественно для государств «третьего мира» и лишь частично для западных демократий. Причем для последних угроза тоталитаризма связывается главным образом с нарастанием социальных требований граждан, реализация которых предполагает рост государственного регулирования и контроля.

Столь ограниченное видение применимости тоталитарной теории связано не с реальной утратой ею своей актуальности и жизнеспособности, а главным образом с узостью канонической и политизированной тоталитарной мысли. **Нынешний кризис теории тоталитаризма — это кризис прежде всего ее одного, ограниченного в научных возможностях и практической приложимости направления, это кризис политической парадигмы тоталитарной мысли, все больше расходящейся с действительностью. Он связан с постепенным ослаблением и исчезновением определенной, политической формы тоталитаризма, а также с узостью и идеологической тенденциозностью основной массы концепций тоталитаризма, но никак не с постепенным уходом в небытие этого явления в целом.**

Применительно к современному миру имеется достаточно оснований утверждать, что тоталитаризм как общественная реальность и отображающие и предвосхищающие ее идеи и концепции не утрачивают своей актуальности. Более того, в ходе развертывающейся информационной революции и устранения в результате перехода к монополярности мира существовавшего в эпоху противоборства двух противоположных социальных блоков механизма сдержек антигуманной политики (учитывая, что соревнование социализма и капитализма оценивалось в основном на шкале гуманных ценностей: свободы и социальной защищенности личности, уважения прав человека, высоты жизненного стандарта и т.п.) новые, современные формы тоталитаризма представляют сегодня все большую угрозу для свободы и демократии.

Специфика тоталитаризма

Определяемый в самой общей форме **тоталитаризм означает подчинение части — индивида целому — государству, всеобъемлющий контроль со стороны власти над личностью, ее сознанием с целью формирования угодного типа человека, управление обществом на основе определенной идеологической доктрины.**

Спецификой тоталитаризма не является диктаторский характер власти, ее «суверенитет» по отношению к народу (в этом отношении он не отличается от авторитаризма), и даже не полнота регла-

ментации поведения и контроля за деятельностью индивидов-членов организации, как это имеет место в некоторых армиях, а претензия на **управление сознанием людей, контролирование или программирование их ценностных ориентаций и образа мыслей.**

Представляя собой один из способов организации власти, тоталитаризм, равно как и однопорядковые с ним понятия демократии и авторитаризма, характеризует различные, в том числе и более низкие по сравнению с государством уровни общественной организации. Возможны, например, тоталитарная политическая партия или же религиозная секта. Конечно, свое наиболее полное выражение тоталитаризм находит на уровне всего государства, обладающего суверенной властью.

Тоталитаризм, как и демократия, — это преимущественно нормативное понятие, обосновывающее и (или) отражающее социальный идеал, который нигде и никогда в полной мере не был реализован. В более или менее полном, завершенном виде тоталитаризм как определенная социальная система представлен лишь в литературных тоталитарных антиутопиях. В реальности же, даже в считавшихся классическими примерами тоталитаризма сталинистском и национал-социалистическом государствах, власти не удалось обеспечить полный контроль за гражданами и целиком устранить индивидуальную свободу.

Поэтому тоталитаризм как понятие **отражает прежде всего хотя и различную, но весьма высокую степень контроля государства (и стоящих за ним групп и организаций) над гражданами, их политическим сознанием и поведением.** Причем в том случае, когда власти удастся осуществлять такой институционально закрепленный контроль над большинством населения, есть основания говорить о тоталитарном государстве (хотя степень тоталитарности даже таких государств может быть различна). Если же основная часть граждан все же сохраняет определенную автономию и свободомыслие, то речь может идти о «**предтоталитаризме**» — тоталитарных тенденциях или устремлениях властей, но не о тоталитаризме как государственном строе. Очевидно, что грани между тоталитаризмом и предтоталитаризмом подвижны и часто трудно уловимы, однако они существуют и могут быть определены эмпирически.

Основные типы тоталитаризма.

Религиозный тоталитаризм

Используя в качестве критерия классификации ведущие формы социального контроля, применяемого тоталитарным режимом, можно выделить **три**

главных типа тоталитаризма: религиозный, политический и информационный (информационно-финансовый). В первом случае главной опо-

рой, носителем тоталитарного порядка выступает церковь, религиозные институты в целом, использующие для управления сознанием масс религиозную идеологию. Во втором случае таким носителем является политическая власть и прежде всего партия-государство, осуществляющая свое господство на базе политической идеологии (официальный марксизм, национал-социализм и т.п.). В третьем случае главной опорой и двигателем тоталитаризма служат СМИ, использующие специфическую нерелигиозную и во многом деполитизированную идеологию, представляющую собой конгломерат идей и ценностей потребительства, индивидуализма, абстрактной, негативной свободы (отсутствие ограничений для экспансии сильного) и успеха как возвышения над другими. Ядром, системообразующим фактором идеологии информационного тоталитаризма выступают ценности сохранения социального статус-кво и политической стабильности.

Тоталитарные идеи, да и тоталитарные устремления и тенденции в действиях властей, не новы и существуют свыше двух тысячелетий. Исторически первой формой тоталитаризма является его **религиозная разновидность**. В истории человечества тоталитарные тенденции реально проявлялись в первую очередь в религиозных формах в теократических (основанных на власти духовенства) государствах и отдельных религиозных организациях. Ярким примером такого рода тоталитарных организаций является существующий уже многие века орден иезуитов, уделяющий первостепенное внимание контролю за мыслями и поведением своих членов. В 1610–1768 гг. в Парагвае существовало даже основанное этим орденом «Иезуитское государство».

В Европе локусами тоталитаризма на протяжении столетий были церковные общины, бдительно следящие за образом мыслей и поведением верующих и имеющие достаточно эффективные средства контроля и наказания, апогеем которого было публичное сожжение выявленных по доносам граждан еретиков и ведьм (по некоторым подсчетам за несколько веков средневековой инквизицией сожжено около 9 млн «ведьм»). В современных условиях примером религиозного тоталитаризма являются Исламская Республика Иран, государство талибов в Афганистане. В этих странах духовенство с помощью государства осуществляет контроль за мыслями и поведением граждан. В современном мире существует также множество тоталитарных сект, например секта Муна.

Религиозная форма тоталитаризма возможна лишь в тех странах, в которых господствует религиозное мировоззрение и сама религиозная идеология приспособлена для детальной регламентации поведения людей. Примером такой идеологии является ислам, содержа-

ший целый комплекс норм повседневного поведения людей. В тех же странах, где влияние религии относительно невелико и сама она плохо совместима с идеями всеобъемлющего контроля над личностью, возможны иные формы тоталитаризма, наиболее известной из которых выступает политический тоталитаризм. Анализ этого, классического типа тоталитаризма помогает выявить социальные истоки и важнейшие черты тоталитаризма в целом, в том числе и его современной, информационной разновидности.

§ 3. Характерные черты политического тоталитаризма

Сфера сознания

Классическая модель тоталитаризма, отождествляющая его с политическим тоталитаризмом, базируется на тех признаках, которые в большей или меньшей степени были присущи сталинистскому режиму в СССР, национал-социалистическому — в Германии и фашистскому (Муссолини) — в Италии. Эти черты она рассматривает как общие признаки тоталитаризма. К ним относятся комплекс черт и прежде всего **рационализация и идеологизация общественного сознания**.

Тоталитарные системы возникают не стихийно, а на основе определенного идеологического образа. Тоталитаризм — порождение человеческого разума, его попытка поставить под непосредственный рациональный контроль всю общественную и личную жизнь, подчинить ее определенным целям. Поэтому при выявлении общих черт этого типа политической системы отправным пунктом является анализ лежащей в ее основе идеологии и общественного сознания. В идеологии тоталитарная система черпает свои жизненные силы. Идеология призвана выполнять социально-интеграционную функцию, цементировать людей в политическую общность, служить ценностным ориентиром, мотивировать поведение граждан и государственную политику.

Идеологизация всей общественной жизни, стремление подчинить единственно верной теории с помощью планирования все экономические и социальные процессы — важнейшая черта политического тоталитаризма. Различным формам тоталитарной идеологии присущи некоторые общие свойства. Прежде всего это заимствованная у религиозных идеологий **телеологическая** (целевая) ориентация во взглядах на общественное развитие. Тоталитарная идеология заимствует **хилиастические** идеи о счастливом завершении истории, достижении конечного смысла существования человека, которым может выступать коммунизм, тысячелетний Рейх

и т.п. Привлекательная утопия, рисуемая манящий образ будущего строя, используется для оправдания повседневных трудностей и жертв народа.

Идеология политического тоталитаризма проникнута **патерналистским** духом, покровительским отношением вождей, постигших социальную истину, к недостаточно просвещенным массам. Идеология как единственно верное учение носит **обязательный** для всех характер. В нацистской Германии даже был издан специальный закон («*Gleichschaltungsgesetz*»), предусматривающий единую, обязательную для всех немцев идеологию. Тоталитарное общество создает **мощную систему идеологической обработки населения, манипулирования массовым сознанием.**

Для политического тоталитаризма характерна монополия власти на информацию, полный контроль за СМИ, нетерпимость ко всякому инакомыслию, рассмотрение идейных оппонентов как политических противников. Этот строй устраняет общественное мнение, заменяя его официальными политическими оценками. Отрицаются общечеловеческие основы морали, а сама она подчиняется политической целесообразности и по существу разрушается.

Подавляется индивидуальность, оригинальность в мыслях, поведении и т.п. Культивируются стадные чувства: стремление не выделяться, быть как все, а также низменные инстинкты: классовая или национальная ненависть, зависть, подозрительность, доносительство и т.п. В сознании людей создается образ врага, с которым не может быть примирения.

Политические черты

В соответствии с логикой тоталитарной системы всеобъемлющая идеологизация общества дополняется его тотальной **политизацией**, т.е. гипертрофированным развитием аппарата власти, ее проникновением во все поры социального организма. Всесильная власть выступает главным гарантом идеологического контроля над населением. Тоталитаризм стремится к полному устранению гражданского общества, частной жизни. Политическая система, а точнее **партийно-государственная организация общества, служит стержнем, фундаментом** всей социальной и экономической организации, которая отличается жесткой иерархической структурой.

Ядром тоталитарной политической системы выступает предельно централизованное политическое движение за новый порядок во главе с партией нового, тоталитарного типа. Эта партия срастается с государством и концентрирует в себе реальную власть в обществе. Запрещаются всякая политическая оппозиция и создание без санкций властей любых организаций.

В то же время тоталитарная политическая система претендует на выражение народной воли, воплощение высшей народности или демократии высшего типа. Она использует безальтернативные, преимущественно акламационные формы демократии, создающие видимость всенародной поддержки, но не позволяющие оказывать реальное влияние на процесс принятия решений. С помощью псевдодемократических институтов власти обеспечивают высокую формальную мобилизацию и участие в выборах.

К собственно политическим чертам тоталитарного общества относятся также наличие мощного аппарата социального контроля и принуждения (службы безопасности, армия, милиция и т.п.), массовый террор или запугивание населения. Слепая вера и страх — главные ресурсы тоталитарного управления. Осуществляется сакрализация верховной власти и ее носителей, создается культ вождей.

Социальные и экономические признаки

Тоталитаризм пытается создать адекватную себе социальную структуру.

Стремясь найти массовую опору, он провозглашает **превосходство** определенного класса, нации или расы, дихотомически делит всех людей на своих и чужих. При этом обязательно находится внутренний или внешний враг — буржуазия, империализм, евреи, коммунисты и т.п.

Личность утрачивает всякую автономию и права, становится полностью беззащитной перед всемогущей властью, попадает под ее тотальный контроль. Делается попытка сформировать «нового человека», определяющими чертами которого являются беззаветная преданность идеологии и вождям, исполнительность, скромность в потреблении, готовность на любые жертвы ради «общего дела».

Одновременно с ломкой прежней социальной структуры формируется новая. Общество дифференцируется главным образом в зависимости от распределения власти. Обладание властью или влияние на нее становятся основой социальной стратификации, экономических и социальных привилегий. Формируется новый, номенклатурный господствующий класс — главная опора тоталитарного строя. Хотя тоталитаризм, особенно в его наиболее последовательном, сталинистском варианте, осуществляя уравниловку в распределении для большинства граждан, претендует на формирование социально однородного общества, в действительности же он порождает глубокое социальное неравенство.

Господство идеологии и политики проявляется не только в социальной сфере, но и в **экономике**. Здесь отличительными чертами политического тоталитаризма являются этатизация, огосудар-

ствление хозяйственной жизни, сильное ограничение, а в идеале полное устранение частной собственности, рыночных отношений, конкуренции, планирование и командно-административные методы управления. Устанавливается монополия государства на распоряжение всеми важнейшими общественными ресурсами и самим человеком.

Разновидности политического тоталитаризма

Наряду с общностью основополагающих институциональных черт государства политического тоталитаризма имеют и существенные особенности, что позволяет выделить их несколько важнейших разновидностей. В зависимости от господствующей идеологии, влияющей на содержание политической деятельности, их обычно подразделяют на **коммунизм, фашизм и национал-социализм**.

Исторически первой и классической формой политического тоталитаризма стал **коммунизм** (социализм) советского типа, начало которому положила военно-коммунистическая система, сформировавшаяся в общих чертах в 1918 г. Коммунистический тоталитаризм в большей степени, чем его другие разновидности, выражает основные черты этого строя, поскольку предполагает полное устранение частной собственности и, следовательно, всякой автономии личности, абсолютную власть государства.

И все же характеристика социализма советского типа как тоталитаризма односторонняя и не раскрывает содержание и цели политики в этом типе общества. Несмотря на многие тоталитарные формы политической организации, социалистической системе присущи и гуманные политические цели. Так, например, в СССР она смогла резко повысить уровень образования народа, сделать доступным для него достижения науки и культуры, обеспечить социальную защищенность населения, развитие экономики, космической и военной промышленности и т.д., резко сократить преступность, к тому же в послесталинский период власть не прибегала к массовым репрессиям.

Вторая разновидность политического тоталитаризма — **фашизм**. Впервые он был установлен в Италии в 1922 г. Здесь тоталитарные черты были выражены не в полной мере. Итальянский фашизм тяготел не столько к радикальному строительству нового общества, сколько к возрождению величия Римской империи, установлению порядка, твердой государственной власти. Фашизм претендует на восстановление или очищение «народной души», обеспечение коллективной идентичности на культурной или этнической почве, ликвидацию массовой преступности. В Италии границы

фашистского тоталитаризма устанавливались позицией наиболее влиятельных в государстве кругов: короля, аристократии, офицерского корпуса и церкви. Когда обреченность режима стала очевидной, эти круги сами смогли отстранить Муссолини от власти.

Третья разновидность политического тоталитаризма — **национал-социализм**. Как реальный политический и общественный строй он возник в Германии в 1933 г. Национал-социализм имеет родство с фашизмом, хотя очень много заимствует у советского коммунизма и прежде всего революционные и социалистические компоненты, формы организации тоталитарной партии и государства и даже обращение — «товарищ». В то же время место класса здесь занимает нация, место классовой ненависти — ненависть национальная и расовая. Главные различия основных разновидностей тоталитаризма отчетливо выражены в их целях (соответственно: коммунизм, возрождение империи, мировое господство арийской расы) и социальных предпочтениях (рабочий класс, потомки римлян, германская нация).

Любые государства политического тоталитаризма так или иначе примыкают к трем основным разновидностям тоталитаризма, хотя внутри каждой из этих групп имеются существенные различия, например между сталинизмом в СССР и диктаторским режимом Пол-Пога в Кампучии.

Политический тоталитаризм в его коммунистической форме оказался наиболее живуч. В отдельных странах (например, в Северной Корее) он существует и сегодня. История показала, что тоталитарная система обладает достаточно высокой способностью мобилизации ресурсов и концентрации средств для достижения ограниченных целей, например победы в войне, оборонного строительства, индустриализации общества и т.д. Некоторые авторы рассматривают тоталитаризм как одну из политических форм модернизации слаборазвитых стран.

Нетрудно заметить, что изложенная выше классическая модель тоталитаризма соответствует политическим реалиям лишь узкого круга государств: сталинскому СССР, гитлеровской Германии и т.д., к тому же не отражая глубокие различия между ними. Хотя в той или иной степени некоторые из рассмотренных черт политического тоталитаризма, особенно отражающие командно-административный тип управления, были присущи целому ряду социалистических и других государств.

Как уже отмечалось, тоталитаризм не сводится лишь к диктаторским политическим системам, противостоящим западным демократиям. Тоталитарные тенденции проявляются в стремлении заорганизовать жизнь общества, ограничить личную свободу, сфор-

мировать лояльный существующему строю тип личности и подчинить индивида, в том числе образ его мыслей и поведения, государственному и иному социальному контролю.

В последние десятилетия в современном мире не только значительно возросло количество демократических государств, усилилась популярность демократической формы правления в целом, но стала заметной и другая тенденция — попытки осуществлять систематический контроль за сознанием и поведением людей и в первую очередь их электоральным выбором с помощью СМИ и экономических ресурсов. Учитывая приоритетную роль в управлении массовым сознанием масс-медиа и методов информационного манипулирования, а также денег, эту тенденцию можно охарактеризовать как информационный или информационно-финансовый тоталитаризм⁵.

§ 4. Неототалитарные тенденции в современном обществе и их социальные истоки

Тоталитаризм как крайняя форма социального контроля, предполагающая контроль за сознанием людей, — это не только явление прошлого, но и одна из возможных альтернатив грядущего развития человечества. Не случайно большинство авторов тоталитарных антиутопий связывали тоталитаризм с будущим развитием современного им общества.

После краха большинства коммунистических государств не все страны оказались готовы к демократии и переходу к ней. В некоторых молодых государствах установились националистические режимы, общественный строй которых с известными оговорками можно отнести к типу политического тоталитаризма. В наши дни оживилась, казалось бы, ушедшая в прошлое религиозная форма тоталитаризма. Это проявляется в активизации исламского фундаментализма, расширении количества и усилении влияния религиозных тоталитарных сект и т.д.

Что же касается информационно-финансового тоталитаризма, то эта его разновидность еще не проявилась в завершенной форме и потому сегодня ее можно обрисовать лишь в самом общем виде как одну из тенденций развития информационного обще-

⁵ См.: Пугачев В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм//Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 4; он же. Информационный тоталитаризм как перспектива демократии в XXI веке//На рубеже веков. 1997. № 4.

ства, в которое вступает человечество. Усиление роли СМИ в обществе, появление новых информационных технологий, создание глобальных коммуникационных сетей и прежде всего Интернет может быть использовано как в интересах укрепления демократии, расширения политической информированности и компетентности граждан, их прямого участия в обсуждении и принятии политических решений, так и в целях укрепления привилегированного положения или даже социального господства определенных общественных групп или отдельных государств. С последней из этих тенденций и связан информационно-финансовый тоталитаризм.

Эта его разновидность, как и тоталитаризм в целом, не совместима с ценностями гуманизма, реальной свободы и демократии, провозглашенными Мировым Сообществом.

Понять истоки и особенности информационного тоталитаризма можно, лишь зная ту социальную среду, которая делает возможным и порождает тоталитаризм. Анализ **предпосылок и причин тоталитаризма**, констатация их наличия или отсутствия, их усиления или ослабления в XXI в. дают основания судить о тенденциях в эволюции тоталитаризма в наши дни.

Рост рационализма и организованности

Одна из исходных, важнейших предпосылок тоталитаризма — **нарастание рационализма** в общественном сознании и организации.

Тоталитаризм на основном, общегосударственном уровне, как неоднократно отмечали его теоретики, вырос на почве успехов рационализма из веры в возможность разумно (с точки зрения определенной группы лиц) организовать всю жизнь общества.

Ослабла ли в современных условиях вера в неограниченные возможности разума по управлению обществом и реальные возможности такого управления? Конечно, нет. Резкое увеличение объема знаний, создание глобальных, общемировых информационных систем, новые крупные достижения в области поведенческих и управленческих наук, в том числе управления сознанием и поведением людей, однозначно свидетельствуют о **нарастании рационализма и реальных возможностей по управлению различными общественными процессами**.

Следующая важнейшая, прямо связанная с усилением влияния рационализма на общественную мысль и политику предпосылка тоталитаризма — **рост общественной организации**. Тоталитаризм XX в. вырастает из стремления к глобальной, всеобъемлющей организации общества на научных основах. Организация

рассматривается теоретиками тоталитаризма как средство эффективного управления. Современные, претендующие на научность тоталитарные идеи и концепции не случайно зародились и распространились в стране с наиболее развитыми традициями организованности — Германии (немецкие идеи прямо повлияли и на тоталитарную модель в СССР). «Германия, — писал один из идейных вдохновителей национал-социализма В. Освальд, — стремится организовать Европу, которой до сих пор не хватает организованности: мы или, может быть, германская раса, первыми поняли важность организации... Мы уже достигли полной организованности»⁶.

Сегодня развитые страны далеко обошли Германию начала XX столетия по уровню организованности различных сфер общественной жизни. Причем традиционные политические, прежде всего государственные, организации пополнились такими новыми, всепроникающими институтами, как, например, налоговые службы. Появились многообразные, часто сросшиеся с властью группы интересов. Всеобъемлющая по своему охвату организация общества при определенных условиях может быть использована для ограничения свободы личности, тотального контроля над гражданами, программирования их сознания и поведения. Вывод в пользу такого рода использования роста общественной организованности сделал еще «отец» итальянского фашизма Б. Муссолини: «Мы первыми заявили, что чем сложнее становится цивилизация, тем более ограничивается свобода личности»⁷.

Средства контроля

Научно-технический прогресс и прежде всего происходящая в конце нынешнего века информационная революция качественно изменили и резко усилили такую важнейшую предпосылку тоталитаризма, как **средства контроля за личностью**. На протяжении многих веков и даже тысячелетий отсутствие эффективных средств контроля ограничивало возможности власти в надзоре за подданными, не позволяло росткам тоталитаризма пробиться за границы сравнительно небольших уровней общественной организации — общин, сект, орденов и т.п.

Уже первые модели тоталитаризма на уровне крупных государств стали возможны лишь в результате научно-технического прогресса и прежде всего распространения средств массовых коммуникаций: прессы, телеграфа, радио, а затем и телевидения. Невиданные доныне, широчайшие возможности для контроля за

⁶ Цит. по: Хайек Ф. А. Дорога к рабству//Новый мир. 1991. № 8. С. 204–205.

⁷ Там же. С. 197.

сознанием и поведением граждан дают происходящие в современном мире глобальная информатизация и компьютеризация общества. Они делают технически возможными не только систематическую идеологическую индоктринацию, тотальное «промыывание мозгов», но и управление индивидуальным и групповым, массовым сознанием и поведением. Как отмечает О. Тоффлер, в конце XX — начале XXI в. именно знания и информация становятся ключевым ресурсом власти. Они позволяют «достичь искомым целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников»⁸.

Коммуникационная революция, проявившаяся в создании спутниковой связи, кабельного радио и телевидения, компьютерных текстовых коммуникационных систем (видео-, экранных и кабельных текстов и др.), а также в массовом распространении компьютеров, создала возможность электронного контроля за жизнью, образом мыслей, планами и настроениями как отдельных граждан, так и любых общественных организаций. Современные компьютерные сети позволяют накапливать и использовать обширнейшую информацию о здоровье, общественной активности, политических установках, личных связях, финансовых делах, встречах и поездках граждан и т.д. Собирать же информацию с различных электронных досье можно сравнительно легко и быстро, к тому же незаметно для общества.

Быстрый доступ к имеющейся обширной информации практически о любом конкретном человеке или организации, ее централизованная обработка и обобщение дают властям мощное оружие по предотвращению или пресечению нежелательных действий, **косвенному, внешне не бросающемуся в глаза управлению поведением людей**. Не случайно уже один из ранних крупных теоретиков информационного общества Дж. Мартин, озабоченный распространением компьютерных досье и других негативных последствий информатизации, задался вопросом: «Не приведет ли это к “информационному фашизму”?»

Методы контроля

Влияние НТП на возможности тоталитарного контроля не ограничивается его техническими средствами, но проявляется и в **методах**. При этом используются методы не только индивидуального, но и статистического воздействия. Последние предполагают **преимущест-**

⁸ Тоффлер О. Проблема власти на пороге XXI века // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 16 и др.

ственно косвенное, без прямых указаний и запретов влияние на человека. Они ориентированы на большие группы людей, допускают некоторую степень индивидуальной свободы и значительные индивидуальные отклонения в поведении. Однако в целом они гораздо более эффективны, чем используемые традиционным тоталитаризмом методы прямого тотального управления сознанием с помощью прямой идеологической индоктринации (внедрения идеологии) и запретов. На фоне нынешних опирающихся на новейшие достижения науки технологий управления массовым сознанием и поведением методы тоталитарного контроля, использовавшиеся сталинистским и национал-социалистическим режимами, выглядят примитивными, топорными.

В теории и практике современного управления массовым поведением широко используются не только **информационные**, но и традиционные, однако в современных условиях ставшие более искусными и утонченными **экономические** методы, опирающиеся на власть денег, богатства. Концентрация в руках немногих лиц огромных богатств, особенно когда они с помощью угодных правительств в той или иной степени контролируют и государство, создает опасность использования **финансово-политической олигархией** экономических методов влияния в качестве эффективного инструмента тоталитарного контроля.

Арсенал более конкретных методов управления массовым сознанием и поведением достаточно разнообразен и многие из них держатся в секрете. Один из таких методов — заимствованный из кибернетики **триггерный способ управления** населением. Суть этого метода состоит в управлении системой через контроль лишь за ее ключевыми точками, которыми применительно к современному обществу являются прежде всего финансовые ресурсы, электронные СМИ, наиболее влиятельные элиты и организованные группы. Триггерный способ социального управления широко использовался в политике правящего посткоммунистического режима в России⁹.

Современные методы управления сознанием охватывают также различные способы и целые технологии воздействия на разум, подсознание, чувства и волю людей, внушения им идей и оценок, не соответствующих действительности или их собственным интересам. Наличие столь мощных технических средств и эффективных методов управления индивидуальным и массовым созна-

⁹ См.: Пугачев В. П. Дестабилизация России: причины и пути преодоления// Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 4. С. 3–14.

нием и поведением может быть реализовано в целях утверждения тоталитаризма тогда, когда существует такая важнейшая его предпосылка, как **наличие в обществе острых конфликтов, а также влиятельных общественных групп, заинтересованных в установлении и использовании тоталитарного режима.**

Тоталитаризм представляет собой особый способ подавления социальных конфликтов. Будучи радикальной, крайней формой проявления социального контроля, он, как свидетельствует опыт истории, обычно используется различными общественными силами в таких остроконфликтных ситуациях, **когда другие, более умеренные формы социального, в том числе политического, контроля являются или кажутся недостаточно эффективными** (или неприемлемыми по культурно-идеологическим причинам).

Соизмеряя с нынешними реальностями вышеназванную предпосылку тоталитаризма — конфликтность ситуации и наличие заинтересованных в тоталитарном контроле групп в целях обеспечения своего привилегированного положения в обществе и на этой базе общественной стабильности, можно констатировать, что **как глубокие социальные конфликты, так и общественные силы, стремящиеся решать, а точнее подавлять их проявление с помощью новейших методов социального контроля — это реальность многих стран мира** и в первую очередь государств с высоким уровнем социального неравенства, к которым принадлежит и постсоветская Россия.

Программирование сознания

Пожалуй, важнейшая особенность современной формы тоталитаризма проявляется в его определении как **«информационный»** или **«коммуникационный»**. Свойства информации, процесса ее распространения и использования в целях управления массовым сознанием и поведением предопределяют многие другие особенности информационного тоталитаризма.

Приоритетная роль СМИ в современном обществе связана не только с появлением высокоэффективных технических средств и научных методов воздействия на людей, программирования их поведения, но и с разрушением преимущественно стихийных и неконтролируемых властями или организованными группами традиционных общинных, церковных, семейных, родственных, соседских и тому подобных коммуникаций, ограничивающих возможности манипулятивного влияния СМИ.

На протяжении многих веков такого рода общение людей служило важным источником информации, ее оценки и выработки коллективного мнения. Индустриализация общества, а также созна-

тельное культивирование в ряде стран политики индивидуализма привели к разрушению традиционных коммуникаций и атомизации граждан, подавляющее большинство из которых сегодня получает политическую и социальную информацию почти исключительно от электронных СМИ и главным образом телевидения. Известно, что современный человек, в отличие от своих отцов и дедов, очень редко находит возможность для обычного и тем более политического общения со окружающими и часто даже не знает соседей по лестничной клетке.

СМИ и другие институты социализации влияют на сознание и поведение людей не только через информацию об окружающем мире, но и посредством изменения самого человека: его менталитета, ценностных ориентаций, потребностей и интересов, а также формирования общественного мнения, нравов и морали. СМИ, а также другие институты социализации создают те ценностные магнитные полюса, которые структурируют политическое поведение граждан. Такими благоприятными для развития неототалитарной тенденции ценностными полюсами являются гипертрофированное потребительство, высокий социальный статус (богатство и власть — его главные критерии), успех как повышение социального ранга и обладание престижными вещами, презрение к неудачникам. Людями, у которых эти идеалы вытесняют духовно-нравственные ценности, легко управлять с помощью денег и престижных должностей.

Система идей и ценностей, основанная на потребительстве, вещизме, статусности и индивидуализме и изо дня в день внушаемая с помощью рекламы и других средств, выступает своего рода «политической религией» информационного тоталитаризма, божествами которой являются «золотой телец» и престижное место в социальной иерархии. Культ этого рода божеств, заменяющий характерный для политического тоталитаризма культ личности вождя, ярко демонстрировало российское телевидение последних лет.

Социально-политической проекцией неототалитарных ценностных ориентиров являются голый материализм, бездуховность, индивидуализм и эгоизм, блокирующие формирование коллективных форм сознания и массовый организованный протест. Потребительское индивидуалистическое мировоззрение формируется в сложно организованном и регулируемом обществе с развитыми неототалитарными тенденциями отнюдь не стихийно, а с помощью искусных методов психологического и иного воздействия, а также многократных повторений. Как заметил герой уже упомянутой тоталитарной антиутопии О. Хаксли Бернард, «по сотне повторений три раза в неделю в течение четырех лет... — готова

истина»¹⁰. Современные СМИ в России последних лет по количеству рекламных и иных повторений образцовых потребительских стандартов и индивидуалистических ценностей далеко перешагнули «гипнопедов» (специалистов по внушению идей и ценностей) в тоталитарной модели Хаксли.

Информационный тоталитаризм предполагает прямую ориентацию СМИ на управление политическим поведением граждан, и особенно их электоральным выбором. Это возможно там, где правящая элита обладает фактической монополией на наиболее влиятельные, электронные СМИ и информационные агентства. Руководство масс-медиа позволяет правящей элите эффективно влиять на формирование массовых настроений и программировать политическое поведение граждан, а порою осуществлять настоящий телевизионный террор, буквально вдалбливая угодные ей ценности в сознание людей, особенно молодежи, посредством непрерывной навязчивой рекламы.

Информационный тоталитаризм, как и его другие виды, формирует **определенный массовый тип личности**. Это «одномерный» (Г. Маркузе) «человек-волк», примитивный в своих потребностях и суждениях индивидуалист, трудолюбивый, лояльный к начальству и правительству, готовый к дарвинистской борьбе за существование и не утруждающий себя размышлениями о высоких материях.

Экономическая и политическая власть

Приоритетная роль СМИ в механизме информационного тоталитаризма не отрицает широкого использования и других, более традиционных способов социального управления с помощью экономической и политико-административной властей. Влияние экономической власти на сознание и поведение хорошо известно. Там, где господствуют рыночные ценности, деньги позволяют покупать не только СМИ и другие средства воздействия на сознание людей, но и подкупать политических лидеров, журналистов и целые слои населения.

В условиях информационного тоталитаризма экономическая власть с успехом может выполнять характерную для политического тоталитаризма функцию **культивирования массового страха**. Однако в этом случае на первое место выступает прежде всего страх потерять работу или быть неудачником, социальным аутсайдером. Страх как психологическое состояние обладает свой-

¹⁰ *Замятин Е. Мы; Хаксли О. О дивный новый мир. С.194.*

ством трансляции — расширения своего объекта и перехода на другие области. К примеру, страх перед потерей рабочего места проявляется и в боязни проявления политического протеста.

Информационный тоталитаризм не пренебрегает и традиционным средством социального контроля — **физическим насилием**, а больше его угрозой. Он базируется на мощном аппарате государственного принуждения, хотя и старается держать его в тени. Огромный репрессивный аппарат превращает демократию в полицейское государство. Он гарантирует стабильность существующего строя и побуждает оппозицию отказываться от наиболее опасных для правящего слоя форм политического протеста и соглашаться на принятие заведомо проигрышных для нее правил политической игры, предполагающих отсутствие прямого доступа политических оппонентов к электронным СМИ, лишение их значительных денежных ресурсов и в конечном счете блокирование их связей с массами.

Иллюзорная демократия

Приоритетная роль информационного и экономического контроля в неототалитарной системе проявляется в доминировании в ней **методов косвенного, скрытого воздействия на массы, статистического программирования их сознания и поведения**. Это позволяет широко использовать в целях манипулирования массами и камуфлирования системы тоталитарного господства демократические институты. Урезанная до превращения в красивую оболочку тоталитарных структур власти демократия становится вовсе не опасна и даже полезна для сохранения этого типа господства. Она легитимирует господство правящей элиты, поддерживает массовые иллюзии свободы выбора и выступает в роли выхлопного клапана, позволяющего (особенно в период избирательных кампаний) спускать пар массового недовольства и предохранять систему от политического «перегрева». При этом в угоду политическим реальностям подменяется традиционное и популярное в массах понятие демократии как народовластия. Она трактуется как способ формирования правительства, основанный на конкуренции претендентов на властные позиции, как власть меньшинства, элиты, легитимированная с помощью выборов. Что же касается выборов, то они бывают весьма редко. К тому же в условиях эффективного управления сознанием и электоральным поведением граждан они превращаются в развлекательное шоу и лишь способствуют укреплению иллюзий свободы и демократии.

Ярким примером эффективного управления массовым сознанием служат президентские выборы 1996 г. в России. Несмотря на,

казалось бы, безнадежное положение президента за полгода до выборов, — в январе его поддерживали лишь примерно 5% опрошенных избирателей — с помощью СМИ организаторы его избирательной кампании и имиджмейкеры смогли обеспечить его переизбрание. Причем после первого тура президент, получив инфаркт, вообще не появлялся даже на телеэкране, уподобляясь «Старшему Брату» из известного тоталитарного романа Дж. Оруэлла «1984», о котором нельзя было определенно сказать, жив ли он.

В отличие от других разновидностей тоталитаризма информационно-финансовый тоталитаризм — сравнительно новое и малоизученное явление. Этот тип политической системы и общества достаточно динамичен, подвижен в смысле степени тоталитарности. В качестве однозначно неототалитарного едва ли можно квалифицировать какое-нибудь из существующих государств мира.

Блокировать развитие тенденции неототалитаризма и предотвратить ее массовое распространение в мире XXI в. можно лишь общими усилиями всех гуманистических сил, рассматривающих демократию не как удобную форму утонченного господства привилегированного меньшинства, а как реальное движение на пути осуществления идеалов народовластия, свободы личности и социальной справедливости. Развитие информационной демократии, устранение всевластия крупного и прежде всего олигархического капитала, сохранение и развитие социальной государственности, расширение реального участия масс в управлении, борьба против глобального информационного гегемонизма — вот лишь некоторые пути защиты демократии перед новой тоталитарной угрозой.

В современном мире характерные для информационного тоталитаризма методы социального управления широко используют и авторитарные (особенно полуавторитарные, имеющие некоторые демократические институты) политические режимы, что часто делает грани между этими типами политических систем довольно размытыми.

§ 5. Авторитаризм

Отличительные черты авторитаризма

Одним из наиболее распространенных в истории типов политической системы является авторитаризм. По своим характерным чертам он занимает как бы промежуточное положение между тоталитаризмом и демократией. С тоталитаризмом его роднит обычно автократический, не ограниченный законами характер власти, с демократией — наличие автономных, не регулируемых государством общественных сфер, особенно экономики и частной жиз-

ни, сохранение элементов гражданского общества. В целом же **авторитарной политической системе присущи следующие черты:**

1. Автократизм (самовластие) или небольшое число носителей власти. Ими могут быть один человек (монарх, тиран) или группа лиц (военная хунта, олигархическая группа и т.д.).

2. Неограниченность власти, ее неподконтрольность гражданам. При этом власть может править с помощью законов, но их она принимает по своему усмотрению.

3. Опора (реальная или потенциальная) на силу. Авторитарный режим может не прибегать к массовым репрессиям и пользоваться популярностью среди широких слоев населения. Однако он обладает достаточной силой, чтобы в случае необходимости по своему усмотрению использовать силу и принудить граждан к повиновению.

4. Монополизация власти и политики, недопущение реальной политической оппозиции и конкуренции. Присущее этому режиму определенное политико-институциональное однообразие не всегда результат законодательных запретов и противодействия со стороны властей. Нередко оно объясняется неготовностью общества к созданию политических организаций, отсутствием у населения потребности к этому, как это было, например, в течение многих веков в монархических государствах. При авторитаризме возможно существование ограниченного числа партий, профсоюзов и других организаций, но лишь при условии их подконтрольности властям.

5. Отказ от тотального контроля над обществом, невмешательство или ограниченное вмешательство во внеполитические сферы и прежде всего в экономику. Власть занимается главным образом вопросами обеспечения собственной безопасности, общественного порядка, обороны, внешней политикой, хотя она может влиять и на стратегию экономического развития, проводить достаточно активную социальную политику, не разрушая при этом механизмы рыночного саморегулирования.

6. Рекрутирование политической элиты путем кооптации, назначения сверху, а не конкурентной электоральной борьбы.

Учитывая эти признаки авторитаризма, его можно определить как **неограниченную власть одного лица или группы лиц, не допускающую политическую оппозицию, но сохраняющую автономию личности и общества во внеполитических сферах.** При авторитарной политической системе запрещаются лишь определенные, главным образом политические формы деятельности, в остальном же граждане обычно свободны. Авторитаризм вполне совместим с уважением всех других, кроме политических, прав личности. В то же время в условиях

авторитаризма граждане не имеют каких-либо институциональных гарантий своей безопасности и автономии (независимый суд, оппозиционные партии и т.д.).

Авторитарные политические системы очень разнообразны. Это монархии, деспотические, диктаторские режимы, военные хунты, популистские системы правления и др. Авторитарные правительства могут добиваться признания населения не только силой, с помощью массового истребления и запугивания противников, но и более гуманными средствами. На протяжении тысячелетий они опирались главным образом на традиционный и харизматический способы легитимации. В XX в. в целях легитимации широко используются националистическая идеология и формальные, контролируемые властью выборы. Большинство авторитарных режимов в Азии, Африке и Латинской Америке оправдывали свое существование необходимостью национального освобождения и возрождения.

В последние десятилетия авторитарные политические системы очень часто используют некоторые демократические институты — выборы, плебисциты и т.п. — для придания себе респектабельности в глазах международного сообщества и собственных граждан, уклонения от международных санкций. Так, например, неконкурентные или полуконкурентные выборы использовались авторитарными или полуавторитарными режимами в Мексике, Бразилии, Южной Корее, России, Казахстане и многих других государствах. Отличительными чертами таких выборов является ограниченная или лишь видимая (когда все кандидаты угодны властям) конкурентность, полная или частичная контролируемость властями их официальных итогов. При этом у властей существует много способов обеспечить себе формальную победу: монополия на СМИ, отсеивание неугодных лиц еще на стадии выдвижения кандидатов, прямая фальсификация бюллетеней или результатов голосования и т.п.

В период после Второй мировой войны, и особенно в последние десятилетия, авторитарный политический строй чаще всего носит переходный характер и ориентируется, хотя бы формально, на постепенный переход к демократии.

Реформаторские возможности авторитаризма

В конце 80-х — начале 90-х годов значительно возрос научный и политический интерес к авторитаризму в связи с крахом преимущественно тоталитарных политических систем в большинстве коммунистических государств мира. Попытки многих из них, в том числе России, быстро, в духе большевистских «кавалерийских атак» ввести демократию без наличия необходимых для нее обще-

ственных предпосылок не увенчались успехом и повлекли за собой многочисленные разрушительные последствия.

В то же время целый ряд авторитарных государств (Южная Корея, Чили, Китай, Вьетнам и др.) практически продемонстрировали свою экономическую и социальную эффективность, доказали способность сочетать экономическое процветание с политической стабильностью, сильную власть — со свободной экономикой, личной безопасностью и сравнительно развитым социальным плюрализмом.

Авторитаризм иногда определяют как способ правления с ограниченным плюрализмом. Он вполне совместим с экономическим, социальным, культурным, религиозным, а частично и с идеологическим плюрализмом. Его воздействие на общественное развитие имеет как слабые, так и сильные стороны. К числу слабых относятся полная зависимость политики от позиции главы государства или группы высших руководителей, отсутствие у граждан возможностей предотвращения политических авантюр или произвола, ограниченность институтов артикуляции, политического выражения общественных интересов.

В то же время авторитарная политическая система имеет и свои достоинства, которые особенно ощутимы в экстремальных ситуациях. Авторитарная власть обладает сравнительно высокой способностью обеспечивать политическую стабильность и общественный порядок, мобилизовывать общественные ресурсы на решение определенных задач, преодолевать сопротивление политических противников. Все это делает ее достаточно эффективным средством проведения радикальных общественных реформ.

В современных условиях постсоциалистических стран «чистый» авторитаризм, не опирающийся на активную массовую поддержку и некоторые демократические институты, едва ли может быть инструментом прогрессивного реформирования общества и способен превратиться в криминальный диктаторский режим личной власти, не менее разрушительный для страны, чем тоталитаризм. Поэтому сочетание авторитарных и демократических элементов, сильной власти и ее подконтрольности гражданам — важнейшая практическая задача на пути конструктивного реформирования общества.

Демократически ориентирующиеся авторитарные режимы недолговечны. Их реальной перспективой является более устойчивый в современных условиях тип политической системы — демократия.

ДЕМОКРАТИЯ: ПОНЯТИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ

§ 1. Понятие и измерение демократии

В XX в. слово «демократия» стало, пожалуй, самым популярным у народов и политиков всего мира. Сегодня нет ни одного влиятельного политического движения, которое не претендовало бы на осуществление демократии, не использовало этот термин в своих, часто далеких от подлинной демократии целях. Что же представляет собой демократия и в чем причины ее популярности?

Этимологические определения демократии

В современном языке слово «демократия» имеет несколько значений. Его первое, основополагающее значение связано с этимологией, происхождением этого термина. «Демократия» переводится с древнегреческого как «народовластие» или, используя расшифровку этого определения американским президентом Линкольном, «**правление народа, избранное народом и для народа**».

Производным от этимологического понимания демократии является ее более широкая вторая трактовка как **формы устройства любой организации, основанной на равноправном участии ее членов в управлении и принятии в ней решений по большинству**. В этом смысле говорится о партийной, профсоюзной, производственной и даже семейной демократии. Понимаемая в широком значении, демократия может существовать всюду, где есть организация, власть и управление.

С этимологическим пониманием демократии связаны также и другие — третье и четвертое — значения этого термина. В третьем значении демократия рассматривается как основанный на определенной системе ценностей **идеал общественного устройства и соответствующее ему мировоззрение**. К числу составляющих этот идеал ценностей относятся свобода, равенство, права человека, народный суверенитет и некоторые другие.

В четвертом значении демократия рассматривается как **социальное и политическое движение за народовластие, осуществление демократических целей и идеалов**. Это движение возникло в Европе под флагом борьбы с абсолютизмом за освобождение и равноправие третьего сословия и в ходе истории постепенно расширяет диапазон своих целей и участников. Современные демократические движения

чрезвычайно разнообразны. Это социал-демократы, христианские демократы, либералы, новые социальные и другие движения.

**Нормативный подход
к демократии**

Понятие демократии как народовластия (и другие производные от него трактовки демократии) является нормативным, поскольку базируется на нормативном подходе к этому феномену, предполагающем построение категории исходя из человеческих идеалов, ценностей и пожеланий. Демократия характеризуется в этом случае как идеал, основанный на таких основополагающих ценностях, как свобода, равенство, уважение человеческого достоинства, солидарность. В первую очередь именно своему ценностному содержанию демократия обязана такой популярностью в современном мире.

Нормативное понятие демократии имеет как сильную, так и слабую стороны. Его сила состоит в привлекательности содержащихся в нем ценностей, способности увлечь многих людей на практические действия по осуществлению демократического идеала. Слабость же такого определения демократии — в отрыве от действительности, ее идеализации. Реальная демократия нигде и никогда не была властью народа, что означало бы негосударственное, общественное самоуправление. С момента возникновения этого понятия демократия связана с государством, а значит? и с принуждением, и в лучшем случае является властью большинства над меньшинством, а чаще всего формой правления хорошо организованного привилегированного меньшинства, в большей или меньшей степени подконтрольного народу. Реальная демократия, как это еще будет более подробно рассмотрено, во многом далека и от демократических ценностей: свободы, равенства и т.д.

**Эмпирический подход
к демократии. «Полиархия»**

Выявление элемента утопизма, несоответствия между нормативным понятием демократии и реальностью, между идеалом и жизнью является следствием эмпирического подхода к анализу демократии. Такой подход абстрагируется от идеалов и априорных оценочных суждений и требует исследовать демократию такой, какова она есть на деле. В соответствии с выявленными в эмпирических исследованиях свойствами уточняется и даже пересматривается понятие демократии и ее теория. Категория демократии в этом случае строится исходя из реальности, безотносительно к провозглашаемым государством ценностям. Демократия трактуется, например, как форма правления, основанная на конкуренции потенциальных руководителей за доверие избирателей, выражаемое на выборах (И. Шумпетер).

Учитывая большое расхождение нормативного и эмпирического понятий демократии и вытекающие отсюда неудобства при использовании этой категории в науке и повседневном языке, Роберт Даль и некоторые другие политологи предлагают ввести для обозначения реально существующих государств, называемых демократиями, специальный термин «полиархия».

Полиархия, по Далю, это правление меньшинства, избираемого народом на конкурентных выборах. Она распространяется и на античные полисы (города-государства), и на средневековые республики, и на современные конституционные государства с всеобщим избирательным правом и соперничеством за власть политических партий. Демократия же в отличие от полиархии — это идеал, предполагающий равное участие всех граждан в управлении.

**Связь нормативных
и эмпирических дефиниций
демократии**

Несмотря на свою достаточную обоснованность, предложение о четком терминологическом разграничении демократии как идеала народовластия, который, возможно, так никогда и не будет реализован, и полиархии как реально существующих государств, называемых демократиями, не получило преобладающего признания среди ученых и политиков. В значительной мере это объясняется наличием у нормативного и эмпирического понятий демократии как различных, так и общих свойств. Демократия как народовластие не только является результатом абстрактных философских рассуждений и благих пожеланий для человечества, но и отражает, хотя и в идеализированном виде, реальные политические процессы. Не случайно само это понятие зародилось как осознание формы правления, возникшей в Древней Греции.

Не только нормативное понятие демократии отражает эмпирию — действительность, но и ее эмпирическое определение учитывает демократические ценностные ориентации и цели людей, приводящие в движение весь реальный механизм реальной демократии. Поэтому при эмпирическом подходе к демократии хотя и опосредованно, но все же отражается ее нормативный, ценностный аспект.

**Конституирующие признаки
демократии**

Учитывая взаимосвязь нормативных и эмпирических определений демократии как формы государственного правления, можно выделить ее следующие характерные черты:

1. Юридическое признание и институциональное выражение суверенитета, верховной власти народа. Именно народ, а не монарх, аристократия, бюрократия или духовенство выступают офи-

циальным источником власти. Суверенитет народа выражается в том, что именно ему принадлежит учредительная, конституционная власть в государстве, что он выбирает своих представителей и может периодически сменять их, а во многих странах имеет также право непосредственно участвовать в разработке и принятии законов с помощью народных инициатив и референдумов.

2. Периодическая выборность основных органов государства. Демократией может считаться лишь то государство, в котором лица, осуществляющие верховную власть, избираются, причем избираются на определенный, ограниченный срок. В древности многие народы нередко выбирали себе царей, которые затем имели право на пожизненное правление и даже передачу этого права по наследству. (У древних греков выборная монархия называлась «эсимнетия».) Однако в этом случае демократии еще не было.

3. Равенство прав граждан на участие в управлении государством. Этот принцип требует как минимум равенства избирательных прав. А в современной, сложно организованной политической системе он предполагает также свободу создавать политические партии и другие объединения для выражения воли граждан, свободу мнений, право на информацию и на участие в конкурентной борьбе за занятие руководящих должностей в государстве.

4. Принятие решений по большинству и подчинение меньшинства большинству при их осуществлении.

Эти требования являются минимальными условиями, позволяющими говорить о наличии демократической формы правления в той или иной стране. Однако реальные политические системы, основанные на общих принципах демократии, весьма существенно отличаются друг от друга, например античная и современная демократии, американская и швейцарская политические системы и т.д.

Названные общие принципы демократии дают возможность выделить основные критерии, позволяющие различать и классифицировать многочисленные теории и практические демократические модели и как бы измерять их.

Всеобщая и социально-ограниченная демократия. Охлократия

При оценке в соответствии с ее первым, важнейшим принципом — суверенитетом народа — демократия классифицируется в зависимости от того, **как понимается народ и как осуществляется им суверенитет**. Такое, казалось бы, очевидное и простое понятие, как «народ», трактовалось в истории политической мысли применительно к демократии далеко не одинаково. В отличие от современного понимания как всего взрослого населения страны, примерно до середины XIX в. демос, народ отождеств-

лялся либо со свободными взрослыми мужчинами (как это было в античной демократии), либо с собственниками, обладающими недвижимостью или другими немалыми ценностями, либо лишь с мужчинами.

Ограничение народа определенными классовыми или демографическими рамками дает основание характеризовать государства, подвергающие политической дискриминации определенные группы населения и, в частности, не предоставляющие им избирательных прав, как **социально ограниченные демократии** и отличать их от **всеобщих демократий** — государств с равными политическими правами для всего взрослого населения.

Вплоть до начала XX в. ни одна из ранее существовавших демократий не предоставляла всему взрослому населению страны равных политических прав. Это были преимущественно классовые и патриархальные (только для мужчин) демократии. В истории политической мысли преобладала трактовка народа **как простого люда, неимущих нижних слоев, черни**, составляющих большинство населения. Такое понимание демоса встречается еще у Аристотеля, который считал демократию неправильной формой государства, трактовал ее как власть демоса, черни, не способной к управлению, взвешенным, рациональным решениям, учитывающим общее благо. В современной политической теории такой тип правления отражает понятие «**охлократия**», что в переводе с греческого означает «власть черни, толпы».

Итак, в зависимости от понимания состава народа его власть может выступать всеобщей или же социально (классово, этнически, демографически и т.п.) ограниченной демократией, а также охлократией.

Индивидуалистическая, плюралистическая и коллективистская демократии

Народ, будучи сложной общностью людей, имеет определенную структуру, состоит из конкретных личностей.

В зависимости от того, рассматривается ли он как совокупность самостоятельных, свободных **индивидов**, как взаимодействие различных **групп**, преследующих в политике свои собственные, специфические интересы, или же как единое, гомогенное **целое**, субъект, у которого доминируют общие интересы и воля, концепции и реальные модели демократии делятся соответственно на **индивидуалистические, плюралистические (групповые) и коллективистские**.

В первом случае непосредственным источником власти считается личность, во втором — группа, в третьем — весь народ (нация, класс). Расхождения в понимании народовластия имеют фундаментальное значение при построении реальных политических систем. Они оп-

ределяют, например, глубокие, принципиальные различия между классической либеральной, современной западной и социалистической демократиями.

Прямая, плебисцитарная и представительная демократии

Суверенитет народа — важнейший конституирующий признак демократии, служащий основанием ее оцен-

ки не только с точки зрения понимания самого этого субъекта, но также по форме **осуществления им власти**. В зависимости от того, как народ участвует в управлении, кто и как непосредственно выполняет властные функции, демократия делится на **прямую, плебисцитарную и представительную (репрезентативную)**.

В **прямых** формах народовластия граждане сами непосредственно участвуют в подготовке, обсуждении и принятии решений. Такая форма участия доминировала в античных демократиях. Практически она возможна в сравнительно небольших коллективах (на производственных предприятиях, в общинах, городах и т.п.), причем в тех случаях, когда принимаемые решения достаточно просты и участие в их подготовке и обсуждении не требует специальной квалификации. В современном мире прямая демократия встречается главным образом на уровне местного самоуправления, например в американских и швейцарских общинах, в израильских кибуцах (поселениях коммунистического типа) и т.п. Распространенность прямых форм демократии прямо зависит от того, насколько удастся децентрализовать процесс вынесения решений и передать право их принятия сравнительно небольшим, локальным коллективам.

К прямой демократии обычно относят так называемый императивный мандат, предполагающий обязанность выборных представителей голосовать строго в соответствии с наказом избирателей, их волей. Так, характер императивного мандата имеет коллегия выборщиков президента США, обязанных отдать свой голос за кандидата, победившего в соответствующих штатах. Императивный мандат как бы консервирует волю избирателей, не позволяя его носителям участвовать в обсуждении и принятии компромиссных вариантов решений.

Важным (вторым) каналом участия граждан в осуществлении власти является **плебисцитарная демократия**. Различие между ней и прямой демократией проводится не всегда, поскольку обе эти формы участия включают непосредственное волеизъявление народа, однако оно существует. Суть его состоит в том, что прямая демократия предполагает участие граждан на всех важнейших стадиях процесса властвования (в подготовке, принятии политических решений

и в контроле за их осуществлением), а при плебисцитарной демократии возможности политического влияния граждан сравнительно ограничены. Им предоставляется право посредством голосования одобрить или отвергнуть тот или иной проект закона или другого решения, который обычно готовится президентом, правительством, партией или инициативной группой. Возможности участия основной массы населения в подготовке таких проектов очень невелики даже в тех случаях, когда непосредственно самим гражданам предоставляется право подготавливать и выносить их на рассмотрение законодательных органов или на всенародное голосование.

Плебисцитарные институты нередко используются в целях манипулирования волей граждан, достигаемого, в частности, с помощью двусмысленных формулировок вопросов, выносимых на голосование. Они, особенно референдумы и опросы, достаточно широко применяются на различных уровнях управления: в общинах, городах, областях, в масштабах всего государства.

Третьей, ведущей в современных государствах формой политического участия является **представительная демократия**. Ее суть — в опосредованном участии граждан в принятии решений, в выборе ими в органы власти своих представителей, призванных выражать их интересы, принимать законы и отдавать распоряжения. Представительная демократия необходима особенно тогда, когда из-за больших территорий или вследствие других причин затруднено регулярное непосредственное участие граждан в голосованиях, а также когда принимаются сложные решения, труднодоступные для понимания неспециалистов.

Формы демократического государства. Политическая и социальная демократия

Не только суверенитет народа — основополагающий признак демократии, но и другие ее общие принципы, имеющие более конкретные показатели (индикаторы), позволяют выявлять и описывать ее особенности. Так, в зависимости от строения и порядка формирования органов, институтов власти (второй признак демократии) демократические государства делятся на парламентские, президентские, смешанные (или полупрезидентские) республики, суперпрезидентские республики, парламентские монархии и т.д. (Эти институционные параметры демократии подробно рассмотрены в гл. 14.)

Важные характеристики демократии вытекают из ее третьего признака — равенства прав граждан на участие в управлении государством. Такое равенство может быть **формальным**, чисто юридическим, и **фактическим**, предполагающим создание примерно

одинаковых социальных возможностей для реализации людьми своих политических прав (материальный достаток, образование, свободное время, доступ к информации и др.).

В зависимости от характера равенства, обеспечиваемого государством, демократия делится на **политическую**, предполагающую лишь формальное равенство, равенство прав, и **социальную**, основывающуюся на равенстве фактических возможностей участия граждан в управлении государством. Термин «социальная демократия» нашел, в частности, свое выражение в названии одного из самых влиятельных политических движений XX в. — социал-демократии.

Деспотическая, тоталитарная и конституционная демократии

Важные отличительные качества различных демократических систем позволяет выявить анализ четвертого общего признака демократии — подчинения меньшинства большинству при принятии и осуществлении решений. Такое подчинение может не иметь границ и распространяться на любые стороны жизнедеятельности человека. В этом случае имеет место **деспотическая** демократия. Она представляет собой абсолютную, ничем и никем не ограниченную власть большинства, связанную с переходящими настроениями масс и произволом. Если же власть большинства требует полного подчинения личности и стремится к установлению над ней постоянного всеобъемлющего контроля, то демократия становится **тоталитарной**.

Антиподом таких форм правления является **конституционная** демократия. Она ставит власть большинства в определенные рамки, ограничивает ее полномочия и функции с помощью конституции и разделения властей и обеспечивает тем самым автономию и свободу меньшинства, в том числе отдельной личности.

Рассмотренные выше и некоторые другие параметры демократии образуют как бы систему координат, позволяющую выявлять ее наиболее существенные черты и различать ее специфические модели, типы.

§ 2. Древняя и средневековая демократии

Первобытная демократия

Демократические формы организации уходят корнями в глубокое, еще догосударственное прошлое — в родовой строй. Они возникают вместе с появлением самого человека. Некоторые ученые-этнографы утверждают, что демократия — один из важнейших факторов антропогенеза, появления всего рода человеческого, поскольку она стимулировала развитие равноправного общения людей, их самосоз-

нения и свободного мышления, индивидуальной ответственности и личного достоинства. Как свидетельствуют этнографические исследования, недемократические формы организации, основанные на строгой иерархии и подчинении, жестком индивидуальном закреплении управленческих и исполнительных ролей по образу муравейника или пчелиного роя, заводили развитие наших предков в тупик.

Через родовые формы демократии прошли все народы. Их типичный пример — организация управления у американских индейцев-ирокезов. Все взрослые мужчины и женщины этого рода обладали равным правом голоса при выборе и смещении своих высших руководителей — старейшины (сахема) и вождя (военного предводителя). Высшей властью в роде являлся совет — собрание всех его взрослых представителей. Он избирал и смещал сахемов и вождей, решал вопросы войны и мира, принятия в свой род посторонних и др.

Род выступал демократической единицей более сложной организации — союза фратрий — братства нескольких особенно близких друг другу по территории, общению, родственным и иным связям родов, которые при сохранении автономии имели общий совет как высший орган власти. Несколько фратрий составляли племя. Им руководил совет племени, состоявший из сахемов и военных вождей всех родов. Заседания этого совета проходили открыто, при участии в обсуждении любых членов племени, которые, однако, не имели права голосования. Решения на таких советах обычно принимались по принципу единогласия.

У отдельных, а затем и у большинства племен существовали верховные вожди, выбираемые из сахемов или военачальников. Их полномочия были ограничены. Некоторые из племен заключали союзы, руководили которыми советы союза, состоявшие из сахемов и вождей.

Подобные формы демократии существовали у древних греков, германцев и других народов. Всюду родовая демократия основывалась на кровно-родственных связях, общей собственности, низкой плотности и относительной немногочисленности населения, примитивном производстве. Она не знала четкого разделения управленческого и исполнительского труда, не имела специального аппарата управления и принуждения. Функции власти были ограничены. Основная сфера отношений между людьми регулировалась обычаями и табу. Власть советов и вождей (старейшин) держалась на моральном авторитете и поддержке соплеменников. Это была достаточно примитивная, догосударственная демократия, или общинное самоуправление.

С развитием производства и общественного разделения труда, ростом населения, появлением частной собственности и углублением социального неравенства первобытная демократия была порвана и уступила место авторитарным (монархическим, аристократическим, олигархическим или тираническим) формам правления. Однако даже в авторитарных государствах на протяжении многих веков, а в отдельных странах и до наших дней сохранились некоторые традиционные демократические формы организации, особенно общинное самоуправление. Традиции первобытной демократии оказали большое влияние на появление демократических государств в Древней Греции и в Риме.

Возникновение афинской демократии

Первой, классической формой демократического государства явилась Афинская республика. Она возникла в V в. до н.э. Начало демократическому развитию Афин положили реформы архонта Солона, который в VI в. до н.э. провел глубокие хозяйственные и политические реформы. Они, в частности, предусматривали освобождение плебса от государственных налогов, наделение всех граждан правом выбирать должностных лиц (магистратов) и требовать у них отчета. Однако сами государственные правители могли быть лишь из числа тех, кто оплачивал государственные налоги и военные расходы, т.е. из богатых граждан.

Хотя во времена Солона демократия в Афинах делала еще первые шаги, идеи выборности и подконтрольности правителей, добровольного согласия подчиняться власти, причем не отдельным лицам, а закону, получили массовое распространение и развитие. Наиболее полно они были реализованы во времена Перикла в V в. до н.э. Этот период считается золотым веком афинской демократии.

Перикл руководил афинским правительством и считался народным вождем. Человек незаурядного ума, искусный оратор, тонкий политик, он был противником тирании, определяемой им как правление одной части общества над всеми. Ей он противопоставлял собственный идеал государственного устройства. «Называется этот строй демократическим, — писал Перикл, — потому что он зиждется не на меньшинстве граждан, а на большинстве их. По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех»¹. Осуществленные под его руководством реформы предусматривали равномерное распределение власти среди всех свободных граждан (в их число не входили рабы, женщины и некоренные афиняне).

¹ Фукидид. История. Т. 1. Кн. 2. М., 1915. С. 120.

Афинская республика представляла собой преимущественно коллективистскую форму демократии. Объединяющим граждан началом была их общая заинтересованность в сохранении своего привилегированного положения, основанного на рабовладении, которое считалось совместным, общинным. Государство состояло из однородных в классовом, этническом и религиозном отношениях граждан. Между индивидом и обществом обычно не возникало острых конфликтов, так как не существовало четкого разделения частной и общественной жизни.

Индивид считал само собой разумеющимся участие в делах общества и государства, между которыми не проводилось различий. Он легко идентифицировал себя с полисом и принимаемыми большинством решениями и чувствовал себя свободным в качестве органической частички единого целого. Это, как пишет видный теоретик либерализма Бенжамен Констан, была коллективная свобода, которая «состояла в коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом, обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародовании, а также осуждению или оправданию их действий. Но одновременно со всем этим, что древние называли свободой, они допускали полное подчинение индивида авторитету сообщества, как совместимое с коллективной формой свободы <...> Все частные действия находятся под суровым надзором. Личная независимость не простирается ни на мнения, ни на занятия, ни, тем более, на религию»².

Беспрекословное подчинение индивида полису не означало, что афинская демократия была свободна от внутренних конфликтов. Такие конфликты периодически возникали, в первую очередь внутри правящего класса между знатью, богатыми — с одной стороны, и бедной — с другой. Во времена Перикла противоречия между ними были сглажены прежде всего за счет общего повышения благосостояния граждан и роста среднего класса.

Роль среднего класса

Уже в древности существовало понимание того, что именно средний класс является опорой демократии. «Государство, состоящее из средних людей, — писал Аристотель, — будет иметь и наилучший госу-

² Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей//Полис. 1993. № 2. С. 98.

дарственный строй»³. По его мнению, многочисленный средний класс сплачивает общество, предотвращает раскол граждан на противоборствующие партии и тем самым стабилизирует государство. Власть большинства будет только тогда наилучшей формой правления, когда оно состоит не из бедняков, демоса, а из средних в имущественном отношении, умеренных в нравах и претензиях к государству людей. Эту форму правления Аристотель называл «политией».

С количественными изменениями среднего класса оказался прямо связан как расцвет афинской демократии, так и ее закат. Об этом свидетельствуют следующие факты. В 480 г. до н.э. из 30 тыс. ее граждан 20 тыс. относились к низшему имущественному сословию — фетам. К концу эпохи Перикла (примерно 429 г.) фетов было лишь 20 тыс. на 42 тыс. граждан. Впоследствии же, на закате демократии (к 350 г. до н.э.), пролетарии составили большинство — 12 тыс. против 9 тыс. зажиточных граждан⁴, что способствовало перерождению демократии во власть черни — охлократию.

Участие в управлении

Античная демократия заботилась о создании благоприятных условий для участия граждан в управлении делами государства. За счет использования труда рабов (большинство семей имели от одного до десяти рабов) граждане обладали для этого достаточным свободным временем. Кроме того, бедные получали поддержку из государственной казны, а также плату за присутствие на общественных мероприятиях. Тем самым всем обеспечивался необходимый для занятия общественными делами «прожиточный минимум». Общественное мнение также стимулировало политическую активность народа, оценивая участие в политике как единственное достойное занятие афинского гражданина.

Все эти факты позволяют характеризовать античную модель народовластия как демократию преимущественно социальную, т.е. не только провозглашающую равенство политических прав, но и обеспечивающую более или менее равные социальные условия, необходимые для их фактического использования.

Деспотия большинства

В афинском полисе господствовала прямая демократия. Главным институтом власти служило Народное собрание. Именно в нем без каких-либо опосредующих звеньев — партий, парламента или бю-

³ Аристотель. Политика//Соч. Т. 4. С. 508.

⁴ См.: Ellul J. Histoire des institutions. V. 1. Paris, 1955.

рократии — формировалась общая воля, принимались законы и решения.

Власть Народного собрания ничем не ограничивалась и простиралась на любые проявления частной жизни. Абсолютность и всепроникновение власти таили в себе опасность вырождения демократии в тиранию. «Обладание безграничной властью, — писал Д. Актон, — которая разъедает совесть, ожесточает сердце и затуманивает разум монархов, оказало свое деморализующее влияние и на прославленную демократию Афин. Плохо быть притесняемым меньшинством, но еще хуже — большинством. Ибо в массах таится резерв скрытой силы, которой <...> меньшинство почти не может противостоять <...> Абсолютную волю всего народа нельзя обжаловать, от нее не спасешься и не скроешься»⁵.

Пока Народное собрание находилось под влиянием таких мудрых и авторитетных вождей, как Перикл, и противоречия между богатыми и бедными гражданами были сглажены, всевластие большинства сочеталось с терпимостью к различным мнениям, свободе слова и не перерастало в расправу над меньшинством. Однако со сменой авторитетов и ростом имущественного неравенства граждан, усилением влияния черни и общим падением нравов Афинская республика приобрела черты охлократии и тирании большинства.

Всевластие демоса превратилось в абсолютное. Законодатель в лице большинства стал выше закона и попытался решениями, принимаемыми плебсом на рыночной площади, управлять военными действиями, присуждая к смертной казни военачальников за проигранные сражения. Частым явлением стали расправы бедных над богатыми, гонения на еретиков и инакомыслящих, в том числе виднейших философов и мудрецов. Яркие примеры таких расправ — дело об оскорблении божеств («процесс гермокопидов»), изгнание философа Анаксагора, присуждение к смерти величайшего мыслителя того времени Сократа.

Всевластие большинства над меньшинством позволяет характеризовать афинскую демократию как форму правления с сильными деспотическими и даже тоталитарными тенденциями. Неэффективность правления, коррупция, произвол в отношении к меньшинствам, исключение из числа граждан некоренных афинян, преследование инакомыслящих — все это вызывало недоверие к демократии и усиливало лагерь политической оппозиции. Активизация борьбы за власть побудила афинян принять в 410 г. до н.э. специальный закон, предусматривающий смертную казнь и конфискацию имущества лиц, посягающих на демократию.

⁵ Актон Д. История свободы в античности//Полис. 1993. № 3. С. 112.

Однако спасти демократию не смогли ни карательные меры, ни даже пришедшее на ее закате осознание необходимости конституционно ограничить решения большинства и тем самым оградить государство и граждан от капризов и сиюминутных настроений плебса. Афинская республика была подорвана не только вырождением демократии, но прежде всего экономическими причинами, низкой эффективностью труда рабов, а также военными поражениями. Олигархический переворот 411 г. до н.э. положил начало периоду политической нестабильности и постепенной ликвидации демократической формы правления.

Судьбы демократии после падения Афин. Христианство и народовластие

Вырождение и падение наиболее развитой формы древнего народовластия — Афинской республики — носило локальный характер. Государства, по основополагающим качествам схожие с афинской демократией, существовали в Древнем Риме, Древнем Новгороде, во Флоренции и ряде других городов-республик. В целом же в период средневековья в Европе и во всем мире на многие века утвердилось господство авторитарных, преимущественно монархических форм правления. Доминирующим представлением о государственном устройстве стало восприятие общества как единого, сложного, иерархически организованного организма, в котором каждая общественная группа должна «знать свое место» — выполнять определенную общественную функцию и подчиняться власти. Само слово «демократия» исчезло из европейского политического лексикона почти на две тысячи лет, и если оно иногда и использовалось, то не иначе, как в негативном, аристотелевом значении неправильной, извращенной формы правления, разрушительной власти черни.

Однако идеи ограничения монархической власти, обращения ее на службу народу пронизывают всю историю человечества. Огромное влияние на утверждение демократически ориентированного мировоззрения оказало христианство. Оно дало человечеству нравственные заповеди, основанные на признании равенства людей в своем важнейшем, духовном измерении — в отношении к Богу, на уважении человеческого достоинства (поскольку каждый человек сотворен Богом по своему образу и подобию), на освобождении духовно-нравственной жизни от политического контроля («отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу») и приоритете религиозно-нравственных ценностей.

Под влиянием христианства в средние века утвердились идеи о том, что монарх и власть в целом должны служить своему народу и не вправе нарушать законы, вытекающие из Божественных запо-

ведей, морали, традиций и естественных прав человека. Получила распространение концепция общественного договора, трактующая государственную власть как следствие свободного договора между народом и правителем, договора, который обязаны соблюдать обе стороны.

Большое влияние на подготовку благоприятной духовно-нравственной почвы для демократии оказали средневековые религиозные движения — «соборное движение» в католической церкви, выступающее против независимости церковных авторитетов от мирян, христианской общины, а также протестантская реформация, борющаяся за ликвидацию жесткой церковной иерархии и за утверждение в среде верующих демократических идеалов раннего христианства. Под влиянием развивающегося в Европе капитализма и связанного с ним индивидуалистического мировоззрения эти и другие гуманные идеи, ценности и концепции получили широкое признание и распространение. Многие из них легли в основу новых демократических моделей государственного правления, оказавших прямое влияние на демократию конца XX в.

Глава 11

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

§ 1. Демократия классического либерализма

Либерализм как идейная основа государственного устройства

Существующие в наши дни демократические системы ведут свое начало от форм правления, возникших в конце XVIII—XIX в. под прямым и разносторонним влиянием либерализма. Заслуги либерализма в развитии политической и демократической мысли чрезвычайно велики. Это идейное и политическое течение выступило под знаменем свободы личности, ограждения ее от государственной тирании.

Либерализм впервые в истории социальной мысли отделил индивида от общества и государства, разграничил две автономные сферы — государство и гражданское общество, ограничил конституционно и институционально сферу действия и полномочия государства в его взаимодействии с гражданским обществом и личностью, защитил автономию и права меньшинства по отношению к большинству, провозгласил политическое равенство всех граждан, наделил личность фундаментальными, неотъемлемыми пра-

вами и утвердил ее в качестве главного элемента политической системы.

Родиной либеральных идей и первым местом практического воплощения многих из них является Англия. Еще в эпоху средневековья, когда в континентальной Европе усиливался абсолютизм, англичане сумели ограничить власть монарха. Исходным пунктом многовекового процесса постепенной либерализации английского государства явилось принятие в 1215 г. первого прообраза современных конституций — Великой Хартии Вольностей («*Magna Charta Libertatum*»). Эта хартия была еще далека от демократии и ограничивала права монарха в пользу аристократии. Однако в ней провозглашалось и право гражданина на личную свободу и безопасность — «ни один свободный человек не должен быть арестован, заключен под стражу, лишен собственности, унижен, изгнан или наказан каким-либо другим способом иначе, как по закону»¹.

Уже с XIV в. в Англии существовал парламент, который в 1689 г. с принятием «Билля о правах» окончательно получил законодательные права. (С этого момента ведет начало законодательный парламентаризм.) Однако этой стране потребовалось еще более двух столетий для демократизации парламента, первоначально больше походившего на средневековое собрание высших сословий, чем на современный законодательный орган.

Идеи и практика либерализма долгое время не совпадали с демократией как теорией и движением. Идеологи раннего либерализма — Джон Локк, Шарль-Луи Монтескье и др. — были озабочены никак не обеспечением всем гражданам равных политических прав и их привлечением к управлению государством, но стремились ограждать класс собственников, а часто и аристократию от произвола со стороны монарха, устранить феодальные ограничения, прелятствующие частнопредпринимательской деятельности.

Отличительные черты либеральной демократии

Настороженное отношение либерализма к массам повлияло на либеральную демократию, которая явилась как бы сплавом либеральной идеи ограничения произвола власти с помощью индивидуальных прав и демократического принципа народного суверенитета. В целом же этой модели демократии в ее классическом варианте (XIX — начало XX в.) присущи следующие характерные черты:

1. Отождествление народа как субъекта власти с собственниками-мужчинами, исключение низших слоев, прежде всего наем-

¹ *Ivor W., Gerhard A. Ritter: Das britische Regierungssystem. Köln; Opladen, 1970. S. 121.*

ных рабочих, а также женщин из числа обладающих избирательным правом граждан. В большинстве западных демократий вплоть до начала — середины XX в. сохранялись имущественные и другие цензы — обязательные условия, без наличия которых человек не имел права участвовать в голосовании. (В некоторых штатах США своеобразный имущественный ценз — избирательный налог — был отменен лишь в 1961 г.)

2. Индивидуалистичность, признание личности первичным и главным источником власти, приоритет прав индивида над законами государства. Права личности в целях защиты закрепляются в конституции, неукоснительное выполнение которой контролирует независимый суд.

3. Узкополитический, формальный характер демократии, вытекающий из узкого, негативного понимания свободы как отсутствия принуждения, ограничений. В отличие от античной демократии свобода здесь трактуется не как возможность активного равноправного участия в политике, а как пассивное индивидуальное право быть огражденным от вмешательства со стороны государства и других людей. «Целью древних, — писал в этой связи Б. Констан, — было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников — безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях»².

4. Парламентаризм, преобладание представительных форм политического влияния. Как писал Д. Актон, урок афинской демократии «учит, что правление всего народа, будучи правлением самого многочисленного и могущественного класса, есть зло такого же порядка, что и неограниченная монархия, и нуждается, почти по тем же самым причинам, в институтах, которые бы защищали его от самого себя и утверждали бы постоянную власть закона, ограждая его от произвольных переворотов во мнениях»³.

5. Ограничение компетенции и сферы деятельности государства преимущественно охраной общественного порядка, безопасности и прав граждан, социального мира и т.п., его невмешательство в дела гражданского общества, экономические, социальные и духовно-нравственные процессы.

6. Разделение властей, создание сдержек и противовесов как условия эффективного контроля граждан над государством, предотвращения злоупотреблений властью. Как отмечал еще в XVIII в.

² Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей//Полис. 1993. № 2. С. 101.

³ Актон Д. История свободы в античности//Полис. 1993. № 3. С. 112.

Монтескье, общество в состоянии проконтролировать лишь ту власть, которая раздроблена и отдельные части которой противопоставлены друг другу.

7. Ограничение власти большинства над меньшинством, обеспечение индивидуальной и групповой автономии и свободы. Меньшинство обязано подчиняться большинству лишь в строго определенных вопросах, за пределами которых оно полностью свободно. Меньшинство вправе иметь свое мнение и отстаивать его в рамках закона, невзирая на принятые большинством решения.

Эти и другие черты либеральной демократии свидетельствуют, что она стала крупным шагом вперед на пути освобождения человека, уважения его достоинства и основополагающих прав. В то же время эта модель демократии, представленная в своем классическом варианте, весьма далека от идеала народовластия и обособленно подвергается критике.

Слабости либеральной демократии

В качестве недостатков классической либеральной демократии обычно отмечают:

1. Социально-классовая ограниченность. Подобно античной демократии, она не распространяется на большинство населения: пролетариев, другие низшие слои, женщин — и поэтому не является властью народа в полном смысле этого слова.

2. Формальность и как следствие декларативность демократии для бедных, социально не обеспеченных слоев населения, ее превращение из народовластия в соревнование денежных мешков. Нераспространение демократии на экономические и социальные процессы ведет к углублению общественного неравенства и обострению социальных конфликтов, не удовлетворяет интересов большинства граждан. Стимулируемая этой формой власти имущественная поляризация населения обесценивает для низших слоев фундаментальные права и свободы личности, делает их трудноосуществимыми практически и в конечном счете ставит под сомнение демократичность этой формы правления.

3. Ограниченность сферы демократии и политического участия личности. Ставка на представительные органы и лишь эпизодическую, преимущественно электоральную политическую активность граждан фактически выводит органы власти из-под контроля масс и превращает демократию в форму господства политической элиты. Следствием крайне ограниченного политического участия являются массовая политическая апатия, отчуждение граждан от власти, ее слабая легитимность.

4. Принижение роли государства в управлении обществом и укреплении социальной справедливости. Потребности экономического и социального развития требуют расширения государственного регулирования, проведения активной инвестиционной, налоговой и иной политики. Демократическое государство не может ограничиваться ролью «ночного сторожа» и должно иметь право регулировать экономические и социальные процессы, укреплять в обществе справедливость и предотвращать конфликты.

5. Чрезмерный ценностный индивидуализм, игнорирование коллективной природы человека, его принадлежности к различным социальным группам. Это препятствует общественной самореализации личности, ее развитию, стимулирует эгоизм и эгоцентризм, подрывающие основы государства и общества.

Практическим ответом на недостатки классической либеральной демократии явились рабочее, социалистическое, коммунистическое и другие движения, а также новые, во многом противоположные либерализму демократические концепции и попытки воплотить их в жизнь.

§ 2. Коллективистская демократия

Преодолеть недостатки либерального государства и осуществить подлинное народовластие пытаются концепции и реальная модель коллективистской демократии. Этот тип демократии теоретически достаточно детально разработан. Попытки же его практического осуществления, сделанные прежде всего в странах государственного социализма, не увенчались успехом. И все же они значительно обогатили теорию и практику демократии (хотя в большей степени негативным опытом), оказали значительное влияние на современные политические системы Запада.

Коллективистскую демократию нередко называют **идентитарной**. Это название отражает тот факт, что она исходит из целостности народа (нации, класса), наличия у него единой воли еще до акта ее публичного выражения и **идентичности** этой воли и действий представителей власти.

**Концепция демократии
Руссо**

Виднейшие представители теории идентитарной демократии — Руссо, Маркс, Ленин, Карл Шмитт. Первым наиболее ярко выразил и обосновал важнейшие принципы этого типа демократии Жан Жак Руссо (1712—1778). Он подверг критике либеральное разделение общества на «публичное» и «частное». По его мнению, утверждаемые либеральными мыслителями индиви-

дуализм и эгоизм разрушительны для гражданских добродетелей и самого общества. Идеал гражданина демократической республики Руссо — это не ушедший в частную жизнь индивидуалист, а активный член общества, являющийся источником жизни единого «общественного тела».

Теория демократии Руссо исходит из принадлежности всей власти народу, образованному путем добровольного слияния изолированных, атомизированных индивидов в единое целое. Формирование народа означает полное отчуждение «каждого из членов ассоциации со всеми правами в пользу своей общины»⁴. С этого момента личность утрачивает свои права. Они становятся ей не нужны, так как целое — государство — подобно любому другому живому организму, заботится о своих членах, которые в свою очередь обязаны думать о благе государства.

Организмический подход Руссо исключает противоречия, конфликты в отношениях между индивидами и государством, устраняет почву для протеста граждан против власти, для политической оппозиции в целом, а также появления частных интересов. Если все же частный интерес возникает, то он представляет собой патологию и поэтому подавляется. Предпосылкой общности интересов и воли народа является имущественное равенство. Руссо выступает не за полную ликвидацию частной собственности, а за ее ограничение и выравнивание ее размеров.

Сам народ неделим. Он обладает единой, общей волей и неотчуждаемым суверенитетом. Внутри него не существует устойчивого большинства и меньшинства, а потому и нет необходимости в защите последнего. Власть народа как целого ничем не ограничена. «Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем организмом, а это означает не что иное, как то, что его силой принудят быть свободным»⁵. (Чуть ли не буквально эти слова повторял лозунг, украшавший Соловецкий лагерь в 20-е гг., — «Железной рукой загоним все человечество к счастью».)

Народ как коллективное существо может быть представлен только самим собой, а не избранными представителями. Его общая воля выражается непосредственно на собраниях. Она определяет законы и деятельность правительства, функции которого сводятся лишь к исполнению и техническому обслуживанию решений народа.

Идеи Руссо (принцип народного суверенитета, прямого голосования и др.) нашли свое выражение в конституции Франции

⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 161.

⁵ Там же. С. 164.

1791 г. В то же время они послужили и оправданию якобинского террора. Не случайно его вдохновитель Робеспьер называл Руссо «провозвестником нашей революции». По конституции 1793 г., в соответствии с идеей Руссо о единстве и непротиворечивости воли народа, принцип равноправия распространялся лишь на единомышленников якобинцев.

Тоталитарная направленность концепции демократии Руссо получила дальнейшее развитие в марксизме и, особенно, в ленинской и сталинской теории демократии, а также реализовалась на практике в моделях «социалистической демократии», которые сохраняются до наших дней в коммунистических государствах.

«Социалистическая демократия»

Сохраня важнейшие принципы идентитарной концепции Руссо, теория «социалистической демократии» существенно изменяет их социальный и политический контекст, дает им специфическую интерпретацию. Она исходит из гомогенности и целостности вначале рабочего класса, а после построения социализма и всего народа, из наличия у этих суверенов власти классового, а затем общенародного интереса. Этот интерес существует объективно и первоначально осознается марксистско-ленинской партией, которая вносит выражающее его учение в сознание масс. После чего через механизм социалистической демократии, прежде всего Советы, оформляется и выражается общая воля народа.

В Советах реализуются такие принципы коллективистской демократии, как полновластие, распространенность на все области жизнедеятельности людей, прямая демократия (общие собрания, наказания избирателей, право отзыва депутатов, демократический централизм, предполагающий жесткое подчинение общим решениям), монизм, недопустимость идеологического и политического инакомыслия и оппозиции и др.

Особенности теории «социалистической демократии» по сравнению с концепцией Руссо проявились прежде всего в полном отрицании частной собственности и, следовательно, всякой автономии личности, в подмене народа рабочим классом, трудящимися, а также в идее ведущей роли авангарда рабочего класса и всего народа — коммунистической партии, призванной руководить процессом перехода к полной демократии, общественному самоуправлению.

В действительности же «социалистическое народовластие» с его преимущественно аккламационными (рассчитанными лишь на внешнее выражение одобрения принятых верхами решений) институтами являлось скорее ширмой для прикрытия тоталитарных

структур общества, средоточения всей фактической власти у высшего партийного руководства, чем реальной демократией.

**Отличительные черты
коллективистской
демократии**

Несмотря на существенные различия, разнообразные коллективистские теории демократии имеют ряд **общих черт**.

К ним относятся: 1) коллективизм в трактовке народа, признание народа единым однородным целым, имеющим объективные, существующие еще до своего осознания общий интерес и волю; 2) отсутствие противоречий внутри народа, рассмотрение политической оппозиции как патологии или врага, подлежащего насильственному устранению; 3) коллективистское (близкое к античному) понимание свободы как активного равноправного участия гражданина в делах всего государства и общества; 4) тоталитарность, всепроникающий абсолютный характер власти, на деле осуществляемой вождями, отождествляемыми с народом (классом, нацией), полная незащитность меньшинства, в том числе отдельной личности; 5) устранение самой проблемы прав человека, поскольку целое — государство — и без того заинтересовано в благополучии своих собственных составных частей; 6) всеобщая политическая мобилизация, преимущественно прямое участие граждан в управлении, рассмотрение представительных органов и должностных лиц не как самостоятельных в пределах закона и ответственных за принятые решения руководителей, а лишь как проводников воли народа, его слуг; 7) декларирование социальной демократии, перенесение главного акцента с юридического провозглашения политических прав на обеспечение социальных условий для участия граждан в управлении.

**Уроки коллективистских
экспериментов**

Теории коллективистской демократии показали свою практическую несостоятельность или, по меньшей мере,

несовместимость с демократией в ее либеральном понимании. Попытки их осуществления неизбежно приводили к появлению нового господствующего класса — номенклатуры, к тоталитаризму, подавлению всякой индивидуальной свободы, террору против инакомыслящих. Оказалось, что власть народа (класса, нации) не может быть реальной без гарантий индивидуальной свободы и других прав личности, без признания и институционального закрепления ее роли как первичного источника власти.

Так называемая общая воля, «классовый», «национальный» или «общенародный» интересы представляют собой вымысел, миф, оправдывающие политическое господство одного лица или групп

пы в том случае, если они определяются кем-то априори, без равноправного участия отдельных свободных личностей и рассматриваются как неоспоримые, надындивидуальные, внутренне непротиворечивые сущности, устанавливающие рамки дозволенного для политической активности граждан, границы демократии.

И все же, несмотря на неудачность своих практических попыток, идейное и политическое движение за коллективистскую демократию критикой классовой ограниченности либерального государства, постановкой целого ряда важнейших политических проблем (например, вопроса о социальном равенстве как условии демократии, о социальных правах личности) и практическим опытом грандиозного по своим масштабам и замыслам социального эксперимента оказало большое воздействие на развитие политической мысли и эволюцию либеральной формы правления в странах Запада.

Плебисцитарная партийная демократия

Некоторые важнейшие идеи коллективистской, идентитарной демократии нашли свое прямое выражение в современных западных теориях. Наиболее видной из них является **плебисцитарная мандатная теория партийной демократии**. Она развивает идею Руссо о том, что каждый гражданин должен иметь возможность по меньшей мере одобрять или отвергать влияющие на его жизнь законы, которые он обязан уважать. Согласно партийной теории демократии, в современных государствах, с большой численностью населения и огромными по сравнению с древнегреческими полисами территориями, античная модель народовластия наиболее полно реализуется в «партийном государстве».

Различные партийные программы дают гражданам возможность с помощью выборов прямо влиять на содержание государственной политики. Эти программы являются полученными от граждан своего рода мандатами, наказами, которые призваны исполнять и депутаты, и правительство. Связанность депутатов партийными программами и структурами делает их прямыми выразителями народной воли. Тем самым достигается идентичность народа и правительства.

Отражая новые явления в политических системах, эта концепция демократии, по мнению ее критиков, во многом расходится с реальностью. Современные массовые «народные партии» не имеют определенной социальной базы и стремятся привлечь голоса самых различных слоев населения. Поэтому формулировки их пред-

выборных платформ носят очень общий и расплывчатый характер и мало отличаются друг от друга. Если даже партийные платформы предусматривают достаточно определенные действия, граждане все же вынуждены выбирать программы в целом, в едином пакете, не имея возможности влиять на их конкретное, часто противоречивое содержание.

К тому же, как показывают эмпирические исследования, большая часть избирателей вообще не знакома с партийными программами и строит свой политический выбор в первую очередь на основе существующих традиций, привлекательности партийных лидеров и символики. В силу всего этого «партийная демократия» весьма далека от народовластия.

Под влиянием научно-технической и информационной революций, рабочего, социал-демократического, коммунистического и других движений, а также стран государственно-бюрократического социализма и других факторов во второй половине XX в. либеральная демократия приобрела качественно новые черты.

§ 3. Плюралистическая демократия

Особенности современной демократии

Демократия западного образца выросла из либеральной политической системы и наследует ее основополагающие организационные принципы: конституционализм, разделение властей и др., а также такие ценности, как индивидуальная свобода, права человека, автономия меньшинства и т.п. Оценки и названия современной демократии неоднозначны. Ее часто называют **плюралистической**, поскольку она базируется на не существовавшем ранее многообразии общественных интересов (экономических, социальных, культурных, религиозных, групповых, территориальных и др.) и форм их выражения (политических партий, ассоциаций и объединений, общественных движений, гражданских инициатив и т.д.).

Несмотря на основополагающую общность с классическим либеральным государством, современная демократия существенно отличается от него. Ее **главные особенности определяются тем, что она строится на синтезе различных идей, концепций и форм организации**, пытается сочетать традиционные либеральные ценности с идеями, заимствованными от социалистического, христианского, коммунистического и других движений, учитывает новые реалии постиндустриального общества. В чем же более конкретно состоит специфика современной демократии?

Плюралистическая теория демократии. Группа как главный субъект политики

На этот вопрос среди политологов имеются различные варианты ответов. Пожалуй, преобладающий среди них выражает плюралистическая концепция демократии. Ее виднейшие представители — Г. Ласки, Д. Труман, Е. Фраэнкель, Р. Даль.

В важнейшем вопросе демократии — понимании народа — она занимает как бы промежуточное положение между индивидуалистическими и коллективистскими теориями. Плюралистическая концепция исходит из того, что не личность, не народ, а группа является главной движущей силой политики в современном демократическом государстве.

Индивид без группы — безжизненная абстракция. Именно в группе, а также в межгрупповых отношениях формируется личность, определяются ее интересы, ценностные ориентации и мотивы политической деятельности. Каждый человек — представитель многих групп: семейной, профессиональной, этнической, религиозной, региональной, демографической и т.д. С помощью группы личность получает возможность выражения и защиты своих интересов.

Что же касается народа, то он не может выступать главным субъектом политики, поскольку представляет собой сложное, внутренне противоречивое образование, состоящее из разнообразных конкурирующих в борьбе за власть групп. Назначение демократии — стимулировать многообразие, плюрализм в обществе, предоставить всем гражданам возможность объединяться, открыто выражать свои интересы, находить с помощью взаимных компромиссов их равновесие, выражаемое в политических решениях.

Демократия как баланс групповых интересов

Демократия — это не власть стабильного большинства, поскольку само оно изменчиво и не монолитно, обычно складывается на основе компромиссов из разнообразных индивидов, групп и объединений. Ни одна из групп современного западного общества не способна монополизировать власть и принимать решения, не опираясь на поддержку других общественных ассоциаций. Объединившись, недовольные группы могут блокировать неудобные решения, выступая тем самым важнейшим социальным противовесом, сдерживающим тенденции к монополизации власти.

Ущемление в политических решениях интересов тех или иных групп обычно увеличивает вовлеченность в политику их членов и тем самым усиливает их влияние на последующую политику.

В результате сложного конкурентного взаимодействия на основе политических блоков и компромиссов в государственных решениях устанавливается динамический баланс, равновесие групповых интересов.

Демократия, таким образом, представляет собой форму правления, позволяющую многообразным общественным группам свободно выражать свои интересы и находить в конкурентной борьбе отражающие их баланс компромиссные решения.

**Общие черты
плюралистических теорий
демократии**

Если обобщить разнообразные концепции плюралистической демократии, то можно выделить в них следующие общие основополагающие идеи: 1) заинтересованная группа — центральный элемент демократической политической системы, гарантирующей реализацию интересов, прав и свобод личности. Сама личность при этом оттесняется на второй план, хотя ее статус как первичного субъекта власти и не отрицается; 2) общая воля как результат конфликтного взаимодействия различных групп и их компромиссов. Эта воля не существует априори, до соревнования различных политических акторов, а формируется в процессе «примирения», уравнивания многообразных интересов; 3) соперничество и баланс групповых интересов — социальная основа демократической власти, ее динамики; 4) сдержки и противовесы распространяются не только на институциональную сферу (либерализм), но и на социальную область, где ими выступают группы-соперники; 5) «разумный эгоизм», личный и, особенно, групповой интерес как генераторы политики; 6) государство — не «ночной сторож» (либерализм), а орган, ответственный за нормальное функционирование всех секторов общественной системы и поддерживающий в обществе социальную справедливость. С плюралистической теорией демократии вполне совместимы теория и практика социального государства, обеспечивающего достойные условия жизни каждому человеку. Государство — это также арбитр, гарантирующий соблюдение законов, правил игры в соревновании многообразных групп и не допускающий монополизации власти; 7) диффузия, распыление власти между разнообразными центрами политического влияния: государственными институтами, партиями, группами интересов и т.д.; 8) наличие в обществе ценностного консенсуса, предполагающего признание и уважение всеми участниками политического соревнования основ существующего государственного строя, демократических правил игры, прав личности, закона; 9) демократическая организация самих базисных групп как условие адекватного представительства интересов со-

ставляющих их граждан. Без этого демократия превращается в плюрализм элит.

Слабости теории и практики плюралистической демократии

Плюралистическая теория демократии нашла признание и применение во многих странах мира. Однако ее идеи не бесспорны и подвергаются критике. Одним из исходных недостатков этой теории нередко считают идеализацию действительности, преувеличение групповой идентификации населения, участия граждан в группах интересов. В странах Запада реально лишь не более одной трети взрослого населения представлены в группах интересов. Поэтому построенная по плюралистическим рецептам модель демократии не будет властью большинства.

Этот упрек в адрес плюралистической теории демократии обоснован лишь частично. Действительно, в западных демократиях большинство населения обычно политически пассивно. Однако это еще не означает, что его интересы не выражаются активными представителями групп. Поэтому, хотя плюралистическая демократия далека от идеала прямого народовластия, она все же приближает власть к народу, дает возможность всем желающим участвовать в принятии решений.

Второе, важнейшее направление критики теории плюралистической демократии обвиняет ее в игнорировании или недостаточном учете неравенства политического влияния различных общественных групп и прежде всего приоритетного влияния на власть бизнеса, бюрократии, профсоюзов, военно-промышленного комплекса.

Рядом западных исследований было установлено, что влияние группы непосредственно зависит от ее организованности и способности к политическому соперничеству, конфликту. Организованность связана с уровнем образования, характером труда, величиной группы и другими факторами. Способность к конфликту определяется прежде всего наличием политических ресурсов (деньги, знания, авторитет, СМИ и т.д.), которые распределены в обществе неравномерно. Так, пенсионеры, инвалиды, неквалифицированные рабочие и некоторые другие группы почти не обладают такими ресурсами, в то время как представители крупного капитала владеют ими в избытке.

Сохраняющееся в современных демократиях социальное неравенство, которое проявляется в неодинаковой способности различных групп к артикуляции (четкому осознанию, формулировке и представлению в органах власти) своих интересов и к их отстаиванию в конкурентной борьбе, в значительной мере противоречит

представлениям теории плюралистической демократии о гармоническом равновесии интересов различных общественных групп. В то же время оно не опровергает в целом эту теорию.

К концу XX в. западные государства значительно продвинулись вперед на пути уравнивания жизненных шансов, создания для большинства граждан социальных возможностей политического участия и защиты своих интересов. Сегодня не только высшие слои, но и группы, относящиеся к среднему классу, имеют достаточный образовательный уровень, социальную обеспеченность и защищенность, свободное время и другие условия для оказания организованного влияния на центры власти с целью учета в политических решениях своих интересов. Тем же социальным группам, которые не способны к организованной политической борьбе и не обладают ресурсами влияния, например пенсионерам, помогает представить свои интересы механизм выборов. В погоне за голосами избирателей политические партии стараются обеспечить себе поддержку со стороны самых различных, в первую очередь многочисленных, слоев и поэтому в большей или меньшей степени учитывают их ожидания и запросы в своих программах.

Отражение в политике современных государств интересов различных общественных групп все же не снимает проблему неравенства их политического влияния. В тех государствах, где условия жизни и интересы граждан сблизились, плюралистическая теоретическая модель демократии более адекватно отражает реальность, чем там, где сохраняется высокий уровень социального неравенства.

В современной политической мысли не только подвергается сомнению соответствие плюралистической теории реальной жизни, но и критикуется сама модель такой демократии. Утверждается, что плюралистическая демократия консервативна, поскольку для принятия решений требует широкого согласия всех заинтересованных групп, что трудно обеспечить на деле, особенно в периоды политического реформирования. Такая демократия сводит общую волю к низшему порогу достижимого в обществе согласия. Кроме того, в плюралистической системе с большим трудом пробивают себе дорогу и получают признание всеобщие, глобальные, долгосрочные и новые интересы.

§ 4. Роль масс в современных демократиях

Модель плюралистической демократии не лишена слабостей и недостатков. Однако более близких к идеалу народовластия и к реальной жизни моделей политических систем сегодня не существует. Поэтому концепция плюралистической демократии имеет широкое

влияние на политическую мысль и практику. Акцентируя главное внимание на сложном групповом составе народа как субъекта власти, эта теория, конечно, не может отразить все аспекты современных демократий и дополняется рядом других концепций. Теориями, концентрирующими внимание на самом **процессе осуществления власти, являются репрезентативная** (представительная) и **партиципаторная** (политического участия) концепции демократии.

Репрезентативная демократия

Концепция, обосновывающая репрезентативную демократию, исходит из ее понимания как компетентного и ответственного перед народом представительного правления. Воля народа здесь не отождествляется с его прямым участием. Она существует далеко не по всем вопросам и выражается гражданами как непосредственно на выборах, так и делегируется представительным органам и депутатам, которые в пределах предоставляемых им полномочий формируют и антиципируют (предвосхищают) общую волю, а порой и действуют вопреки ей под свою ответственность. Отношения между народом и его представителями строятся на основе контроля (преимущественно электорального, с помощью выборов, и институционального, с помощью специальных учреждений), конституционного ограничения компетенций органов власти и должностных лиц и их полной независимости в пределах закона.

Достаточно четкое определение репрезентативной демократии дает известный немецкий ученый Ральф Дарендорф: вопреки буквальному значению, пишет он, «демократия — не “правление народа”; такого на свете просто не бывает. Демократия — это правительство, избираемое народом, а если необходимо, — то народом и смещаемое; кроме того, демократия — это правительство со своим собственным курсом»⁶.

Реально репрезентативная демократия обычно воплощается в **парламентаризме** — системе правления, основанной на разделении властей и верховенстве власти парламента, делегированной ему народом на выборах. При этом парламентарии рассматриваются не как представители отдельных избирательных округов, а как выразители интересов в первую очередь всего народа, ответственные в своих решениях лишь перед собственной совестью.

Утверждаемый репрезентативной демократией принцип ограничения непосредственного участия масс в управлении получил специфическое обоснование и развитие в концепциях **элитарной**

⁶ Дарендорф Р. Дорога к свободе // Вопр. философии. 1990. № 9. С. 91.

демократии. Как уже отмечалось, в этих теориях главным носителем демократических ценностей является не масса рядовых граждан, которая часто некомпетентна, неуравновешенна, поддается идеологическим влияниям и склонна к эгалитаризму, а элита, которая способна более эффективно управлять обществом и защищать ценности либеральной демократии. Масса же должна иметь право периодически контролировать элиту с помощью выборов, влиять на ее состав.

Демократия в этом случае — правление элит, осуществляемое с согласия народа. Она сводится к способу образования власти, преимущество которого по сравнению с другими формами правления состоит в обеспечении гласности и конкурентной сменяемости элит с помощью народного арбитража, осуществляемого на выборах. Развитие демократии связано не с расширением прямого участия масс в управлении, а с созданием эффективных механизмов рекрутирования результативной, эффективной элиты, подконтрольной народу.

Репрезентативные, в том числе элитарные, теории демократии имеют как сильные, так и слабые стороны. В качестве главных достоинств этой модели правления обычно отмечают ее способность гарантировать свободный общественный строй и высокую эффективность в выполнении общественных задач. По мнению ее сторонников, репрезентативная демократия гарантирует порядок и политическую стабильность, оберегает общество от преходящих массовых настроений и временных увлечений. Высокая эффективность представительной демократии объясняется рациональностью организации политической системы: четким разделением труда, более высокой по сравнению с прямой и плебисцитарной демократиями компетентностью и ответственностью лиц, принимающих решения.

Если сторонники репрезентативной демократии всячески подчеркивают ее действительные, а порою и мнимые сильные стороны, то противники акцентируют внимание на недостатках. К ним относят фактическое отстранение народа от власти в промежутке между выборами и тем самым отход от сути демократии как народовластия; неизбежную (вследствие сложной иерархической системы управления) бюрократизацию и олигархизацию власти, отрыв депутатов и чиновничества от простых граждан; приоритетное влияние на политику наиболее сильных групп интересов и прежде всего капитала, сравнительно широкие возможности подкупа должностных лиц; нарастание в государстве авторитарных тенденций вследствие постепенного оттеснения законодателей исполнительной властью; слабую легитимацию власти вследствие почти пол-

ного отчуждения от нее граждан, их массовой политической апатии; ущемление политического равенства, возможностей всех граждан участвовать в политическом процессе за счет чрезмерно больших полномочий представительных органов; широкие возможности политического манипулирования, принятия неугодных большинству решений с помощью сложной многоступенчатой системы власти. Основные звенья механизма репрезентативной демократии (избиратель — парламент — правительство — премьер-министр или президент — бюрократия), принимая решения по своему усмотрению, в состоянии до неузнаваемости исказить волю избирателей.

Партиципаторная демократия

Под влиянием усилившейся критики репрезентативной демократии, ее действительной удаленности от идеала народовластия как свободного и равного активного участия граждан в политике в 60—70-х гг. XX в. получили широкое распространение и реальное влияние на устройство институтов управления теории партиципаторной демократии. Они претендуют на максимальное соответствие нормативному идеалу демократии как народовластия и его приспособление к современному государственному и общественному устройству.

Эти теории исходят из трактовки демократии как универсального принципа организации всех областей общественной жизни, обеспечивающего уважение достоинства личности. Демократия должна быть везде — в семье, школе, университетах, на производстве, в партиях, государстве и т.д. В принципе в обществе не существует каких-либо областей, находящихся вне политики и не допускающих демократического участия. Граждане должны активно участвовать не только в выборе своих представителей, и даже не только в принятии решений на референдумах, собраниях и т.п., но и непосредственно в политическом процессе — в подготовке, принятии и осуществлении решений, а также в контроле за их реализацией.

Главными целями партиципации являются всесторонняя демократизация общества, социальная эмансипация и общественная самореализация личности. Этим обеспечивается максимальный учет в политике интересов народа, прочная легитимация власти, преодоление политического отчуждения граждан. Участие многих людей в управлении расширяет интеллектуальный потенциал для принятия решений, увеличивает вероятность их оптимизации, а следовательно, повышается стабильность политической системы и эффективность управления. Кроме того, широкое участие граждан в политическом процессе обеспечивает эффективный конт-

роль за должностными лицами, предотвращает злоупотребления властью, отрыв депутатов от народа, бюрократизацию чиновничества.

К радикальным вариантам теории партиципаторной демократии примыкают политические концепции новых социальных движений, например экологистов. Все эти теории объединены идеями децентрализации управления, прямого участия в нем широких народных масс, развития самоуправления.

У партиципаторной демократии имеются не только сторонники, но и оппоненты. Ее критики утверждают, что демократия не может быть формой жизни, универсальным принципом ее организации, поскольку лежащие в основе демократии идеи свободы и равенства с момента ее происхождения относятся лишь к взаимоотношениям между гражданами и государством и противоречат естественному неравенству и принуждению, присущим некоторым областям жизнедеятельности, например взаимоотношениям учителей и учеников, руководителей и подчиненных и т.д.

Предполагаемая партиципаторной демократией широкая политизация общества ведет к тоталитаризму или популистскому авторитаризму. Она ограничивает индивидуальную свободу, создает угрозу частной собственности и предпринимательству, поскольку подчиняет личность решениям большинства, обычно склонного к уравнительности и идеологическим влияниям.

Кроме того, недостатками этой демократии являются низкая эффективность принимаемых решений вследствие недостаточной компетентности и эмоциональной неуравновешенности масс; снижение институциональной ответственности должностных лиц, поскольку важнейшие решения принимаются широким кругом никем не контролируемых и ни за что не отвечающих непрофессионалов; сложность и высокая стоимость практического осуществления; невозможность без принуждения привлечь к систематическому участию в управлении большинство граждан, важнейшие жизненные интересы которых обычно связаны с профессией, рабочим местом, доходами, семьей, досугом и т.д.

Как видно из приведенного выше анализа демократических теорий и форм, каждая из них имеет как достоинства, так и недостатки. Реально существующая демократия в индустриально развитых странах мира стремится совмещать идеи самоуправления и партиципации (главным образом на местном уровне, а частично и на производстве) с представительством в масштабах всего государства. В целом же это преимущественно репрезентативная плюралистическая демократия, базирующаяся на либеральных ценностях и учитывающая в большей или меньшей степени некоторые христи-

анские и социалистические коллективистские идеи. Является ли она лучшей из существующих в современном мире форм правления, образцом политического устройства для всех народов и прежде всего России?

Глава 12

ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ

§ 1. Нужна ли обществу демократия?

Распространение демократии в мире — сложный и противоречивый процесс. С момента возникновения Афинской Республики демократические государства всегда оставались в меньшинстве. В истории человечества после редких «приливов» демократии, расширения числа демократических государств обычно следовали ее затажные «отливы» — сокращение численности таковых или вообще исчезновение на многие века. Любая ли страна готова к демократии и что она способна дать обществу и отдельным людям — разрушение государственности, хаос и анархию или свободу, порядок и процветание? Ответы на эти вопросы особенно актуальны для России и ряда других постсоциалистических государств, вступивших на путь демократизации общества.

Ценностные обоснования демократии

На протяжении многих десятилетий либеральная демократия была одним из главных символов Запада в его борьбе с коммунистической идеологией и странами командного социализма. Это наложило свой отпечаток не только на обыденные, но и на научные представления о демократии, способствовало массовому распространению идеализированных, явно завышенных оценок ее возможностей, проявившихся в попытках обоснования демократии как универсальной и наилучшей формы политического устройства для всех стран и народов.

В мировой политической мысли существуют **ценностные и рационально-утилитарные** обоснования демократии. Первые из них рассматривают демократию как самоценность (независимо от ее экономического и социального влияния), как реальное воплощение в государственном устройстве важнейших общечеловеческих ценностей: свободы, равенства, социальной справедливости и т.п. Так ли это на самом деле? Насколько современная модель демо-

кратии воплощает в себе эти ценности или способствует их реализации и являются ли сами эти ценности общечеловеческими, т.е. признаваемыми и желаемыми всеми людьми или хотя бы их подавляющим большинством?

**Демократия и свобода.
Свобода как ценность**

Одной из наиболее почитаемых демократических ценностей является свобода.

На протяжении тысячелетий многие из проявлений свободы не считались благом. Даже величайший ум античности Аристотель считал предоставление людям возможности жить так, как это им заблагорассудится, признаком неправильных, плохих форм правления.

Некоторые цивилизации вообще не знали понятия свободы в его либеральном толковании, т.е. как независимости от государства и общества. Так, в Китае либеральное понимание свободы принесли европейские христианские миссионеры лишь в XIX в. Это общество исходило из естественности общественной и политической иерархии, построения государственного правления на основе таких принципов, как человечность, забота старших о младших и послушание последних, благовоспитанность, стыд и наказание.

Наиболее далеко в отрицании свободы, трактовке ее как антиценности зашла тоталитарная мысль. Глубоко раскрывая логику этого мышления, один из героев знаменитого романа Е. И. Замятина «Мы» отождествляет свободу с неорганизованным, диким состоянием человечества, оборотной стороной которого являются преступления и несчастье¹.

И хотя в современном мире тяга к свободе значительно усилилась, очень многие люди, если не подавляющее большинство, не раздумывая поменяют свободу, особенно политическую, на материальное благополучие, безопасность и порядок. Массовость такого отношения к свободе ставит под сомнение ценностное обоснование демократии как реального воплощения свободы в государственном устройстве.

Очевидно, что если сама свобода не считается многими наиглавнейшей общечеловеческой ценностью, то еще меньше на это может претендовать демократия, предполагающая осуществление лишь очень узкого аспекта свободы — свободы политической. Как уже отмечалось, демократия вполне совместима с отсутствием у индивида личной свободы и других прав, с тиранией большинства. Да и применительно к политической свободе сам принцип демократии обычно не

¹ См.: Замятин Е. И. Мы; Хаксли О. О дивный новый мир. М., 1989. С. 16, 48 и др.

запрещает ее ограничение с помощью экономических, социальных, информационных и некоторых других ресурсов, которые в рыночном обществе распределены достаточно неравномерно.

Неотъемлемым для демократии является, таким образом, лишь один, формально-политический аспект свободы, предполагающий равное право граждан на участие в формировании органов власти. Является ли это право ценностью для современных граждан?

Ценность политической свободы

На протяжении тысячелетий вполне естественным и справедливым считалось правление монархов и аристократии, исключаящее всякую политическую свободу. С развитием индивидуалистического мировоззрения и самосознания личности усилилась тяга людей к участию в делах государства, политическая свобода превратилась в одну из общественных ценностей. И все же несмотря на то, что политика оказывает достаточно большое влияние на жизнь современного человека, возможность свободного участия в ее формировании, равноправного влияния на власть не считается большинством граждан важнейшей ценностью.

Это объясняется прежде всего тем, что непосредственные жизненно важные интересы граждан обычно лежат во внеполитических сферах и их реализация непосредственно не связана с демократией. Политическая свобода может даже препятствовать их осуществлению. В таких случаях граждане, как правило, предпочитают ограничивать свою свободу ради других жизненно важных целей, например экономической эффективности, укрепления безопасности и порядка и т.д. При этом демократия, решения большинства вполне могут выступать инструментом ограничения индивидуальной, а иногда и всякой свободы, как это было, например, в случае демократической передачи верховной власти в Веймарской Республике Гитлеру.

Относительно невысокий ценностный статус политической свободы в массовом сознании объясняется также неблагоприятным соотношением ее непосредственных «плюсов» и «минусов», личностных выгод и затрат. Прямая личная польза от активной реализации политических прав обычно невелика и часто вообще кажется сомнительной из-за малой вероятности способности отдельного человека повлиять на принятие политических решений. Затраты же времени, энергии, а иногда и материальных средств, необходимые для эффективной политической деятельности, очень значительны. Поэтому с точки зрения текущих, узкоэгоистических интересов индивиду вообще невыгодно использовать политическую свободу, участвовать в решении государственных и общественных вопросов. Хотя общественная деятельность способствует само-

реализации человека, большинство людей все же предпочитают политике другие сферы самоутверждения.

Относительно невысокая значимость для большинства людей политической свободы и весьма слабая связь демократии и свободы ставят под сомнение ценностные обоснования демократии.

**Демократия, равенство,
социальная справедливость**

Не отличаются убедительностью и другие широко распространенные ценностные обоснования демократии, например ее отождествление с равенством и социальной справедливостью. Сами эти понятия достаточно неоднозначно трактуются различными людьми, в том числе и учеными.

В современном мире в качестве почитаемой большинством граждан ценности выступает понимание равенства как одинаковых для каждого человека жизненных шансов, возможностей для самореализации личности, ее развития или же как получение каждым воздаяния по заслугам. Такое равенство считается справедливым в противоположность социальной уравниловке и несправедливому неравенству.

Демократия весьма слабо связана с обеспечением равенства возможностей и воздаянием по заслугам. Она означает лишь формальное равенство всех граждан, т.е. их равноправие как юридических лиц. Обеспечиваемое ею политическое равенство очень далеко от фактического равенства жизненных шансов людей и может использоваться в качестве ширмы, прикрывающей глубокое социальное неравенство.

Учитывая весьма слабую связь демократии со свободой, равенством и гуманизмом в целом, нет никаких оснований отождествлять ее и с социальной справедливостью, являющейся одной из основополагающих человеческих ценностей.

Явно неоднозначное отношение демократии к наиболее почитаемым людьми (общечеловеческим) ценностям — свободе, равенству, социальной справедливости и др., а также их различное, порой прямо противоположное толкование и весьма распространенное предпочтение им других, более земных повседневных радостей свидетельствуют о несостоятельности или, по меньшей мере, сомнительности ценностных обоснований демократии, равно как и практических попыток принудительно «осчастливить» ею различные народы.

Если демократия сама по себе не является сколь-нибудь общепризнанной ценностью, то, может быть, она имеет инструментальную ценность, т.е. способна принести обществу и людям наибольшую по сравнению с другими формами правления пользу?

Рационально-утилитарные обоснования демократии

Вторая, рационально-утилитарная группа аргументов в пользу демократии абстрагируется от ценностного

подхода и трактует ее как наиболее рациональную, полезную для граждан форму организации. Утверждается, что демократическое правление позволяет всем общественным группам артикулировать и гармонично сочетать свои интересы. Оно увеличивает восприимчивость общества к новым веяниям, требованиям времени и различных социальных сил, повышает вероятность нахождения оптимальных решений.

Демократия представляет собой механизм выявления и отбора социальных альтернатив. Совместно с конкурентными рыночными структурами она делает общество открытым для любых идей и вариантов развития, предпочитаемых народом. Поэтому демократическое рыночное государство можно называть открытым обществом. Это означает неприменимость к нему таких широко распространенных характеристик, как «капитализм» и «социализм».

Системные обоснования демократии

Достаточно детальное рационально-утилитарное обоснование демократии содержится в системной теории

(Н. Луманн, К. Дойч и др.). Системные версии демократии оправдывают ее существование не гуманными соображениями, а наилучшими возможностями сохранения и развития социальной системы, ее адаптации к непрерывно изменяющейся среде. Высокой приспособляемости демократической системы служит целый ряд присущих ей принципов. Так, стимулируемый демократией **плюрализм** обеспечивает многообразие общественных явлений, богатство духовных и социальных альтернатив, расширяя тем самым диапазон политического выбора и вероятность нахождения оптимальных путей развития. Демократическое **соучастие** позволяет представить различные взгляды и позиции при принятии политических решений, осуществлять отбор наиболее приемлемых из них.

Наличие **оппозиции** дает возможность всесторонне анализировать проекты политических решений, выявлять их слабые стороны, находить альтернативы. Периодическая конкурентная **смена парламента и правительства** способствует своевременному исправлению ошибок и гибкой корректировке политического курса в соответствии с изменяющейся ситуацией.

Системные интерпретации демократии подвергаются критике за их гуманистическую индифферентность, абстрагирование от нравственных императивов и общечеловеческих ценностей. С точки зрения системного подхода с одинаковым успехом можно оп-

равдать любые антигуманные формы организации, способствующие самосохранению системы.

Системная модель демократии в частности и ее рационально-утилитарные обоснования вообще исходят из традиционных либеральных представлений о человеке как рационально мыслящем и действующем существе, стремящемся к свободе, уважающем демократические процедуры, закон, интересы и права других людей и способном к самоограничениям. Предполагается, что ключевая фигура такой демократической модели — избиратель — правильно «осознает свои собственные интересы и оценивает альтернативных кандидатов на основе того, кто из них будет наилучшим образом служить его интересам, и затем отдает свой голос за кандидата, наиболее высоко оцененного им»².

Такая модель личности в большей или меньшей степени отражает западные реалии, но никак не является универсальной. Социальная иррациональность поведения, индивидуальный и групповой эгоизм, пренебрежение интересами других людей и народов, нежелание идти на компромиссы, национальная, религиозная и классовая непримиримость и сегодня являются типичными чертами политической жизни большинства государств мира.

Как отмечают многие политические антропологи, человек не всегда готов к демократии, ибо он — «существо противоречивое, всегда рискованное и опасное, готовое к вырождению, поддающееся внешнему воздействию, натравливанию, и лишь частично разумное»³. Не только отдельные индивиды, но и целые народы привыкли к патерналистскому отношению со стороны власти. Многие не могут нормально существовать без твердой, авторитарной власти, ограничивающей эгоистические устремления и агрессивные инстинкты и защищающей человека «от самого себя».

**Демократия
не универсальная ценность**

И хотя не со всеми подобными суждениями о человеке и демократии можно согласиться, история учит, что демократия — благо лишь тогда, когда она соответствует политической культуре и менталитету народа, имеет необходимые экономические и социальные предпосылки. В противном случае она вырождается в охлократию — власть толпы, направляемой демагогами, приводит к хаосу и анархии и в конечном счете к диктаторским режимам.

² *Enelone J.* The Spatial Theory of Voting: An Introduction. Cambridge, 1984. P. 3.

³ *Kaltenbrunner G.-K.* Ratlos vor dem Feinde//Illusion der Bruderlichkeit: Die Notwendigkeit Feinde zu haben. München, 1980. S. 21.

Уязвимость для критики как ценностных, так и рационально-утилитарных обоснований демократии означает, что **она не является универсальной, наилучшей для всех времен и народов формой правления.** «Плохая», неэффективная демократия может быть хуже для общества и граждан, чем некоторые авторитарные и даже тоталитарные режимы. История свидетельствует, что многие монархии, военные хунты и другие авторитарные правительства делали для экономического процветания, повышения благосостояния, укрепления безопасности граждан и гарантирования их индивидуальной свободы, а также справедливого распределения результатов труда гораздо больше, чем слабые или коррумпированные демократические режимы.

Преимущества демократии

И все же растущее стремление населения современного мира к демократическим формам правления не случайно. **При наличии определенных социальных предпосылок** демократия имеет ряд преимуществ над другими формами правления.

Общий недостаток всех недемократических политических систем состоит в том, что они не подконтрольны народу, а значит, характер их взаимоотношений с гражданами зависит прежде всего от воли правителей. В прошлые века возможность произвола со стороны авторитарных правителей существенно сдерживалась традициями правления, относительно высокой образованностью и воспитанностью монархов и аристократии, их самоконтролем на основе религиозно-нравственных кодексов, а также мнением церкви и угрозой народных восстаний. В современную эпоху эти факторы либо вообще исчезли, либо их действие сильно ослабло. Поэтому **надежно обуздать власть, гарантировать защиту граждан от государственного произвола может только демократическая форма правления.**

Она нужна не только отдельным гражданам, но и самой политической системе. В условиях ослабления возможностей харизматической, традиционной и идеологической легитимации, чтобы быть эффективной, власть особенно нуждается в признании народом посредством демократических процедур.

Современный общественно-экономический прогресс во многом стимулирует развитие демократии, питает демократический менталитет и ценностные ориентации граждан. Он требует социальной эмансипации личности, уважения ее достоинства и независимости мышления, фундаментальных прав и свобод. Он нуждается в свободе информации и плюрализме общественной жизни в целом. И в этом смысле **тем народам, которые готовы к индивидуальной свободе и ответственности, ограничению собственного эго-**

изма, уважению закона и прав человека, демократия действительно создает наилучшие возможности для индивидуального и общественного развития, реализации гуманистических ценностей: свободы, равноправия, справедливости, социального творчества. Какие же общественные условия необходимы для того, чтобы демократия была возможна и эффективна, служила общему благу?

§ 2. Предпосылки и пути демократизации

Хотя идея демократии получила в современном мире широчайшее распространение и признание, в условиях этой формы правления живет все еще меньшинство населения земли. Во многих странах демократия служит лишь респектабельным фасадом для преимущественно авторитарной власти. Часто демократические формы правления оказываются нежизнеспособными и терпят крах. Какие же факторы делают возможным переход к демократии и от чего зависит ее стабильность? Ответить на эти вопросы пытались многочисленные научные исследования, осуществленные на Западе после второй мировой войны. Их авторы на основе сравнительного анализа обширного статистического материала выявили целый ряд **экономических, социальных, культурных, религиозных и внешнеполитических предпосылок демократии.**

Экономические предпосылки демократии

Одной из важнейших экономических предпосылок демократии является относительно **высокий уровень индустриального и экономического развития в целом.** По экономическим показателям демократические страны значительно опережают авторитарные и тоталитарные государства. Однако прямой причинной зависимости между уровнем экономического развития и демократией нет. Это доказывает целый ряд исторических фактов. Так, США перешли к демократии еще в XIX в. на преимущественно доиндустриальной стадии. В то же время, несмотря на относительно высокое промышленное развитие СССР, ГДР, Чехословакии, Южной Кореи, Бразилии и т.д., там вплоть до недавнего времени существовали тоталитарные или авторитарные режимы.

От индустриального развития зависит такая предпосылка демократии, как **высокая степень урбанизации.** Жители крупных городов больше подготовлены к демократии, чем сельское население, отличающееся консерватизмом, приверженностью традиционным формам правления.

Еще одно важное условие демократии — **развитость массовых коммуникаций,** которая характеризуется распространенностью газет,

радио и телевидения. СМИ помогают гражданам компетентно судить о политике: принимаемых решениях, партиях, претендентах на выборные должности и т.д. В странах с большой территорией и высокой численностью населения без массовых коммуникаций демократия практически невозможна.

Одной из важнейших предпосылок демократии выступает **рыночная, конкурентная экономика**. История не знает примеров существования демократии в государствах без рынка и частной собственности. Рыночная экономика препятствует концентрации экономической и политической власти в руках одной из групп общества или партийно-государственного аппарата. Она обеспечивает автономии индивида, предохраняет его от тоталитарного государственного контроля, стимулирует развитие у него таких необходимых для демократии качеств, как стремление к свободе, ответственность, предприимчивость. Без рынка не может быть гражданского общества, на котором базируется современная демократия. Нуждаясь в конкурентных рыночных отношениях, демократия вполне совместима и со значительным развитием системы государственных предприятий и социального обеспечения.

Социальные предпосылки демократии

Рыночная экономика лучше, чем командная хозяйственная система, обеспечивает создание такой важной предпосылки демократии, как **относительно высокий уровень благосостояния граждан**. Он позволяет смягчать социальные конфликты, легче достигать необходимого для демократии согласия.

Общественное богатство оказывает благоприятное воздействие на демократизацию общества в том случае, если способствует **сглаживанию социального неравенства**. Это — следующая предпосылка демократии. Доказано, что поляризация социального неравенства порождает острые политические конфликты, разрешение которых часто невозможно с помощью демократических институтов и методов. Поэтому поляризация общества на богатых и бедных — серьезное препятствие для демократии, хотя эта форма правления невозможна и при уравнительном распределении благ.

Для демократии наиболее благоприятна модель **декомпозиции социального неравенства**, преобладающая в современных индустриально развитых странах. Эта модель не допускает концентрации различных дефицитных благ (дохода, богатства, престижа, власти, образования и т.д.) у одной социальной группы (класса), а требует их рассредоточения в обществе так, чтобы индивид, имеющий низкий показатель в одном отношении (например, в доступе к власти), мог компенсировать себе это за счет обладания другими бла-

гами (например, высоким доходом и образованием). Такая структура социального неравенства препятствует статусной поляризации общества и возникновению острых массовых конфликтов.

Декомпозиция социального неравенства в значительной мере совпадает с такой общей предпосылкой демократии, как **социальный плюрализм**. Он означает многообразие социального состава населения, наличие в нем не относительно однородной, аморфной массы, а четко оформившихся классов, профессиональных, региональных, религиозных, культурных, этнических и других групп, обладающих коллективным самосознанием. Такие группы сдерживают тенденцию к концентрации государственной власти, выступают противовесом силам, стремящимся к ее монополизации, создают возможность установления эффективного контроля над властью. Социальный плюрализм характеризует развитость гражданского общества, его способность к формированию независимых от государства партий и групп интересов, т.е. к политическому плюрализму.

Социальный плюрализм не противоречит такой важнейшей предпосылке демократии, как **наличие многочисленного и влиятельного среднего класса**, поскольку сам этот класс внутренне дифференцирован и состоит из различных групп, близких по важнейшим стратификационным показателям: доходу, образованию и т.д. Средний класс отличается высоким уровнем образования, развития самосознания личности, чувства собственного достоинства, компетентностью политических суждений и активностью. Он больше, чем низшие и высшие слои, заинтересован в демократии. В современных западных демократиях средний класс составляет большинство населения. Не случайно их нередко называют обществами «двух третей», что отражает благополучное существование в них примерно двух третей всех граждан.

Помимо среднего класса, опорой демократической формы правления являются **предприниматели** — связанная с рынком конкурентная буржуазия. Принципы плюралистической демократии вполне соответствуют ее образу действий и индивидуалистическому мировоззрению. Формирование демократии обычно идет успешней в больших государствах с развитым внутренним рынком и конкурентной буржуазией. Страны же с односторонней, ориентированной на экспорт экономикой и сросшейся с государством монополистической буржуазией больше предрасположены к авторитаризму.

Общей предпосылкой демократии является **грамотность населения, его образованность в целом**. Очевидно, что от образованности прямо зависит компетентность политических суждений личности, ее интеллектуальное развитие, свобода мышления, чув-

ство собственного достоинства. Необразованный человек по существу стоит вне политики и вне демократии, является объектом манипулирования со стороны власти или других политических сил.

Наличие разнообразных экономических и социальных предпосылок не обязательно порождает демократическую форму правления. Однако переход к демократии возможен и наиболее вероятен в индустриально развитых странах с рыночной экономикой, сглаженным социальным неравенством и невысокой конфликтностью, многочисленным средним классом и влиятельной рыночной буржуазией, плюралистической социальной структурой. И наоборот, в государствах с большим количеством малообеспеченных людей, поляризацией в распределении доходов и имущества и как следствие с острыми социальными конфликтами демократия не будет эффективной и жизнестойкой.

**Политическая культура
как предпосылка демократии**

Воздействие экономических и социальных факторов на государственное устройство во многом опосредуется

господствующей в обществе **политической культурой**. Она представляет собой менталитет, способы восприятия и осмысления политики, переработанный в человеческом сознании опыт людей, их установки и ценностные ориентации, характеризующие отношение граждан к власти.

Суть и влияние политической культуры на общество специально рассмотрены в главе 17. Применительно же к демократии следует отметить, что с ней совместим лишь определенный тип политической культуры, названный известными американскими политологами Габриэлем Алмондом и Сиднеем Вербой **гражданской культурой**. Они выделяют три основных типа политических культур: **патриархальную**, для которой характерно ограничение политического горизонта людей их непосредственными, повседневными жизненными интересами, неосознанность последствий своего участия в политике, своей политической роли; **подданническую**, при которой гражданин хотя и может понимать цели и назначение политики, но чувствует и ведет себя как исполнитель приказов политических лидеров, и **активистскую** (политического участия), носители которой воспринимают себя самостоятельными активными соучастниками политического процесса, ясно осознают свои цели и пути их реализации⁴.

Демократия может укорениться лишь на почве гражданской политической культуры, сочетающей качества активистской и под-

⁴ См.: Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1963.

даннической культур. Такая ее двойственность отражает необходимые для демократии активное участие в политике, способность править, с одной стороны, и подчинение закону, решениям большинства — с другой.

Если одни типы политических культур способствуют утверждению демократии, то другие препятствуют переходу к ней. Так, движение к демократии тормозит «целостная», тотальная политическая культура, рассматривающая государство, общество и индивидов как единое целое и не допускающая автономии личности и политических институтов по отношению к государству. Демократии враждебна и культура, почитающая власть и ее иерархическое устройство, терпимая к политическому насилию. И, напротив, ей благоприятствует открытая, индивидуалистическая политическая культура, допускающая общественный плюрализм и высоко ценящая права человека, его свободу и ответственность, способность к самоограничениям и компромиссам.

Влияние религии

На политическую культуру и поведение граждан большое влияние оказывает религия. Во многом формируя менталитет, наиболее глубокие структуры политического сознания и мировосприятия людей, религия может как тормозить переход к демократии, так и стимулировать его. Благоприятное воздействие на утверждение демократического правления оказал протестантизм с его установками на индивидуальную свободу и ответственность, равенство, трудолюбие, отрицание церковной иерархии. Сегодня все страны с преобладающим протестантским населением имеют демократические правительства.

Далеко не все религии стимулируют развитие демократии. Так, например, плохо совместим с ней ислам, особенно его идеи отрицания различий между политикой и религией, между духовной и светской жизнью. Ему чужда сама проблема политического участия граждан. В общем плане демократии препятствуют религии и культуры, не оставляющие личности свободного пространства и выбора и претендующие на совершенство и завершенность, на религиозную регламентацию личной и общественной жизни, ее жесткое подчинение конечным целям.

Внешнеполитические предпосылки демократии

Экономические, социальные, культурные и религиозные факторы характеризуют внутренние предпосылки демократии. Однако растущее значение для нее имеет **внешнее влияние**. Оно проявляется двояко: через прямое военное, политичес-

кое, экономическое, культурно-информационное и иное воздействие и с помощью влияния примера демократических государств.

Как показала история, демократия может быть результатом не только внутреннего развития, но и следствием внешнего воздействия, в том числе с помощью силы. В десятках бывших колоний демократические институты создавались под прямым воздействием метрополий, а в отдельных государствах, например в Доминиканской Республике и ФРГ, — после военной оккупации. Однако в случае привнесения извне демократия не будет стабильной и жизнеспособной до тех пор, пока не создадутся необходимые для нее внутренние предпосылки.

В общем плане процессу демократизации способствует соседство с влиятельными демократическими державами и их разносторонняя поддержка. Однако далеко не всегда помощь со стороны таких стран бывает значительной и бескорыстной, тем более, если речь идет о крупных государствах — бывших соперниках и потенциальных конкурентах.

Разнообразные предпосылки демократии характеризуют возможность перехода к ней тех или иных стран, однако еще не раскрывают суть самого этого процесса. Что же он собой представляет?

Общие модели демократизации

Анализ и обобщение опыта перехода к демократии различных стран позволяет выделить несколько типичных образцов, моделей этого процесса. Классической моделью обычно считают британский вариант демократизации. Его суть состоит в постепенном ограничении монархической власти, расширении прав граждан и парламента. Вначале подданные получают гражданские (личные) права, затем — права политические и значительно позднее — социальные. Постепенно ограничиваются и устраняются избирательные цензы. Парламент становится высшей законодательной властью и контролирует правительство. Эту модель называют **линейной** демократизацией, поскольку она означает постепенное, однонаправленное расширение демократии.

От линейной модели существенно отличается **циклическая** модель демократизации. Она предполагает чередование демократических и авторитарных форм правления при формальном позитивном отношении к демократии политической элиты. В этом случае избранные народом правительства либо свергаются военными, либо сами узурпируют власть, опасаясь потерять ее, сталкиваясь с растущей непопулярностью и сильным противостоянием оппозиции.

При циклической модели авторитарные и демократические институты могут соседствовать друг с другом, например существова-

ние парламента совмещается с закреплением особой роли военных в государстве. Эта модель широко распространена в Латинской Америке, Африке и Азии. Ее испытали Боливия, Аргентина, Гана, Нигерия, Таиланд и многие другие страны. Такой переход к демократии обычно бывает затяжным и трудным. Он свидетельствует о недостаточной зрелости внутренних предпосылок демократии и, особенно, о ее слабой укорененности в господствующей политической культуре.

Более перспективной по сравнению с циклической моделью, является **диалектическая** модель демократизации. Она, как и циклическая модель, характеризуется нестабильностью переходных политических режимов. Однако отличительная черта ее состоит в том, что здесь переход к демократии осуществляется под влиянием уже достаточно созревших для нее внутренних предпосылок: индустриализации, многочисленного среднего класса, достаточно высокого образовательного уровня граждан, рационализации и индивидуализации массового сознания и т.д. Нарастание этих и других факторов приводит к довольно быстрому и внезапному краху авторитарных режимов.

Приходящие им на смену демократические правительства часто оказываются неспособными эффективно управлять страной и вновь сменяются авторитарными режимами. Последние, однако, бывают недолговечными и, не справляясь со сложными задачами государственного управления, уступают место демократическим силам или свержаются ими. Затем постепенно устанавливается стабильная, жизнеспособная демократия. Такой путь развития прошли многие страны: Италия, Греция, Испания, Австрия, Чили и др. Во многом подобным образом разворачиваются события в ряде республик бывшего СССР и в самой России.

Закономерности демократизации

Все рассмотренные выше модели демократии отражают временную последовательность и характер демократических преобразований. Этот сложный и богатый по содержанию процесс имеет ряд общих тенденций (иногда их называют закономерностями), проявляющихся во всех переходящих к демократии странах или в подавляющем большинстве из них. Так, установлено, что стабильность демократии обычно прямо зависит от постепенности перехода к ней и минимальности использованного для этого насилия. Как отмечает С. П. Хантингтон, жизнеспособную демократию нельзя создать революционным путем под руководством идеологизированного политического движения. «Все революционные силы, находящиеся в оппозиции к авторитарному

режиму, называют себя демократическими, но, придя к власти, они устанавливают еще более репрессивный, чем прежде, режим»⁵.

Оптимальным для демократизации общества является осуществление преобразований сверху путем соглашения элит. Политическая активность масс может играть положительную роль лишь в том случае, если они не слишком идеологизированы и радикализованы и их участие институционализировано, т.е. осуществляется не в форме спонтанных выступлений, бунта, а через политические институты и контролируется элитами. Взрывы неинституционализованной политической активности масс чреваты разрушительными последствиями и анархией, а в конечном счете и установлением диктатур, приходящих к власти под лозунгами восстановления общественного порядка и безопасности.

Утверждению демократии способствует опережающее развитие политической соревновательности, партийного плюрализма по отношению к массовому политическому участию. Важнейшим общим условием успеха демократизации является политическая стабильность, предполагающая реформирование общества в рамках закона при сохранении способности государственных институтов управлять страной.

Все эти и другие закономерности демократизации действуют усредненно, как тенденции, и претерпевают значительные изменения в зависимости от конкретных обстоятельств политического и общественного реформирования. Это наглядно проявилось в процессе перехода к демократии бывших коммунистических государств.

**Особенности перехода
к демократии
постсоциалистических стран**

Вторая половина 80-х гг. XX в. ознаменовалась крахом тоталитарных и авторитарных режимов в большинстве стран административного социализма.

Эти страны глубоко отличались от любых других государств, когда-нибудь переходивших к демократии, прежде всего сочетанием в большинстве из них индустриального уровня развития, достаточно высокой образованности населения, авторитарно-тоталитарной власти и политической культуры, массового распространения социалистической идеологии, включающей наряду с утопическими идеалами и близкие к демократическому мировоззрению установки на равноправие, социальную справедливость, распределение доходов по труду, солидарность и гуманизм.

⁵ *Huntington S. P. Will More Countries Become Democratic?//Political Science Quart. 1984. Vol. 99. № 2. P. 213.*

Сам процесс демократизации постсоциалистических государств начался в результате постепенной либерализации политического сознания правящей элиты и коммунистических партий в целом. Он проходил под воздействием длительной острой идеологической и политической конфронтации с Западом. Это, а также унаследованные от марксизма доктринерство, вера в единственно верную теорию или модель преобразований привели к ослаблению в политике большинства из постсоциалистических государств централизма и здравого смысла, к радикализации элит, поляризации их политических ориентаций: на западные модели либеральной демократизации, с одной стороны, и на традиционные социалистические принципы — с другой.

Такая радикализация политической элиты препятствовала нахождению оптимального, «среднего» пути преобразований, чутко учитывающего как мировой опыт, так и конкретные условия собственных государств. В странах, вступивших на путь реформ, достаточно четко наметились **два главных пути общественных и политических преобразований.**

Путь либерализации

Первый из них предполагает быструю политическую и экономическую либерализацию западного образца, так называемую шоковую терапию. По этому пути пошли практически все восточноевропейские страны, в том числе СССР. В тех из них, что были ближе к Западу по своей политической культуре, экономическим укладам и т.д., демократизация и трансформация общества были более или менее успешны, хотя и сопровождалась падением производства и рядом других серьезных негативных явлений.

В государствах же, не имеющих характерных для Запада многолетних традиций рыночной экономики и индивидуалистической культуры, попытка реализовать либеральную модель демократии привела к тяжелым, разрушительным последствиям: ослаблению, криминализации, а то и к распаду государства, к политической и экономической анархии, а нередко и к войнам, резкому спаду производства, росту преступности и падению уровня жизни подавляющего большинства населения и т.д.

Особенно губительные последствия принятие либеральной модели демократизации и реформирования имело для СССР. Советское общество глубоко отличалось не только от западных демократий, но и от стран Восточной Европы отсутствием всяких элементов рынка (кроме «черного», криминального рынка) и гражданского общества; почти тотальной милитаризацией, суперцентрализацией и сверхмонополизацией экономики, ее неприспособленностью к

какой-либо конкуренции; преобладанием в народном сознании коллективистских ценностей и слабостью либеральной, индивидуалистической культуры; полиэтничным составом населения и многочисленными потенциальными конфликтами; отсутствием массовых демократических движений типа Народного фронта или польской «Солидарности», способных сформировать альтернативную номенклатуре политическую элиту, идеологическим и нравственным разложением и вестернизацией верхушки правящей элиты и т.д.

Эти и многие другие особенности СССР обусловили неэффективность либеральной модели демократизации и реформирования. Ликвидация важнейшего института фактической политической власти — коммунистической партии — и устранение государства от интеграционных и организационно-контрольных функций привели к распаду государственности, тотальной монополизации и криминализации экономики, подрыву мотивации производительного труда, резкому росту цен и падению уровня жизни населения. Неудачи реформирования сильно скомпрометировали демократию и либеральные ценности в массовом сознании.

Китайская модель реформирования

Советским опытом «демократизации» стали пугать граждан в странах, сохранивших официальную приверженность коммунистической идеологии. В некоторых из них, прежде всего в Китае, была выработана собственная модель модернизации и реформирования тоталитарных политических структур, получившая название политики «**нового авторитаризма**». Суть этой модели состоит в сохранении сильной власти центра и ее активном использовании для поддержания политической стабильности и проведения радикальных экономических реформ, предусматривающих развитие рыночной экономики, открытой для внешнего мира.

Китайская модель уже показала свою экономическую и социальную эффективность, обеспечив этой стране в среднем самые высокие в мире с 1979 г. темпы экономического роста и непрерывное повышение благосостояния населения при сохранении общественного порядка и личной безопасности граждан. Хотя она непосредственно не вводит политические институты западного образца, но фактически создает многие предпосылки демократии, а также расширяет личные права граждан, освобождает их от тоталитарного контроля.

Явные социально-экономические преимущества политики «нового авторитаризма» связаны с использованием административной системы, имеющей как слабые, так и сильные стороны. Ее

главные слабости состоят в ограничении экономической и иной свободы и инициативы, в низкой восприимчивости к инновациям, расточительных методах хозяйствования. В то же время эта система благодаря сравнительно ограниченной целевой направленности и жесткой дисциплине является наиболее эффективной в экстремальных ситуациях, например в периоды войн, тяжелых кризисов и т.п., поскольку позволяет быстро мобилизовать большие человеческие и материальные ресурсы на достижение определенных целей, сконцентрировать огромные усилия на ключевых направлениях (хотя и за счет ослабления других секторов). Как показывает опыт Китая, Вьетнама и некоторых других стран, мощь государства с помощью административной системы может с успехом использоваться для рыночного реформирования общества.

Очевидно, что России, как и другим постсоциалистическим странам, не следует как слепо следовать неадекватным ее условиям западным либеральным моделям, так и копировать опыт авторитарной модернизации. Оптимальная модель политического и хозяйственного реформирования может быть найдена лишь на пути тщательного учета собственной специфики и мирового опыта, проведения активной и реалистической государственной политики в целях формирования более динамичного и гуманного общества.

В отличие от стран, переходивших к рынку и демократии в прошлые эпохи, постсоциалистическое общество не может реформироваться стихийно, «снизу». Главным инструментом социальных преобразований в нем являются государство, а также другие политические институты: партии, общественные движения и ассоциации.

Раздел V

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 13

ГОСУДАРСТВО

§ 1. Сущность государства

Широкое и узкое значение термина «государство»

Центральным институтом политической системы является государство. В его деятельности концентрируется основное содержание политики. Сам термин «государство» обычно употребляется в двух значениях. **В широком смысле** государство понимается как общность людей, представляемая и организуемая органом высшей власти и проживающая на определенной территории. Оно тождественно стране и политически организованному народу. В этом значении говорят, например, о российском, американском, немецком государстве, имея в виду все представляемое им общество.

Примерно до XVII в. государство обычно трактовалось широко и не отделялось от общества. Для обозначения государства использовались многие конкретные термины: «полития», «княжество», «королевство», «империя», «республика», «деспотия», «правление» и др. Одним из первых от традиции широкого значения государства отошел Макиавелли. Он ввел для обозначения любой верховной власти над человеком, будь то монархия или республика, специальный термин «*stati*» и занялся исследованием реальной организации государства.

Четкое разграничение государства и общества было обосновано в контрактных (договорных) теориях государства Гоббсом, Локком, Руссо и другими представителями либерализма. В них эти понятия разделяются не только содержательно, но и исторически, поскольку утверждается, что существовавшие первоначально в свободном и неорганизованном состоянии индивиды в результате

хозяйственного и иного взаимодействия вначале образовали общество, а затем для защиты своей безопасности и естественных прав договорным путем создали специальный орган — государство. В современной науке **государство в узком смысле** понимается как организация, система учреждений, обладающие верховной властью на определенной территории. Оно существует наряду с другими политическими организациями: партиями, профсоюзами и т.п.

Общие признаки государства

Государства разных исторических эпох и народов мало схожи между собой.

И все же они имеют некоторые черты, которые в большей или меньшей степени присущи каждому из них, хотя у современных государств, подверженных интеграционным процессам, они порою достаточно размыты. Общими для государства являются следующие признаки:

1. Отделение публичной власти от общества, ее несовпадение с организацией всего населения, появление слоя профессионалов-управленцев. Этот признак отличает государство от родо-племенной организации, основанной на принципах самоуправления.

2. Территория, очерчивающая границы государства. Законы и полномочия государства распространяются на людей, проживающих на определенной территории. Само оно строится не по кровнородственному или религиозному признаку, а на основе территориальной и, обычно, этнической общности людей.

3. Суверенитет, т.е. верховная власть на определенной территории. В любом современном обществе имеется множество властей: семейная, производственная, партийная и т.д. Но высшей властью, решения которой обязательны для всех граждан, организаций и учреждений, обладает государство. Лишь ему принадлежит право на издание законов и норм, обязательных для всего населения.

4. Монополия на легальное применение силы, физического принуждения. Диапазон государственного принуждения простирается от ограничения свободы до физического уничтожения человека. Возможность лишить граждан высших ценностей, каковыми являются жизнь и свобода, определяет особую действенность государственной власти. Для выполнения функций принуждения у государства имеются специальные средства (оружие, тюрьмы и т.д.), а также органы — армия, полиция, службы безопасности, суд, прокуратура.

5. Право на взимание налогов и сборов с населения. Налоги необходимы для содержания многочисленных служащих и для ма-

териального обеспечения государственной политики: оборонной, экономической, социальной и т.д.

6. Обязательность членства в государстве. В отличие, например, от такой политической организации, как партия, пребывание в которой добровольно и не обязательно для населения, государственное гражданство человек получает с момента рождения.

7. Претензия на представительство общества как целого и защиту общих интересов и общего блага. Ни одна другая организация, кроме разве что тоталитарных партий-государств, не претендует на представительство и защиту всех граждан и не обладает для этого необходимыми средствами.

Определение общих признаков государства имеет не только научное, но и практическое политическое значение, особенно для международного права. Государство — субъект международных отношений. Лишь на основе обладания качествами государства те или иные организации признаются субъектами международного права и наделяются соответствующими правами и обязанностями. В современном международном праве выделяются три минимальных признака государства: территория, народ, объединенный правовым союзом граждан (гражданством), и суверенная власть, осуществляющая эффективный контроль хотя бы над большинством территории и населения.

Отмеченные выше признаки отличают государство от других организаций и объединений, однако еще не раскрывают его связь с обществом, факторы, лежащие в основе его возникновения и эволюции.

Причины возникновения государства

Государство появляется в результате разложения родо-племенного строя, постепенного обособления от общества вождей и их приближенных и сосредоточения у них управленческих функций, ресурсов власти и социальных привилегий под воздействием ряда факторов, важнейшие из которых:

— развитие общественного разделения труда, выделение управленческого труда в целях повышения его эффективности в специальную отрасль и образование для этого специального органа — государства;

— возникновение в ходе развития производства частной собственности, классов и эксплуатации (марксизм). Не отрицая влияние этих факторов, большинство современных ученых все же не связывают существование государства непосредственно с возникновением частной собственности и классов. В некоторых странах его образование исторически предшествовало и способствовало

классовому расслоению общества. В ходе исторического развития по мере стирания классовых противоположностей и демократизации общества государство все более становится надклассовой, общенациональной организацией;

— завоевание одних народов другими (Ф. Оппенгеймер, Л. Гумплович и др.). Влияние завоеваний на образование и развитие государства несомненно. Однако его не следует абсолютизировать, упуская из виду другие, часто более важные факторы;

— демографические факторы, изменения в воспроизводстве самого человеческого рода. Имеется в виду прежде всего рост численности и плотности населения, переход народов от кочевого к оседлому образу жизни, а также запрет кровосмешения и упорядочение брачных отношений между родами. Все это повышало потребность общностей в регулировании взаимосвязей этнически близких людей;

— психологические (рациональные и эмоциональные) факторы. Одни авторы (Гоббс) сильнейшим мотивом, побуждающим человека к созданию государства, считают страх перед агрессией со стороны других людей, опасение за жизнь и имущество. Другие же (Локк) ставят на первый план разум людей, приведший их к соглашению о создании специального органа — государства, способного лучше обеспечить права людей, чем традиционные формы общежития.

Контрактные теории государства подтверждаются некоторыми реальными фактами. Так, например, договорная система княжения существовала в Древнем Новгороде, где с приглашаемым на определенный срок князем заключался договор, невыполнение которого могло повлечь за собой его изгнание. Под прямым влиянием теории «общественного договора» создавалось американское государство — США. И все же, несмотря на эти и некоторые другие исторические факты, реальное государство возникло не в результате добровольной передачи индивидам части своих прав специально созданному для защиты граждан и общества органу, а в ходе длительного естественно-исторического развития общества;

— антропологические факторы. Они означают, что государственная форма организации коренится в самой общественной природе человека, ее развитии. Еще Аристотель утверждал, что человек как существо в высшей степени коллективное может существовать только в рамках определенных форм общежития. Государство, подобно семье и селению, «есть естественная форма общежития»¹. Оно возникает в результате развития человеческой природы и с помощью права вносит в жизнь людей справедливые, нравственные начала.

¹ *Аристотель*. Политика. М., 1865. С. 8. См. также: Соч. Т. 4. С. 378.

Идеи Аристотеля используют современные естественно-исторические концепции государства, которые рассматривают его как органически присущую человечеству на определенной стадии развития форму общежития, без которой общество обречено на деградацию и распад. Некоторые сторонники антропологического объяснения сущности государства утверждают, что в его основе лежит не только социальная природа человека, но и его прирожденное несовершенство, проявляющееся в невозможности индивидуального существования, а также в агрессивности и конфликтности.

В научной литературе отмечаются и некоторые другие факторы, влияющие на образование государств и их особенности: географическое положение, наличие или отсутствие естественных границ, климатические условия, плодородные земли и т.д. Многочисленные исследования показали, что государство возникает и развивается под воздействием целого ряда факторов, среди которых едва ли можно выделить какой-нибудь один в качестве определяющего.

Исторические рубежи в развитии государства

Существовая на протяжении многих тысячелетий, государство изменяется вместе с развитием всего общества, частью которого оно является. С точки зрения особенностей взаимоотношений государства и личности, воплощения в государственном устройстве рациональности, принципов свободы и прав человека, в развитии государства можно выделить два глобальных этапа: **традиционный** и **конституционный**, а также промежуточные стадии, причудливо сочетающие черты традиционных и конституционных государств, например тоталитарная государственность.

Традиционные государства возникли и существовали преимущественно стихийно, на основе обычаев и норм, уходящих корнями в глубокую древность. Они имели институционально неограниченную власть над подданными, отрицали равноправие всех людей, не признавали личность как источник государственной власти. Типичным воплощением такого государства являлись монархии.

Некоторые авторы, принимая во внимание глубокие отличия конституционных и неконституционных государств, предлагают в соответствии с античной традицией, различающей государство и деспотию, называть государством лишь «организацию публичной власти, производную от гражданского общества и так или иначе ему подконтрольную»². Хотя такая трактовка не учитывает разные

² Четвернин В. А. Концепция советского правового государства // Право и власть. М., 1990. С. 129—131.

типы государств и не разделяется большинством ученых, она обоснованно указывает на принципиальную границу, отделяющую современные конституционные государства от государств, по типу своего устройства и функционирования связанных с прошлым.

Конституционное государство является объектом сознательно-го человеческого формирования, управления и регулирования. Оно не стремится охватить своим регулятивным воздействием все проявления жизнедеятельности человека — его экономическую, культурную, религиозную и политическую активность и ограничивается лишь выполнением функций, делегированных гражданами и не нарушающих свободу личности.

В целом конституционный этап в развитии государства связан с его подчиненностью обществу и гражданам, с юридической очерченностью полномочий и сферы государственного вмешательства, с правовой регламентацией деятельности государства и созданием институциональных и иных гарантий прав человека. Одним словом, он связан с появлением конституции.

Конституция

Сам термин «конституция» в науке употребляется в двух значениях. Первое из них, часто обозначаемое термином «реальная конституция», восходит к Аристотелю, который в своей знаменитой «Политике» трактовал конституцию как «определенный порядок для жителей одного государства». Иными словами, реальная конституция — это государственный строй, устойчивая модель государственной деятельности, определяемая тем или иным ценностно-нормативным кодексом. Этот кодекс не обязательно носит форму свода законов, присущего современным государствам. Он может иметь характер религиозно-политических заповедей или неписанных вековых традиций, которым подчиняются текущие законы государства. Понимаемый в этом значении конституционализм уходит корнями в далекое прошлое и не связывается лишь с появлением либеральных конституций в эпоху Просвещения.

Во втором, наиболее распространенном значении термин «конституция» — это свод законов, юридический или нормативный акт. Она представляет собой систему зафиксированных в специальном документе (или нескольких документах) относительно стабильных правил (законов), которые определяют основания, цели и устройство государства, принципы его организации и функционирования, способы политического волеобразования и принятия решений, а также положение личности в государстве.

Конституция выступает как бы текстом «общественного договора», заключаемого между гражданами и государством и регла-

ментирующего его деятельность. Она придает государству современного, конституционного типа необходимую легитимность. Обычно принимаемая при согласии подавляющего (квалифицированного) большинства населения, она фиксирует тот минимум общественного согласия, без которого невозможна свободная совместная жизнь людей в едином государстве и который обязуются уважать все граждане.

Конституции, как правило, состоят из двух важнейших частей. В первой определяются нормы взаимоотношений граждан и государства, права личности, утверждается правовое равенство всех граждан; во второй части описываются характер государства (республика, монархия, федерация и т.п.), статус различных властей, правила взаимоотношения парламента, президента, правительства и суда, а также структура и порядок функционирования органов управления.

Первые конституции были приняты в 1789 г. в США (в 1791 г. Билль о правах) и во Франции (в 1789 г. «Декларация прав человека и гражданина» и в 1791 г. конституция), хотя ряд правовых документов, фактически носящих характер конституционных актов, появился еще раньше — в 1215, 1628, 1679, 1689 гг. в Англии. В современном мире лишь несколько государств (Великобритания, Израиль, Саудовская Аравия, Бутан и Оман) не имеют конституционных сводов законов.

Наличие демократической конституции — показатель подлинной конституционности государства лишь в том случае, если она реально воплощена в государственной организации и неукоснительно исполняется органами власти, учреждениями и гражданами. Завершенность процесса формирования конституционного государства, закрепление принципа ограничения его компетенций с помощью специальных институтов и законов, исходящих от народа, характеризует понятие «правовое государство».

§ 2. Правовое социальное государство

Понятие правового государства

Правовое государство — реальное воплощение идей и принципов конституционализма. В его основе лежит стремление оградить человека от государственного террора, насилия над совестью, мелочной опеки со стороны органов власти, гарантировать индивидуальную свободу и основополагающие права личности. Это государство, ограниченное в своих действиях правом, защищающим свободу, безопасность и достоинство личности и подчиняющим власть воле суверенного народа. Взаимоотно-

шения между личностью и властью определяются в нем конституцией, утверждающей приоритет прав человека, которые не могут быть нарушены законами государства и его действиями. Для того чтобы народ мог контролировать государство и оно не превратилось в такого Левиафана, чудовище, господствующее над обществом, существует разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной. Независимый суд призван защищать примат права, которое обладает всеобщностью, распространяется в равной мере на всех граждан, государственные и общественные институты.

Правовое государство формировалось постепенно на базе соответствующих идей и элементов государственности, некоторые из которых появились еще в глубокой древности. Так, о власти закона, одинакового для всех граждан, говорил в VI в. до н.э. древнегреческий архонт Солон. О соотношении естественных прав человека и законов государства писали Аристотель и Цицерон. В Древнем Риме возникли, например, такие зачатки правовой государственности, как разделение властей. Концепция же правового государства в основополагающих чертах сложилась в XVII—XIX вв. в работах Локка, Монтескье, Канта, Джефферсона и других теоретиков либерализма. Сам термин «правовое государство» окончательно утвердился в трудах немецких юристов — Т. К. Велькера, Р. фон Моля и др. Различные теории правового государства базируются на концепции гражданского общества.

Гражданское общество

Появление правовой государственности было обусловлено развитием самого общества и стало возможным в результате вызревания гражданского общества. Сам термин «гражданское общество» употребляется как в широком, так и в узком значениях. **В широком смысле** гражданское общество включает всю непосредственно не охватываемую государством, его структурами часть общества, т.е. все то, до чего «не доходят руки» государства. Оно возникает и изменяется в ходе естественно-исторического развития как автономная, непосредственно не зависящая от государства сфера. Гражданское общество в широком значении совместимо не только с демократией, но и с авторитаризмом, и лишь тоталитаризм означает его полное, а чаще частичное поглощение политической властью.

Гражданское общество **в узком, собственном значении** неразрывно связано с правовым государством, они не существуют друг без друга. **Гражданское общество** представляет собой многообразие не опосредованных государством взаимоотношений свободных и равноправных индивидов в условиях рынка и демократической

правовой государственности. Это сфера свободной игры частных интересов и индивидуализма. Гражданское общество — продукт буржуазной эпохи и формируется преимущественно снизу, спонтанно, как результат раскрепощения индивидов, их превращения из подданных государства в свободных граждан-собственников, обладающих чувством личного достоинства и готовых взять на себя хозяйственную и политическую ответственность.

Гражданское общество имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные и правовые отношения, мораль, а также не опосредованные государством политические отношения между индивидами как первичными субъектами власти, партиями, группами интересов и т.д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные (подчиненности), а горизонтальные связи — отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами.

В современных условиях, существенно отличающихся от эпохи свободной конкуренции и раннелиберального государства, не вмешивающегося в экономику и социальные отношения, провести четкую грань между гражданским обществом и государством достаточно сложно. Однако, невзирая на это, разделение социальной системы на гражданское общество и государство не утратило актуальности и нужно прежде всего для своевременного обнаружения и предотвращения этатистских и тоталитарных тенденций, обеспечения суверенитета народа по отношению к власти, свободы личности. Для посткоммунистических стран формирование гражданского общества — необходимое условие их перехода к рынку и правовой государственности.

**Отличительные черты
правового государства**

Обобщая опыт возникновения и развития различных правовых государств, можно выделить их следующие общие

признаки: 1) наличие развитого гражданского общества; 2) ограничение сферы деятельности правового государства охраной прав и свобод личности, общественного порядка, созданием благоприятных правовых условий для хозяйственной деятельности; 3) мировоззренческий индивидуализм, ответственность каждого за собственное благополучие; 4) правовое равенство всех граждан, приоритет прав человека над законами государства; 5) всеобщность права, его распространение на всех граждан, все организации и учреждения, в том числе органы государственной власти; 6) суверенитет народа, конституционно-правовая регламентация государ-

ственного суверенитета. Это означает, что именно народ является конечным источником власти, государственный же суверенитет носит представительный характер; 7) разделение законодательной, исполнительной и судебной властей государства, что не исключает единства их действий на основе процедур, предусмотренных конституцией, а также определенного верховенства законодательной власти, не нарушающие конституцию решения которой обязательны для всех; 8) приоритет в государственном регулировании гражданских отношений метода запрета над методом дозволения. Это означает, что в правовом государстве по отношению к гражданам действует принцип: «Разрешено все то, что не запрещено законом». Метод же дозволения применяется здесь лишь по отношению к самому государству, которое обязано действовать в пределах дозволенного — формально зафиксированных полномочий; 9) свобода и права других людей как единственный ограничитель свободы индивида. Правовое государство не создает абсолютной свободы личности. Свобода каждого кончается там, где нарушается свобода других.

Социальное государство

Утверждение правового государства явилось важным этапом в расширении свободы индивида и общества. Его создатели полагали, что обеспечение каждому негативной свободы (свободы от ограничений) и поощрение конкуренции пойдут на пользу всем, сделают частную собственность доступной для каждого, максимизируют индивидуальную ответственность и инициативу и приведут в конечном счете к всеобщему благополучию. Однако этого не произошло. Провозглашенные в правовых государствах индивидуальная свобода, равноправие и невмешательство государства в дела гражданского общества не препятствовали монополизации экономики и ее периодическим кризисам, жестокой эксплуатации, обострению социального неравенства и классовой борьбы. Глубокое фактическое неравенство обесценивало равноправие граждан, превращало использование конституционных прав в привилегию имущих классов.

Конструктивным ответом на несовершенство правового государства в его классическом либеральном варианте, а также на неудавшуюся попытку административного социализма обеспечить каждому материальную свободу и установить в обществе социальную справедливость и равенство явились теория и практика социального государства или государства всеобщего благоденствия.

Социальное государство — это государство, стремящееся к обеспечению каждому гражданину достойных условий существования, социальной защищенности, соучастия в управлении производ-

ством, а в идеале примерно одинаковых жизненных шансов, возможностей для самореализации личности в обществе. Деятельность такого государства направлена на всеобщее благо, утверждение в обществе социальной справедливости. Оно сглаживает имущественное и иное социальное неравенство, помогает слабым и обездоленным, заботится о предоставлении каждому работы или иного источника существования, о сохранении мира в обществе, формировании благоприятной для человека жизненной среды.

Истоки социального государства восходят к социальной политике, зародившейся в далеком прошлом. Еще в древности многие правители, например римские цезари, заботились о наиболее бедных гражданах, о предоставлении плебсу «хлеба и зрелищ». Однако основное бремя обеспечения слабых и обездоленных лежало в то время на семьях и общинах. Индустриализация, урбанизация и индивидуализация общества, бесконтрольное развитие капитализма разрушили традиционные формы социального обеспечения, обострили социальные противоречия и классовую борьбу. Решение этого вопроса потребовало резкого расширения объектов социальной политики и превращения ее в одно из ведущих направлений государства. В результате этого примерно в 60-х гг. XX в. и возникли социальные государства. Их необходимой материальной предпосылкой явился высокий уровень экономического развития ведущих стран Запада, позволяющий обеспечивать прожиточный минимум каждому нуждающемуся.

Деятельность современного социального государства многогранна. Это перераспределение национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения, политика занятости и охраны прав работника на предприятии, социальное страхование, поддержка семьи и материнства, забота о безработных, престарелых, молодежи, развитие доступного для всех образования, здравоохранения, культуры и т.д.

Соотношение социального и правового принципов

Социальное государство осуществляет свои цели и принципы в форме правовой государственности, однако идет значительно дальше по пути гуманизации общества — стремится расширить права личности и наполнить правовые нормы более справедливым содержанием. Между правовым и социальным принципами государственного устройства есть как единство, так и противоречия. Их единство состоит в том, что оба они призваны обеспечивать благо индивида: первый — физическую безопасность граждан по отношению к власти и друг к другу, индивидуальную свободу и основополагающие, главным образом гражданские и полити-

ческие права личности с помощью установления четких границ государственного вмешательства и гарантий против деспотии, второй — социальную безопасность, материальные условия свободы и достойного существования каждого человека. Противоречия же между ними проявляются в том, что правовое государство по своему замыслу не должно вмешиваться в вопросы распределения общественного богатства, обеспечения материального и культурного благосостояния граждан, социальное же государство непосредственно занимается этим, хотя и стремится не подрывать такие основы рыночного хозяйства, как частная собственность, конкуренция, предприимчивость, индивидуальная ответственность и т.п., не породить массовое социальное иждивенчество. В отличие от социализма советского типа, который пытался установить благополучие всех с помощью уравнительного распределения благ, социальное государство ориентируется на обеспечение каждому достойных условий жизни в первую очередь в результате повышения эффективности производства, индивидуальной ответственности и активности.

В наши дни демократические государства стремятся найти меру оптимального сочетания правового и социального принципов. При этом консерваторы обычно делают больший акцент на правовом, а социал-демократы и близкие к ним либералы — на социальном принципе.

Тенденции развития государства

Правовой и социальный этапы не завершают развитие конституционного государства. Некоторые политологи считают, что современные демократические государства вступают в новую, **экологическую** стадию. Для нее характерно выдвижение на первый план проблемы обеспечения экологической безопасности и экологических (экзистенциальных) прав личности, выживания всего человечества. В новых условиях государство вместе с общественностью призвано предотвратить ядерную и экологическую катастрофы, наладить адаптивный, поддерживающий экологическое равновесие образ жизни.

В развитии современных государств наблюдаются две тенденции. Первая из них — **деэтанитарная** — состоит в активизации гражданского общества, его контроля над государством, расширении влияния на него политических партий и групп интересов, децентрализации ряда функций государства, усилении в деятельности некоторых его органов самоуправленческих начал. Вторая тенденция — **этанитарная** — проявляется в повышении роли государства как регулятивного и интеграционного инструмента общества. Современное государство активно вмешивается в экономические,

социальные и информационные процессы, с помощью налогов, инвестиционной, кредитной и иной политики стимулирует развитие производства, устраняет диспропорции в народном хозяйстве. Все более важное место в его деятельности занимают разработка стратегии и планирование общественного развития.

В государственной деятельности заметно сокращается применение принуждения. Оно все реже используется для решения крупных общественных проблем, уступая место кооперации различных социальных сил, хотя и остается важным средством в борьбе с нарушителями закона, криминальными и экстремистскими элементами. В целом же изменения, происходящие в государстве и обществе, не дают достаточных оснований говорить об отмирании государства в обозримом будущем, как это утверждают анархизм и марксизм.

Еще более велика роль государства в переходные этапы общественного развития, как это имеет место в России и других постсоциалистических странах. Здесь государство выступает главным орудием реформирования общества, поддержания стабильности и порядка. При этом оно само подвергается глубоким изменениям, приобретает новые формы организации.

§ 3. Устройство современного государства

Формы правления

Строение государства традиционно характеризуется через **формы правления и формы территориального (государственного) устройства**. В них воплощается организация верховной власти, структура и порядок взаимоотношений высших государственных органов, должностных лиц и граждан. Формы правления делятся по способу организации власти, ее формальному источнику на монархии и республики. В **монархии** формальным источником власти является одно лицо. Глава государства получает свой пост по наследству, независимо от избирателей или представительных органов власти.

Существует несколько разновидностей монархической формы правления: абсолютная монархия (Саудовская Аравия, Катар, Оман) — всевластие главы государства; конституционная монархия — государство, в котором полномочия монарха ограничены конституцией. Конституционная монархия делится на дуалистическую (Иордания, Кувейт, Марокко), в которой монарх наделен преимущественно исполнительной властью и лишь частично — законодательной, и парламентскую, здесь монарх хотя и считается главой государства, но фактически обладает представительскими функциями и лишь частично исполнительскими, а иногда имеет

также право вето на решения парламента, которым практически не пользуется. Подавляющее большинство современных демократических монархий — парламентские монархии. Правительство формируется в них парламентским большинством и подотчетно не монарху, а парламенту.

Монархия была господствующей формой правления на протяжении тысячелетий. В специфической форме она сохраняется и сегодня почти в трети стран мира (например, в Великобритании, Швеции, Дании, Испании).

Парламентская республика

Современные парламентские монархии, отдавая дань политической традиции и поддерживая тем самым уважение граждан к государству, фактически мало отличаются от **республик** — второй основной формы правления. В республиках источником власти является народное большинство, высшие органы государства избираются гражданами. В современном мире существуют **три основные разновидности республики: парламентская, президентская и смешанная, или полупрезидентская**, хотя история знает и многие другие разновидности республик: рабовладельческую, аристократическую, советскую, теократическую и др.

Главной отличительной чертой парламентской республики является образование правительства на парламентской основе (обычно парламентским большинством) и его формальная ответственность перед парламентом. Он осуществляет по отношению к правительству ряд функций: формирует и поддерживает его; издает законы, принимаемые правительством к исполнению; вотирует (утверждает) государственный бюджет и тем самым устанавливает финансовые рамки деятельности правительства; осуществляет контроль над правительством и в случае необходимости может выразить ему вотум недоверия, что влечет за собой либо отставку правительства, либо роспуск парламента и проведение досрочных выборов; критикует правительственную политику, представляет альтернативные варианты правительственных решений и всего политического курса.

Правительство обладает исполнительной властью, а нередко и законодательной инициативой, а также правом ходатайства перед президентом о роспуске парламента. (Такие ходатайства президент обычно удовлетворяет.) В большинстве стран членство в правительстве совместимо с сохранением депутатского мандата. Это позволяет привлекать в правительство не только лидеров правящих партий, но и других наиболее влиятельных депутатов парламентского большинства и тем самым контролировать парламента, полу-

чая одновременно массовую партийную поддержку. Хотя руководитель правительства (премьер-министр, канцлер) официально не является главой государства, реально он — первое лицо в политической иерархии. Президент же фактически занимает в ней более скромное место. Он может избираться либо парламентом, либо собранием выборщиков, либо непосредственно народом. Его политический вес почти не зависит от характера выборов и обычно ограничивается представительскими функциями, мало чем отличаясь от функций главы государства в парламентских монархиях.

Президентская республика

Второй достаточно распространенной формой республиканского правления является президентская республика. Ее отличительный признак состоит в том, что в ней президент одновременно выступает и главой государства, и главой правительства. Он руководит внутренней и внешней политикой и является верховным главнокомандующим вооруженных сил. Президент чаще всего избирается прямо народом. Он сам (в США с одобрения сената) назначает членов кабинета министров, которые ответственны перед ним, а не перед парламентом.

В президентской республике правительство отличается стабильностью. В ней существуют жесткое разделение законодательной и исполнительной ветвей власти, их значительная самостоятельность. Парламент не может вынести правительству вотум недоверия, президент же не вправе распустить парламент. Лишь в случае серьезных антиконституционных действий или преступления со стороны президента ему может быть выражен импичмент — он досрочно отстраняется от власти. Однако процедура импичмента очень затруднена.

Отношения между парламентом и президентом основываются на системе сдержек, противовесов и взаимозависимости. Парламент может ограничивать действия президента с помощью законов и через утверждение бюджета. Президент же обычно обладает правом отлагательного вето на решения парламента. Чтобы нормально выполнять свои обязанности, и парламент, и президент вынуждены сотрудничать, находить общий язык, даже если оба этих института контролируются различными партиями.

Президентская республика не получила распространения в Западной Европе. В странах же с длительными авторитарными традициями, прежде всего в Латинской Америке, Азии и Африке, а также на территории бывшего СССР, эта форма правления нередко вырождается в «суперпрезидентскую республику». В ней почти вся реальная власть сосредоточивается у президента, который выходит

из-под контроля парламента и судебных органов и фактически обладает полудиктаторскими полномочиями, а кое-где (Заир, Малави и др.) даже объявляется пожизненным главой государства.

Полупрезидентская республика

Третьей основной разновидностью республики является полупрезидентская, или смешанная, республика. Она существует в Австрии, Ирландии, Португалии, Польше, Финляндии, Франции, Болгарии и некоторых других странах. При этой форме правления сильная президентская власть сочетается с эффективным контролем парламента за деятельностью правительства. Полупрезидентская республика не имеет таких устойчивых типичных черт, как парламентская и президентская, и в различных странах тяготеет к одной из этих форм. Ее главная характерная черта — двойная ответственность правительства: перед президентом и перед парламентом.

Классическим образцом полупрезидентской республики является Франция. В ней президент и парламента избираются независимо друг от друга. Парламент не может сместить президента, который в свою очередь вправе распустить парламента с обязательным условием объявления даты внеочередных парламентских выборов. Президент является главой государства и верховным главнокомандующим, представляет страну на международной арене, обладает правом отлагательного вето на решения парламента, а также правом единоличного введения чрезвычайного положения, но в период действия такового он утрачивает право распустить парламента.

Президент без согласования с парламентом, но учитывая расклад в нем политических сил, назначает главу правительства, вместе с которым они формируют кабинет министров. Глава государства председательствует на заседаниях правительства, утверждает его решения и тем самым контролирует его деятельность. Сам президент не обладает правом законодательной инициативы, но таким правом пользуется премьер-министр, несущий всю ответственность за деятельность правительства. Парламент имеет возможность контролировать правительство через утверждение ежегодного бюджета, а также с помощью вынесения ему вотума недоверия.

Референдум

Разнообразные республиканские и монархические формы государства не исчерпывают всех механизмов правления. Одним из них является институт референдума. Он предусматривает решение наиболее важных для общества вопросов посредством всенародного голосования, результаты которого имеют высший правовой статус и обя-

зательны для исполнения всеми государственными органами. Референдум используется в качестве законодательного механизма большинством демократических государств мира, особенно на местном уровне, хотя в целом он имеет подчиненное значение по отношению к законотворческой деятельности парламента.

В разных странах имеются существенные расхождения в области права инициирования референдума. В одних государствах (Великобритания, Швеция, Норвегия и др.) инициаторами его являются лишь парламент и правительство, в других (например, Франция) — и президент, в третьих (Швейцария, Австрия, Италия) — непосредственно народ. В Швейцарии граждане могут добиться проведения референдума по тому или иному закону, собрав 50 тыс. подписей. Для того чтобы референдум состоялся, вовсе не обязательно участие в нем большинства населения. Всенародные голосования используются не только для принятия законов, но и для их отмены. В ряде стран (Франция, Австралия и др.) они обязательны для принятия конституционных поправок.

Хотя проведение референдумов, особенно в масштабах всей страны, — дело достаточно сложное и дорогостоящее, с их помощью народ способен непосредственно выразить свою волю, стать творцом законов, проявить инициативу. Кроме того, возможность проведения всенародного голосования заставляет государственные органы и правительство больше ориентироваться на мнение народа. Опыт многих стран показывает, что наиболее эффективно использование референдумов на региональном уровне, где агитационные и мобилизационные кампании не требуют больших финансовых затрат и поддержки со стороны крупных организаций и где люди лучше разбираются в сути решаемых вопросов. В некоторых странах (США, ФРГ и др.) этот демократический институт используется лишь субъектами федерации и более мелкими административно-территориальными единицами.

**Территориальное
устройство. Унитарное
государство**

Территориальная организация государства характеризует соотношение целого и частей, центральных и региональных органов власти. Различают две

основные формы территориального устройства государства: унитарную и федеративную. **Унитарное государство** представляет собой единую, политически однородную организацию, состоящую из административно-территориальных единиц, не обладающих собственной государственностью. Оно имеет единую конституцию и гражданство. Все государственные, в том числе судебные, органы составляют единую систему, действуют на основе единых пра-

вовых норм. Унитарные государства сформировались преимущественно в странах с мононациональным населением, хотя некоторые из них, например Испания, имеют в своем составе инонациональные образования, пользующиеся автономией, компетенции которой определяются центральной властью.

Унитарные государства бывают **централизованными** (Великобритания, Швеция, Дания и др.) и **децентрализованными** (Франция, Италия, Испания). Централизованные государства могут предоставлять достаточно широкую самостоятельность (самоуправление) местным, низовым органам управления. Однако в них средние уровни управления не обладают значительной автономией и непосредственно ориентированы на выполнение решений центра. В децентрализованных же унитарных государствах крупные регионы пользуются широкой автономией и даже располагают собственными парламентами, правительствами, административно-управленческими структурами и самостоятельно решают переданные им в ведение центральными органами вопросы, как правило, в области образования, коммунального хозяйства, охраны общественного порядка и т.п. Однако в отличие от субъектов федерации в области налогообложения их компетенции сильно ограничены, что ставит их в сильную финансовую зависимость от центра.

Главное отличие федерации от унитарного государства состоит в том, что источником власти, субъектами государственного суверенитета выступают в ней как крупные территориальные образования (штаты, земли, кантоны), так и весь народ, состоящий из равноправных граждан. (В унитарном же государстве существует лишь один субъект суверенитета — народ.) **Федерация** — это устойчивый союз государств, самостоятельных в пределах распределенных между ними и центром компетенций, имеющих собственные законодательные, исполнительные и судебные органы и, как правило, конституцию, а часто и двойное гражданство.

По своему замыслу федеральный принцип государственного устройства призван обеспечить свободное объединение и равноправное взаимодействие общностей, обладающих значительными этническими, историко-культурными, религиозными, лингвистическими и другими особенностями; создать оптимальные возможности для выражения региональных и других интересов меньшинств, для постепенной подготовки оппозиции к выполнению общесоюзных правительственных функций; приблизить власть и управление к гражданам.

Федерация строится на основе распределения функций между ее субъектами и центром, зафиксированного в союзной конституции, которая может быть изменена только с согласия субъектов

федерации. При этом одна часть вопросов является исключительной компетенцией союзных органов, другая — субъектов федерации, третья — совместной компетенцией союза и его членов. Уважение союзным руководством и всеми субъектами федерации прав и полномочий друг друга контролирует независимый суд, а также обычно двухпалатный парламент, верхняя палата которого формируется из представителей штатов (земель).

Члены федерации — соучастники общегосударственного суверенитета — фактически не обладают индивидуальным суверенитетом и правом одностороннего выхода из союзного государства. В большинстве союзных конституций содержится право федеральных органов вмешиваться во внутренние дела членов федерации в случае возникновения там чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий или массовых беспорядков.

Федерация как форма территориального устройства государства показала свою жизнеспособность. Этого нельзя сказать о **конфедерации** — постоянном союзе самостоятельных государств для осуществления конкретных совместных целей. Ее члены полностью сохраняют государственный суверенитет и передают в компетенцию союза решение лишь ограниченного числа вопросов, чаще всего в области обороны, внешней политики, транспорта и связи, денежной системы. Конфедерации существовали в США (1776—1787), Швейцарии (до 1848 г.), Германии (1815—1867) и некоторых других странах. Эта форма государственного объединения непрочна и обычно либо эволюционирует в федерацию, либо распадается.

В последние годы на территории бывшего СССР сделана попытка создать Содружество Независимых Государств (СНГ) — союз суверенных государств, координирующих свою деятельность в различных сферах. Такая форма государственных образований не может быть устойчивой и эффективной, поскольку не обеспечивает единство деятельности содружества, не создает властных гарантий выполнения ими своих обязательств. Опыт развития Европейского Союза свидетельствует, что долговременное объединение и сближение государств возможно на пути экономической интеграции и постепенной реализации федеративных принципов.

Формы территориального устройства и формы правления влияют на строение законодательной и исполнительной властей государства. Не менее важную значимость для нормального функционирования всего государственного механизма имеет судебная власть. Независимое правосудие призвано контролировать соблюдение конституции и законов всеми государственными и общественными учреждениями и гражданами, разрешать возникающие между

ними споры, обеспечивать стабильность государственного и общественного строя.

Вся деятельность современного демократического государства строится на тесном взаимодействии с такими важнейшими институтами политической системы, как партии и группы интересов.

Глава 14

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И ПАРТИИ

§ 1. Группы интересов

Понятие групп интересов

В каждой сложноорганизованной политической системе, как правило, существуют определенные механизмы, опосредующие отношения граждан с государством. Существенная роль среди них принадлежит группам интересов и политическим партиям, отличающимся между собой целями и методами деятельности, ресурсами влияния на власть и другими характеристиками.

Понятие «группы интересов» характеризует совокупность сложных общественных образований. Англичанин Р. Доуз относит к ним ассоциации индивидов, сосредоточенные на влиянии на правительство способами, наиболее отвечающими интересам этого объединения. Американские исследователи Г. Алмонд и Дж. Пауэлл считают их группами людей, объединенных особыми связями, выражающими взаимную заинтересованность или выгоду для составляющих их граждан. Если же учесть и ряд других, наиболее типичных подходов к пониманию групп интересов, то коротко их можно определить как **по преимуществу добровольные объединения, приспособленные или специально созданные людьми для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами.**

Эти объединения, будучи посредниками в отношениях государства с народом, представляют интересы социальных, национальных, региональных и прочих человеческих общностей и являются формой коллективных действий их членов. Участвуя в деятельности групп интересов, граждане делают шаг от социальной к политической активности. Чем шире представительство социальных потребностей группами интересов, тем разностороннее связь между обществом и государством. Чем оптимальнее осуществление их функций, тем гибче властные институты реагируют на социальные

запросы населения. При этом там, где правительство шире вовлечено в управление социальными и экономическими проблемами, группы давления, как правило, обладают большими возможностями и большим влиянием на политические решения. Причем, помимо отечественных групп интересов при исполнительных и представительных государственных органах могут действовать и объединения, выражающие интересы зарубежных стран, мировых экономических и финансовых центров и прочих групп, способствующие решению разнообразных международных проблем.

Многообразные группы интересов обладают широким набором ресурсов для воздействия на власть, трансляции нужд и запросов населения до лиц и органов, принимающих политические решения. В качестве таких ресурсов могут выступать их экономические и финансовые возможности, информация или опыт политического участия их членов, организационные структуры и т.д. В зависимости от значимости для той или иной политической системы соответствующих властных ресурсов групп интересов последние обладают тем или иным весом при принятии управленческих решений. Те же группы интересов, которые, используя свои ресурсы, имеют возможность поддерживать постоянные связи с правительством, чаще всего становятся органической частью механизма управления обществом. В противоположность этому «заявки» на власть от ряда маргинальных, нетрадиционных групп интересов, игнорирующих принятые в обществе нормы и ценности, могут обладать разрушительным действием для системы политического управления обществом и отторгаются ею.

В целом же действие разнообразных групп интересов способствует усложнению строения политической системы. В частности, это происходит за счет увеличения предпосылок возникновения партий (особенно мелких) и нарастания фракционности в этих политических институтах; дифференциации функций и рационализации организационного строения правящих структур; стимулирования формирования многопартийных систем и т.д. И напротив, сужение поля действия групп интересов, препятствия для граждан образовывать эти ассоциации ужесточают режим правления, изолируют правящую элиту от населения и создают предпосылки для установления «монолитного» государства, знающего лишь диктат вождей и покорность масс.

Функции групп интересов

Группы интересов прежде всего выполняют функцию **артикулирования** интересов, т.е. преобразования социальных эмоций и ожиданий, чувств неудовлетворенности или солидарности граждан в определенные

политические требования. Например, неудовлетворенность граждан своим уровнем жизни может быть трансформирована в призывы к повышению зарплаты, предоставлению льгот для пенсионеров, отставке отдельных министров или правительства в целом и т.д.

Эти требования, оформляемые обычно в соответствии с принятыми в обществе «правилами игры», доносят до принимающих решения лиц пожелания различных частей населения, т.е. включают последних в политический процесс как равноправных носителей властных прав, субъектов политики. При этом, выдвигая перед правительством массу разнородных, нескоординированных запросов, группы интересов одновременно усложняют, но и оптимизируют процесс принятия решений. Оптимизируют постольку, поскольку правящие структуры получают возможность выделять наиболее типичные проблемы, стоящие в данный период перед государством, определять соответствующие приоритеты в разрешении социальных конфликтов, координировать свой курс в соответствии с изменяющейся ситуацией и оценками общественного мнения.

Артикуляция интересов неразрывно связана с их **агрегированием**, т.е. с согласованием частных потребностей, установлением между ними определенной иерархии и выработкой на этой основе общегрупповых целей. Эта функция предполагает отбор не только наиболее политически значимых требований, но и тех, что имеют наилучшие шансы для практического воплощения. Таким образом группы интересов селективируют политические требования, ряд из них отсеивая, а другим придавая принципиальный характер. Такая деятельность предполагает проведение дискуссий, согласовывание позиций внутри группы, что в свою очередь требует сплоченности между отдельными членами и фракциями, т.е. интегрирование группы для совместно принимаемых решений. Как правило, при осуществлении этой функции наиболее активны группы давления, формирующиеся на базе бюрократических структур. Когда же нарастает многообразие агрегируемых интересов, а их неформальное представительство в политическом процессе становится затруднительным или же группа интересов начинает строить свою деятельность на более общей, концептуальной основе, тогда она постепенно берет на себя выполнение ряда партийных функций, обретая черты и свойства этого политического института.

В качестве отдельной функции часто выделяют уже упоминавшееся нами **информирование** — когда группы интересов доносят до органов власти сведения о состоянии той или иной проблемы общественной жизни. Иначе говоря, эти объединения осуществляют определенную трансляцию общественного мнения. Выражая точку зрения какой-то части населения на определенную проблему,

группа интересов дает государственным органам возможность проводить более эффективный политический курс, отвечающий реальным потребностям граждан и изменяющийся в соответствии с ситуацией.

Так как группы интересов зачастую выступают в качестве объединений, дающих экспертную оценку состоянию тех или иных проблем, они имеют возможность предлагать своих членов для работы в государственных органах, поддерживать определенных деятелей в правительственных и иных структурах, влиять на отбор кадров, участвующих в процессе принятия решений. Тем самым группы интересов выполняют и функцию **формирования** политических элит, властных структур общества.

Осуществление группами интересов своих функций, как правило, развивает прямые формы давления на власть и (в меньшей степени) способствует углублению обратных связей правительства с населением. При этом набор средств реализации своих функций у них значительно уже, чем у политических партий, распространяющих свою активность на все политическое пространство. Для групп давления такие формы деятельности, как отбор кандидатов на предстоящие выборы, издание средств массовой информации, образование фондов поддержки кандидатов и пр., являются скорее исключением, чем правилом взаимоотношений с властями.

Характер осуществления функций группами давления прежде всего зависит от того, законны или незаконны способы их деятельности. К первым можно отнести взаимодействие с кандидатами в депутаты и членами исполнительных и представительных органов государства (в виде советов, рекомендаций, убеждения); участие в финансировании подготовки тех или иных законопроектов, экспертиз, заключений правительственных органов; контроль за соблюдением принятых решений (законов), вплоть до обращения в суд на неверную правоприменительную деятельность отдельных органов власти; контроль за деятельностью правительства в отдельных отраслях управления, расходом финансовыми средствами и т.д. К незаконным формам деятельности групп интересов относятся взяточничество, подкуп чиновников, финансовая поддержка ими нелегальных объединений, контроль за личной жизнью политиков в целях сбора компромата и пр.

В целом приоритет тех или иных способов деятельности групп интересов определяется степенью демократичности, открытости политической системы. С другой стороны, типичные способы взаимоотношений групп интересов с властями способны влиять (а порой и изменять) на определенные тенденции в развитии национальной государственности. Так, в ряде латиноамериканских

государств, в Италии, частично в России и некоторых других республиках бывшего СССР деятельность отдельных групп интересов (в частности, групп давления, функционирующих в сфере принятия политических решений) способствует нарастанию теневых форм правления, коррумпированности государственных чиновников, криминализации сферы принятия решений. В других государствах эти политические институты, напротив, делают область государственного управления более открытой для общественности, укрепляют свои связи с другими посредниками между населением и властью (например, в США общенациональные партии представляют собой совокупность гибких ассоциаций, групп интересов граждан, сотрудничающих между собой в процессе выборов в федеральные органы власти).

Типология групп интересов

В политический науке сложилась достаточно разветвленная типология групп интересов, учитывающая разнообразные черты их строения и деятельности. Так, с точки зрения происхождения и степени организованности выделяются **аномические** и **институциональные** группы интересов. Первый тип характеризует объединения, возникающие стихийным образом как спонтанная реакция на ту или иную ситуацию (например, толпы, демонстрации, митинги). По мысли западного политолога П. Шарана, их прежде всего отличает отсутствие постоянных организованных действий членов от имени данной группы. Включение политических групп в политические отношения с государством нерегулярно. Внутренняя их структура, как правило, неустойчива и нередко формируется как бы заново, без сохранения преемственности с прежними формами организации. Недостаточность же организационных возможностей не только снижает эффект их деятельности, но и предопределяет практически постоянное стремление к использованию силы.

В противоположность им институциональные группы — это формальные объединения с определенной организационной структурой, устоявшимися функциями и профессиональным кадровым аппаратом. Их целенаправленная деятельность более эффективна. Группы данного типа (например, административные органы церкви, армии, представительства автономий в федеральных центрах и др.) выполняют широкий круг задач, в том числе преследуя и те цели, которые выходят за рамки представительства интересов.

Учитывая специализацию их действий, выделяют **неассоциативные** и **ассоциативные** группы. Источником возникновения первых выступает неформальное и недобровольное объединение людей на родственной, религиозной, социокультурной основе (науч-

ные и студенческие общества, религиозные секты). Их деятельность также, как и у аномических групп, непостоянна, малоструктурирована и не всегда эффективна. Ассоциативные же группы представляют собой добровольные объединения, специализирующиеся на представителстве интересов и нацеленные на решение определенных задач (профсоюзы, предпринимательские ассоциации, движения за гражданские права). Их организационная и кадровая структура, порядок использования финансовых средств стимулируют достижение специальных целей. Органично встроенные в политическую систему, они обладают наибольшей результативностью.

По характеру деятельности группы интересов могут быть разделены на **одноцелевые** и **многоцелевые**. Например, относящиеся к первому типу лоббирующие структуры, стремящиеся обеспечить принятие какого-либо определенного законодательного акта в парламенте, складываются и существуют только в связи с достижением данной цели. После результативного решения своей задачи они либо распадаются, либо переориентируются на другую, не менее конкретную цель. Деятельность же многоцелевых групп многопрофильна и не ограничена спецификой задач того или иного рода. Так, например, многие группы давления могут не только взаимодействовать с правительством по поводу принятия решений в какой-либо сфере управления, но и участвовать в избирательных кампаниях и т.д.

С подобного рода классификацией тесно связана и типология французского политолога М. Дюверже, выделявшего **специальные** (занимающиеся только политической деятельностью) и **частичные** (выполняющие более широкий круг социальных функций: организация бизнеса и т.д.) группы интересов.

Весьма распространены и градации групп интересов по **сферам** управления обществом (например союзы потребителей в экономической области, творческие союзы — в сфере культуры и проч.), **территориальным** признакам (группы, формирующиеся и действующие только в определенных регионах), **уровню** и **масштабам** деятельности (например, группы давления, действующие в центральных или местных органах власти).

§ 2. Политические партии

Происхождение и сущность партий

Партия, будучи таким же посредником в отношениях населения с государством, как и группы интересов, обладает по сравнению с ней значительной спецификой. Более того, функциональные и организационные особенности этой «самой по-

литической» из всех общественных организаций (Р. Доуз) до сих пор служат предметом теоретической полемики относительно ее происхождения и роли в политическом процессе. Возникают ли партии вследствие воплощения естественного для человека духа противоречия (Т. Гоббс) или являются частным случаем политических ассоциаций, формирующихся на основе свободного выбора человека (А. Токвиль); стремятся ли они подчинить себе все проявления политической активности человека (М. Я. Острогорский) или же являются механизмами продвижения к власти лидеров (М. Вебер) — все это и сегодня является предметом горячих дискуссий.

Партогенез, т.е. процесс формирования и функционирования партий, уходит корнями в конец XVII — начало XVIII в. Это был период, когда зарождались политические системы раннебуржуазных государств Западной Европы и Америки. Сопровождавшие этот процесс гражданская война в США, буржуазные революции во Франции и Англии показывают, что появление партий отражало раннюю стадию борьбы между сторонниками различных направлений формирующейся новой государственности: аристократами и буржуа, якобинцами и жирондистами, католиками и протестантами. Партии знаменовали собой определенный этап в усложнении политической системы индустриального типа. Они возникли как результат ограничения абсолютной монархии, включения в политическую жизнь «третьего сословия», всеобщего избирательного права (XIX в.), послуживших значительному развитию представительной системы. Оно означало, что не только выполнение управленческих функций стало требовать расширения состава политической элиты, но и само ее рекрутирование превратилось в дело избирательного корпуса. Теперь те, кто хотел сохранить (или приобрести) власть и влияние, должны были обеспечить себе массовую поддержку. Именно партии стали этими законными орудиями артикуляции интересов различных групп избирателей и отбора элиты.

Правда, первоначально партии представляли собой не сплоченные объединения, нацеленные на борьбу за власть, а различного рода клубы, литературно-политические образования, являвшиеся формой объединения единомышленников (Клуб кордельеров времен Великой французской революции или «Реформ Клуб», возникший в Англии в 30-е гг. XIX в.). Первые же партии, боровшиеся против феодальной власти, были созданы сторонниками либеральных воззрений (виги в Великобритании, прогрессивная партия Германии, Бельгийская либеральная партия и т.п.).

Таким образом, исторически партии формировались как представительные структуры, выражавшие определенные групповые

интересы; как институты, оппозиционные государству и другим политическим объединениям; как союзы единомышленников. Эти черты, выражая относительную самостоятельность и независимость от государства политических позиций известных групп населения, способствовали восприятию партий как источников кризисов и раскола общества. Причиной в основном такого негативного отношения к партиям было повсеместное распространение убеждения в том, что только государство является выразителем народного суверенитета (либеральная традиция) и общей воли общества (феодално-аристократическая и монархическая традиции). Не случайно, к примеру, Дж. Вашингтон в «Прощальном послании» американскому народу говорил об опасных последствиях «партийного духа», характеризуя партии как «готовое оружие» для подрыва власти народа и узурпации власти правительственной. Отрицательно относились к партиям и другие политики и ученые, среди которых А. Токвиль и Дж. Милль. В то же время, например, Ф. Бэкон и Э. Берк были к партиям более лояльны, а Н. Макиавелли даже считал их по-своему полезными, поскольку «умудренные пагубным опытом других» (уже испытавших порожденные партиями вражду и раздоры) граждане «научились бы сохранять единство»¹.

Только постепенно, по мере развития парламентских, конституционных основ буржуазной государственности, партии укрепили свой политический и правовой статус. И в настоящее время они представляют такой институт власти, без которого не может осуществляться выборное формирование государственности, легальное завоевание различными слоями населения ведущих политических позиций.

Итак, в результате исторического формирования партия заявила о себе как **специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и служащая для борьбы за завоевание и использование высшей политической власти.** Воплощая право человека на политическую ассоциацию с другими людьми, партия отображает общегрупповые интересы и цели разнообразных (социальных, национальных, конфессиональных и пр.) слоев населения, их идеалы и ценности, утопии и идеологии. Через этот институт люди выдвигают свои групповые требования к государству и одновременно получают от него обращения за поддержкой в решении тех или иных политических вопросов. Таким образом партия развивает как прямые, так и обратные связи народа и государства.

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1987. С. 7.

От всех других политических институтов, в том числе и групп интересов, партию отличают свойственные ей функции и характерные способы их осуществления, определенная внутренняя организация и структура, наличие политической программы действий, та или иная идеологическая система ориентаций, а также ряд других, менее значимых признаков.

Длительная история существования партий выкристаллизовала и типичные для нее внутренние группы и объединения. К ним прежде всего относятся лидеры партии; партийная бюрократия; мозговой штаб, идеологи партии; партийный актив; рядовые члены партии. В том случае, если партия добивается успеха на выборах, в ее составе выделяются «члены партии — законодатели» и «члены партии — члены правительства», которые нередко становятся вторым руководящим звеном партии. Существеннейшую роль в определении судьбы и политического веса партии играют и — находящиеся в общем-то за ее рамками — «партийный электорат», «сочувствующие» партийной программе (т.е. те, кто голосует за нее на выборах), а также «меценаты», оказывающие ее организациям определенную поддержку. Все эти группы специфически влияют на осуществление партией своих функций, способствуют усилению или падению ее авторитета, возможности воздействовать на государственные органы.

Функции политических партий

Будучи звеном вертикальной связи народа и государства, участвующим практически во всех фазах политического процесса, партия выступает одним из важнейших механизмов распределения (перераспределения) в обществе властных статусов. Прежде всего партия нацелена на борьбу за завоевание и использование политической власти в интересах поддерживающей ее группы населения. Иначе говоря, если группы интересов, как правило, пытаются решать те или иные проблемы в рамках сложившегося режима правления, то партии, выдвигая собственную программу решения внутри- и внешнеполитических вопросов, могут выдвигать претензии и на изменение высшей политической власти (как в центре, так и на местах). Однако и при подобном характере политических требований партии чаще всего обеспечивают мирное перераспределение власти между различными общественными силами. В этом смысле они выступают таким механизмом агрегирования интересов граждан, который дает возможность избежать общественных потрясений при изменении баланса политических сил.

Выдвигая тот или иной набор властных притязаний, партии обеспечивают связь населения с государственными структурами,

институционализацию политического участия граждан, заменяют стихийные формы общественно-политической активности населения формами формализованными, подверженными контролю со стороны своих лидеров. В этом отношении партии являются одним из наиболее эффективных средств борьбы с политической апатией и гражданской пассивностью людей.

Одной из важнейших функций партий является отбор и рекрутирование политических лидеров и элит для всех уровней политической системы. Помимо выдвинутых ими профессиональных политиков, в управлении делами общества и государства нередко самое активное участие принимают и партийные эксперты, аналитики, специалисты.

Неотъемлемой задачей деятельности партий является углубление связей и отношений между различными ветвями власти, местными и центральными органами государственного управления, разнообразными политическими институтами. Как правило, это происходит в процессе выдвижения партийных программ, определения союзников и противников среди участников политического процесса, включающих, кстати, и иные партийные образования.

Ну и, наконец, еще одной важнейшей функцией партий является политическая социализация граждан, формирование у них свойств и навыков участия в отношениях власти. Ведя борьбу за избирателя, преодолевая дефицит информированности населения, партии обращают внимание людей на важнейшие конфликты и пути их преодоления, делают ситуацию, сложившуюся в обществе, понятной для рядовых граждан. Главным средством решения этой задачи является формулирование разногласий с другими политическими силами по основным вопросам общественного развития. Как считает американский ученый Е. Шаттшейдер, «формулирование разногласий — ключевой инструмент в борьбе за власть», и партия, которая сумела четко обозначить свои позиции для общественного мнения, «имеет все шансы стать правящей»².

Наиболее ярко партии реализуют свои функции в предвыборной и избирательной кампаниях. Выдвигая кандидатов в законодательные органы государства, партии предпринимают активные действия, направленные не только на поддержку своих представителей, но и на распространение определенных идей, внедрение их в массовое сознание граждан. И если, к примеру, небольшие партии не могут выставить конкурентоспособных кандидатов на общегосударственном (региональном) уровне, то они все же используют

² Schattscheider E. E. The Semisovereign People. New York, 1975. P. 73.

выборные кампании в идеологических целях, пытаюсь создать в глазах населения позитивный имидж своим целям и ценностям.

Партии, одержавшие победу на выборах или сумевшие провести в законодательные органы своих представителей, получают возможность участвовать в формировании правящей элиты, подборе и расстановке управленческих кадров, а через них — легитимное право на участие в процессе принятия политических решений и возможность контроля за их исполнением. Послевыборная фаза деятельности партий обычно сопровождается заключением различных межпартийных соглашений, образованием партийных коалиций, союзов и блоков победивших партий. Одновременно это дает возможность и населению объединиться в соответствующую коалицию большинства, чтобы поддерживать правительство.

Но выборы — только самая активная фаза деятельности партий. И после выборов они стремятся увеличить электоральную поддержку правящему или оппозиционному курсам, организуя различные кампании в средствах массовой информации, акции поддержки (недоверия) правящему режиму, другие мероприятия, призванные убедить население в правильности (неверности) сделанного выбора. Они активно борются за расширение своего численного состава, укрепление материального положения центральных и низовых организаций, распространение своих программных целей, налаживание связей с отечественными и зарубежными партиями дружественного толка.

Эффективность решения этих задач в немалой степени зависит от того, придерживаются партии **прагматического** или **идеологического** стиля деятельности. Первый, в частности, предполагает постоянную нацеленность партий на поиск любых возможностей для достижения конкретных целей. Здесь идеологические ограничения не играют существенной роли, и ими легко жертвуют при достижении различного рода соглашений, образовании коалиций и т.д. В конечном счете такой прагматизм всегда предполагает использование по преимуществу консенсусных технологий борьбы за власть, что повышает политическую стабильность общественного развития.

Идеологизированный же стиль партийной деятельности, основываясь на постоянной защите идеалов и принципов, неизбежно приводит к нарастанию конфликтности политического процесса. Если идеологии сформированы на антагонистических ценностных основах, то межпартийная полемика ведет к поляризации и резкой конфронтационности сил, участвующих в отношениях власти.

Как показывает опыт, приверженность партий, получивших статус правящих, идеологическому стилю грозит серьезными из-

менениями в характере отправления и системе организации политической власти. В частности, как это было по сути во всех тоталитарных режимах, постепенное превращение идеологии господствующей партии в монопольную систему идейной ориентации всего общества предопределило срастание этого института с государством. Тем самым такого рода партии вышли за рамки своего функционального назначения в политическом процессе, утратив общественно-политическую природу и превратившись во всевластного монстра, способного лишь на насилие и административный диктат.

§ 3. Типы партий и партийных систем

Типология партий

Многообразие исторических и социокультурных условий политического развития стран и народов привело к возникновению различных партийных структур, отличающихся друг от друга строением, функциями, чертами деятельности. Исторически первые попытки классификации партийных объединений явно тяготели к моральным (подразумевавшим разделение на «хорошие» и «неблагородные» союзы) и количественным (характеризовавшим «большие» и «малые» партии) критериям. Современной же политической наукой разработана гораздо более сложная типологизация партийных институтов.

Наиболее часто встречающийся критерий типологизации партий — идейные основания их деятельности, подразумевающие деление на **доктринальные** (сориентированные прежде всего на защиту своей идеологической чистоты), **прагматические**, или «патронажные» (З. Ньюмен) — ориентирующиеся на практическую целесообразность действий, а также **харизматические**, в которых люди объединяются вокруг лидера. При этом в каждом из этих типов существует дальнейшая дифференциация партийных объединений. В частности, среди доктринальных партий принято выделять религиозные (как, например, Швейцарская евангелическая партия) и идеологические (многочисленные социалистические, национальные и др.) объединения.

Весьма характерно для современной политической науки типологизировать партии в зависимости от **социальных** (аграрные партии), **этнических** (ультралевая баскская партия «Эрри батасуна»), **демографических** (женская объединенная партия Бельгии) и **культурологических** (партии любителей пива в Германии и России) оснований образования этих институтов власти. Важное значение имеет и дифференциация партий с точки зрения их органи-

зационной структуры. В данном случае принято выделять партии **парламентские** (где в качестве первичных образований выступают территориальные комитеты), **лейбористские** (представляющие собой разновидность парламентских партий, допускающих коллективное членство, в том числе и трудовых коллективов) и **авангардные** (построенные на принципах территориально-производственного объединения своих членов и демократического централизма). Довольно распространена типизация партий с точки зрения их отношения к правящему режиму: **правящие** и **оппозиционные**, **легальные** и **нелегальные**, **партии-лидеры** и **партии-аутсайдеры**, **партии, правящие монопольно** и **правящие в составе коалиции** и т.д.

Большое распространение в политологии получила классификация французского ученого М. Дюверже, выделявшего в зависимости от оснований и условий приобретения партийного членства партии **кадровые**, **массовые** и **строго централизованные**. Первые из названных отличаются тем, что они формируются вокруг группы политических деятелей, а основой их организационного строения является политический комитет (лидеров, активистов). Кадровые партии формируются, как правило, сверху, на базе различных парламентских групп, групп давления, объединений партийной бюрократии. Они сориентированы прежде всего на участие профессиональных политиков и элитарных кругов, что предопределяет свободное членство и известную аморфность партийной организации. Как правило, такие партии активизируют свою деятельность только во время выборов, когда необходимо организовать поддержку электората.

Массовые партии представляют собой централизованные образования, хорошо организованные и дисциплинированные, с уставным членством. Хотя и здесь важную роль играют лидеры и аппарат партии, большое значение в них придается общности взглядов, идеологическому единству членов. Массовые партии чаще всего формируются снизу, нередко на основе профсоюзных, кооперативных и иных общественных движений, артикулирующих интересы определенных слоев, профессиональных групп, сторонников известных лидеров и идей. Однако в отдельных случаях формирование партий подобного типа возможно и комбинированным путем, подразумевающим соединение усилий элитарных кругов (парламентских комитетов, общественных комитетов в поддержку того или иного депутата и др.) и рядовых граждан (избирателей). Учитывая разнообразие форм деятельности, направленности и иных аспектов функционирования массовых партий, некоторые теоретики, и в частности Ж. Блондель, выделяли среди них представительные партии западного типа, коммунистические и популистские.

И наконец, для строго централизованных партий Дюверже считал характерным превращение идеологического компонента в основополагающее, связующее эти организации начало. Для таких партий — а Дюверже относил к ним коммунистические и фашистские — характерны наличие множества иерархических звеньев, строгая, почти военная дисциплина, высокая организованность действий, уважение и почитание политических вождей.

Наряду с такими, условно говоря, универсалистскими характеристиками партий в науке существуют и попытки их типологизации на основе страновой (внутригосударственной) специфики. Например, применительно к новейшей политической истории России выделяют так называемые «партии-панамы» или «партии-аэродромы», представляющие собой разновидность кадровых политических организаций, специально создаваемых для политиков и чиновников, не попавших «во власть» и дающих им возможность продержаться в политике до очередных выборов.

Сущность и разновидности партийных систем

Устойчивые связи и отношения партий различного типа друг с другом, а также с государством и иными институтами власти образуют партийные системы. Взаимодействуя друг с другом и с государством, партии так или иначе влияют на принятие решений, выявляя тем самым свое место в политической жизни.

Партийные системы противостоят **апартийным**, т.е. таким формам организации политической власти, где либо совсем не существует партийных объединений, либо их наличие носит сугубо декларативный характер (как это было, например, в СССР, Албании или происходит и сейчас на Кубе, в Северной Корее).

Собственно партийные системы принято классифицировать прежде всего по качественным аспектам партийно-государственных (межпартийных и пр.) отношений, а также по их количественному составу. Так, в зависимости от числа партий выделяют **однопартийные** (неконкурентные) системы, внутри которых различают деспотические и демократические разновидности, **многопартийные** (конкурентные, состязательные) — с одной доминантной партией, двухпартийные (бипартийные) и мультипартийные. Однако, несмотря на то, что сложившиеся в том или ином государстве партии легко подсчитать, количественный метод типологизации партийных систем несовершенен: демонстрируя численность партийных институтов, он не выявляет, сколько партий действительно включено в процесс принятия государственных решений. (Например, во Франции в избирательных кампаниях участвуют

более 20 партий, в то время как реально правят одна-две, предпочитаемые обществом.)

Таким образом, типологизация партийных систем по качественным характеристикам их деятельности предпочтительней. В этом контексте, учитывая характер правления, можно говорить о **демократических, авторитарных и тоталитарных** партийных системах, а учитывая доминирующие в государстве ценности, — о системах **социалистических и буржуазных** и т.д.

Итальянский политолог Дж. Сартори дает более сложную классификацию, основанную на идеологической дистанции («полярности») между партиями. По его мнению, существуют семь типов партийных систем, размещающихся между полюсами: «однопартийной» (моноидеологической) системой и «атомизированной» (идейно разнородной)³. Промежуточные типы — системы с «партией-гегемоном», «доминирующей партией», «двухпартийные», «ограниченного плюрализма» и «радикального плюрализма» — выражают степень развития и варианты идеологического плюрализма в деятельности одной или нескольких партий.

Чаще всего в формировании партийных систем наибольшую роль играют характер социальной структуры общества, действующее законодательство (и прежде всего избирательные законы), а также социокультурные традиции. Например, в странах, где нет значительных крестьянских слоев, как правило, не возникают аграрные партии. В странах же, где определяющую роль играет какой-либо один, например средний, класс, существуют предпосылки для создания системы с доминирующей партией. Если социальная структура общества пронизана полярными противоречиями тех или иных страт, то и партийная система будет носить конфликтный характер, лишь подогревая напряженность общественных отношений. Если же социальные группы ориентируются на единую систему ценностей и идеалов, то и партийная система будет характеризоваться более мягкими формами межпартийных и партийно-государственных связей.

Законы также могут влиять на характер партийных систем, накладывая, например, ограничения на деятельность немногочисленных партий, препятствуя допуску к выборам оппозиционных партий определенной направленности, разрешая насильственные действия по отношению к нелегальным партийным объединениям. Там, где действуют избирательные системы мажоритарного типа (определяя одного победителя по большинству полученных голосов), как правило, формируются двухпартийные системы или си-

³ См.: *Sartori G. Parties and Party Systems*. London, 1976. P. 64.

стемы с одной доминирующей партией. Пропорциональные избирательные системы, напротив, давая шансы на представительство в органах власти большему числу политических сил, инициируют создание многопартийных систем и партийных коалиций, облегчают возникновение новых партий.

В обществах с множеством экономических укладов, разнообразием культур и языков, многочисленными каналами и институтами артикуляции социальных, национальных, религиозных и прочих интересов, как правило, больше предпосылок для создания многопартийных систем. Именно последние, как показал мировой опыт политического развития, выступают наиболее оптимальной формой и одновременно условием демократического развития общества.

Правда, ученые и практики расходятся в оценках, какая конкретно система предпочтительнее: с большим числом партий или бипартийная, с доминантной партией или же без нее. Например, Дж. Сартори считает, что появление пяти и более партий создает «крайнюю многопартийность», опасную для существования государства. Опыт Японии, Сирии, Испании и ряда других стран свидетельствует в пользу преимуществ многопартийной системы с монополюсно правящей партией. А политически стабильное развитие Нидерландов, Дании, Бельгии, Австрии и некоторых других государств говорит о пользе многопартийности без доминантной партии. Немало преимуществ и у установившейся в США, Англии, Ирландии, Канаде, Австралии и других странах двухпартийной модели, которая предоставляет гражданам возможность выбора, правительствам — смены курса, а обществу — стабильность. Даже оппозиционные партии действуют здесь в русле одних и тех же базовых ценностей. Впрочем, такая система тоже не идеальна, снижая возможности полноправного участия независимых кандидатов или же «третьих сил» в процессе принятия решений. Там же, где «третья» партия все же может внести существенные коррективы в установившийся порядок (т.е. отобрать значительную часть голосов у партий, которым отдают предпочтение 70–80% избирателей), формируется так называемая «2,5 партийная система» (ФРГ).

Конечно, не существует единого стандарта в оценках эффективности тех или иных партийных систем. В то же время важнейшим основанием сопоставления их деятельности является обеспечиваемая политической системой чуткость к социальным запросам и нуждам населения, возможность включения в процесс принятия решений как можно большего числа властно значимых интересов граждан, способность населения к демократическому контролю за деятельностью правящих элит.

**Основные тенденции
в развитии партий
и партийных систем**

Партогенез по-своему отображает социально-экономическую динамику, эволюцию политических систем. Например, во второй половине — конце

XIX в. конфликты между процессами первоначального накопления капитала и становления обществ индустриального типа в Западной Европе и Северной Америке вызвали возникновение массовых социалистических партий. В свою очередь их популярность стимулировала появление партий христианско-демократического типа. Интенсивный передел мира в первой и второй мировых войнах породил мощный источник формирования национальных партий. Характерным ответом на кризис демократии в европейских странах в 20–30-х гг. XX в. стало возникновение фашистских партий.

Однако, несмотря на пестроту и разноречивость общественно-го развития в нынешнем столетии, все же можно подметить ряд наиболее существенных тенденций в эволюции партийных институтов, обусловивших, в частности, изменение ведущих типов партий и их роли в политическом процессе различных стран.

Так, еще в начале этого века Р. Михельс, М. Вебер, М. Я. Острогорский подметили зарождающуюся в лоне социалистических партий тенденцию к нарастанию роли партийного аппарата в ущерб рядовому членству, бюрократизации партийных объединений, все возрастающему господству партийных лидеров и элит. В то же время в западных демократиях эти характеристики партийных объединений были подчинены общей линии в развитии партий: их использования для выдвижения кандидатов в законодательные органы, отбора и формирования правящих элит. При таком варианте развития событий идейные принципы, которые ранее привлекали рядовых граждан и стимулировали их членство, стали препятствием для завоевания партийной элитой электоральной поддержки. Поэтому идеология постепенно приносилась в жертву голому прагматизму, успеху на выборах. Партийные лидеры больше ориентировались на завоевание массовой поддержки, опасаясь отождествлять свою партию с определенным классом и определенной идеологией. Партии превращались в «партии для всех», беря на себя функцию выражения интересов большинства нации.

Таким образом, по мере развития либеральной демократии и, что немаловажно, формирования единых ценностных ориентиров, политических идеалов населения в западных странах произошло постепенное превращение большинства политических партий преимущественно в партии электоральные. Строя свою деятельность в соответствии с избирательным циклом, они стимулировали ук-

репление парламентского строя, развитие взаимовыгодных отношений элиты и электората. Поощряя плюрализм политической жизни, партии стабилизировали систему власти, основанную на устойчивом представительстве интересов граждан.

В то же время длительное функционирование в качестве привычных для населения средств выражения их интересов, органическая встроенность в механизмы государственной власти несколько изменили функции политических партий и отношение к ним со стороны граждан. В частности, укрепив представительную систему власти, партии открыли дверь в политику множеству других участников избирательного процесса, причем не только многочисленным группам интересов, но и успешно конкурирующим с ними независимым кандидатам. Взаимоотношения населения с властью становились все более непосредственными, менее формализованными, сильнее ориентированными на индивидуальные позиции граждан. Как писал С. Хантингтон, чем быстрее росла «приверженность американцев своим политическим убеждениям», тем они равнодушнее относились к групповым формам выражения своих политических интересов⁴.

С другой стороны, многие партии, привыкнув к роли постоянного звена в процессе принятия государственных решений, зачастую свою главную цель усматривают в борьбе против правительства, а не в завоевании электората. А это не может не сказаться на отношении к ним населения.

Сегодня, по мнению немецкого теоретика К. фон Бойме, партии, усилив свою роль в отборе политических элит, в то же время в определенной степени утратили влияние на политическую социализацию граждан. Весьма ощутимой тенденцией во многих западных демократиях стало снижение партийной идентификации. Укрепив демократические ценности в политической жизни, партии кое-где начинают «уходить в тень», повышая шансы менее формализованных и гибких посредников в отношениях между населением и властью. Эти веяния времени и в самих партиях стимулируют тенденции децентрализации и усиления роли местных организаций, способствуют ослаблению требований к партийной дисциплине, обуславливают расширение связей с разнообразными неформальными объединениями граждан, различными структурами гражданского общества.

В то же время в ряде стран получили развитие иные тенденции в эволюции партийных институтов. В частности, в странах, пере-

⁴ Huntington S. P. American politics: the promise of disharmony. Cambridge, 1981. P. 191.

живших период тоталитарного правления, жесткость идеологических требований к членству в правящих партиях, предоставляемые привилегии ее руководящим и рядовым членам, дискриминационные критерии отбора последних превратили эти объединения в идеократические группировки кастового характера. Более того, социальные претензии партийной бюрократии, породив стремление к «перехвату» этими организациями функций всех иных институтов власти, обусловили возникновение партийно-государственных образований, где не было места представительству живых человеческих интересов. В своей совокупности эти тенденции привели к саморазрушению партий как специфических политических институтов.

Длительные традиции существования подобного рода организаций в посткоммунистических странах, вызвав значительное недоверие населения к политическим объединениям, и в настоящее время мешают полноценному использованию партийных институтов для возвращения людей в политическую жизнь. Правда, борьба за выбор направления общественного развития, поиск консолидирующих социум ценностей порождают мощные источники формирования новых политических партий. При этом во вновь образующихся партиях сосуществуют тенденции к их превращению как в идеологически нейтральные организации, рассчитанные на максимально широкую социальную поддержку, так и в объединения с жесткими идейными требованиями к своим членам, централизованной организацией управления и авторитарной ролью лидеров.

Однако партии, группы интересов, да и государство в целом являются «только» несущей конструкцией политики, материализующей интересы элит и неэлит. Для понимания же не только реального механизма функционирования данных институтов, но и характера отправления индивидами своих прав и свобод принципиально важно знание политических идеологии, психологии и культуры. Именно они непосредственно определяют цели политической деятельности людей, субъективное содержание политической жизни.

Раздел VI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Глава 15

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

§ 1. Понятие политической идеологии

Сущность и функции политической идеологии

Политическая идеология представляет собой одну из наиболее влиятельных форм политического сознания, воздействующую на содержание властных отношений, орудие «духовного княжения» (Макиавелли) той или иной политической силы. Со времени появления соответствующего термина (его ввел французский ученый А. де Треси в XVIII в.) в науке сложились различные взгляды на это духовное явление. Так, основоположник теории идеологии К. Маркс видел в ней прежде всего форму иллюзорного сознания, вызванную противоречиями производственных отношений. К. Мангейм также понимал ее как совокупность ложных представлений. Однако большее внимание он уделял ее функциональным характеристикам и, в частности, способности сплачивать людей, аккумулировать их политическую энергию.

Американский теоретик Л. Саджент полагал, что идеология, вырабатывая определенные цели и ценности политического развития, в то же время огрубляет решение практических проблем. Его соотечественник Ф. Уоткинс считал, что идеология всегда противостоит статус-кво и является политическим фактором, сохраняющим значительный преобразующий потенциал. Неомакиавеллисты (Р. Моска, Р. Михельс, В. Парето и др.) гиперболизировали политическую идеологию, рассматривая даже формы эстетического и религиозного сознания как специфические формы ее проявления, порожденные нуждами легитимизации власти. В то же время, несмот-

ря на признание многими видными учеными весьма высокой роли политической идеологии в обществе, в политической мысли бытуют и представления, характеризующие ее как «служанку власти», не имеющую в политике сколь-нибудь серьезного веса.

И все же большинство ученых трактуют политическую идеологию как **определенную доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование) и добивающуюся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным идеям.** Следовательно, политическая идеология — это разновидность корпоративного сознания, отражающая сугубо групповую точку зрения на ход политического и социального развития, отличающаяся склонностью к духовному экспансионизму.

Политическая идеология является по преимуществу духовным орудием элиты. Именно от тактики поведения последней зависит степень идейного оформления тех или иных групповых интересов. Однако реальная роль политической идеологии в отношении власти зависит от характера овладения ею общественным сознанием.

Таким образом, основными функциями политической идеологии являются: овладение общественным сознанием; внедрение в него собственных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; создание позитивного образа в глазах общественного мнения предлагаемых ею целей и задач политического развития. При этом политическая идеология призвана не столько распространять, пропагандировать свои цели и идеалы, сколько добиваться целенаправленных действий граждан во исполнение поставленных ею задач.

С точки зрения политических функций, идеология стремится сплотить, интегрировать общество либо на основе интересов какой-нибудь определенной социальной (национальной, религиозной и др.) группы, либо для достижения целей, не опирающихся на конкретные слои населения (например, идеология анархизма, фашизма). При этом, помимо рациональных — нередко теоретически обоснованных положений, любая идеология предполагает некую дистанцированность от действительности, исповедует те цели и идеалы, которые людям предлагается воспринимать на веру. В меньшей степени таким налетом верований обладает официальная идеология, направляющая реальный курс государственной политики и потому в основном приукрашивающая действительность. Особой же предрасположенностью к утопизму обладают идеологии оппозиционных сил, как правило, ожидающие от власти значительно большего, чем она может дать, и стремящиеся с помощью красивого идеала привлечь к себе массы сторонников.

**Уровни политической
идеологии**

Поскольку политическая идеология представляет собой духовное образование, специально предназначенное для целевой и идейной ориентации политического поведения граждан, необходимо различать следующие уровни ее функционирования:

— **теоретико-концептуальный**, на котором формулируются основные положения, раскрывающие ценности и идеалы определенного класса (нации, государства) или приверженцев какой-то определенной цели политического развития. Иными словами, здесь представлены те идеи и принципы, во имя которых «совершаются государственные перевороты <...> умирают и возрождаются общества»¹;

— **программно-политический**, на котором социально-философские принципы и идеалы переводятся в программы, лозунги и требования политической элиты, формируя таким образом нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования политического поведения граждан. И если политические принципы формируют приверженцев и предполагают дискуссии сторонников разных ценностей, то программы разрабатываются для ведения непосредственной политической борьбы, предполагающей подавление (нейтрализацию) оппонентов. Причем между концептуальным и программным уровнями могут существовать и определенные противоречия, в результате которых некоторые принципы, как писал Б. Чичерин, нельзя узнать в оформлении их «самых рьяных обожателей»;

— **актуализированный**, который характеризует степень освоения гражданами целей и принципов данной идеологии, меру их воплощения в практических делах и поступках. Данный уровень может характеризоваться довольно широким спектром вариантов усвоения людьми идеологических установок: от легкой смены политических позиций, не затрагивающих гражданские убеждения, до восприятия людьми своих политических привязанностей как глубинных мировоззренческих ориентиров. Идеологии, обладающие способностью определять принципы социального мышления людей, упорядочивать в их сознании картины мира, являются «тотальными» (К. Мангейм). Те же системы политических требований и воззрений, которые ставят задачи частичного изменения форм правления, функций государства, систем выборов и другие цели, не способные повлиять на мировоззренческие представления граждан

¹ Прудон. Война и мир: Исследование о принципе и содержании международного права. М., 1964. С. 5.

дан, выступают как «частные» (Н. Пуланзас). Падение влияния идеологии на общественное мнение или распространение технократических представлений, отрицающих возможность воздействия социальных ценностей на политические связи и отношения, ведет к **деидеологизации** политики и замещению функций идеологии другими способами духовной интеграции общества (например, на основе применения техник политической рекламы, паблик рилейшнз, информационного лоббизма и др.).

§ 2. Основные идеологические течения в современном мире

Либерализм и неолиберализм Унаследовав ряд идей древнегреческих мыслителей Лукреция и Демокрита, либерализм как самостоятельное идеологическое течение сформировался на базе политической философии английских просветителей Д. Локка, Т. Гоббса, А. Смита в конце XVII—XVIII вв. Связав свободу личности с уважением основополагающих прав человека, а также с системой частного владения, либерализм положил в основу своей концепции идеалы свободной конкуренции, рынка, предпринимательства. Соответственно ведущими политическими идеями либерализма были и остаются правовое равенство граждан, договорная природа государства, а также в более позднее время сформировавшееся убеждение о равноправии соперничающих в политике «профессиональных, экономических, религиозных, политических ассоциаций, ни одна из которых» не может иметь «морального превосходства и практического преобладания над другими»².

С момента своего возникновения либерализм отстаивал критическое отношение к государству, принципы высокой политической ответственности граждан, религиозную веротерпимость и плюрализм, идею конституционализма. Главными проблемами либеральной идеологии всегда были определение допустимой степени и характера государственного вмешательства в частную жизнь индивида, совмещение демократии и свободы, верности конкретному Отечеству и универсальных прав человека.

Попытки решения этих вопросов привели к возникновению в либерализме многочисленных внутренних течений. Так, в XX в. наряду с традиционным либерализмом сформировались направления, пытавшиеся соединить его основные ценности с тотальной

² Coker F.-W. Pluralism//Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 12. New York, 1934. P. 171.

опорой на государство или с социально ориентированными идеями, утверждавшими большую ответственность общества за благосостояние людей, нежели отдельного индивида, либо с представлениями, напрочь отрицавшими социальную направленность деятельности государства («консервативный либерализм») и т.д.

В целом же, усиление элементов государственной идеологии и социальных целей, адаптировавших традиционные ценности либерализма к экономическим и политическим реалиям второй половины XX в., заставило говорить о его исторически обновленной форме — **неолиберализме**. Важнейшим достоинством политической системы здесь провозглашалась справедливость, а правительства — ориентация на моральные принципы и ценности. В основу политической программы неолибералов легли идеи консенсуса управляющих и управляемых, необходимости участия масс в политическом процессе, демократизации процедуры принятия управленческих решений. В отличие от прежней склонности механически определять демократичность политической жизни по большинству стали отдавать предпочтение плюралистическим формам организации и осуществления государственной власти. Причем Р. Даль, Ч. Линдблум и другие неоплюралисты считают, что чем слабее правление большинства, тем оно больше соответствует принципам либерализма. Правда, представители праволиберальных течений (Ф. Хайек, Д. Эшер, Г. Олсон) полагают, что при плюрализме способны сформироваться механизмы экспроприации большинством богатого меньшинства, а это может поставить под угрозу основополагающие принципы либерализма.

В то же время сохранившаяся в неолиберализме ориентация по преимуществу на публичные виды человеческой жизнедеятельности (политическую активность, предприимчивость, свободу от предрассудков и т.п.), традиционное отношение к морали как к частному делу человека (что способствует укреплению отнюдь не всех связей и отношений в обществе, а временами несет и опасность атомизации социума) ограничивают электоральную базу этих представлений в современных условиях. С другой стороны, именно основные ценности либерализма обусловили коренное изменение в массовых политических воззрениях во многих странах мира, легли в основу многих национальных идеологий, ориентиров неоконсерватизма и христианско-демократической идеологии. На либеральной основе развились многообразные теории политического участия, демократического элитизма и т.д. И видимо, эти грандиозные исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили ряду зарубежных теоретиков (например, Ф. Фукуяме) полагать, что мировое

сообщество уверенно движется к «концу истории», т.е. универсализации государств, воплощающих принципы свободы и равенства граждан и потому способных решить все фундаментальные проблемы человеческого сообщества.

Консерватизм и неоконсерватизм

Консерватизм как политическая идеология являет собой не только систему охранительного сознания, предпочитающую прежнюю систему правления (независимо от ее целей и содержания) новой, но и весьма определенные ориентиры и принципы политического участия, отношения к государству, социальному порядку и т.д. Предпосылкой возникновения этих базовых представлений стали «успехи» либерализма после Великой Французской революции 1789 г. Потрясенные попытками радикального политического переустройства, духовные отцы этого направления — Ж. де Местор, Л. де Бональд и особенно Э. Берк — пытались утвердить мысль о противоестественности сознательного преобразования социальных порядков. Их система воззрений базировалась на приоритете преемственности перед инновациями, на признании незыблемости естественным образом сложившегося порядка вещей, предустановленной свыше иерархичности человеческого сообщества, а стало быть, и привилегией известных слоев населения, а также соответствующих моральных принципов, лежащих в основе семьи, религии и собственности. По их мнению, сохранение прошлого способно снять все напряжение настоящего и потому должно рассматриваться как моральный долг по отношению к будущим поколениям. Понятно, что такие принципы отрицали оптимизм либеральной идеологии относительно общественного прогресса, тот дух индивидуальной свободы, который, с точки зрения консерваторов, разрушал целостность человеческого сообщества.

На основе этих фундаментальных подходов сформировались и окрепли характерные для консервативной идеологии политические ориентиры, в частности отношение к конституции как к проявлению высших принципов (которые не могут произвольно изменяться человеком), воплощающих неписаное божественное право, убежденность в необходимости правления закона и обязательности моральных оснований в деятельности независимого суда, понимание гражданского законопослушания как формы индивидуальной свободы и т.д. И это заставляло консерваторов сомневаться в ценностях эгалитаризма, препятствовало отождествлению демократии со свободой и эффективным управлением обществом.

Правда, защищая ценности и институты индустриального общества, консерватизм, как и либерализм, стал противиться государственному вмешательству в экономику, способному затормозить развитие свободного рынка, конкуренции, а следовательно, и нарушить привилегии представителей крупного капитала.

Эти основополагающие идеи и принципы, однако, заметно модифицировались в процессе общественного прогресса. Так, кризисное развитие индустриальных держав в начале XX в. спровоцировало появление различного рода реакционных консервативных течений: антисемитизма, расизма, иррационализма, национализма и др., которые выказали полное неприятие демократии и стали проповедовать социальную и национальную дискриминацию. Здесь проявился в целом нехарактерный для консерватизма — уверенного в способности политики смягчать социальную напряженность — радикализм, стремление к силовым способам разрешения конфликтов.

В послевоенный период, когда консерватизм вынужден был обратиться к более тонкой и сложной апологетике капиталистического образа жизни, возникли новые формы этой идеологии. Так, попытки обосновать «третий» (в отличие от предлагаемых либерализмом и социализмом) путь общественного развития, наряду с традиционными течениями, вызвали к жизни разнообразные национальные формы консерватизма, а также технократический (А. Гелен, Х. Шельски, Г. Фрейер), христианско-католический, «реформаторский» консерватизм и другие типы этой идеологии. Значительно мягче относясь и к государственному регулированию производства, и к участию населения в управлении, эти идейные течения решительно ставили вопрос об укреплении законности, государственной дисциплины и порядка, не признавали инициированных реформ. Консерваторы, в стремлении с собственных позиций пересмотреть идею демократии, предлагали даже дополнить выборность народных представителей выдвижением в органы управления наиболее «достойных» (с точки зрения властей) граждан.

Последние десятилетия обозначили явное стремление консерватизма, с одной стороны, к иррациональным идеям реакционного толка (например, «новые правые» во Франции), а с другой — к большей склонности к либеральным ценностям. Второе направление эволюции консервативных идей наиболее ярко проявилось в **неоконсерватизме** — идеологическом течении, сформировавшемся в качестве своеобразного ответа на экономический кризис 1973–1974 гг., массовые молодежные движения протеста в Западной Европе и расширение влияния кейнсианских идей.

В целом неоконсерватизм весьма удачно приспособил традиционные ценности консервативного толка к реалиям позднеиндустриального (постиндустриального) этапа развития общества. Многообразии стилей жизни и усиление всесторонней зависимости человека от технической среды, ускоренный темп жизни и нарушение духовного и экологического равновесия — все это породило серьезный ориентационный кризис в общественном мнении западных стран, поставило под сомнение многие первичные ценности европейской цивилизации. В этих условиях неоконсерватизм и предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважении права и недоверии к чрезмерной демократизации, крепком государственном порядке и стабильности. Сохраняя внешнюю приверженность рыночному хозяйствованию, привилегированности отдельных страт и слоев, эти ориентиры были четко направлены на сохранение в обществе и гражданином чисто человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое развитие общества не заполнит образовавшегося в людских душах духовного вакуума.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагалась на самого индивида, который должен прежде всего рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность сограждан. Такая позиция должна была поддерживать в нем жизнестойкость и инициативу и одновременно препятствовать превращению государства в «дойную корову», развращающую человека своей помощью. Эта модель отличалась от либеральной, сориентированной на предоставленного самому себе индивида, которому надлежит самостоятельно отыскивать смысл бытия, «договариваться» с государством и т.д. Государство неоконсерваторов должно было основываться на моральных принципах и сохранении целостности общества, обеспечивать необходимые индивиду жизненные условия на основе законности и правопорядка, предоставляя возможность образовывать политические ассоциации, развивая институты гражданского общества, сохраняя сбалансированность отношений общества с природой и т.д. И хотя предпочтительным политическим устройством для такой модели взаимоотношений гражданина и государства становилась демократия, все же основные усилия теоретики неоконсерватизма (Д. Белл, З. Бжезинский, Н. Кристолл и др.) тратили на разработку программ, преодолевающих дефицит управляемости обществом (из-за чрезмерного вовлечения в политику населения), защищающих государство от социальных «перегрузок», модернизирующих меха-

низмы защиты элитизма, совершенствующих средства урегулирования конфликтов и пр. При этом в американских версиях неоконсерватизма акценты, как правило, делались на определении путей эволюции государственности и организации власти, в то время как в западноевропейских течениях предпочтение отдавалось сохранению социокультурной среды, усовершенствованию нравственных традиций общества и стимулированию социальной активности индивида.

Конечно, предлагаемые неоконсерватизмом программы экономического роста и сохранения политической стабильности (предполагавшие разрешение проблем, вызванных ростом благосостояния, новое понимание роли планирования, регулирования уровня занятости и т.д.) не могли решить многие вопросы общественного развития государств, втягивавшихся в постиндустриальный период эволюции (например, инфляции, обнищания населения). Однако по сравнению с его способностью дать человеку относительно целостную картину мира, отвечающую его основным нуждам и запросам, все эти частности отходили на второй план. Главное, что неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством.

Неоконсерватизм обнажил те черты консервативной идеологии и образа мысли, которые сегодня оказались способными защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы, определить приоритеты индивидуальной и общественной программ жизнедеятельности, очертить облик политики, способной вывести общество из кризиса. Более того, на такой идейной основе неоконсерватизм синтезировал многие гуманистические представления не только либерализма, но и социализма, а также ряда других учений. И хотя неоконсервативной идеологии придерживаются только некоторые крупные политические партии в западных странах (республиканская в США, либерально-консервативная в Японии, консервативная в Англии), круг приверженцев этой идейной ориентации все больше расширяется во всем мире.

Социализм

Идеи социализма известны в мире с древнейших времен, однако теоретическое обоснование и идеологическое оформление они получили только в XIX в. Большое значение для их концептуализации имели эгалитаристские идеи французского мыслителя Ж.Ж. Руссо и воззрения его соотечественника Ф. Бабёфа о классовой принадлежности

сти граждан и необходимости насильственной борьбы за общественное переустройство.

В целом социализм недооценивает, а то и вовсе отрицает значение экономической свободы индивидов, конкуренции и неодинакового вознаграждения за труд как предпосылок роста материального благосостояния человека и общества. В качестве заменяющих их механизмов рассматриваются нетрудовое перераспределение доходов, политическое регулирование экономических и социальных процессов, сознательное установление государством норм и принципов социального равенства (неравенства) и справедливости. Иначе говоря, главными прерогативами в социалистической доктрине обладает государство, а не индивид, сознательное регулирование, а не эволюционные социальные процессы, политика, а не экономика.

Первые попытки очертить идеал этого общественного устройства предпринимались мыслителями Нового времени Т. Мором и Т. Кампанеллой, а в конце XVIII — начале XIX в. так называемыми утопическими социалистами Сен-Симоном, Фурье и Оуэном. В середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс дали теоретическое обоснование социализма, связав его осуществление с процессом исторического становления более отдаленного общества «всеобщего изобилия» — коммунизма. В. И. Ленин, пытаясь соединить эти идеи с рабочим движением в России и разработав учение об этапах социалистической революции, о сломе «буржуазной государственной машины», «диктатуре пролетариата» и т.д., рассматривал социализм как непосредственную политическую цель деятельности партии «нового типа».

Однако, пытаясь обосновать, почему революции происходят в менее, а не в более развитых капиталистических странах, стремясь создать новое общество в соответствии с марксистской доктриной, Ленин и его соратники стали проводниками фундаменталистского течения в «научном социализме». В то же время ряд немецких теоретиков (К. Каутский, А. Бебель, Э. Бернштейн), позитивно трактуя роль государства (демократической республики) в общественных преобразованиях и утверждая приоритет мирных, эволюционных средств достижения целей, стали основоположниками теоретического ревизионизма в «научном» обосновании социализма, положив начало социал-демократической идеологии.

Теоретическое противоборство марксистско-ленинской и социал-демократической идеологий на протяжении всего XX столетия породило ряд существенных различий в попытках реализации принципов «социально справедливого общества».

Так, ленинский фундаментализм послужил основой для возникновения сталинского режима, теоретики которого, выдвинув

идею об усилении классовой борьбы по мере социалистического строительства, создали идейную основу для обеспечения общественных преобразований (обобществления производства, индустриализации народного хозяйства, коллективизации села и т.д.) средствами террора и геноцида гражданского населения.

Стремление укрепить социалистический строй без присутствия иностранных войск (как это случилось в Восточной Европе) в бывшей Югославии породило так называемый титоизм (И. Тито — генеральный секретарь компартии, а впоследствии Президент Югославской Республики). Эту версию социализма отличали установки на мирное сосуществование с капиталистическими государствами, признание внутренних конфликтов и противоречий социалистического строительства, необходимости ведения борьбы с главным внутренним врагом — бюрократией, стремление установить рыночные отношения и ограничить роль коммунистической партии.

Попытка реализовать идеи социализма в послевоенном Китае породила еще одну прикладную разновидность социализма — маоизм (по имени генерального секретаря КПК Мао Цзедунa). Отрицая священные для марксистов «общие закономерности» социалистического строительства, Мао тем не менее взял за основу сталинскую идею о необходимости борьбы с внешними и внутренними врагами, раскрасив ее теорией «партизанской борьбы» (сделавшей маоизм весьма популярным в ряде стран Индокитая, Африки и Латинской Америки). При этом главной исторической силой движения к социализму стало крестьянство, призванное «перевоспитывать» интеллигенцию и другие слои населения в революционном духе. Понятно, что эти пути продвижения к «светлому будущему» были оплачены массовыми жертвами китайского населения (особенно во времена «культурной революции»).

Но XX в. продемонстрировал не только непрекращающиеся попытки практического воплощения ортодоксальных версий социализма. Характерной и весьма показательной чертой нынешнего столетия были настойчивые стремления многих мыслителей модернизировать и теоретическую основу социалистической идеологии. Так, австро-марксисты М. Адлер и О. Бауэр пытались создать «интегративную» концепцию социализма, объединяющую идеи коммунизма и социал-демократии; А. Шафф и Г. Петрович обосновывали доктрину «гуманистического» марксизма; разрабатывались теории «экологического» и «христианского» социализма и т.д. Однако при всей привлекательности идей социальной справедливости расхождение предписаний теории социализма с реальными тенденциями мирового развития в XX в., а самое главное, их явная склонность к силовым средствам управления, неразрывная связь с имиджем тоталитар-

ных режимов Сталина, Кастро, Чаушеску значительно ослабили политическое влияние этой идеологии в современном мире.

Наибольшее влияние на общественное сознание в XX в. (в основном в европейских странах) оказала **социал-демократическая идеология**, всегда отстаивающая приоритеты социального и межгосударственного мира и связывающая идеалы справедливого общественного устройства с принципами свободы и солидарности. Представления о постепенном реформировании буржуазного общества неразрывно соотносились в ее доктрине с отказом от классовой борьбы, принципами народовластия, социальной защищенности тружеников и поощрением рабочего самоуправления. Проповедуемая социал-демократией концепция «социального партнерства» (заменившая и усовершенствовавшая концепцию классовой борьбы) в условиях стабильного политического развития стала весьма привлекательной программой политического движения. Однако неосуществленность выдвигавшихся ими моделей «демократического социализма», трудности, связанные с реализацией «государства всеобщего благоденствия», смена общественного строя в большинстве стран «реального социализма» и др. негативно сказались на влиянии социал-демократии в мире.

Фашизм

Сегодня в политической науке сложилось двоякое понимание фашизма. Одни ученые понимают под ним конкретные разновидности политических идеологий, сформировавшихся в Италии, Германии и Испании в 20–30-х гг. нынешнего столетия и служивших популистским средством выхода этих стран из послевоенного кризиса. Родоначальником фашизма явился бывший лидер левого крыла итальянских социалистов Б. Муссолини. Его теория, базировавшаяся на элитарных идеях Платона, Гегеля и концепции «органистского государства» (оправдывающего агрессивные действия властей во имя блага преданного ему населения), проповедовала крайний национализм, «безграничную волю» государства и элитарность его политических правителей, прославляла войну и экспансию.

Характерной разновидностью фашизма был и национал-социализм Гитлера (А. Шикльгрубера). Немецкая версия фашизма отличалась большей долей реакционного иррационализма («германский миф»), более высоким уровнем тоталитарной организации власти и откровенным расизмом. Используя идеи расового превосходства А. Гобино, а также ряд положений философии И. Фихте, Г. Трейчке, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, теоретики германского фашизма построили свою идеологию на приоритете социальных и политических прав некоего мифического народа — «арии». В соот-

ветствии с признанием его привилегированности была провозглашена политика поддержки государств «культуросозидающих рас» (к настоящим ариям были отнесены немцы, англичане и ряд северных европейских народов), ограничения жизненного пространства для этносов, «поддерживающих культуру» (к ним причисляли славян и жителей некоторых государств Востока и Латинской Америки) и беспощадного уничтожения «культуроразрушающих» народов (негров, евреев, цыган). Здесь государству отводилась уже второстепенная роль, а главное место занимала раса, защита целостности которой оправдывала и предполагала политику экспансионизма, дискриминации и террора.

Конкретно-исторические трактовки фашизма позволяют увидеть его политические очертания, помимо названных государств, также во франкистской Испании, Японии 30–40-х гг., Португалии при А. Салазаре, Аргентине при президенте Пероне (1943–1955), Греции конца 60-х, в отдельные периоды правления в Южной Африке, Уганде, Бразилии, Чили.

Другая точка зрения интерпретирует фашизм как идеологию, не имеющую определенного идейного содержания и формирующуюся там и тогда, где и когда на первый план в идейных и практических устремлениях политических сил выступают цели подавления демократии, а жажда насилия и террора заслоняют задачи захвата и использования власти. Таким образом, наиболее предпочтительной идейной основой для фашизма являлись бы доктрины, содержащие признание превосходства тех или иных расовых, этнических, классовых, земляческих и иных групп общества. Поэтому от фашистского перерождения не застрахованы ни национальные, ни коммунистическая, ни религиозные и другие идеологии, стоящие на принципах политического переустройства общества, сохраняющего привилегированное положение для «коренного населения», приверженцев «подлинной веры», «гегемона исторического процесса» и предлагающие радикальные средства для обеспечения этим группам требуемого общественного статуса.

Понимая таким образом фашизм, общество должно крайне внимательно относиться к появлению на политическом рынке идей, стремящихся закрепить где-либо социальное превосходство в ущерб другим гражданам и не желающих останавливаться ни перед какой социальной ценой для достижения поставленных целей. И хотя такое отношение к фашизму драматизирует авторитарные методы управления в демократических режимах, однако оно позволяет своевременно увидеть опасность нарастания насилия, национального милитаризма, вождизма и других черт этой агрессивной идеологии, чреватой разрушением цивилизованного облика общества.

В странах, где идет процесс становления национальных общностей, осуществляется консолидация государств на моно- или полиэтнической основе, серьезную политическую роль играют национальные идеологии. Так, например, Западная Европа пережила бум национальных идеологий в конце XIX — первой трети XX в. И в настоящее время процесс европейской интеграции, поддерживаемый соответствующими институтами (Европарламентом, Евросоветом и др.), обусловил едва ли не повсеместное — особенно в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге — преобладание евроцентризма над национальными пристрастиями людей. В то же время в Югославии, России, большинстве республик, образовавшихся на месте бывшего СССР, национальные идеологии начинают доминировать в политической жизни общества.

В целом идеологии этого типа выражают политические требования граждан, чьи интересы в повышении своего социального статуса связываются с национальной принадлежностью. Концептуально-теоретические основы этих идеологических течений прежде всего выражают то или иное понимание природы национальной группы, которая может трактоваться либо в качестве общности, складывающейся на основе единых экономических условий жизни людей, территории, языка и определенных черт духовной культуры (марксистская традиция); либо культурной общности, интегрируемой политическими событиями и институтами (М. Вебер); либо воплощения «национального духа», поддерживаемого культурными нормами, ценностями и символами (Дж. Бренд); либо народа, которому ниспослано божественное откровение (исламская традиция), и т.д.

В соответствии с внешними условиями и уровнем национального самосознания населения политические силы могут выдвигать требования либо защиты культурной самобытности национальной диаспоры (вплоть до образования самостоятельной государственности); либо расширения геополитического пространства для жизни нации или, напротив, — защиты собственной территории и национального суверенитета от внешних посягательств; либо создания привилегий для лиц «коренной национальности» или же — интенсивного расширения интернациональных контактов и т.д.

Таким образом, политические движения, стимулируемые национальными идеологиями (национализм), в одних странах могут способствовать разрешению межнациональных конфликтов, усилению культурной однородности и, стало быть, интеграции общества (Швейцария, страны Бенилюкса и др.). В других, создавая очаги сепаратизма и этнического гегемонизма, национализм мо-

жет подрывать целостность общества и стабильность политического правления (движение басков в Испании, сербов в Боснии и т.д.). Национальные идеологии могут стать источником укрепления межгосударственных отношений (так, в большинстве стран Западной Европы отстаивание национальных интересов не связывается с усилением враждебности к другим государствам), а могут создавать острые противоречия между государствами, особенно в связи с проведением политики по отношению к своим национальным землячествам на чужих территориях (например, между Боснией и Сербией, Россией и Латвией).

В ряде случаев национальные идеологии используются в качестве прикрытия для решения проблем, не связанных с условиями существования того или иного этноса. Например в конце 80 — начале 90-х гг. XX в. Прибалтийские республики под флагом защиты интересов коренных национальностей пытались решить весь комплекс проблем с бывшим союзным государством (в частности, вопросы хозяйственных взаимоотношений, усиления экономической самостоятельности, обеспечения оптимальных условий роста уровня жизни граждан и т.д.).

Конечно, ни разнообразие национальных идеологий, ни перечисленные выше идейные течения не исчерпывают всего духовно-богатства политической жизни современного мира. Перестроить политическую вселенную на собственных принципах, повлиять на умонастроения людей хотят и доктрины, строящие свои требования на основании религиозных постулатов и ценностей (в том числе и те, что увязывают собственную картину мира с демократическими идеалами — как, например, христианско-демократическая идеология, а также те, которые исповедуют фундаменталистские воззрения: ортодоксальный иудаизм, сикхизм, исламский фундаментализм и др.), различные лево- и праворадикальные идеологии (например, соответственно неотроцкизм и «новые правые»). Существенное политическое влияние в отдельных странах оказывает идеология «комьюнити» (проповедующая «новый стиль жизни» путем создания различных соседских, профессиональных и прочих общин, построенных в духе братства и локальной солидарности граждан, стремящихся к «немедленному счастью»), феминизм (борющийся за полное равноправие женщин в обществе), различные экологические («зеленые») идеологии (например, «комплюралистическое» учение, стремящееся предотвратить самоуничтожение человечества путем сохранения окружающей среды, развития коллективного капитала и прекращения роста населения), многочисленные футурологические концепции и т.д.

Причем, если в социально стабильных странах влияние политических идеологий на общественное сознание по преимуществу снижается, то в государствах, переживающих процесс модернизации, выбора путей дальнейшего развития, эти орудия духовной мобилизации играют все возрастающую роль в борьбе за захват и использование власти.

§ 3. Идеологический дискурс

**Идеологический дискурс:
основные тенденции**

Реальное сосуществование и постоянное взаимодействие разнообразных идеологических течений обозначаются в политической науке понятием «дискурс». С содержательной точки зрения оно предполагает целый спектр возможных вариантов духовного взаимодействия: от взаимного дистанцирования идеологий до их объединения и соответствующего синтеза тех или иных идеалов, норм, политических требований и прочих своих элементов. Причем как в мировом или, предположим, региональном масштабе, так и в рамках отдельно взятой страны могут складываться самые разнообразные и противоречивые тенденции идеологического диалога. Но духовный климат, образовавшийся в том или ином государстве, как правило, всегда испытывает влияние более масштабных идейных веяний, свойственных межгосударственным и мировым политическим процессам.

Реалии XX — начала XXI в. существенно повлияли на характер идеологического взаимодействия как в мире в целом, так и в отдельных странах. Если вторая половина XIX столетия, проходившая под знаком интенсивного формирования и развития индустриального общества, несла на себе явный отпечаток идейной конкуренции социалистической и либеральной идеологий, то нынешнее время, знаменующее борьбу традиционных и модернизирующихся государств, поменяло и укрупнило акценты идейной дискуссии. Наряду с поощрением самых разнообразных идеологий главный водораздел оно провело между идейными течениями, защищающими идеалы гуманизма, человечности и демократии, а также доктринами, оправдывающими насилие, физическое принуждение и террор как основополагающие методы реализации своих целей.

Такое положение предопределило и соответствующую эволюцию идеологических систем: с одной стороны, сближение и даже синтез определенных положений политических доктрин и философий либерализма, консерватизма, социал-демократии, христианско-демократической идеологии и ряда других учений, и проти-

востояние им фашистских, экстремистских, шовинистических, расистских и иных аналогичных течений — с другой.

Сближение и объединение реакционных идеологий способствует поляризации общества и нарастанию политической напряженности и в тех странах, где они пользуются соответствующим влиянием, и на международной арене в целом. Особенно ярко это проявляется в фактах политического терроризма. Результатом же внутреннего сближения идеологических систем гуманистического направления, в частности на Западе, стало возникновение ряда новых авторитетных идейных течений (неоконсерватизм) или, к примеру, существенное изменение соотношения между традиционно понимаемыми левыми и правыми политическими течениями. Эти ранее разведенные по оконечностям политического спектра позиции и ориентации в настоящее время все более **сближаются и объединяются** по вопросам демократии, признания прав человека в качестве главного критерия политики, защиты моральных и семейных ценностей, утверждения социальной открытости обществ и т.д. Таким образом, их различия касаются по сути частных вопросов текущей политики и выражаются скорее в разнице предвыборных обещаний, нежели в сфере принципиальных политических вопросов. Такая ситуация однозначно ведет к снижению остроты идеологического противоборства и утрате людьми партийно-идеологической идентичности. Например, многие из тех, кто голосует на Западе за те или иные партии, зачастую не считают себя сторонниками провозглашаемых и поддерживаемых ими идеологий.

Своеобразный оттенок в картину современного идеологического дискурса внесли и сторонники **технократического** направления, отрицающие саму способность социальных доктрин определять движение государств и политическое поведение людей. Единственной силой, способной на такое, признается только техника. Как считал видный представитель этого по существу деидеологизаторского направления Х. Шельски, демократия в обществе становится ненужной из-за увеличивающегося могущества не нуждающейся в узаконении власти техники. Нельзя сказать, что такого рода взгляды получили широкое распространение или существенно влияют на политический рынок. Однако технократические идеи стали неизменными участниками идеологического дискурса по сути, во всех странах.

В целом для устойчивых, стабильных государств демократической ориентации сегодня в основном характерна приглушенность идеологических споров. Там же, где борьба за выбор направления социально-политического развития продолжается, где различные

группы ведут интенсивный диалог за приоритеты национальной политики, там идейное противоборство между идеологиями только обостряется, а внутренняя напряженность такого спора мешает их сближению и внутреннему синтезу. Подобная ситуация, способствующая росту политической напряженности в обществе, характерна, в частности, для современной России.

Основные идеологические направления в современной России

После крушения монопольного статуса коммунистической идеологии в общественном мнении, казалось, установилось нечто наподобие аллергии

относительно идейно-целевых течений. Сложилась ситуация, которую специалисты называли идеологическим вакуумом. Но она продолжалась недолго. Активность новых политических элит, пытавшихся отстаивать интересы вступающих в борьбу за власть групп, а главное — стремление широких слоев населения концептуально оформить свои политические чувства, надежды и разочарования, породили всплеск различных идеологических доктрин. Временное затишье сменилось идеологическим бумом. Однако, несмотря на обилие идеологических конструкций, в настоящее время доминирующее положение в политико-идеологическом пространстве занимают три идеологических течения: **коммунистическое, национально-патриотическое и либерально-демократическое.**

В то же время в **коммунистической** идеологии явно ощущаются две тенденции. Одна из них выражает стремление к **либерализации** этой доктрины, приближение ее к идеалам, разделяемым социал-демократией. Это находит свое выражение в признании права частной собственности, отказе от воинствующего атеизма, более лояльном отношении к правам человека, провозглашении норм правовой государственности и т.д. Однако и такие модификации, сочетаясь с идеями приоритетного положения общественной собственности, государственного регулирования экономики, сохранения социально-классовых приоритетов, жесткими геополитическими целями и рядом других традиционных положений, показывают противоречивость и непоследовательность такой обновленческой тенденции.

Наряду с ней существует и **фундаменталистское** течение, опирающееся на хорошо известные политические ценности и цели и исключающее саму возможность развития в стране отношений буржуазного типа. Учитывая же, что реальные социально-экономические и политические процессы в значительной мере связаны именно с такой перспективой развития общества, данное идеологическое течение нередко провоцирует экстремистские требования и формы политического протеста.

Всплеск активности **национально-патриотических** идеологий, поставивших в центр своих требований образ Родины, обусловлен сложными процессами развития национального самосознания российского народа и особенно «кризисом национальной идентичности, утратой чувств исторической перспективы и понимания уровня самооценки нации»³. По своему идейному и политическому содержанию — это самое противоречивое и разнообразное течение, собирающее под свои знамена как приверженцев самобытности России и ее культуры, ратующих за их обогащение и развитие в процессе равноправного диалога с иными культурами и цивилизациями, так и сторонников этногегемонизма, направленного против прав иных народов и враждебно настроенных к представителям других национальных групп.

Либерально-демократическая идеология, придерживаясь своих основополагающих ценностей, представлена в виде трех относительно самостоятельных идейных тенденций. Так называемый **радикальный** либерализм настаивает на последовательном уменьшении регулирующей роли государства и поощрении стихийных процессов, видит главную задачу в осуществлении макроэкономических реформ и всемерной адаптации западного опыта, выступает против авторитаризма, но тем не менее допускает возможность преодоления сопротивления архаичных социальных структур насильственными мерами. В противоположность такой постановке задачи **консервативный** либерализм, испытывая страх перед сопротивлением традиционалистски настроенных слоев, ратует за максимальную ориентацию на сложившиеся хозяйственные связи, большую роль государства в осуществлении намеченных — и главное реальных — преобразований, предполагает учет массовых ценностей и избирательное отношение к западному опыту, достижение большего психологического комфорта для населения при проведении реформ.

Третья версия либерализма — это **социал-либерализм**. По своим установкам он достаточно близок к социал-демократической идеологии. Главной ценностью в нем выступает свобода, понимаемая не только в духе классического либерализма как независимость от государства и других людей, но и как установление примерно равных для всех стартовых возможностей. Это предполагает позитивное отношение к государственным программам в области образования, здравоохранения и социального обеспечения, признание важности принципов социальной справедливости, ценности труда и т.д.

³ Кара-Мурза А., Панарин А., Пантин И. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития//Полис. 1995. № 4. С. 6.

С теоретической точки зрения дискурс отмеченных идеологических течений вполне может предполагать их определенное сближение и даже синтез отдельных положений. Например, требование коммунистов о движении к бесклассовому обществу вполне сочетается с либеральной идеей изживания социальной дихотомии за счет высокой социальной мобильности индивидов. На практике же, хоть и происходит известное сближение позиций между ними, по ряду политических проблем (например, уважению прав человека, защите национальных интересов и некоторым другим вопросам) все же пока доминирует противостояние, оборачивающееся ростом политической напряженности и борьбы.

Как показывает опыт преобразований в обществах с переходными общественными отношениями, одним из важнейших условий стабилизации политической обстановки является выработка долговременной идейно-целевой доктрины, которой руководствуется государство в своей деятельности и которую можно условно назвать **государственной идеологией**. Являясь составной частью процесса развития национального самосознания народа, выработка государственной идеологии обеспечивает интеграцию государства и общества, целостность всей социальной системы.

В свою очередь условием выработки такого типа идеологии является достижение того минимального компромисса, который отразил бы как согласие основных групп общества относительно характера общественного строя и будущих перспектив развития, так и снял бы остроту противоречий между «верхами» и «низами», управляющими и управляемыми. Здесь особая роль принадлежит позиции властей, их способности выражать интересы граждан и сохранять перед ними свои обязательства.

Существенной предпосылкой выработки ценностей государственной идеологии служит сохранение духовного плюрализма, возможности различных групп излагать собственное мнение относительно общественных целей и программы действий. (Исключение в такой ситуации могут составлять только экстремистские группы и идеологии, перемещаемые на периферию политической жизни.) Однако опыт свидетельствует о том, что труднее всего достигается запрет на идеологическую монополизацию государства, т.е. стремления властей руководствоваться узкогрупповыми идеями, которые жестко и односторонне навязываются населению. Сложная ситуация в обществе складывается и тогда, когда прокламируемые идеалы подменяют ролевые, поведенческие цели и задачи граждан или ведут к преобладанию веры над рациональным и прагматическим отношением к действительности.

Еще одним условием эффективной выработки государственной идеологии является сохранение исторической преемственности поколений, внимательный учет национальных, исторических и географических особенностей страны, обеспечение атмосферы открытого диалога между странами и цивилизациями, преодолевающего — что особенно важно для России — предрассудки и недоверие как к западно-европейскому опыту, так и к нормам и традициям восточного типа.

Глава 16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Сущность и отличительные черты политической культуры

Понятие политической культуры

Многое из того, что мы сегодня относим к проблематике политической культуры, содержалось еще в Священном Писании и описывалось мыслителями древности (Конфуций, Платон, Аристотель). Однако специальный термин «политическая культура» впервые появился лишь в XVIII в. в трудах немецкого философа-просветителя Иоганна Гердера. Теория же, предполагавшая изучение мира политики через призму этого концепта, сформировалась еще позднее — только в конце 50 — начале 60-х гг. XX столетия в русле западной политологической традиции.

Американский теоретик Г. Алмонд, исследуя политическую систему, наряду с традиционным — **институциональным** характером ее изучения (предполагавшим изучение институтов и их функций, норм и механизмов формирования государственной политики) выделил также и **ориентационный** (выделявший в качестве основного объекта анализа особые отношения населения к разнообразным политическим объектам). Последний и представлял собой характеристику особого класса политических явлений — политическую культуру, соединявшую институциональный и реальный уровни функционирования политической системы. И хотя в своем первоначальном виде эта теория в значительной степени была спроецирована на изучение американской политики, впоследствии соотечественники Г. Алмонда — С. Верба, Л. Пай, В. Розенбаум, англичане Р. Роуз и Д. Каванах, немецкий теоретик К. фон Бойме, французы М. Дюверже и Р. Ж. Шварценберг, голландец

И. Инглхарт и другие ученые существенно дополнили и развили учение о политической культуре, превратив ее в универсальную теорию, описывающую ценностную мотивацию, верования, идеалы и убеждения людей. И сегодня понятие «политической культуры» стало символом и обобщенной характеристикой всего субъективного контекста политики, отображая то, «как люди воспринимают политику, и как они интерпретируют то, что видят»¹.

Вместе с тем следует констатировать, что на сегодняшний день в политологии сложилось три основных подхода в трактовке политической культуры.

Так, одна группа ученых отождествляет политическую культуру со всей совокупностью **духовных** явлений (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, Ю. Краснов и др.). В этом смысле политическая культура понимается по сути как форма общественного сознания или психического склада социума, не включающая при этом все практические, поведенческие формы своего существования. Другие ученые видят в политической культуре проявление **нормативных** требований (С. Вайт) или совокупность типичных образцов поведения человека в политике (Дж. Плейно). Иными словами, политическая культура понимается в данном случае как регулятор политического поведения. Еще одна — третья группа ученых понимает политическую культуру как **способ, стиль** политической деятельности человека, предполагающий воплощение его убеждений, идеалов, принципов и прочих базовых воззрений в практическом поведении (И. Шапиро, П. Шаран, В. Розенбаум). Политическая культура интерпретируется здесь как некая постоянно реализуемая на практике внутренняя программа жизнедеятельности человека, совокупность **«духовных кодов»** его политического поведения, свидетельствующая об усвоенных им нормах и традициях государственной жизни.

Однако, несмотря на определенные различия в концептуальной трактовке политической культуры, можно увидеть, что общепризнанным стало то, что центральная роль в политической культуре принадлежит **ценностным ориентациям**, представляющим специфическую мотивационную систему человеческого поведения. Это как бы руководящие принципы его политической деятельности, не только систематизирующие, связывающие отдельные поступки человека в форму его индивидуально окрашенного поведения, но в известной степени и программирующие его активность в мире политики. Эти внутренние представления («глу-

¹ Verba S. Conclusions: Comparative Political Culture//L. Pye, Verba S. Political Culture and Political Development. Princeton. 1965, p. 516.

бокие структуры» сознания — Мерельман), задают смысловые значения тем или иным политическим объектам и позволяют человеку оценивать их с точки зрения своих интересов, намерений, замыслов. Они определяют восприятие человеком политической действительности, задают основные рамки внутреннего оправдания им своего поведения и мышления в политике, обуславливают присущие ему стереотипы и способы мотивации, адаптации к действительности.

Эти ориентационно-ценностные суждения и оценки позволяют человеку также осознать свою идентичность, а следовательно, и собственные отличия от представителей иной, не совпадающей с его воззрениями системы ориентаций. Являясь результатом персонального освоения человеком мира политики, политические ценности в то же время неминуемо испытывают и влияние со стороны общества. Прежде всего это происходит за счет усвоения человеком **норм** политической системы, которые несут в себе не только актуальные требования к его поведению, но и передают позитивный **опыт прошлого**, представленный в **традициях**, обычаях, стандартах и стереотипах деятельности. В практической деятельности это особенно ярко проявляется через оперирование человеком различными **символами**, закрепляющими образы и смыслы, знаменующими для него его происхождение, принадлежность к тому или иному обществу (группе). Например, сохраняя внутреннюю приверженность к таким символам, как флаг, гимн или герб определенного государства, человек и сам воспринимает себя как представителя той или иной страны, испытывая уважение и гордость за ее деяния, так или иначе сопрягая свои жизненные цели с ее историей.

Воспроизводя традиции, политическая культура представляет собой форму освоенного человеком того позитивного наследия, которое оставлено ему предшествующими поколениями. Это процесс постепенный, а главное — избирательный, регулируемый пристрастиями каждого человека в отдельности. И даже в самых тиранических режимах обращение к традициям и усвоение прошлого опыта на уровне ценностной ориентации может происходить только на основе его свободного присоединения к тем или иным формам мышления и поведения предшествующих поколений. Даже диктаторские режимы могут контролировать только поведение, но не мышление людей. Потому у политической культуры не существует никаких механизмов контроля, кроме ограничений человеческого сознания. Как справедливо указывал Гадамер, «традиция всегда является точкой пересечения свободы и истории ... Даже самая подлинная и прочная традиция формиру-

ется ... естественным путем, ... требует согласия, принятия, ... [поэтому] Сохранение старого является свободной установкой ... [человека]². Поэтому политическую культуру невозможно изменить, даже насильственно заставляя человека на протяжении длительного времени предпринимать какие-то действия, не сопряженные с его внутренним выбором. Однако самим этим выбором с помощью современных средств и методов влияния на массовое сознание и прежде всего СМИ в значительной степени можно управлять.

Одним из общепризнанных и важнейших положений теории политической культуры является также и отношение к последней как к органической **составной части общесоциальной, общенациональной культуры**, сложившейся в той или иной стране. В силу этого понятие политической культуры неизменно содержит в себе смыслы и ценности, производные от «культуры» как особого явления, противопоставляемого природе и выражающего целостность жизненных проявлений общества. В этом смысле политическая культура понимается как содержащиеся в культуре определенной страны явления, относящиеся к миру политики и на которые при этом влияют характерные для этого сообщества общецивилизационные компоненты жизни: религия, национальный менталитет, достигнутый уровень науки и техники, образование, психический настрой, тип отношений с природой и т.д. Выражая этот «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне), политическая культура по-своему интегрирует общество, обеспечивает его стабильность.

Национальные разновидности политических культур взаимосвязаны между собой не по типу «низшая-высшая», а значительно более сложным образом. Поэтому политическую культуру США нельзя рассматривать как более высокую по сравнению, к примеру, с традиционно устоявшимися формами политического мышления и поведения в какой-нибудь африканской стране. Просто это неодинаковые политические культуры различных стран, в основании систем ценностной ориентации которых лежат собственные механизмы гражданской идентификации, символы осознания национального единства, стереотипы отношений общества и государства.

Итак, обобщая описанные выше подходы, **политическую культуру можно определить как совокупность типичных для конкретной страны форм и образцов поведения людей в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о смысле и целях раз-**

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 334–335.

вития мира политики и закрепляющих устоявшиеся там нормы и традиции взаимоотношения государства, личности и общества.

В современной литературе достаточно широко представлена точка зрения, что политическая культура обладает общегуманистическим содержанием. С этой точки зрения фашистские, расистские или шовинистические движения, практики геноцида и терроризма, охлократия и тоталитарный диктат властей не способны поддерживать и расширять культурное пространство в политической жизни любого общества и потому не могут относиться к формам политической культуры. В то же время многие авторы считают, что политическая культура включает любые влияющие на политику ценности, символы и образцы поведения, в том числе антигуманные.

Политическая культура содержит разнообразные **субкультуры**, т.е. локальные, относительно самостоятельные группы ценностей, норм, стереотипов и приемов политического общения и поведения, поддерживаемых отдельными группами населения. По сути субкультуры означают некие подсистемы ориентаций и моделей политического поведения, характерные для тех или иных общностей и отличающиеся от иных, более распространенных и доминирующих в обществе (регионе, нации в целом) ценностей и соответствующих им форм поведения.

Функции и структура политической культуры

Политическая культура как специфический круг явлений оказывает собственное воздействие на политический процесс, динамику изменений в сфере государственной власти, состояние действующих субъектов. К ее наиболее устойчивым функциям в политической жизни, олицетворяющим различные направления влияния на власть, относятся:

— **идентификация**, раскрывающая постоянную потребность человека в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов соответствующей общности;

— **ориентация**, характеризующая стремление человека к смысловому отображению политических явлений, пониманию собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе;

— **предписание (программирование)**, выражающее приоритетность определенных ориентаций, норм и представлений, задающих и обуславливающих особую направленность и границы конструирования поведения человека;

— **адаптация**, выражающая потребность человека в приспособлении

соблени к изменяющейся политической среде, условиям осуществления его прав и властных полномочий;

— **социализация**, характеризующая обретение человеком определенных навыков и свойств, позволяющих ему реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы;

— **интеграция** (дезинтеграции), обеспечивающая различным группам возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с обществом в целом;

— **коммуникация**, обеспечивающая взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения.

В целом в процессе реализации своих функций политическая культура способна оказывать **тройное** влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут **воспроизводиться** традиционные для общества формы политической жизни. Причем в силу устойчивости ценностных ориентаций в сознании человека такая возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера правящего режима. Поэтому даже в период проводимых государством реформ, целые слои населения могут поддерживать прежние политические порядки, противодействуя новым целям и ценностям. Такая способность политической культуры хорошо объясняет то, что большинство революций нередко заканчивается либо возвратом к прежним порядкам (означающим невозможность населения внутренне освоить новые для себя цели и ценности), либо террором (только и способным принудить людей к реализации непонятных и навязанных им принципов политического развития).

Политическая культура способна **порождать и новые**, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни, вносимые в политическую жизнь под влиянием заимствованных ценностей, технологий, методик осуществления тех или иных задач (например, проведения избирательных кампаний, урегулирования кризисов и т.д.). При этом политическая культура обладает возможностью **комбинировать** элементы прежнего и перспективного политического устройства. Как правило, сохраняя базовые, характерные для правящего режима и большинства населения ценности и образцы поведения, она дает возможность имплантировать в социальную ткань конкретных обществ новые механизмы политического взаимодействия, обновлять и реконструировать текущие политические традиции.

Принципиальное влияние на характер осуществления функций политической культуры оказывает и ее **структура**, элементы которой по-своему воплощают ценностно-смысловую детерминацию поведения человека в сфере власти. В самом общем виде можно говорить о **рациональных** и **иррациональных** компонентах политической культуры. Если рациональные компоненты сохранения идентичности предполагают опору человека на осознание им собственных (и иных) интересов и статусов, соотнесение целей и средств их достижения, то наличие неосознанных компонентов ориентации человека в политическом пространстве основной упор делает на эмоционально-чувственном восприятии мира.

В качестве «базовых компонентов политической культуры» в науке, как правило, рассматриваются **ориентации на политическую систему** и ее составные части³. В классической форме вопрос о структурировании ценностных воззрений человека поставил Г. Алмонд, выделив в ценностных ориентациях «познавательные» (знания о строении политической системы, ее основных институтах, механизмах организации власти), «эмоциональные» (чувства людей к тем, кто обеспечивал функционирование властных институтов и олицетворял власть в глазах населения), а также «оценочные» (суждения, опирающиеся на ценностные критерии и стандарты оценки политических явлений) аспекты (элементы).

Известный американский теоретик В. Розенбаум, в частности, предложил дифференциацию политических ориентаций на следующие блоки: ориентации относительно институтов государственного управления, куда входят ориентации относительно режима (государственных институтов, норм, символов, официальных лиц) и относительно «входов» и «выходов» политической системы (выражающих оценку различных требований к государственной власти, ее решений, эффективности их реализации); ориентации относительно «других» в политической системе, включающие политическую идентификацию (осознание принадлежности к нациям, государствам, жителям определенных районов и др.), политическую веру (означающую убежденность человека в позитивных или негативных последствиях действий взаимодействующих с ним людей) и выработку субъективных предпочтений относительно «правил игры» и господствующего правопорядка; ориентации относительно собственной политической деятельности, включающие оценку своей политической компетентности (при участии в политической жизни, использовании при этом опреде-

³ См.: *Rosenbaum W. A. Political Cultur: Basic concept in political science.* N.Y., Praeger publ. 1975. P. 6.

ленных ресурсов), веру в свою способность оказывать реальное воздействие на институты власти.

Структурирование политической культуры возможно и с учетом различного значения и роли ценностных ориентаций для формирования политической деятельности человека. В этом смысле могут выделяться **мировоззренческие, гражданские и собственно политические** ценности.

Так, ценностная ориентация человека на **мировоззренческом** уровне встраивает представления о политике в его индивидуальную картину мира, индивидуальное восприятие жизни. Коротко говоря, выработка политического мировоззрения заставляет человека соотносить свои нравственно-этические представления (о добре, смысле жизни) с особенностями понимания своего предназначенья в политической сфере, формировать представления о роли политики в достижении им своих главных жизненных целей. В рамках **гражданских** ориентиров человек осознает свои возможности как участника публичных отношений, где действуют особые органы и институты (органы государственного управления, суд и др.), чья деятельность влияет на наличие и реализацию его прав и свобод. С точки зрения **собственно политических** представлений человек вырабатывает свое отношение к практическим формам деятельности конкретного правительства, партий, официальных лиц и т.д.

Типичным способом структуризации политической культуры является различение ценностных ориентиров и способов политического поведения в зависимости от принадлежности людей к социальным, национальным, демографическим, территориальным, конфессиональным, ролевым (элита и электорат) и другим общественным **группам**. Тем самым политическая культура предстает как совокупность субкультурных образований, характеризующих наличие у их носителей существенных (и несущественных) различий в отношении к власти и государству, правящим партиям, в способах политического участия и т.д.

Такой подход позволяет увидеть, что в конкретных странах и государствах наибольшим политическим влиянием могут обладать, например, религиозные (в Северной Ирландии и Ливане), этнические (в Азербайджане) или элитарные (в переходных обществах) субкультуры.

Типы политической культуры

На протяжении развития разнообразных государств и народов выработано множество типов политической культуры, выражающих преобладание в стиле политического поведения граждан определен-

ных ценностей и стандартов, форм взаимоотношений с властями, а также иных элементов, сложившихся под доминирующим воздействием географических, духовных, экономических и прочих факторов.

В основании типологии политических культур могут лежать факторы, отражающие, к примеру, специфику разнообразных политических систем (Х. Экстайн), стран и регионов (Г. Алмонд, С. Верба), типов ориентации граждан в политической игре (в частности, моралистских, индивидуальных или традиционных — Д. Элазар), открытость (дискурсивность) или закрытость политических ценностей к инокультурным контактам (Р. Шварценберг), внутреннюю целостность культурных компонентов (Д. Каванах), идеологические различия (Е. Вятр), общекультурные поведенческие особенности человека (М. Даглас), отличия деятельности элитарных и неэлитарных слоев и т.д.

Типы политической культуры могут определяться и иначе. Так, например, можно говорить о **рыночной** (где политика понимается людьми как разновидность бизнеса и рассматривается в качестве акта свободного обмена деятельностью граждан) и **элитарной** политической культуре (которая демонстрирует главенствующую роль государственных институтов в организации политической жизни и определении условий политического участия индивида), а также **традиционной** (соответствующей аграрному этапу развития общества), **модернистской** (развивающей свои традиции и ценности на основе индустриального способа производства) и **постмодернистской** (формирующей нормы на основе доминирования постматериальных ценностей, качественного повышения политической роли электронных СМИ и соответствующих им информационных технологий властвования) разновидностях.

Особую известность в науке получила классификация политической культуры, предложенная Г. Алмондом и С. Вербой в книге «Гражданская культура» (Нью-Йорк, 1963). Анализируя и сопоставляя основные компоненты и формы функционирования политических систем Англии, Италии, ФРГ, США и Мексики, они выделили три «чистых» типа политической культуры: **парохиальный** (приходской, местечковый, патриархальный), для которого характерно отсутствие интереса граждан к политической жизни, знаний о политической системе и значимых для людей ожиданий от ее деятельности; **подданический**, где сильна ориентация на политические институты и невысок уровень индивидуальной активности граждан; **партисипаторный** (participation — участие), свидетельствующий о заинтересованности граждан в политическом участии и о проявлении ими активности в этом. Авторы подчер-

кивали, что на практике данные типы политической культуры взаимодействуют между собой, образуя смешанные формы с преобладанием тех или иных компонентов. Причем самой массовой и одновременно оптимальной, с точки зрения обеспечения стабильности политического режима, является синтетическая культура «гражданственности», где преобладают подданнические установки и активистские формы участия людей в политике.

В содержательном отношении существуют и более общие критерии типологизации политической культуры, заданные, в частности, спецификой цивилизационного устройства особых полумиров — Востока и Запада, Юга и Севера, ценности и традиции которых являются фундаментом практически всех существующих в мире политических культур.

Так, идеалы и нормы политической культуры **западного** типа, формирование которой восходит к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности, ценности отношения к труду, как к залогоу жизненного преуспевания, рациональное отношение к жизни, идеи состоятельности, стремление к прогрессу. Эта культура воплощает ценности гуманизма, человеческой свободы, плюрализма мнений и убеждений. В основе своей они базируются на мировоззрении индивидуализма, в рамках которого абсолютным приоритетом обладают самоценность индивида, его индивидуальная свобода и автономия, ответственность за собственное благополучие и долг перед государством. В политической сфере эти мировоззренческие принципы сформировали философию *laissez faire*, предполагающую отношение к праву как к важнейшему и определяющему орудию власти, гарантирующему свободу и самоопределение личности, развитие свободного рынка и статус государства как нейтрального, подчиненного гражданскому обществу органа регулирования. Принципиальное значение имеют здесь и принципы идеологического и политического плюрализма, выборности органов власти, систематического контроля общественности за властными структурами, наличия механизмов, уравнивающих различные элитарные группировки и центры власти. Ориентируясь на рациональную организацию политического процесса, эти идеалы и принципы воплощали ценности политического диалога, достижения компромисса и уважения партнера. С течением времени такие подходы и нормы смогли превратить политику западного общества из сферы борьбы непримиримых ценностей и целей в форму прагматичного согласования интересов, в которой центральное место

заняли институты и структуры центристского, умиротворяющего и стабилизирующего общества толка.

Как можно заметить, основные ценности и ориентиры политической культуры Запада отражали прежде всего понимание самодостаточности человека для осуществления власти и отношение к политике как к разновидности конфликтной, но вполне рационально организованной деятельности, где люди выполняют различные роли и функции. Государство воспринималось как институт, защищающий права и свободы человека, поддерживающий его социальные инициативы. При этом не существовало никаких ценностных ограничений, закрывающих для обычного человека возможности исполнения управленческих функций. Статус важнейшего регулятора политической игры утвердился за законом, а главенство конституции сформировало преобладание консенсусных технологий властвования.

В отличие от этих принципов специфика **восточных** норм и традиций задавалась особенностями жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, формировавшихся под воздействием ценностей арабо-мусульманской, конфуцианской и индо-буддийской культур. Базовые ценности данного мира формировались при постоянном доминировании в жизни общества властвующих структур, господстве коллективистских форм организации частной жизни, подавлении централизованными структурами условий для индивидуальной предпринимательской деятельности, возникновения и развития частной собственности. Безраздельное господство религиозных идей, воплощавших не только сакральные идеи, но и мораль, право, эстетику, социальные учения, привело к тому, что религиозные доктрины практически поглотили критическую функцию светской мысли в этих странах.

Разрешение конфликтов в таких условиях предусматривало апелляцию к моральному авторитету старших, начальников. Поэтому этической максимой политической культуры восточного типа стал не закон, а обычай, не конституция, а мнение руководства. В целом длительное господство патриархально-клановой структуры общества привело к крайней слабости индивида перед лицом общины и особенно государства. Поэтому и власть, и политика всегда воспринимались как сфера деятельности героев и выдающихся лиц. Человек рассматривал политическую власть как область божественного правления. Состязательность, плюрализм, свобода исключались из атрибутов этой области жизни. Поэтому признание главенствующей роли элит дополнялось отсутствием потребности в контроле за их деятельностью. Основным уделом

человека становились исполнительские функции, поддержание справедливости, порядка, гармонии верхов и низов.

Несмотря на противоположность политических ценностей западного и восточного типов, в некоторых, в том числе и в российском, государствах сформировался некий синтез этих культурных норм и представлений. Правда, надо признать, что в целом в культурном портрете россиянина пока еще доминируют те черты и свойства, которые исторически заданы влиянием восточных, византийских традиций (не случайно Н. Бердяев определял психический тип русского человека как восточный, хоть и подвергшийся сильному влиянию Запада). В то же время система ценностей и стандартов, которая характерна для политической культуры западного типа присуща весьма незначительной группе граждан (и при этом даже у этой части населения они еще носят несколько книжный и умозрительный характер).

В целом же культурное своеобразие отечественной политической культуры прослеживается в доминировании общинных ориентаций, персональном восприятии россиянином всей системы власти в государстве (а следовательно, и в определяющей роли личностей — а не институтов — в политической жизни общества); массовых этатистских настроениях (преклонении граждан перед государством), обусловивших низкий уровень гражданской самоорганизации и неприятие людьми общественного контроля за властью (а временами и нравственное оправдание значительной частью населения даже произвола властей). Свообразным показателем российской политической культуры служат и традиционно низкий авторитет законности и права, заменяемых обыденными представлениями о «справедливости» и «порядке», обусловленные душевностью, простодушием и открытостью русского человека. Для культурного портрета россиянина характерно и чрезмерное морализаторство, демонстрирующее, что люди в пространстве политики, так же как и в быту, привыкли больше апеллировать не к частным, а к общим интересам, к моральным, а не к рациональным основаниям поведения властных институтов.

Как показывает исторический опыт, социальная разнородность и острая конфликтность групповых мировоззрений породили низкий уровень целостности российской политической культуры, создали высокую фрагментированность культурного поля, т.е. предопределили отсутствие такой культурной формы, которая была бы способна интегрировать, объединить политически разнообразное сообщество. Такого рода факты однозначно говорят о *расколе* российской политической культуры, свидетельствующем об отсутствии в обществе базового ценностного консенсуса, что с уди-

вительной настойчивостью проявляется в противоположности позиций «западников» и «славянофилов», «красных» и «белых», «коммунистов» и «демократов», одним словом — «наших» и «ненаших». Все это характеризует политическую культуру российского общества как **внутренне расколотую, поляризованную культуру**, где ее ведущие сегменты противоречат друг другу по своим базовым и многим второстепенным ориентирам.

Как показывает опыт развития российского общества, его культурная самоидентификация возможна на пути преодоления раскола и обеспечения органического синтеза цивилизационного своеобразия страны и мировых политических тенденций к демократизации обществ и расширению контактов между ними.

§ 2. Политическая психология

Понятие и значение политической психологии

Значительную роль и в политической культуре, а равно и в духовной сфере политики в целом играют **эмоционально-чувственные ощущения и представления людей о политических явлениях, складывающиеся в процессе их (людей) непосредственного взаимодействия с институтами власти и своего политического поведения или же — политическая психология.**

Политическая психология включает в себя как универсальные чувства и эмоции человека, специфически проявляющиеся в политической жизни (например, гнев, любовь, ненависть и др.), так и те ощущения, которые встречаются только в политической жизни (чувства симпатии и антипатии к определенным идеологиям или лидерам, чувства подвластности государству и пр.). Поэтому она одновременно выступает и как **внутренний механизм**, который органически вплетен в политическое поведение человека, опосредующий все его желания, цели, поступки; и как **группа специфических явлений**, оказывающих самостоятельное воздействие на выработку мотивов и политическое поведение человека. Как писал Й. Хейзинга, «непосредственные проявления страсти», создавая внезапные эффекты, способны «вторгаться в политическую жизнь в таких масштабах, что польза и расчет... отодвигаются в сторону»⁴.

Такого рода чувства заставляют человека оценивать политические явления в зависимости от того, какими они отражаются в его сознании, а не от их реального содержания. Например, недо-

⁴ Цит. по: *Ольшанский Д. В.* Массовые настроения в политике. М., 1995. С. 11.

верие к той или иной партии или режиму в целом часто формируется у человека не на основе анализа их программы и действий, а за счет личного отношения, скажем, к неэтичному поступку их лидера или просто на основе неведомым образом возникшей антипатии или симпатии. Таким образом, человек воспринимает политическую реальность чаще всего такой, какой она представляется его чувствам и эмоциям, которые, действуя по собственным законам, вполне могут и неадекватно отражать окружающий мир.

В принципе, важнейшим показателем влияния политической психологии на политические процессы является и формирование в сфере власти особых психологических укладов (типов), определяющих характер выполнения людьми своих ролей и функций. Например, экстраверт (общительный и энергичный человек, чьи чувства устремлены к внешнему миру) или интроверт (замкнутый на себя человек), сенсорик (рационально мыслящая личность, знающая, чего она хочет и стремящаяся к порядку) или интуит (ориентирующийся на спонтанные чувства и более склонный к анархии), романтик (творческая личность, склонная к меланхолии) или перфекционист (критически мыслящий и рационально действующий человек).

Особую роль играют типы лидеров, чьи психические доминанты стиля деятельности могут существенно повлиять на характер принимаемых в государстве решений и даже изменить некоторые параметры политической системы в целом. Так, Г. Лассуэлл считал, что история политики — это история психопатологии личностей, занятых управлением обществом, а их действия в свою очередь определяются внутренней «борьбой мотивов». Не случайно в современной науке большое распространение получило психобиографическое направление, исследование биографий выдающихся политиков XX в. — Линкольна, Мао Цзедунa, Лютера, Ганди и др. «Сила психоистории, — писал Э. Эрикссон, — состоит во внимательном исследовании смещения рационального и иррационального в политических событиях и в интригующем и тревожном сочетании устойчивого и неустойчивого, функционального и дисфункционального в политических лидерах ...»⁵.

Американский ученый Р. Мертон систематизированно представил формы психологического влияния на политические процессы. По его мнению, доминирование эмоциональных установок над всеми иными соображениями может выражаться в следующем:

⁵ Political psychology Contemporary problems and issues. San Francisco, 1986. P. 141.

— в стремлении человека придавать своим ролевым и функционально безличным связям в политике сугубо персональный характер (например, выполняя функцию избирателя, человек может усмотреть в факте проигрыша своим кандидатом президентских выборов личную трагедию);

— в отождествлении человеком своей личности с партией или профессией (когда, например, партийные цели начинают доминировать над жизненными целями человека);

— в проявлении чрезмерной солидарности с политическими ассоциациями (в результате чего такой корпоративизм подменяет у человека семейные или иные базовые для жизни ценности);

— в повышенном эмоциональном отношении к авторитету лидера, а также в ряде других случаев.

Особенности политической психологии

Отражая и интерпретируя политику в эмоционально-чувственной форме, политическая психология представляет собой так называемый «практический» тип политического сознания. Если, к примеру, идеология является продуктом специализированного сознания, плодом теоретической деятельности группы людей, то политическая психология формируется на основе практического взаимодействия людей друг с другом и с институтами власти.

С чисто познавательной точки зрения политическая психология не приспособлена для анализа сложных причинно-следственных связей и отношений в политике, хотя в отдельных случаях может угадать суть каких-то политических взаимоотношений. В силу «приземленности», «наивности» своего взгляда на действительность политическая психология демонстрирует и определенные способы интерпретации понятий, зачастую отождествляя последние с формой непосредственного восприятия действительности. Например, «государство» отождествляется с конкретным государством, в котором живет человек, «власть» — с реальными формами господства, «рынок» — с конкретными отношениями экономического обмена, которые он наблюдает, и т.д. Такое конкретизированное освоение действительности упрощает картину политики, лишая при этом научные категории и понятия мотивационного значения и силы. Познавательная ограниченность политической психологии проявляется и в приписывании непосредственно воспринимаемым ею явлениям разнообразных причин, устраняя таким образом имеющийся у человека дефицит информации. В науке такое явление получило название «каузальной атрибуции» (Ф. Хайдер), отражающей свойство политической психологии умозрительно до-

страивать политическую реальность, домысливать, искусственно конструировать мир, придумывать недостающие ему звенья.

Политическая психология — внутренне противоречивое явление. В отличие от идеологии, стремящейся подвести политические взгляды людей под некий общий знаменатель, политическая психология отражает политическую реальность во всем ее многообразии, допуская одновременное сосуществование самых разноречивых и даже противоположных эмоций. Поэтому в психологии всегда присутствуют различные и даже противоречивые чувства: долга и желания освободиться от обязательств, потребность в самоуважении и жажда подчинения более сильному, общительность и чувство одиночества, осуждения власти и желания быть к ней поближе и т.д. Благодаря этому свойству политической психологии в политику привносится элемент стихийности, непрогнозируемости событий.

Еще одной причиной, обуславливающей внутреннюю противоречивость, а равным образом и особенность политической психологии, является сочетание в ней социальных и физиологических механизмов воспроизводства чувств и эмоций. В самом общем виде можно сказать, что политическая психология включает в себя: социально-психологические чувства и эмоции, характеризующие специфику отображения человеком своих интересов и формирования мотивов политической деятельности в группе (обществе); индивидуально-психические элементы (отражающие личностно-персональные черты психики — волю, память и др.); функционально-физиологические элементы сознания (регулирующие адаптацию человеческого организма к внешней среде); психо-физические свойства (регулирующие темперамент, демографические и половозрастные черты, здоровье и прочие его аналогичные характеристики); биохимические черты (характеризующие способность нервных окончаний к возбуждению, наследственность и т.д.).

Таким образом, в политической психологии содержатся как осознанно-рациональные, так и бессознательно-иррациональные духовные элементы. Благодаря этому психология соединяет в себе импульсы социального взаимодействия с логикой инстинктов, сплавляет воедино рефлексивность и рефлекторность, осмысленность и бессознательность мышления. Роль иррациональных механизмов тем больше, чем меньше человек понимает суть и причины политических событий. Более того, в определенных условиях физиологические чувства способны вообще вытеснить все другие формы оценки и регуляции поведения. Например, голод или страх могут стать такими психологическими доминантами, которые способны вызвать мятежи, бунты или революции.

Важнейшей особенностью политической психологии является и ее способность формировать различные политические субъекты и прежде всего «массы» и «толпы», осуществляющие такие акции, как бунты, революции, митинги, шествия, восстания, захват зданий и т.д.

**Структурные элементы
политической психологии**

Участвуя во всех реально существующих политических процессах, политическая психология обладает разнообразной и разветвленной внутренней структурой. Один структурный срез политической психологии составляют **индивидуальные и групповые** формы сознания, обуславливающие содержание политических чувств и эмоций. Так, к индивидуальным психологическим образованиям, порожденным межличностными связями человека с другими субъектами и институтами власти, относятся: персональный опыт, специфические эмоциональные реакции на внешние вызовы среды, та или иная способность к самоанализу, особенности индивидуальной воли и памяти.

Те эмоционально-чувственные образования, которые формируются в групповых объединениях, через которые человек реально включается в политические отношения, отличаются собственной эмоциональной реакцией на политические события, своим психологическим темпераментом, памятью и традициями, которые образуют некую психологическую ауру, атмосферу соучастия в общих политических делах. В рамках групповой психологии обычно выделяют психический склад определенной группы (здравый смысл и групповое мышление, смелость, решительность, целеустремленность, душевность, раздвоенность, цельность и т.д.); привычные для большинства психические реакции на политические явления, дополняющие групповой характер (устойчивые нравы, привычки, вкусы, настроения, иллюзии и пр.), а также такие внутригрупповые явления, как коллективные страхи, слухи, паника, мода на групповые стандарты поведения и мышления и другие аналогичные явления.

Эти структурные компоненты политической психологии различаются с точки зрения оформленности эмоционально-чувственных реакций и выражают понимание человеком соотношения общих, коллективных и индивидуальных интересов, подчиненность его сознания сформировавшемуся в группе психологическому климату, действующим там привычкам и стереотипам в отношении политических явлений (групповой конформизм и лояльность), склонность к лозунговому мышлению, способность к разделению ответственности в группе, характер критичности и

согласия с мнением лидеров и аутсайдеров, степень восприятия информации и способность к творческим решениям и т.д.

Выделяют устойчивые и подвижные элементы политической психологии. Так, устойчивые элементы проявляются на уровне различных групп. Например, молодежи как особой социальной группе присущи эмоциональная неустойчивость, максимализм, повышенная возбудимость и подверженность неосознанным психическим реакциям, незавершенность системы функций контроля и самооценки. Такие психологические особенности превращают ее в наиболее «трудного» политического субъекта, чье поведение или партийно-политическая идентификация обладают крайней подвижностью и непредсказуемостью. Молодые люди легко поддаются внушению, становятся жертвами политических спекуляций и манипулирования.

В противоположность устойчивым образованиям у политической психологии есть и более динамичные элементы, одним из которых являются **политические настроения**. Они выступают как **эмоционально-чувственная оценка населением степени удовлетворения (неудовлетворения) своих ожиданий и притязаний в рамках существующего режима и господства определенных ценностей**. Благодаря своему характеру, настроения целиком и полностью зависят как от внешних условий (когда, например, человеческие притязания резко спадают в результате изменения ситуации, не полностью удовлетворившей их или заставившей людей понять всю беспочвенность притязаний), так и от состояния самого субъекта. Политические настроения в таком случае становятся мощным источником политической воли, которая обуславливает стремление людей достичь определенных целей даже вопреки реальному положению вещей. Причем интенсивность настроений значительно увеличивается, если люди преследуют цели, соответствующие их внутренним убеждениям и характеризующие позиции, которыми они никогда не поступятся.

Выражая определенное эмоционально-психологическое состояние людей, настроения могут порождать самые разнообразные, в том числе противоположные по направленности политические движения, усиливать спонтанность и импульсивность действий субъектов, изменять психологическую сплоченность групп и населения в целом. Однако чувства массового протеста, отрицательная для государства экзальтация населения или паника только частично характеризуют роль настроений в политике. Помимо негативных последствий, настроения могут обладать и нейтральным (например, состояние апатии, свидетельствующей о снижении притязаний граждан к власти) и положительным значением (люди

могут испытывать энтузиазм в результате призывов властей, предвкушения своей близкой победы на выборах, героизировать свои чувства, сопротивляясь врагу, и т.д.).

Различают настроения, выражающие идеальные требования людей к власти (например, демонстрирующие, как должен вести себя лидер или режим в целом) и настроения как реально складывающиеся психологические состояния, характеризующие то или иное отношение людей к различным аспектам политики. При этом и те и другие могут создавать некий фон в политической системе, а могут и определять те или иные действия разнообразных субъектов.

Понимая важность настроений, политические режимы пытаются не только прогнозировать их динамику, но и управлять ими. Инициирование нужных властям настроений чаще всего осуществляется при помощи сложных манипуляций, специфического информирования и дезинформации населения. Например, власти нередко создают «климат завышенных ожиданий», демонстрируя искренность взаимоотношений с населением, или поощряют распространение мифов, создающих у общественности нужные им политические образы. Особенно ярко стремление использовать настроения в своих политических целях наблюдается во время выборов, когда обещания партий и лидеров нередко переходят все рамки реально возможного. Еще более разнообразны и противоречивы настроения в переходных условиях. Здесь в них объединяются не только надежды на лучшее будущее, но и негативизм, ностальгия по прошлому и другие разноречивые чувства и эмоции.

§ 3. Политическая социализация

Понятие политической социализации

Как показывает практический опыт, живущий в конкретном обществе человек неизбежно формирует свои чувства, ценностные ориентации, постепенно осваивая доминирующие в обществе культурные нормы и др., принятые в обществе стандарты политической жизни. В самом широком плане этот **процесс постепенного усвоения стандартов сложившейся политической культуры общества, ведущий к формированию у человека свойств и умений, позволяющих ему адаптироваться в конкретной политической системе и выполнять там определенные функции, называется политической социализацией.**

Политические ценности, традиции, образцы поведения и прочие элементы политической культуры осваиваются человеком непрерывно, и этот процесс может быть ограничен только продолжительностью его жизни. Воспринимая одни идеи и навыки, че-

ловек в то же время может поступаться другими ориентирами, избирать новые для себя способы общения с властью, отбрасывая те, которые не удастся использовать на практике.

Политическая социализация представляет собой **двуединный** процесс: с одной стороны, она фиксирует усвоение личностью определенных норм, ценностей, ролевых ожиданий и прочих требований политической системы, с другой — демонстрирует, как личность избирательно осваивает эти традиции и представления, закрепляя их в тех или иных формах политического поведения и влияния на власть. Таким образом, влияние общества на политические качества личности неизбежно ограничивается внутренними убеждениями и верованиями человека. В то же время чуткость человека к внешнему влиянию, его способность воспринимать и усваивать предлагаемые социумом те или иные ценности или стандарты поведения зависят прежде всего от набора политических знаний, умений и навыков человека, от его субъективного состояния и выполняемых в политике ролей (поскольку, к примеру, лидер и рядовой избиратель не могут руководствоваться одними и теми же образцами политического поведения).

Процесс политической социализации

Постоянными спутниками человека, в значительной мере предопределяющими возможности усвоения им культурных стандартов, являются **агенты социализации**, через деятельность которых преломляется влияние всех внешних факторов. К ним относятся: семья, система образования, общественные и политические институты (организации), церковь, СМИ и отдельные политические события (такие, как революции, репрессии властей, голод и пр.), обладающие способностью кардинально влиять на систему убеждений и верований человека.

Авторитет и эффективность влияния каждого из этих агентов зависят от многих причин, но прежде всего от возраста и внутреннего состояния человека, интенсивности его включения в социальные и политические процессы, характера выполняемых там функций, а также цивилизационных и исторических условий их действий. Например, в традиционных обществах более сильным влиянием обладают семья и вообще ближайшее окружение человека, а также церковь. В государствах современного типа сильнее проявляется авторитет образовательных и коммуникативных структур, которые шире включают массовый опыт в выработку его индивидуальной картины мира политики, в большей степени формируя элементы надличностного видения человеком политической жизни. На более поздних этапах модерна и расширения

влияния постмодернистских тенденций люди сильнее ощущают воздействие «медиа-моделей» политического участия, т.е. тех норм и ориентаций массового политического сознания, которые задаются рекламой, телевидением, другими СМИ и механизмами информационного (и эстетического) воздействия, которые в совокупности своей формируют так называемый гиперреальный мир — мир образов и сознательно созданных представлений о действительности.

В то же время приоритет влияния тех или иных агентов, сочетание их друг с другом, характер целенаправленного влияния на человека существенно разнятся в зависимости от того, оказывает ли преимущественное влияние на человека государство или общество. Так, государство формирует взаимодействие всех агентов в рамках так называемого **генерализированного потока социализации**, направленного на формирование лояльности правящему режиму, усвоению людьми ценностей господствующей политической культуры и идеологии, поддержание доминирующих стандартов политической игры. В целом такое воздействие неминуемо связано с распространением конформистских настроений, поощрением политической пассивности, консервативных убеждений.

Характер воздействия агентов социализации кардинально меняется при организации действий агентов социализации со стороны общества. Множество социальных групп, обладающих собственным взглядом на политические реалии, той или иной мерой оппозиционности правящим кругам, различной степенью активности на политической арене и многими другими чертами, определяющими их возможность влияния на сознание индивида, по-своему выстраивает взаимодействие тех или иных агентов, придает им специфическую направленность, стремясь в духе собственных воззрений и убеждений повлиять на личность и способы ее включения в политическую жизнь. Такого рода активность разнообразных социальных групп и стоящих за ними институтов, объединений, субкультурных норм и идеалов способствует возникновению в обществе многообразных **сопоставительных потоков социализации**. Независимо от того, что каждый из них несет собственные нормы, ценности и программу научения индивида политическим ролям, все они конкурируют не только друг с другом, но и с государственными структурами.

Индивид формирует свои взгляды, предпочтения, отношение к политике на пересечении всех этих конкурирующих друг с другом процессов, стремящихся отстоять собственные приоритеты в толковании политических ценностей и поведенческих стандартов. Это показывает, что политическая социализация всегда

существует как совокупность конкретных механизмов научения индивида способам политического участия, формирующихся на основе определенных культурных ценностей и стандартов.

**Типы и механизмы
политической социализации**

Конкурентный характер усвоения различных ценностей и стандартов политической культуры на уровне отдельной личности предопределяет формирование разнообразных

типов политической социализации (например, гармонического, отражающего психологически нормальное взаимодействие человека и институтов власти, или гегемонистского, негативно относящегося ко всем социальным и политическим нормам, кроме «своей» группы, и т.д.)

Можно очертить несколько вариантов взаимодействия политических культур. Так, если у разных культур и обществ в принципе совпадают базовые, мировоззренческие прототипы (вызванные, к примеру, религиозным и конфессиональным единством, этническим родством, длительными традициями совместного проживания соседних народов и т.д.), то в процессе инокультурного общения происходит синтез, слияние ценностных ориентаций этих групп и народов, выработка совместных принципов мышления и поведения.

Такое единение ценностного поля также может предполагать различные варианты. В частности, выработка совместной ценностно-ориентационной системы может происходить в виде **ассимиляции** (поглощения одной, более развитой и институализированной системой ценностей другой), **адаптации** одной ценностной системы к требованиям другой (при которой взаимопроникновение и усвоение культурного языка друг друга происходит за счет постепенного сближения вначале вторичных, а впоследствии и базовых ценностей), а также **аккомодации** (вынужденного освоения культурного языка родственного народа, вызванного, к примеру, тесным политическим сближением государств, экономическим союзом и другими формами сотрудничества).

В том же случае, если базовые ориентиры политического мировосприятия тех или иных стран и народов имеют мало точек внутреннего пересечения или строятся на противоположном историческом опыте и традициях, то эти самостоятельные ценностные системы, как правило, строят свое общение в условиях ценностного конфликта, на основе взаимного отторжения и неприятия.

В настоящее время на планетарном уровне взаимодействие разнообразных политических культур порождает две все более очевидные тенденции идейной эволюции мира, сопутствующие гло-

бализации мира и в свою очередь оказывающих на нее противоречивое воздействие. Так, с одной стороны, практика свидетельствует о существовании тенденции к четкой идентификации отдельных стран и народов в рамках отдельных культурных общностей, утверждающих свою самобытность и тяготеющих в основном к культурному сопротивлению иным системам ценностей. Как правило, такая направленность политико-культурного процесса характерна для стран, переживающих этап своей общенациональной консолидации.

В то же время все более отчетливо заявляет о себе и формирование масштабных культурных ареалов, возникающих в процессе политического и экономического объединения отдельных стран и интегрирующих их национальные культуры в некий объединенный региональный тип ценностной идентификации. Например, значительная часть граждан современной Голландии, Бельгии, Германии и ряда иных западно-европейских стран относит себя прежде всего к «европейцам» и только затем идентифицируют себя как «голландцев», «немцев» и граждан иной национальной принадлежности. Характерно, что такая тенденция подкрепляется и складыванием — уже и сейчас заметной во многих странах — глобальной общности «граждан мира» со стертыми признаками групповой идентичности и ориентацией на тип индивидуального существования. Безусловными же преимуществами здесь обладают нормы и стандарты индивидуальной самопрезентации, культурной открытости, идейного плюрализма, коммуникации.

Понимание обозначенных выше мировых тенденций инокультурного общения показывает, что индивидуальное освоение личностью ценностно-нормативного опыта общества уже сегодня не может замыкаться рамками одной страны, тяготея к усвоению личностью всего мирового наследия. Тем более такая тенденция укрепляет свое влияние в условиях интенсивно развивающегося информационного общения, постоянного культурного обмена между государствами, регионами, цивилизациями. Сегодня как никогда важно признать, что характер и уровень политической социализированности человека не может оставаться неизменным на протяжении всей его жизни, постоянно подвергаясь, в том числе и качественным, внутренним трансформациям и преобразованиям.

Этапы политической социализации

Возможность учесть эти качественные трансформации личности в соотношении со всей продолжительностью ее

жизни дает выделение **первичного и вторичного** этапов политической социализации.

Первичная политическая социализация характеризует первоначальное (обычно с трех—пяти лет) восприятие человеком политических категорий, которые постепенно формируют у него избирательно-индивидуальное отношение к явлениям политической жизни. По мнению американских ученых Д. Истона и И. Дениса, здесь необходимо различать четыре аспекта процесса социализации: непосредственное «восприятие» ребенком политической жизни, информацию о которой он черпает в оценках родителей, их отношениях, реакциях и чувствах; «персонализация» политики, в ходе которой те или иные фигуры, принадлежащие к сфере власти (например, президент, полицейский, которых он часто видит по телевизору или возле своего дома), становятся для него образцами контакта с политической системой; «идеализация» этих политических образов, т.е. образование на их основе устойчивых эмоциональных отношений к политике; «институциализация» обретенных свойств, свидетельствующих об усложнении политической картины мира ребенка и его переходе к самостоятельному, надличностному видению политики.

В целом особенности первичного этапа политической социализации состоят в том, что человеку приходится адаптироваться к политической системе и нормам культуры, еще не понимая их сущности и значения. Поэтому для исключения в будущем аномальных, антисоциальных форм поведения необходимо соблюдать определенную последовательность в применении механизмов передачи ребенку политических норм и прошлого опыта. В частности, для сохранения естественного характера включения его в политический мир предпочтительны те социальные формы, где политическая информация неразрывно соединена с авторитетом учителя, примером деятельности старших и ни в коем случае не содержит жестких идеологизированных образов и понятий. Только на этой основе развивающееся детское сознание можно подкреплять императивными суждениями и оценками, а впоследствии и аксиологическими нормами и представлениями (ценностями, идеалами, принципами).

Вторичная политическая социализация характеризует тот этап деятельности человека, когда он освоил приемы переработки информации и осуществления ролей, способен противостоять групповому давлению и выразить свою способность к индивидуальному пересмотру идеологических позиций, переоценке культурных норм и традиций. Таким образом, главную роль здесь играет так называемая **обратная социализация (ресоциализация)**, характеризующая влияние самого человека на отбор и усвоение знаний, норм,

приемов взаимодействия с властью. В силу этого вторичная социализация выражает непрерывную самокоррекцию человеком своих ценностных представлений, предпочтительных способов политического поведения и идеологических позиций.

В целом, несмотря на повышение роли самостоятельного выбора ценностей и ориентиров, основным значением на данном этапе обладают цели адаптации, приспособления человека к сложившейся политической системе. Поскольку человек не способен самостоятельно сформировать все условия своего политического участия и потому он приспосабливается даже к тем переменам и сторонам жизни, смысл которых он не понимает. И все же элемент осознанной ориентации на определенные политические стандарты имеет место. В частности, он выражен в механизме «предварительной социализации», который, по мысли Р. Мертона и К. Росси, характеризует предварительную ориентацию личности на предпочтительные для него нормы и стандарты той или иной группы. Это как бы «заблаговременная социализация», предопределяющая целенаправленные действия индивида, его сознательную устремленность к значимым для него стандартам и ценностям. Таким образом он как бы искусственно «подтягивает» себя к этим групповым стандартам, несмотря на внешнее воздействие системы.

Глава 17

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

§ 1. Понятие и функции СМИ

Роль коммуникаций в политике

Неотъемлемой составной частью политики являются массовые коммуникации. Политика в большей мере, чем другие виды общественной деятельности, нуждается в специальных средствах информационного обмена, в установлении и поддержании постоянных связей между ее субъектами. Если, например, экономика вполне может функционировать на основе рыночного саморегулирования при ограниченных, преимущественно непосредственных формах взаимодействия людей, то политика невозможна без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и гражданами.

Это обусловлено самой природой политики как коллективной, сложно организованной целенаправленной деятельности, специализированной формы общения людей для реализации групповых целей и интересов, затрагивающих все общество. Коллективный характер реализуемых в политике целей предполагает их обязательное осознание разделенными в пространстве членами коллектива (государства, нации, группы, партии и т.п.) и координацию деятельности людей и организаций. Все это обычно невозможно при непосредственном, контактном взаимодействии граждан и требует использования специальных средств передачи информации, обеспечивающих единство воли, целостность и единую направленность действий множества людей. Эти средства называют СМИ, СМК или масс-медиа.

Что такое СМИ:

СМИ представляют собой учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам. Их отличительные черты — публичность, т.е. неограниченный и надперсональный круг потребителей; наличие специальных, технических приборов, аппаратуры; не прямое, разделенное в пространстве и во времени взаимодействие коммуникационных партнеров; однонаправленность взаимодействия от коммуникатора к реципиенту, невозможность перемены их ролей; непостоянный, дисперсивный характер их аудитории, которая образуется от случая к случаю в результате общего внимания, проявленного к той или иной передаче или статье¹.

К СМИ относятся пресса, массовые справочники, радио, телевидение, кино- и звукозапись, видеозапись. В последние десятилетия средства коммуникации претерпевают существенные изменения вследствие распространения спутниковой связи, кабельного радио и телевидения, электронных текстовых коммуникационных систем (видео-, экранных и кабельных текстов), а также индивидуальных средств накопления и печатания информации (кассет, дискет, дисков, принтеров).

СМИ обладают различными возможностями и силой воздействия, которые зависят прежде всего от способа их восприятия реципиентами. Наиболее массовое и сильное политическое влияние оказывают аудиовизуальные СМИ и прежде всего радио и телевидение.

¹ См.: *Sutor B. Politik: Ein Lehr- und Arbeitsbuch für den Politikunterricht. 2., neubearbeitete Auflage. Paderborn, 1987. S. 80.*

**Развитие средств
политических коммуникаций**

Потребности политической системы в средствах коммуникации прямо зависят от ее функций в обществе, численности агентов политики, способов принятия политических решений, размеров государства и некоторых других факторов. В традиционных государствах прошлого потребности в средствах коммуникации были ограничены. Роль таких средств выполняли главным образом гонцы, курьеры и посланники, передававшие в устной или письменной форме политическую информацию — королевские указы и распоряжения, письма наместников и т.п.

Многие небольшие по территории государства и города в качестве своего рода закодированного СМИ использовали колокола, оповещавшие граждан города и окрестностей об опасности, сборе народного собрания или других важнейших политических и религиозных событиях. Политические и гражданские потребности в коммуникации обслуживала почтовая связь, использовавшая для передачи информации лошадей, а затем и другой транспорт.

Изобретение и распространение в XIX—XX вв. телеграфной и телефонной связи, радио и телевидения не только удовлетворило обострившиеся коммуникационные потребности государств, но и произвело настоящую революцию в политике. СМИ сделали практически возможным осуществление многих демократических и тоталитарных идей, казавшихся ранее утопичными, значительно изменили способы легитимации и осуществления власти, структуру ее ресурсов. Как отмечает О. Тоффлер, высшее качество и наибольшую эффективность современной власти придают знания, позволяющие «достичь искомым целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников»².

В постиндустриальном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении обществом, оттесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. Непосредственными носителями и, особенно, распространителями знаний и другой политически важной информации являются СМИ. Какие же политические задачи они решают в современном обществе?

**Функции СМИ.
Информирование граждан**

Функции СМИ разнообразны. В любом современном обществе они в той или иной форме выполняют ряд общих политических функций. Пожалуй, важнейшей из них является информационная функция. Она состоит в получении и распрост-

² *Toffler Al. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21-st Century. New York; London, 1990. P. 114.*

ранении сведений о наиболее важных для граждан и органов власти событиях. Добываемая и передаваемая масс-медиа информация включает не только беспристрастное, фотографическое освещение тех или иных фактов, но и их комментирование и оценку.

Конечно, далеко не все распространяемые СМИ сведения (например, прогнозы погоды, развлекательные, спортивные и другие подобные сообщения) носят политический характер. К политической информации относятся те сведения, которые имеют общественную значимость и требуют внимания со стороны государственных органов или оказывают на них воздействие. На основе получаемой информации у граждан формируется мнение о деятельности правительства, парламента, партий и других политических институтов, об экономической, культурной и иной жизни общества. Особенно велика роль СМИ в формировании мнения людей по вопросам, не находящим непосредственного отражения в их повседневном опыте, например о других странах, о политических лидерах и т.п.

Образование и социализация Информационная деятельность СМИ позволяет людям адекватно судить о политических событиях и процессах лишь в том случае, если она выполняет и **образовательную** функцию. Эта функция проявляется в сообщении гражданам знаний, позволяющих адекватно оценивать и упорядочивать сведения, получаемые из СМИ и других источников, правильно ориентироваться в сложном и противоречивом потоке информации.

Конечно, СМИ не могут обеспечить систематическое и глубокое усвоение политических знаний. Это задача специальных образовательных учреждений — школ, университетов и т.п. И все же масс-медиа, сопровождая человека в течение всей его жизни, в том числе и после завершения учебы, в значительной мере влияют на восприятие им политической и социальной информации. При этом под видом политического образования у людей могут формироваться и псевдорациональные структуры сознания, искажающие реальность при ее восприятии.

Образовательная роль СМИ тесно связана с их функцией социализации и по существу перерастает в нее. Однако, если политическое образование предполагает систематическое приобретение знаний и расширяет познавательные и оценочные возможности личности, то политическая социализация означает интернализацию, усвоение человеком политических норм, ценностей и образцов поведения. Она позволяет личности адаптироваться к социальной действительности.

В демократическом обществе важнейшая политико-социализационная задача СМИ — массовое внедрение основанных на уважении закона и прав человека ценностей, обучение граждан мирно разрешать конфликты, не ставя под сомнение общественный консенсус по основополагающим вопросам государственного устройства.

Критика и контроль

Информационная, образовательная и социализационная деятельность позволяют СМИ выполнять функцию **критики и контроля**. Эту функцию в политической системе осуществляют не только масс-медиа, но и оппозиция, а также специализированные институты прокурорского, судебного и иного контроля. Однако критика СМИ отличается широтой или даже неограниченностью своего объекта. Так, если критика со стороны оппозиции обычно концентрируется на правительстве и поддерживающих его партиях, то объектом внимания масс-медиа являются и президент, и правительство, и королевские особы, и суд, и различные направления государственной политики, и сами СМИ.

Их контрольная функция основывается на авторитете общественного мнения. Хотя СМИ в отличие от государственных и хозяйственных органов контроля не могут применять административные или экономические санкции к нарушителям, их контроль часто не менее эффективен и даже более строг, поскольку они дают не только юридическую, но и моральную оценку тем или иным событиям и лицам.

В демократическом обществе в осуществлении контрольной функции СМИ опираются как на общественное мнение, так и на закон. Они проводят собственные журналистские расследования, после публикации результатов которых порою создаются специальные парламентские комиссии, заводятся уголовные дела или принимаются важные политические решения. Контрольная функция СМИ особенно необходима при слабой оппозиции и несовершенстве специальных государственных институтов контроля.

Артикуляция и интеграция

СМИ не только критикуют недостатки в политике и обществе, но и выполняют конструктивную функцию **артикуляции различных общественных интересов, конституирования и интеграции политических субъектов**. Они обеспечивают представителям различных общественных групп возможность публично выразить свое мнение, находить и объединять единомышленников, спланировать их общностью целей и убеждений, четко формулировать и представлять в общественном мнении свои интересы.

Артикуляция политических интересов осуществляется в обществе не только СМИ, но и другими институтами, и прежде всего партиями и группами интересов, обладающими не только информационными, но и другими ресурсами политического влияния. Однако без использования СМИ и они обычно не в состоянии выявить и сплотить своих сторонников, мобилизовать их на единые действия.

В современном мире доступ к СМИ — необходимое условие формирования влиятельной оппозиции. Не имея такого доступа, оппозиционные силы обречены на изоляцию и не способны получить массовую поддержку, особенно при политике их компроматации со стороны государственных радио и телевидения. СМИ — это своего рода корни, с помощью которых получает жизненные силы любая политическая организация.

Мобилизационная и другие функции СМИ

Все рассмотренные выше функции СМИ прямо или косвенно служат осуществлению ими **мобилизационной** функции. Она выражается в побуждении людей к определенным политическим действиям (или сознательному бездействию), в их вовлечении в политику. СМИ обладают большими возможностями влияния на разум и чувства людей, на их образ мыслей, способы и критерии оценок, стиль и конкретную мотивацию политического поведения.

Круг политических функций СМИ не исчерпывается выше-названными. Некоторые ученые, подходя к этому вопросу с других позиций, выделяют такие их функции, как **инновационная**, проявляющаяся в инициировании политических изменений путем широкой и настойчивой постановки определенных общественных проблем и привлечения к ним внимания властей и общественности; **оперативная** — обслуживание СМИ политики определенных партий и ассоциаций; **формирование общественности и общественного мнения**.

СМИ и демократия

Наиболее полно различные политические функции СМИ проявляются в демократическом государстве. Масс-медиа являются неотъемлемой составной частью механизма функционирования демократии, а также ее ценностных оснований, демократического идеала.

Нормативная модель современной демократии строится на фундаменте представлений о человеке как о рационально мыслящей и ответственно действующей личности, сознательно и компетентно участвующей в принятии политических решений. В демократичес-

ком государстве, основанном на принятии важнейших решений большинством голосов, обладать такими качествами должны не один человек или привилегированное меньшинство — элита, а массы, устойчивое большинство населения. Добиться же компетентных политических суждений большинства граждан невозможно без СМИ. Без радио, телевидения, газет и журналов даже хорошо образованный человек не сможет правильно ориентироваться в сложной мозаике противоречивых политических процессов, принимать ответственные решения. СМИ позволяют ему выйти за узкие рамки непосредственного индивидуального опыта, делают обозримым весь мир политики. Свободное учреждение и деятельность СМИ являются реальным проявлением свободы слова, без которой все остальные политические права личности практически не реализуемы.

Хотя демократия невозможна без СМИ, их свобода не должна означать независимости, оторванности от общества и граждан, интересы и мнения которых они призваны выражать. В противном случае они превращаются в орудие политического влияния их владельцев и руководителей, а все остальные граждане лишаются реальных возможностей публичного самовыражения, свободы слова. В силу высокой стоимости СМИ и отсутствия у подавляющего большинства граждан возможности их создания на учредителях масс-медиа, а также их редакторах и журналистах лежит особая ответственность за общественные последствия своей деятельности.

Наличие развитых, демократически организованных СМИ, объективно освещающих политические события, — одна из важнейших гарантий стабильности демократического государства, эффективности управления обществом. И, наоборот, невыполнение СМИ своих функций в политической системе способно коренным образом исказить ее цели и ценности, нарушить ее эффективность и подорвать жизнеспособность, превратить демократию в иллюзию, форму скрытого, манипулятивного господства правящих слоев и классов.

§ 2. Основные каналы и особенности политического влияния СМИ

**Рациональное
и эмоциональное
воздействие СМИ**

Хотя масс-медиа призваны решать определенные задачи в политической системе и обществе, в реальной жизни они достаточно самостоятельны, имеют собственные, часто расходящиеся с потребностями общества цели деятельности и используют для их достижения различ-

ные методы. Политическое влияние СМИ осуществляют через воздействие на разум и чувства человека.

В демократических государствах явно преобладает рациональная модель массовых коммуникаций, рассчитанная на убеждение людей с помощью информирования и аргументации, построенной в соответствии с законами логики. Эта модель соответствует сложившемуся там типу менталитета и политической культуры людей. Она предлагает состязательность различных СМИ в борьбе за внимание и доверие аудитории. В этих государствах запрещено законом использование СМИ для разжигания расовой, национальной, классовой и религиозной ненависти и вражды, однако и в них различные политические силы для пропаганды своих идей и ценностей широко применяют методы преимущественно эмоционального воздействия, что особенно ярко проявляется в периоды избирательных кампаний.

Живое слово и зрительный образ обладают большой силой эмоционального влияния на личность, которое нередко может затмить рациональные доводы и аргументы. Этим широко пользуются тоталитарные, авторитарные и особенно этнократические режимы, обильно насыщая свою политическую пропаганду эмоциональным содержанием, подавляющим разум человека. Здесь СМИ широко используют методы психологического внушения, основанные на страхе и вере, для разжигания фанатизма, недоверия или ненависти к политическим оппонентам, лицам других национальностей и всем неудобным.

Влияние СМИ на информационный процесс

Несмотря на важность эмоционального воздействия, все же главное влияние на политику СМИ осуществляют через информационный процесс. Основными этапами этого процесса являются **получение, отбор, препарирование, комментирование и распространение сведений**. От того, какую информацию, в какой форме и с какими комментариями получают субъекты политики, очень во многом зависят их последующие действия. «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть», — пишут авторы крупнейшего современного учебного пособия по политологии ФРГ³.

³ Politikwissenschaft: eine Grundlegung. Bd. 2. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: hrsg von Klaus Beume. 1987. P. 60.

Непосредственное обладание такой властью — прерогатива СМИ. Они не только отбирают сведения, поставляемые информационными агентствами, но и сами добывают и оформляют их, а также выступают их комментаторами и распространителями. Поток информации в современном мире настолько разнообразен и противоречив, что самостоятельно разобраться в нем не в состоянии ни отдельный человек, ни даже группа специалистов. Поэтому отбор наиболее важной информации и ее представление в доступной массовой аудитории форме и комментирование — важная задача всей системы СМИ. Информированность граждан, в том числе политиков, прямо зависит от того, как, с какими целями и по каким критериям отбирается информация, насколько глубоко она отражает реальные факты после ее препарирования и редукции, осуществленных газетами, радио и телевидением, а также от способа и форм подачи информации.

Правила отбора материала в СМИ

Одно из важнейших средств политического влияния СМИ — определение тем и направлений дискуссий, концентрирующих внимание общественности и правительства. СМИ обычно сами определяют, что нужно и что не нужно выносить на суд общественности. Выбор политических тем и требований осуществляется не только в зависимости от пристрастий и интересов владельцев и руководителей СМИ, но и под влиянием специфических правил, складывающихся в условиях плюрализма информации в современном рыночном обществе. В нем главный критерий успеха СМИ и условие выживания большинства из них — внимание публики. Для того чтобы привлечь это внимание, масс-медиа, подчас даже не осознавая этого, при выборе тем публикаций и передач обычно руководствуются следующими общими принципами:

1. Приоритетность, важность (действительная и мнимая) и привлекательность темы для граждан. В соответствии с этим принципом наиболее часто сообщения СМИ касаются таких, например, проблем, как угроза миру и безопасности граждан, терроризм, экологические и иные катастрофы и т.п.

2. Неординарность фактов. Это означает, что информация об экстремальных событиях — голоде, войнах, необычайно жестоких преступлениях и т.д. — доминирует над освещением явлений будничной, повседневной жизни. Этим объясняется, в частности, склонность СМИ к информации негативного характера и сенсациям.

3. Новизна фактов. Привлечь внимание населения в большей степени способны сообщения, еще не получившие широкой изве-

стности. Это могут быть новейшие данные о результатах развития экономики или численности безработных, о полете к другим планетам, о новых политических партиях и их лидерах и т.д.

4. Политический успех. Согласно этому принципу, в передачи и статьи попадают сообщения об успехах политических лидеров, партий или целых государств. Особое внимание уделяется победителям на выборах или в рейтинговых опросах. Культ звезд в политике, искусстве, спорте — типичное явление для СМИ в рыночном обществе.

5. Высокий общественный статус. Чем выше статус источника информации, тем значительнее считается интервью или телепередача, поскольку предполагается, что их популярность при прочих равных условиях прямо пропорциональна общественному положению людей, сообщающих сведения. В силу действия этого правила наиболее легкий доступ к СМИ имеют лица, занимающие высшие места в политической, военной, церковной или других иерархиях: президенты, военачальники, министры и т.д. Им посвящаются первые страницы газет и главные радио- и телепередачи.

Следование СМИ правилам, ориентированным лишь на количество аудитории и победу в конкурентной борьбе, обуславливает их склонность к поверхностному освещению политических событий в погоне за сенсациями и известностью. Взятые ими на вооружение принципы отбора материалов плохо совместимы с глубокими аналитическими сообщениями и часто препятствуют созданию информационной картины мира, более или менее адекватной реальности.

Способы распространения информации. Особенности телевидения

Создание такой картины мира во многом зависит также от способов распространения информации. СМИ пользуются двумя основными спосо-

бами распространения информации — последовательным и фрагментарным. Первый способ чаще использует пресса, последовательно и разносторонне освещая в статьях и других публикациях ту или иную политическую проблему. Второй способ — фрагментарная подача информации — особенно распространен на телевидении. Он порождает для слушателей ряд трудностей в познании сути того или иного события или процесса.

Дробление информации, создавая видимость ее разносторонности и оперативности подачи, препятствует непрофессионалам (подавляющему большинству граждан) сформировать целостную картину политических явлений или событий. Оно дает коммуникаторам дополнительные возможности манипулировать аудиторией, акцентируя ее внимание на одних сторонах события и умалчивая

или затемняя другие. Фрагментарность подачи информации в конечном счете дезориентирует слушателей и либо гасит их интерес к политике и вызывает политическую апатию, либо вынуждает полагаться на оценки комментаторов.

Фрагментарный способ подачи информации многие исследователи считают спецификой телевизионного жанра, следствием присущего ему свойства, называемого «давлением визуальности». Суть этого свойства состоит в том, что в силу своих аудиовизуальных возможностей телевидение ориентировано на передачу главным образом визуализируемой, т.е. имеющей зрительный образ, информации. Поскольку же научная и другая серьезная информация обычно плохо совместима с экранным изображением, то она оставляется для печатных коммуникационных средств и радио.

Такое «разделение труда» между СМИ было бы вполне допустимо и даже целесообразно для демократического общества, если бы сопровождалось соответствующим перераспределением времени аудитории в пользу журналов, газет и книг. Однако общей тенденцией современного мира является растущее влияние телевидения как наиболее привлекательного средства получения политической и иной информации и относительное ослабление воздействия на население печатной продукции и радиопередач. Так, например, в ФРГ граждане тратят в 5,3 раза больше времени на просмотр телепередач, чем на чтение газет. К тому же телевидение лидирует среди других СМИ по силе убеждающего воздействия и доверию граждан, поскольку люди обычно склонны больше верить увиденному, чем услышанному или прочитанному.

Присущее телевидению «давление визуальности» проявляется не только во фрагментарной подаче информации в соответствии с возможностями ее экранизации, но и в ритуализации и персонализации политических сведений. Телевидение обычно предпочитает передавать информацию, которая может быть заснята телекамерой, т.е. показывать конкретных лиц, предметы и т.п. Поэтому на экранах доминируют легкодоступные для телеобъектива дипломатические и иные ритуалы, официальные встречи, визиты, пресс-конференции и т.д. Абстрактные же положения, раскрывающие наиболее глубокие причины тех или иных политических явлений, не поддаются видеозаписи и, как правило, не попадают в передачи.

В результате такой подачи информации политика чрезмерно персонализируется, внимание зрителей концентрируется главным образом на политических лидерах, которые обычно даже не получают возможности подробно изложить свои взгляды и цели политики.

Фрагментация, ритуализация и персонализация информации уводят телевидение на путь показа внешней, поверхностной сто-

роны политических явлений. Сущностные же взаимосвязи в этом случае не раскрываются. Без должного внимания остается и сам процесс политического волеобразования и принятия решений, составляющий стержень политики.

СМИ обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношения к политике в целом. Как политическая пассивность населения в каком-либо вопросе, так и его массовая активность непосредственно связаны с позицией СМИ в этом вопросе.

**Противоположность оценок
роли СМИ в современном
обществе**

Огромные возможности активного воздействия СМИ на политическое сознание и поведение граждан свидетельствуют о важнейшей роли «четвертой власти» в современном обществе. Некоторые исследователи массовых коммуникаций говорят даже о грядущей эпохе «медиа-кратии» — власти СМИ, которые не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению.

Оценки растущего влияния СМИ на политику и общество прямо противоположны. Некоторые авторы, например О. Тоффлер, видят в нем ростки новой, более высокой и гуманной цивилизации, информационного общества, усматривают реальное движение к «гетерогенному, личностному, антибюрократическому, ищущему, мыслящему, творческому государству», способному разрешить наиболее острые сегодняшние конфликты⁴.

Другие же мыслители, констатируя опустошающее и разрушающее воздействие на личность и культуру масс-медиа, и особенно телевидения, оценивают возрастающую роль информационной власти весьма пессимистично. Так, знаменитый итальянский кинорежиссер Федерико Феллини считал, что «с помощью гипнотической внушающей силы зрелища, которое и днем и ночью без всякого перерыва приходит к людям в дом, телевидение разрушило не только кино, но также отношение индивида к действительности. Вся жизнь — природа, наши друзья, литература, женщины — все постепенно угасает под воздействием этого маленького экрана, который становится все большим и проникает повсюду. Он поглотил все: реальность, нас самих и наше отношение к действительности»⁵.

⁴ *Toffler Al. Powershift. P. 199.*

⁵ *Frankfurter Neue Presse. 1987. 11 Nowembers.*

Опыт истории показывает, что СМИ способны служить различным политическим целям: как просвещать людей, развивать в них чувство собственного достоинства, стремление к свободе и социальной справедливости, способствовать и помогать компетентному участию в политике, обогащать личность, так и духовно порабощать, дезинформировать и запугивать, разжигать массовую ненависть, сеять недоверие и страх.

§ 3. Политическое манипулирование и пути его ограничения

Что такое манипулирование:

Наибольшую опасность для граждан и демократического государственного устройства представляет использование СМИ для **политического манипулирования** — **скрытого управления политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам, создавая при этом иллюзию свободного выбора.** Манипулирование основано на лжи и обмане. Причем это — не «ложь во спасение», а корыстные действия. Без должной борьбы с манипулированием оно может стать главной функцией СМИ и свести на нет официально провозглашаемые государством демократические принципы.

Требую большей гибкости в политике, манипулирование как способ социального управления имеет для его субъектов ряд преимуществ по сравнению с силовыми и экономическими методами господства. Оно осуществляется незаметно для управляемых, не влечет за собой прямых жертв и крови и не требует больших материальных затрат, которые необходимы для подкупа или успокоения многочисленных политических противников.

Социальные мифы как основа манипулирования

В современном мире теория и практика политического манипулирования получили достаточно глубокую научную разработку и практическое применение. Общая технология глобального, общегосударственного манипулирования обычно основывается на систематическом внедрении в массовое сознание социально-политических мифов — иллюзорных идей, утверждающих определенные ценности и нормы и воспринимаемых преимущественно на веру, без рационального, критического осмысления.

Мифы составляют фундамент всей иллюзорной картины мира, создаваемой манипуляторами. Так, несущими конструкциями коммунистической системы манипулирования выступали мифы о частной собственности как о главном источнике социального зла, о неиз-

бежности краха капитализма и торжества коммунизма, о руководящей роли рабочего класса и его коммунистической партии, о единственно верном социальном учении — марксизме-ленинизме.

В США, по мнению американского профессора-либерала Герберта Шиллера, главными идеями, утверждающими господство правящей элиты, выступают пять социальных мифов: об индивидуальной свободе и личном выборе граждан; о нейтралитете важнейших политических институтов: конгресса, суда и президентской власти, а также СМИ; о неизменной эгоистической природе человека, его агрессивности, склонности к накопительству и потребительству; об отсутствии в обществе социальных конфликтов, эксплуатации и угнетения; о плюрализме СМИ, которые в действительности, несмотря на их обилие, контролируются крупными рекламодателями и правительством и представляют собой единую индустрию иллюзорного сознания⁶.

Способы манипулирования

Для укоренения социальных мифов технология манипулирования предполагает использование богатейшего арсенала конкретных методов воздействия на сознание людей. К ним относятся не только прямая подтасовка фактов, замалчивание неудобной информации, распространение лжи и клеветы, но и более тонкие, рафинированные способы: **полуправда** (когда, чтобы обеспечить доверие аудитории, объективно и подробно освещаются конкретные, малозначительные детали и умалчиваются более важные факты или же дается общая ложная интерпретация событий), **наклеивание ярлыков** (когда для отторжения слушателями и компрометации лиц или идей им без доказательств дается неблагоприятное определение, например «империалист», «фашист», «красно-коричневый», «шовинизм» и т.п.) и др.

Существует множество приемов лингвистического, языкового манипулирования, предполагающих использование для обозначения одних и тех же явлений эвфемизмов, а также слов, имеющих иной оценочный оттенок. Так, например, человека, ведущего вооруженную борьбу за создание самостоятельного национального государства, различные СМИ в зависимости от политических пристрастий называют борцом за свободу, сепаратистом, террористом, партизаном, боевиком.

Для каждого информационного жанра, наряду с общими приемами манипулирования, существуют и специальные. Телевидение, например, для формирования у зрителей отталкивающего

⁶ См.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием/Пер. с англ. М., 1980. С. 25–40.

чувства по отношению к неугодным политикам использует непривлекательные ракурсы их показа или соответствующим образом монтирует заснятые кадры. Для скрытого внушения массам определенных политических идей оно нередко организует шумные развлекательные шоу и т.д.

Современные манипуляторы умело используют закономерности массовой психологии. Так, один из широко распространенных и внешне безобидных манипуляционных приемов, называемый «спираль умолчания», состоит в том, чтобы с помощью ссылок на сфабрикованные опросы общественного мнения или другие факты убедить граждан в поддержке большинством общества удобной манипуляторам политической позиции, в ее победе. Это заставляет людей, придерживающихся иных взглядов, из опасения оказаться в социально-психологической изоляции или каких-то санкций умалчивать о своем мнении или изменять его. На фоне умолчания о позиции оппонентов голос настоящего или мнимого большинства становится еще громче, и это еще сильнее вынуждает несогласных или колеблющихся к принятию «общепринятого» мнения или к глубокому утаиванию своих убеждений. В результате «спираль умолчания» закручивается еще круче, обеспечивая победу манипуляторам.

Манипулирование широко используется не только в тоталитарных и авторитарных государствах, где часто является доминирующим методом деятельности СМИ, но и в современных западных демократиях, особенно в партийной пропаганде и во время избирательных кампаний. Сегодня ни одна президентская или парламентская избирательная кампания в странах Запада и многих других государствах не обходится без использования приемов манипулирования и рекламы, которые, тесно переплетаясь между собой, создают у зрителей весьма далекие от реальности представления об определенном политике.

Как показывают эмпирические исследования, «средний» избиратель обычно судит о кандидате в президенты или парламент по тому имиджу (образу), который создает ему телевидение и другие масс-медиа. В странах Запада, а в последние годы и в России успешно развивается целое направление рекламного бизнеса — имидж-мейкинг, т.е. создание привлекательных для избирателей образов политических деятелей. Нанимаемые за большие деньги профессионалы имидж-мейкеры и организаторы избирательных кампаний диктуют претендентам не только форму одежды и манеры поведения, но и содержание выступлений, которые избоблюют множеством заманчивых обещаний, обычно забываемых сразу после победы на выборах.

За искусно изготовленной СМИ блестящей рекламной упаковкой избирателю трудно бывает различить истинные деловые и нрав-

ственные качества кандидатов, определить их политические позиции. Такого рода рекламно-манипулятивная деятельность превращает выбор граждан из свободного сознательного решения в формальный акт, заранее запрограммированный специалистами по формированию массового сознания.

Пределы манипулирования

Возможности манипулятивного использования СМИ велики, но не безграничны. Пределы манипулирования общественным мнением определяются прежде всего уже сложившимся массовым сознанием, стереотипами и взглядами людей. Для того чтобы быть эффективным, манипулирование должно опираться на менталитет и бытующие представления населения. Хотя под воздействием пропаганды эти представления постепенно могут измениться.

Существенными препятствиями для манипулирования являются собственный опыт людей, а также не контролируемые властью системы коммуникаций: семья, родственники, знакомые и друзья, интеракционные группы, складывающиеся в процессе производственной и иной деятельности и т.д. Однако политическое манипулирование, особенно при монополии его инициаторов на СМИ, экономическую и политическую власть, способно обходить эти барьеры, поскольку верификационные возможности индивидуального и группового опыта применительно к политике ограничены и допускают различные интерпретации.

Так, например, провал экономической политики правительства можно объяснять по-разному: его некомпетентностью или коррумпированностью, тяжелым наследием прошлого режима, неизбежностью трудностей в период реформирования, поисками оппозиции или враждебных государств и т.п. Наиболее слабы у населения защитные механизмы против манипулирования в области новой проблематики, по отношению к которой у него еще не сложилось мнение.

Общественная организация СМИ

Негативные последствия деятельности СМИ могут быть надежно и эффективно ограничены их общественной организацией. Важнейшим принципом демократической организации масс-медиа являются **плюрализм властей в обществе и плюрализм самих СМИ**. Плюрализм властей означает разделение в обществе экономической, социальной, собственно политической (принудительной) и духовно-информационной властей. Подпадание главных СМИ под контроль экономически и (или) политически господствующих групп означает конец демократии или по меньшей мере ее существенную деформацию.

Независимость масс-медиа могут обеспечить соответствующие формы их общественной организации. Существуют три главные формы современной организации СМИ: частная (коммерческая), государственная и общественно-правовая. При коммерческой организации, господствующей, например, в США, СМИ находятся в частном владении и финансируются исключительно за счет доходов от рекламы и частных пожертвований. Для них характерна жесткая конкуренция за рекламные доходы и аудиторию. Важнейший недостаток коммерческой организации масс-медиа — их прямая зависимость от рекламодателей и владельцев, а также частое забвение общественных интересов и этических норм в погоне за успехом.

В условиях **государственной** организации СМИ принадлежат государству и прямо финансируются и контролируются им. Преимуществом этой формы организации, преобладающей, например, во Франции, является независимость СМИ от крупного капитала, подконтрольность парламенту и правительству. Однако государственное финансирование СМИ может снижать их конкурентоспособность и использоваться для их подчинения власти имущим и бюрократии. К тому же это тяжелое бремя для государственного бюджета.

Общественно-правовая организация СМИ стремится освободить их от государственной и частной зависимости. По этой модели они финансируются главным образом за счет специального налога, выплачиваемого гражданами, имеют права юридического лица и самоуправления, хотя в целом контролируются общественными советами, состоящими из представителей важнейших общественных групп и организаций. Эта модель организации радио и телевидения преобладает в ФРГ, хотя здесь существует и частное теле- и радиовещание. Пресса же полностью находится в частном владении.

Ни один из трех рассмотренных выше способов общественной организации СМИ не является универсальным, лишенным недостатков. По всей вероятности, наилучшим образом гарантировать независимость СМИ от узковедомственных влияний и срастания с экономической или государственной властью можно лишь на основе сочетания всех трех форм, с учетом особенностей конкретной страны.

Плюрализм СМИ

Эффективному выполнению масс-медиа своих функций в обществе способствует их разнообразие и соревновательность в завоевании внимания и доверия аудитории. Плюрализм СМИ может обеспечиваться как их многообразием, наличием в обществе многих информационных агентств, газет, радио- и телестанций, так и с помощью редакционной независимости теле- и радиопрограмм. Кроме того, этому служит осуществляемое во многих странах пре-

доставление времени вещания всем политическим силам, пропорционально количеству голосов, полученных ими на выборах.

В современном мире под воздействием жесткой конкуренции наметилась тревожная для демократии тенденция концентрации СМИ. Она проявляется в резком сокращении численности местных газет, в образовании мощных национальных и транснациональных корпораций, контролирующих обширные информационные пространства, в усиливающейся зависимости мелких теле- и радиостанций от информационных гигантов. Чтобы не допустить монополизации СМИ, многие государства принимают специальные законы, ограничивающие возможности поглощения мелких масс-медиа крупными корпорациями.

Контроль за СМИ

СМИ управляются и контролируются определенными лицами или же специальными органами. В коммерческих СМИ функции такого контроля выполняют прежде всего их собственники, в государственных — государственные службы, в общественно-правовых — общественность, политические организации и объединения. При этом во всех случаях предполагается, что СМИ действуют в рамках закона.

В большинстве стран мира существуют специальные органы общего контроля за СМИ, следящие за соблюдением ими этических и правовых норм. Так, во Франции такой инстанцией является Высший совет по аудиовизуальной коммуникации. Он не только контролирует государственные и частные теле- и радиостанции, но и выдает им государственные лицензии на право выхода в эфир. В Великобритании общие направления деятельности радио и телевидения определяют правительство и парламент. За соблюдением прессой этических норм следит специальная комиссия по самоконтролю.

Демократический контроль со стороны общества за масс-медиа, конечно, не имеет ничего общего с предварительной цензурой, существующей в тоталитарных и авторитарных государствах, и не является нарушением свободы слова и выражения мнений. Информационная, политическая и любая другая свобода одних людей требует ограничений в тех случаях, когда она нарушает свободу и права других граждан и целых государств.

В современном мире с развитием спутникового телевидения и некоторых других СМИ, обладающих почти безграничным радиусом действия, расширились возможности культурно-информационной экспансии мощных информационных корпораций ведущих стран Запада. Располагая новейшей техникой и технологией, богатым опытом радио- и телевещания и опираясь на свою экономи-

ческую мощь, они непосредственно подчиняют или вовсе вытесняют национальное радио, телевидение и кинематограф и навязывают более слабым странам свои культурные и потребительские стандарты. Как неоднократно отмечалось на конференциях ЮНЕСКО, под предлогом свободы распространения информации транснациональные информационные корпорации формируют неадекватные социально-экономическим реальностям этих стран потребности и ценностные ориентации, культивируют роскошь и «потребительство в мире бедности» и тем самым дестабилизируют политическую ситуацию, разрушают культурную самобытность народов. Такая свобода информации нуждается в ограничениях. **Информационная власть, подобно власти политической и экономической, нуждается в контроле со стороны общества.**

Педагогика СМИ

Помимо специальных органов государственного или общественного контроля использовать СМИ в интересах граждан и предотвратить негативные последствия их деятельности помогает коммуникационное воспитание населения и, особенно, молодого поколения. Теоретической основой такого воспитания является специальная наука и учебная дисциплина — педагогика СМИ. Ее главная цель — научить граждан критически относиться к масс-медиа, компетентно и ответственно их использовать. Изучение этой дисциплины призвано ознакомить граждан с центральной ролью СМИ в демократическом государстве и в современной политике в целом, с их позитивным и негативным воздействием на реципиентов, сформировать способность ориентироваться в сложном потоке информации и выработать иммунитет к манипулированию и низкопробной, оглупляющей человека печатной, видео- и иной продукции.

Политико-коммуникационное воспитание молодого поколения получает все большее распространение в западных демократиях. Очевидно, что оно еще более необходимо России и другим посткоммунистическим странам, в которых грамотность населения в области массовых коммуникаций низка, а возможности их использования в манипулятивных целях высоки. Лишь комплексно решая различные проблемы в области массовых коммуникаций на основе учета мирового опыта и собственных общественных реальностей, эти страны смогут создать эффективную и жизнеспособную демократию.

Особенно велика роль СМИ в переходные периоды общественного развития, поскольку без их активной деятельности невозможно изменить политическое сознание, ценностные ориентации и цели широких слоев населения и добиться массовой поддержки политики социальных преобразований.

Раздел VII

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Глава 18

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

§ 1. Сущность и значение конфликтов в политике

Место и роль конфликтов в политике

Идея внутренней противоречивости, конфликтности политики утвердилась в науке с XIX в. А. Токвиль, К. Маркс, Г. Зиммель, а впоследствии К. Боулдинг, Л. Козер, А. Бентли и другие теоретики рассматривали конфликт как ведущий источник политики, лежащий в основе происходящих в ней изменений и определяющий тем самым границы и характер существования данной сферы общественной жизни.

Правда, в политической науке существует и противоположная точка зрения. Э. Дюркгейм, М. Вебер, Д. Дьюи и ряд других ученых исходят из вторичности конфликта для понимания сущности политики и его подчиненности базовым общественным ценностям, объединяющим население и интегрирующим социум и политическую систему. С их точки зрения, единство идеалов и социокультурных ценностей позволяет разрешать существующие конфликты и обеспечивать стабильность режима правления. В связи с этим многие конфликты рассматривались ими как аномалии политического процесса, а политика в свою очередь наделялась целями поддержания «социальной солидарности» (Э. Дюркгейм) или оказания «педагогического воздействия» на общество (Д. Дьюи) для воспрепятствования конфликтам.

Очевидно, что представления подобного рода, уверенность в способности человека воспрепятствовать противоречиям и кризисам политического развития могут быть соотнесены только с реальностью отдельных государств, обладающих прочными традициями длительного существования власти на основе единых для

общества политических идеалов. Впрочем, и здесь эти представления вряд ли отражают достоверную картину. Ибо политические ценности по-разному усваиваются различными поколениями, не всегда органично вписываются в реальную политическую динамику и потому неизбежно сопровождаются конфликтами, ряд из которых ставит под сомнение универсальность привычных для общества политических идеалов. Более того, даже институты власти, сформированные на базе единых ценностей, не всегда их отстаивают и укрепляют. Как справедливо отмечал С. Липсет, политические институты демократии могут быть использованы не только как орудия достижения консенсуса, но и как средства нагнетания напряженности и нарастания конфликтов.

В действительности реальное политическое сообщество людей всегда формируется через их взаимодействие, предполагая как сотрудничество, так и соревновательность. В целом политический конфликт и представляет собой не что иное, как **разновидность (и результат) конкурентного взаимодействия двух и более сторон (групп, государств, индивидов), оспаривающих друг у друга распределение властных полномочий или ресурсов**. Конфликт — один из возможных вариантов взаимодействия политических субъектов. Однако из-за неоднородности общества, непрерывно порождающего неудовлетворенность людей своим положением, различия во взглядах и иные формы несовпадения позиций, чаще всего именно конфликт лежит в основе поведения групп и индивидов, трансформации властных структур, развития политических процессов.

Важно также и то, что конфликты, означая соперничество тех или иных субъектов (институтов) с одними силами, как правило, выражают их сотрудничество с другими, стимулируя формирование политических коалиций, союзов, соглашений. Тем самым политические конфликты предполагают четкое формулирование позиций участвующих в политической игре сил, что благоприятно воздействует на рационализацию и структуризацию всего политического процесса.

Конфликты, сигнализируя обществу и властям о существующих разногласиях, противоречиях, несовпадении позиций граждан, стимулируют действия, способные поставить ситуацию под контроль, преодолеть возникшие возбуждения в политическом процессе. Поэтому дестабилизация власти и дезинтеграция общества возникают не потому, что возникают конфликты, а из-за неумения урегулировать политические противоречия, а то и просто элементарного игнорирования этих коллизий. Как справедливо считает немецкий ученый Р. Дарендорф, человеческая свобода и свобода политического выбора, в частности, «существует лишь в

мире регулируемого конфликта»¹. Поэтому только непрерывное выявление и урегулирование конфликтов может считаться условием стабильного и поступательного развития общества. (Конфликтологи подметили: если энергия людей расплывлена на решение множества властно значимых задач, а не концентрируется на каком-либо одном конфликте, такие социальные и политические системы, как правило, сохраняют больше возможностей поддерживать стабильность своего развития. Л. Козер полагал: неоднородные внутренние конфликты, налагаясь друг на друга, способны предотвратить глобальный раскол общества, чреватый для последнего полной утратой жизнестойкости.)

Таким образом, можно утверждать, что только отдельные разновидности политических конфликтов носят действительно разрушительный для общества характер. В основном же (и прежде всего в странах с гибкой, развитой системой социального представительства) выявление и урегулирование конфликтов дает возможность эффективно поддерживать целостность политической системы, сохранять приоритет центростремительных тенденций над центробежными.

Как подчеркивал Р. Дарендорф, позитивная роль конфликтов особенно заметна в современную эпоху, поскольку непримиримые конфликты (в частности, раннеклассовые противоречия между буржуазией и пролетариатом, о которых писал К. Маркс) относятся к политическому контексту XIX в. Нынешнее же столетие не только исчерпало условия, в которых собственность превратилась бы в предмет непримиримых противоречий между людьми, но и вооружило последних могучими средствами обуздания агрессивных политических сил. И подлинными знаменами нашего времени становятся гуманизация, постепенный переход приоритетов от групповых к индивидуальным ценностям, увеличивающие предпосылки для согласования и примирения позиций конфликтующих сторон.

Источники политических конфликтов

Источники политических конфликтов ученые, как правило, видят в действии либо внесоциальных, либо социальных факторов. Чаще всего к внесоциальным факторам относятся многочисленные — в духе К. Лоренца — интерпретации различных видов политической напряженности, базирующиеся на признании сходства внутривидовой враждебности животных и агрессив-

¹ *Dahrendorf R. Life Changes: Approaches to Social and Political Theory. Chicago, 1979. P. 107.*

ности человека. Однако данные современной науки не подтвердили, что люди обладают повышенной склонностью именно к конфликтам, а не к, положим, альтруизму или солидарности с себе подобными.

Более достоверно объясняет природу политических конфликтов признание ведущей роли **социальных** факторов. Среди данного рода детерминант, как правило, выделяют три основные причины, лежащие в основе политической конфронтации. Прежде всего — это разнообразные формы и аспекты общественных отношений, определяющие несовпадение статусов субъектов политики, их ролевых назначений и функций, интересов и потребностей во власти, недостаток ресурсов и т.д. Эти, условно говоря, объективные источники политических конфликтов чаще всего детерминируют противоречия между правящей и контрэллитой, различными группами давления, представляющими интересы определенных сил и ведущими борьбу за части государственного бюджета, а равно и между всеми иными политическими субъектами системы власти. Внешнюю напряженность такого рода конфликтов, как правило, удается погасить достаточно легко. Однако искоренить источники конфликтной диспозиции сторон, различным образом включенных в политическую игру, можно только путем преобразований, либо меняющих саму организацию власти в обществе, либо реформирующих социально-экономические основания политической деятельности конкурирующих субъектов.

Ко второму основному источнику политических конфликтов относятся расхождения людей (их групп и объединений) в базовых ценностях и политических идеалах, в оценках исторических и актуальных событий, а также в других субъективно значимых представлениях о политических явлениях. Такие конфликты наиболее часто возникают в тех странах, где сталкиваются качественно различные мнения о путях реформирования государственности, закладываются основы нового политического устройства общества, ищутся пути выхода из социального кризиса. В разрешении таких конфликтов найти компромисс порой весьма трудно. Если же, как, к примеру, в современной России, идейные расхождения касаются основополагающих ценностей и приоритетов политического развития, достижения согласия между конфликтующими сторонами (например, приверженцами коммунистических и либерально-демократических идей) приходится добиваться в течение весьма и весьма длительного времени.

В последние годы ряд западных теоретиков (Дж. Бертон, К. Ледерер, Дж. Дэвис и др.) выдвинули еще одну версию, объясняющую природу политических конфликтов — так называемую теорию челове-

ческих потребностей. Эта концепция утверждает, что конфликты возникают в результате ущемления или неадекватного удовлетворения потребностей, составляющих самое человеческую личность. Сторонники этой позиции относят к базовым источникам конфликтов разные ценности: О. Надлер — идентичность, экономический рост, трансценденцию (внутреннее самораскрытие); Р. Инглхарт — безопасность, общественное признание, нравственное совершенствование и пр. Удовлетворение такого рода стремлений не может быть предметом купли-продажи, торга с властью, которая должна лишь видоизменять и совершенствовать политические структуры в целях наиболее полного и адекватного удовлетворения этих универсальных человеческих потребностей.

И, наконец, третьим источником политических конфликтов в политической науке рассматриваются процессы идентификации граждан, осознания ими своей принадлежности к социальным, этническим, религиозным и прочим общностям и объединениям, что определяет понимание ими своего места в социальной и политической системе. Такого рода конфликты характерны прежде всего для нестабильных обществ, где людям приходится осознавать себя гражданами нового государства, привыкать к нетрадиционным для себя нормам взаимоотношений с властью (как это, к примеру, происходит в современной России после распада Советского Союза). Такого же характера противоречия возникают и в тех странах, где напряженность в отношениях с правящими структурами вызывает защиту людьми культурной целостности своей национальной, религиозной и т.п. группы, стремление повысить ее властный статус (например, католиками Северной Ирландии, франкоязычным населением Канады и т.п.).

Типология политических конфликтов

Характер изменений политических процессов, темпы и направленность эволюции системы правления самым не-

посредственным образом зависят от типа доминирующих политических конфликтов. В самом общем виде в политической науке принято классифицировать конфликты по следующим основаниям:

— с точки зрения зон и областей их проявления. Здесь прежде всего выделяются внешне- и внутривнутриполитические конфликты, которые в свою очередь подразделяются на целый спектр разнообразных кризисов и противоречий. Так, среди международных конфликтов могут выделяться кризисы типа «балансирования на грани войны» (Д. Даллес), отражающие выдвижение одним государством требований и притязаний к другому в надежде, что противник скорее уступит, чем будет бороться; «оправдания враждебности»

(Р. Лебоу), характеризующие провокационную деятельность государства против потенциального противника с тем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию для выдвижения ему неприемлемых требований (так, к примеру, действовал Гитлер, инсценировав нападение на радиостанцию в Гляйвице для оправдания развязывания войны против Польши) и т.д. Внутриполитические конфликты также подразделяются на кризисы и противоречия, раскрывающие взаимодействие между различными субъектами власти (правящей и оппозиционной элитами, конкурирующими партиями и группами интересов, центральной и местной властью и т.д.), отражающие характер политических процессов, по которым разгорается спор групп и индивидов (в сфере государственного управления или массового участия граждан в политике) и т.д.;

— по степени и характеру их нормативной регуляции. В данном случае можно говорить о (целиком или частично) институализированных и неинституализированных конфликтах (Л. Козер), характеризующих способность или неспособность людей (институтов) подчиняться действующим правилам политической игры;

— по их качественным характеристикам, отражающим различную степень вовлеченности людей в разрешение спора, интенсивность кризисов и противоречий, их значение для динамики политических процессов и пр. Среди конфликтов данного типа можно выделить «глубоко» и «неглубоко укорененные» (в сознании людей) конфликты (Дж. Бертон); конфликты «с нулевой суммой» (где позиции сторон противоположны, и потому победа одной из них оборачивается поражением другой) и «не с нулевой суммой» (в которых существует хотя бы один способ нахождения взаимного согласия — П. Шаран); антагонистические и неантагонистические конфликты (К. Маркс), разрешение которых связывается с уничтожением одной из противоборствующих сторон или — соответственно — сохранением противоборствующих субъектов и т.д.;

— с точки зрения публичности конкуренции сторон. Здесь имеет смысл говорить об открытых (выраженных в явных, внешне фиксируемых формах взаимодействия конфликтующих субъектов) и закрытых (латентных) конфликтах, где доминируют теневые способы оспаривания субъектами своих властных полномочий. Если первый тип подобных конфликтов хорошо различим в разнообразных формах массового участия граждан в политической жизни (например, в виде манифестаций, забастовок, участия в выборах и т.д.), то второй более характерен для скрытых от глаз обывателя процессов принятия решений (в частности, взаимодействий внутри правящей элиты, отношений между различными ветвями власти);

— по временным (темпоральным) характеристикам конкурентного взаимодействия сторон — долговременные и кратковременные конфликты. Так, возникновение и разрешение отдельных конфликтов в политической жизни может завершиться в течение предельно короткого времени (например, отставка министра в связи с публикацией сведений о его предосудительных действиях), но может быть соотнесено с жизнью целых поколений (противоборство диссидентов с коммунистическими режимами в странах Восточной Европы и бывшем СССР, военно-политические конфликты между Израилем и рядом арабских государств и т.д.);

— в соотнесении со строением и организацией режима правления. В данном случае, как правило, выделяют конфликты вертикальные (характеризующие взаимоотношения субъектов, принадлежащих к различным уровням власти: между центральными и местными элитами, органами федерального и местного самоуправления и т.д.) и горизонтальные (раскрывающие связи однопорядковых субъектов и носителей власти: внутри правящей элиты, между неправящими партиями, членами одной политической ассоциации и т.д.).

Каждый тип конфликта, обладая теми или иными свойствами и характеристиками, способен играть разнообразные роли в конкретных политических процессах, стимулируя отношения соревновательности и сотрудничества, противодействия и согласования, примирения и непримиримости.

§ 2. Управление политическими конфликтами

**Общее и особенное
в технологиях
регулирувания конфликтов**

В современной политической науке первостепенное внимание уделяется поиску форм и способов контроля за протеканием конфликтов, выработке эффективных технологий управления ими. К контролю за конфликтом стремятся даже те силы, которые заинтересованы не в регулировании, а в перманентном его обострении, консервации, что, по их расчетам, могло бы породить ситуацию, которую можно использовать более эффективно, чем противники. В этом случае оппозиционные силы могут постоянно оспаривать предлагаемые властями правила игры, ставя их перед необходимостью ужесточать свои требования, что дает повод обвинить их в недемократизме. В свою очередь и правящие элиты нередко выдвигают неприемлемые условия для сотрудничества с оппозицией, надеясь на истощение ее сил или на компрометацию в глазах общественного мнения (как не стремящейся к общественному согласию).

Однако в большинстве случаев политические силы стремятся к контролю за конфликтами именно с целью их урегулирования. При этом в качестве субъекта управления конфликтом могут выступать как одна из его сторон, так и, условно говоря, третья сила, не участвующая в нем, но заинтересованная в его урегулировании (например, ООН в разрешении арабо-израильского конфликта). Особым значением для политической жизни обладают те случаи, когда стремление управлять развитием конфликта исходит со сторон правящих структур, центральных властей государства.

Но кто бы ни выступал субъектом управления конфликтом, поиск технологий регулирования конкурентных взаимоотношений неизбежно опирается на решение ряда универсальных задач:

- воспрепятствовать возникновению конфликта либо его разрастанию и переходу в такую фазу и такое состояние, которые значительно увеличивают социальную цену за его урегулирование;

- вывести все теневые, латентные, неявные конфликты в открытую форму с тем, чтобы уменьшить неконтролируемые процессы и следствия данного взаимодействия, избежать внезапных, обвальных потрясений, на которые невозможно будет правильно и оперативно отреагировать;

- минимизировать степень социального возбуждения, вызываемого течением политического конфликта в смежных областях политической (общественной) жизни, чтобы не сдетонировать более широкие, дополнительные потрясения, на регулирование которых будет необходимо тратить дополнительные ресурсы и энергию.

Эти универсальные цели, лежащие в основании стратегии управления конфликтами, неизбежно конкретизируются в соответствии с основной установкой — либо на **урегуливание**, либо на **разрешение** спорных ситуаций. Урегулирование, в частности, предполагает снятие остроты противоборства сторон, а также стремление субъекта управления избежать наиболее негативных последствий конфликта (для себя, государства, общества в целом). Оно может быть полным или частичным. Однако в любом случае достигаемый между сторонами компромисс не может устранить причин конфликта, сохраняя тем самым определенную вероятность нового обострения уже урегулированных отношений. Разрешение же конфликта предполагает исчерпание самого предмета спора или такое изменение ситуации и обстоятельств, которое породило бы бесконфликтные отношения сторон, отношения партнерства, исключило опасность рецидива разногласий.

Для управления конфликтами политический субъект должен учитывать наиболее принципиальные внешние и внутренние фак-

торы их формирования и протекания. К характеристикам, влияющим на формы и методы деятельности субъекта управления, можно отнести: степень открытости политической системы (отражающей, к примеру, наличие или отсутствие в ней «предохранительных клапанов», способных защитить правящие структуры от наиболее агрессивных форм политического протеста); уровень сплоченности конфликтующих групп и интенсивность внутренних взаимоотношений их членов; характер вовлеченности широких социальных слоев в спорные взаимоотношения; эмоциональную насыщенность политического поведения групп и граждан и их способность к самоограничению своих властных притязаний и т.д.

Для выработки технологий контроля за конфликтом особенно важен учет субъектом управления не общих (условно говоря — макрополитических) факторов его протекания, а специфики целей, выбираемых в соответствии с особенностями **этапа** его формирования и развития. Как правило, в науке выделяются этапы возникновения, развития и окончания политических конфликтов. В то же время особенности поведения субъекта управления конфликтом могут как определяться постановкой комплексных задач, учитывающих специфику каждого этапа в целом, так и зависеть от более узких, специализированных целей, которые он ставит перед собой на каждом этапе в отдельности. Поэтому в науке могут разрабатываться технологические модели поведения лидеров, правительств, государств и прочих субъектов управления конфликтами не только применительно ко всем (или отдельным) этапам их протекания (например, «трехпериодная модель» М. Брегера деятельности правительств в условиях международного кризиса), но также и касающиеся отдельных сторон или аспектов их деятельности внутри каждого из этапов (в частности, тактика переговорного процесса).

Этап возникновения конфликта

Конфликтные отношения зарождаются, когда складывается атмосфера напряженности между оппозиционными сторонами, выражающая наличие определенного предмета спора и конкуренции, несовпадения позиций политических субъектов. На этом этапе пружина конфликтного взаимодействия еще сжата и контуры будущего развития противоречия могут только угадываться.

Таким образом, главной задачей субъекта, стремящегося контролировать течение этого конфликта, является раскрытие его подлинных причин, а следовательно, и истинных целей, преследуемых его участниками. Сложность такого анализа в значительной степени усугубляется частым стремлением сторон скрыть, замас-

кировать настоящие причины противоречия со своим оппонентом (нередко это вызывается желанием использовать не вполне законные методы для реализации своих интересов или же опасением, что обнаружение причин спора вызовет негативную реакцию общественности).

Отыскивая подлинные причины конфликтных отношений, субъект управления должен уметь отличать их от повода, толчка к началу событий (например, недовольство социально-экономическим курсом властей со стороны оппозиции и начало проведения ею акций протеста в ответ на конкретные действия правительства, воспринятые как угроза своему существованию). Правильный анализ позволит не только выявить источник политического напряжения, но и предотвратить возможный «отрыв» конфликта от своих первоначальных причин и переключение активности сторон на новые политические цели, консервирующие прежние поводы для конкуренции и тем самым переводящие противостояние в закрытую форму существования, чреватую внезапными социальными потрясениями. Так, например, длительное нежелание властей видеть в ряде районов СССР национальную подоплеку некоторых экономических, культурных и прочих противоречий в значительной степени спровоцировало там серьезнейший кризис международных отношений и лишило государственные органы многих средств и возможностей эффективно влиять на развитие событий.

Таким образом, чем строже определен предмет спора, тем у субъекта управления больше шансов локализовать его развитие, направить конкуренцию сторон в выгодное для себя русло. Если же в качестве субъекта управления конфликтом выступают правящие структуры, то поиск ими причин напряженности и выработка технологии ее урегулирования должны неизбежно дополняться определением своей ответственности за возможное развитие событий. В этом смысле, как подчеркивал французский конфликтолог Ж. Фаве, власти могут выбрать одну из трех моделей поведения: игнорировать возникновение конфликта, давая ему возможность тлеть, самовозбуждаться и перемещаться в другие сферы властных отношений; избегать четкой публичной оценки его природы, стараясь таким образом «понравиться» разнообразным слоям населения, высказывающим различные точки зрения относительно данной проблемы (попытки взять под контроль развитие ситуации будут в таком случае весьма робкими и непоследовательными); активно участвовать в урегулировании или разрешении конфликта.

В последнем случае стремление управлять развитием конфликта должно опираться на точный анализ сложившейся в целом «социально-политической конфигурации» в обществе, предусматри-

вающий оценку установившегося соотношения сил, накала противостояния сторон, прогнозирование их возможных действий. Властям необходимо проработать различные сценарии развития конфликта и своих собственных действий, определить возможные ответные ходы на акции противников, очертить проблематику потенциальных переговоров и круг явно неприемлемых действий в любых ситуациях.

От первоначальных оценок ситуации будет непосредственно зависеть, станут ли власти стремиться сохранить паритет конфликтующих сторон или поддержат одну из них, будут способствовать уменьшению или повышению напряженности отношений и т.д. Однако при любом варианте власти обязаны установить определенные нормы и правила взаимодействия конфликтующих сторон, что должно способствовать институционализации конфликта с самого начала, введению его в рамки, позволяющие контролировать его ход и развитие. Институционализация конфликта не только увеличивает защищенность общества и безопасность государства в этой ситуации, но нередко переводит состязательность сторон в такие формы, которые создают предпосылки самозатухания конфликта.

Неотъемлемой стороной деятельности властей, стремящихся поставить конфликт под свой контроль, является и так называемое конструирование социального окружения данного спора. Эти меры подразумевают соответствующую ориентацию и мобилизацию общественного мнения, что позволяет создать в государстве климат осуждения или поощрения одной (или всех) из конфликтующих сторон, сужают поле для маневров противников правящего режима, способствуя повышению стабильности государственной власти.

Определяя стратегические и тактические цели регулирования конфликта, власти должны подготовиться «технически»: убедиться в компетентности привлекаемых экспертов и аналитиков, специалистов в соответствующей сфере государственного управления (т.е. в специфической области политики, где возник конфликт, — социальной или налоговой политики, управления наукой и пр.); проверить надежность коммуникаций, центров обработки информации о текущих событиях, их материальной обеспеченности; улучшить взаимосвязь между различными уровнями и звеньями власти, вовлеченными в регулирование конфликта; приспособить структуру институтов власти для осуществления эффективного контроля событий; проверить готовность механизмов власти для решительного применения силы. Вся совокупность этих мер должна адекватно соответствовать ресурсам, имеющимся в распоряжении верхов, а также способствовать поддержанию имиджа властей — фор-

мировать у населения убежденность, что власти не боятся развития конфликта и способны держать его под контролем.

Этап развития конфликта

С развитием конфликта круг деятельности субъекта, пытающегося контролировать его протекание, расширяется. На данной стадии более отчетливо проявляются силы, поддерживающие каждую из конфликтующих сторон или противостоящие им; становится очевидным, расширяется или сужается область распространения спора, какова степень его интенсивности и т.д. Таким образом, увеличивается число факторов, которые необходимо отслеживать для сохранения контроля над развитием конкурентных отношений.

Принимая решение, субъект управления конфликтом должен опираться на более широкий круг информации, повышая ее оперативность, строго отбирать достоверную информацию из массива поступающих сведений. Причем информацию следует собирать не только о «видимом слое» поведения сторон, но и об их скрытых, а порой и тщательно скрываемых замыслах и намерениях. Особое значение в таких ситуациях приобретает борьба с дезинформацией, так как стремление той или иной стороны исказить сведения о своих целях, по мнению французских ученых Фюстье и Амираля, нередко провоцирует субъект управления конфликтом на весьма безрассудные действия.

Расширяя информационное поле контроля, власти, как правило, уточняют образы конфликтующих сторон (позиции, склонность к компромиссам, допустимые возможности изменения целей и т.д.) и собственные оценки, выработанные ранее. Специалисты в области международных отношений американцы Г. Снайдер и П. Дизинг в связи с этим различают изменения, происходящие в так называемых фоновых образах (отражающих оценку конфликтующих сторон через призму долговременной перспективы их эволюции), а также «текущих» образах (выражающих изменения во взглядах на их актуальные, сиюминутные позиции).

Уточняя такого рода оценки, власти должны непрерывно сопоставлять изменяющиеся позиции сторон, стараться проникнуть в тактику поведения конфликтующих, нащупать точки соприкосновения оппонентов. В конечном счете оценка различного рода макро- и микрофакторов, обуславливающих протекание конфликта, должна дать четкое представление о его интенсивности: обладает ли он тенденцией к спаду или к нарастанию. В соответствии с выводами должна скорректироваться и тактика действия властей.

Так, при спаде интенсивности внимание правящих структур, как правило, ослабевает, а количество ресурсов, направляемых на

регулирование конфликта, уменьшается. Власти даже могут попытаться повернуть конфликт в такое русло, где бы он не решался, но и не оказывал неблагоприятного воздействия на политические отношения. Нарастание же напряженности конфликта предполагает иную тактику действий.

Вообще, как подметили конфликтологи, противоречия нарастают с увеличением численности конфликтующих групп, повышением эмоциональной вовлеченности людей в эти взаимоотношения. Особенно высоко напряжение в конфликтах, ведущихся на уровне ценностей, и прежде всего тех, что касаются нравственной самооценки сторон, представлений о чести и достоинстве. (В этом случае стороны воспринимают предположительное окончание конфликта как персонально значимый выигрыш или проигрыш и потому зачастую отказываются даже рассматривать варианты соглашения, чтобы не поступиться принципами.) Так или иначе, но усиление напряженности (увеличение «политического стресса») должно побудить власти прежде всего позаботиться о недопущении крайних, разрушительных форм конкурентного взаимодействия и особенно тех, которые могут повлечь дестабилизацию и нарушение функций основных органов государственного управления. В то же время установление этих предельных рамок для разрастания конфликта должно ориентироваться на законные методы регулирования политических отношений, поддерживать конвенциональный стиль политического диалога. Однако сказанное отнюдь не отвергает право властей использовать предусмотренные законом акции устрашения или применения насильственных мер против наиболее агрессивных и опасных для общества сил.

Для направления интенсивного конфликта в нужное русло власти должны постоянно «конструировать социальное окружение» — информировать общественность о выработанных оценках поведения сторон, об изменении их позиций, обнародовать точки зрения на развитие ситуации, способные обеспечить благоприятный эмоциональный настрой граждан и навязать сторонам собственные критерии оценки соотношения сил, способы выхода из кризиса и т.д. Опираясь на общественное мнение, власти могут эффективнее влиять на тактику поведения сторон, поддерживать или препятствовать доминирующим установкам их поведения.

В самом общем плане принято выделять три основных типа взаимоотношений между сторонами конфликта: конкурентный, предполагающий постоянное воспроизведение соперниками оппозиционных отношений друг к другу; индивидуалистический, характеризующий стремление какой-то стороны получить односторонние преимущества, игнорируя права и интересы соперника; коопера-

тивный, выражающий готовность участвующих в споре сторон уважать чужие интересы и совместно искать выход из противоречий.

Таким образом, для поддержания оптимальных, с точки зрения властей, форм взаимоотношений между конфликтующими сторонами необходимо целенаправленно искать выигрышную тактику, изменяя структуру и способы собственных действий; совершенствовать коммуникационные процессы для оптимизации режима принятия решений; поддерживать нормы и правила политического противоборства, способствующие повышению сплоченности и интегрированности общества. В целом эффективность действий властей на этапе развития конфликта определяется их способностью законными методами обеспечить снижение напряженности в отношениях сторон и поворот их к примирению позиций.

Этап окончания конфликта

Это наиболее сложная фаза, ибо от результата окончания спорных отношений зависит заново складывающийся баланс политических сил.

Обычно в конфликтологии рассматривают два основных варианта окончания конфликта — достижение примирения сторон либо их непримиримость (т.е. создание тупиковой ситуации, неразрешимости конфликта). Между этими полюсами пролегает целый ряд вариантов эволюции конфликта, отражающих его рутинизацию (сохранение прежней интенсивности), снижение или, напротив, нарастание взаимооппозиционности сторон. Конфликт может оказаться и неразрешимым, тогда создается положение, которое ведет не к его окончанию, а как бы к «круговому движению». Это требует от субъекта управления конфликтом пересмотра и повторения своих действий и операций, соответствующих двум первым этапам конфликтного взаимодействия. Иными словами, такая ситуация предполагает совершенствование или поиск новой стратегии и тактики контролирования, управления конфликтом.

Примирение же участвующих в конфликте сторон, как уже говорилось, может носить характер полного или частичного урегулирования (т.е. изменения поведения одной или нескольких сторон конфликта без исчерпания предмета спорных отношений) либо разрешения конфликта (уничтожающего сам повод для такого взаимодействия сторон). При этом нельзя сбрасывать со счетов и то, что конфликт может разрешиться сам по себе, без попыток его сознательного регулирования (например, из-за утраты актуальности предмета спора, усталости политических субъектов, истощения ресурсов и пр.).

Для достижения примирения субъекту управления конфликтом необходимо найти средства, способные обеспечить такое раз-

витие событий. Уже упоминавшийся Ж. Фаве считает, что добиваться примирения необходимо через соглашение, компромисс, подчинение, уступку и разрыв (с прошлым). Среди принципов урегулирования, о которых говорит Е. Нордлингер, можно отметить создание стабильной коалиции сил, соблюдение пропорциональности усилий, обеспечение взаимного права вето. Р. Даль (исключая тупиковый путь развития событий) предпочитает говорить о принудительных и мирных средствах примирения сторон.

Учитывая наиболее типичные средства, можно выделить два наиболее общих пути примирения сторон:

1. Мирное урегулирование конфликта в результате: достижения компромисса на основе сохранения исходных позиций; соглашения, основанного на взаимных уступках; истощения ресурсов одной или нескольких сторон, что делает невозможным продолжение соперничества; обретенного в ходе спора взаимоуважения сторон, понимания прав и интересов соперника.

Чаще всего этот путь примирения связан не с односторонним навязыванием воли, а с обоюдной активностью конфликтующих сторон. Так, в Совете Безопасности ООН принцип единогласия предполагает учет позиций каждого из его членов.

2. Примирение на основе принуждения или, другими словами, использования «командного стиля» (П. Шаран) взаимоотношений, позволяющего одной из сторон игнорировать аргументы соперника. В основе этого навязываемого одной из сторон (или третьей силой всем сторонам) характера взаимодействия может лежать:

— явное превосходство (сохраненных, приобретенных) сил и ресурсов, с одной стороны и их дефицит — с другой;

— изоляция одной стороны конфликта, понижение ее статуса, а также другие состояния, свидетельствующие об ослаблении ее позиций, о поражении, нанесенном ей в соответствии с правилами игры;

— уничтожение, «тотальное истребление противника» (Х. Шпейер), в результате чего мир устанавливается в отсутствие врага.

Ориентация субъекта управления на те или иные средства примирения сторон должна корректироваться и спецификой политических процессов, в которых протекают конфликты. Например, ограниченность во времени и периодичность возобновления избирательных кампаний заставляет многие партии, стремящиеся использовать выборы для реального проникновения в сферу принятия государственных решений, образовывать различные коалиции, идти на компромиссы даже со своими политическими оппонентами. В этом смысле компромисс выступает более предпочтительной целью стратегии, нежели конфронтация.

В условиях же радикального преобразования общества, выбора качественно новых путей будущего развития ориентация исключительно на согласительные методы взаимодействия со своими соперниками вряд ли приведет к устранению напряженности и примирению идейных позиций. В этих случаях целесообразно применять более изощренную тактику поведения, включающую методы как мирного, так и принудительного примирения сторон.

Таким образом, выбираемые субъектом управления средства урегулирования конфликтов должны непременно соответствовать культурно-историческим, цивилизационным особенностям политического развития страны (региона, субъекта), учитывать временные обстоятельства ведения спора, коррелироваться с психическими чертами действующих лиц.

Наиболее распространенным средством достижения примирения сторон в технологиях управления конфликтом являются переговоры. В процессе переговоров (нередко длительном) стороны обмениваются мнениями, что неизбежно снижает остроту конфликта, помогает понять аргументы оппонента и, следовательно, более адекватно оценить истинное соотношение сил, условия примирения. Переговоры дают возможность уравнивать уступки, спокойно рассмотреть альтернативные ситуации, продемонстрировать открытость позиций, ослабить эффективность «нечестных трюков» соперника. Именно в этих условиях легче найти так называемую срединную точку конфликта, обозначающую суть взаимных претензий.

Переговорный процесс основан на специальной технологии «торга», т.е. использовании специфических приемов, позволяющих сохранить исходные позиции или достичь преимуществ, добиться взаимопонимания оппонентов или завести их в тупиковое русло, обеспечить односторонние преимущества или взаимное удовлетворение сторон.

Американские специалисты М. Дейч и С. Шикман считают, что эффективность переговоров, а равно и взаимное удовлетворение сторон повышаются, если последовательно отделять существующие проблемы от субъективной заинтересованности участвующих в споре людей; фокусировать внимание не на принципах, а на реальных противоречиях; вырабатывать несколько возможных вариантов решений; учитывать по преимуществу объективные критерии соотношения сил, а не партийные или идеологические позиции². Обещание уступок, внимательность к партнеру значитель-

² Deutch M., Shicman S. Conflict in Social Psychological Perspective//Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. San Francisco, 1986. P. 241—243.

но увеличивают шансы прийти к соглашению. Угрозы же, давление на оппонента с позиций силы такую возможность снижают, нередко переводя переговорный процесс в «замороженное» состояние.

По окончании конфликта важно так представить результаты переговоров (компромиссов, соглашений, силового давления), чтобы массы восприняли их адекватно, не посчитав, к примеру, это унижительным миром, проигрышем и пр. Таким образом, будут исключены реакции, которые могли бы поставить под вопрос принятые решения.

В этом смысле особую роль играет умение субъекта управления конфликтом использовать типичные для общественного сознания политические символы, стереотипы, стандарты мышления, олицетворяющие победу, поражение или другие оценки, стимулирующие массовую активность людей. (Например, в военных действиях неудачу чаще всего символизирует падение столицы или пленение лидера.)

Только найдя нужный образ, символ примирения и соответствующую тональность диалога с согражданами, можно обеспечить сохранение результатов переговоров и воспрепятствовать обострению постконфликтных отношений.

Из сказанного видно, что способность властей, а равно и всех иных политических субъектов решать насущные задачи на каждом из этапов протекания конфликтов дает им дополнительные возможности для эффективной реализации своих целей и интересов в политическом процессе.

Реальной средой, тканью, в которой зарождаются и развиваются конфликты, являются политические процессы. Что же представляют собой данные явления?

Глава 19

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

§ 1. Сущность и структура политического процесса

Понятие политического процесса

Политический процесс — одна из центральных и вместе с тем весьма специфическая категория политической науки. Правда, некоторые ученые отождествляют ее с понятием политики в целом (Р. Доуз). Другие же, напротив, видят специфику политических процессов либо в результатах функционирования по-

литической системы (Т. Парсонс), либо в динамике борьбы и соперничества групп за статусы и ресурсы власти (Р. Дарендорф), либо в поведенческих аспектах реализации субъектами своих интересов и целей (Ч. Мэрриам).

В рамках этих различных подходов политический процесс обнажает свои важнейшие источники, состояния, элементы. В то же время при всех различиях теоретической интерпретации политического процесса считается общепризнанным, что он отображает **реальное** взаимодействие субъектов политики, сложившееся не в соответствии с намерениями лидеров или программами партий, а в результате действия самых разнообразных внешних и внутренних факторов. Иначе говоря, политический процесс показывает, как индивиды, группы, институты власти со всеми своими стереотипами, целями, предрассудками взаимодействуют друг с другом и государством, реализуя свои специфические роли и функции. А так как ситуации, стимулы и мотивы человеческого поведения постоянно изменяются, политический процесс исключает какую-либо **заданность** или предопределенность в развитии событий и явлений.

Раскрывая содержание политики через сложившиеся формы исполнения субъектами своих ролей и функций, политический процесс демонстрирует, как их осуществление воспроизводит одни элементы политической системы, разрушает другие, развивает и творит третьи. Тем самым политический процесс раскрывает как поверхностные, так и глубинные **изменения** политической системы, характеризует ее переход от одного состояния к другому. При этом важнейшим значением для политического процесса обладает продолжительность или краткосрочность **временных периодов** данных изменений в формах отправления власти, соотношения сил, способах принятия решений и т.д.

Учитывая названные черты политического процесса, можно сказать, что он раскрывает движение, динамику, эволюцию политической системы, изменение ее состояний во времени и пространстве. Политический процесс представляет собой **совокупность действий институционализированных и неинституционализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций (дисфункций) в сфере власти**, и в конечном счете ведущих к развитию или упадку политической системы общества.

Применительно к обществу в целом политический процесс раскрывает взаимодействие социальных и политических структур и отношений, т.е. показывает, как общество формирует свою государственность, а государство в свою очередь «завоевывает» общество. С точки же зрения внутреннего содержания политический

процесс выражает как бы технологию осуществления власти, представляя собой совокупность относительно самостоятельных, локальных взаимодействий субъектов, структур и институтов, связанных теми или иными специфическими целями и интересами в поддержании (или изменении) системы правления.

Структура и особенности политического процесса

По значимости для общества тех или иных форм политического регулирования социальных отношений полити-

ческие процессы можно подразделить на **базовые** и **периферийные**. Первые из них характеризуют разнообразные способы включения широких социальных слоев в отношения с государством, формы преобразования интересов и требований населения в управленческие решения, типичные приемы формирования политических элит и т.д. В этом смысле можно говорить о процессах политического участия и государственного управления (принятии решений, законодательном процессе и др.). Периферийные же политические процессы раскрывают динамику формирования отдельных политических ассоциаций (партий, групп давления и т.д.), развитие местного самоуправления, другие связи и отношения в политической системе, не оказывающие принципиального влияния на доминирующие формы и способы отправления власти.

В то же время и базовые, и периферийные политические процессы различаются по времени и характеру осуществления, сориентированностью своих субъектов на нормы соперничества или сотрудничества, могут протекать явно или в скрытой форме. К примеру, явный (открытый) политический процесс характеризуется тем, что интересы групп и граждан систематически выявляются в их публичных притязаниях к государственной власти, которая в свою очередь делает доступной для общественного контроля фазу подготовки и принятия управленческих решений. В противоположность открытому теневой процесс базируется на деятельности публично не оформленных политических институтов и центров власти, а также на властных притязаниях граждан, не выраженных в форме обращения к официальным органам государственного управления.

Каждый из политических процессов обладает и собственным внутренним ритмом, т.е. цикличностью, повторяемостью основных стадий взаимодействия своих субъектов, структур, институтов. Например, электоральный процесс формируется в связи с избирательными циклами, и потому политическая активность населения развивается здесь в соответствии с фазами выдвижения кандидатов в законодательные (исполнительные) органы, обсужде-

ния их кандидатур, избрания и контроля за их деятельностью. Как правило, пик такой активности приходится на время выборов, после чего политическая жизнь как бы затихает, а осуществление контрольных функций за управляющими рутинизируется.

Циклы государственного управления может задавать деятельность правящих партий. К примеру, в бывшем СССР очередные съезды КПСС, определяя «исторические» задачи, рубежи пятилеток и пр., обуславливали ритм деятельности всех институтов власти на внутри- и внешнеполитической арене. В то же время сегодня — в период реформации общественных отношений — решающее влияние на ритмы функционирования государственных учреждений, способы политического участия населения оказывают уже не решения высших органов управления, а отдельные политические события, изменяющие расстановку и соотношение политических сил (например, августовский «путч» ГКЧП в 1991, апрельский референдум в 1993, кризис в октябре 1993 г.). Аналогичный «рваный» ритм задавали политическому процессу военные перевороты в ряде афро-азиатских государств, менявшие как институциональные структуры управления, так и условия включения населения в политическую жизнь.

В конечном счете все частные политические процессы объединены одной и той же потребностью их субъектов повлиять на принимаемые государственной властью политические решения. Поэтому главная задача всех участников различных по значению политических процессов состоит в том, чтобы включить свои интересы и требования в принимаемые институтами государственной власти управленческие решения.

Институты государственной власти являются важнейшим инструментом учета групповых требований и выработки общеколлективных целей политического развития (политической воли общества). Таким образом, в их деятельности все частные политические процессы выражают тот или иной аспект выработки, принятия и осуществления управленческих решений. От деятельности государственных институтов зависит степень централизации власти и распределения полномочий между группами, участвующими в выработке целей политического развития. Используя свою устойчивость и мобильность, институты государственной власти способны поддерживать даже те нормы и цели (а следовательно, и связанные с ними частные политические процессы), которые не отвечают интересам основной части общества, расходятся с политическими традициями социума и противоречат гражданскому менталитету.

С изменением форм, методов и функций, осуществляемых институтами государственного управления, изменяются базовые и периферийные политические процессы. Чаще всего различают три режима их протекания. Первый — это режим **функционирования**, не выводящий политическую систему за рамки сложившихся взаимоотношений граждан и институтов государственной власти. В этом случае политические процессы отражают простое воспроизводство структурами власти рутинных, повторяющихся изо дня в день отношений между элитой и электоратом, политическими партиями, органами местного самоуправления и т.д. Традиции и преемственность в развитии связей участников политических процессов обладают при этом неоспоримым приоритетом перед любыми инновациями.

Второй режим протекания политических процессов — это режим **развития**. В этом случае структуры и механизмы власти выводят политику государства на уровень, который позволяет адекватно отвечать на новые социальные требования населения, вызовы времени. Такой характер политических изменений означает, что институты государственной власти, правящие круги нащупали цели и методы управления, соответствующие происходящим изменениям в социальной структуре, меняющемуся соотношению сил внутри страны и на международной арене. Политическое развитие сопровождается интенсивным взаимодействием макро- и микрофакторов власти, ведущим к повышению соответствия политической системы другим сферам общественной жизни, нарастанию сложности ее строения, повышению способности применять гибкие стратегии и технологии властвования с учетом разнообразных интересов групп и граждан.

И, наконец, третьей разновидностью режима существования политических процессов является режим **упадка**, распада политической целостности. Как говорил П. Б. Струве, — это «регрессивная метаморфоза» политики. В данном случае политические изменения (в способах артикулирования интересов, отбора элит, принятия решений и пр.) имеют негативный характер по отношению к нормам и условиям целостного существования политической системы. Энтропия и центробежные тенденции преобладают здесь над интеграцией, атомизация политических субъектов и распад режима правления носят необратимый характер. В результате принимаемые режимом решения утрачивают способность управлять и регулировать социальные отношения, а сам режим теряет стабильность и легитимность.

Классическим примером такого протекания политических процессов является судьба большинства бывших социалистических стран в европейском и азиатском регионах, где правящие круги так и не отыскали адекватных мер и способов управления, чтобы отреагировать на социально-экономические и духовные запросы времени.

§ 2. Политическое участие

Сущность политического участия

В каждом государственно организованном обществе складывается та или иная реальная вовлеченность граждан в политику. Совокупность различных способов практической деятельности граждан в сфере применения государственной власти называется **политическим участием**.

Поскольку данное понятие раскрывает по сути базовые черты «человека политического», то и отношение к практическому вовлечению человека в политику в науке далеко не однозначно. Так, многие последователи руссоистских, марксистских и ряда иных традиций в политической мысли настаивают на необходимости практически поголовного участия граждан в политической жизни. Например, Ленин неоднократно говорил о неизбежности при социализме «прямого, обеспеченного законами <...> участия всех граждан в управлении государством»¹. Некоторые теоретики так называемых новых левых (Л. Гудмен, Т. Хейден, Ф. Фонон) также убеждены в недостаточности участия граждан в «символической» политике (т.е. голосовании) и требуют обязательного вовлечения населения в процесс принятия решений. В значительной мере подобного рода идеи представлены и в современных теориях партиципаторной демократии.

В то же время теоретические (и идеологические) оппоненты данной точки зрения полагают, что «единственными средствами участия, доступными для граждан <...> являются голосование за лидеров и дискуссии»². Еще более пятидесяти лет назад американский ученый Липман высказал мысль, что ожидать от среднего американца интереса к делам государства, значит предполагать у него едва ли не патологическую потребность в политических знаниях и действиях.

Видимо, следует признать, что потребность и степень вовлеченности граждан в политику зависят от конкретной ситуации,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 106—107.

² Pateman С. Participation and Democratic Theory. Cambridge, 1970. P.5.

духовного климата в обществе, а также от состояния и политической системы, и самого человека. Однако понятно и то, что в целом в реальной жизни большинство граждан не имеют ни средств, ни возможностей для постоянного участия в политике. Для людей, не желающих делать профессиональную карьеру политика, эта область жизни, требуя дополнительных сил, знаний, психологической готовности к соперничеству и других внутренних свойств и усилий, чаще всего не является внутренне притягательной. Напротив, зачастую она становится сферой выброса негативных эмоций человека, социального перевозбуждения, кризиса личности, проявлением чего служат различные формы незаконопослушного поведения, политического терроризма, коррупции и т.д.

Чаще всего в теории указываются следующие причины включения индивида в политику: те или иные состояния сознания человека (например, ощущение угрозы своему общественному положению — Ласуэлл; рациональное и расчетливое осознание своих интересов и необходимости завоевания нового статуса — Лэйн; желание жизненного успеха и общественного признания — Дунс; понимание общественного долга и реализация собственных прав, страх за самосохранение в общественной системе и т.д.), достижение определенного культурно-образовательного уровня; доступность информации и ряд других факторов. В качестве особой причины рассматривается способность государства (политических структур и институтов) к принудительному включению граждан в сферу политики.

В совокупности все эти мотивы выражают соотношение представлений индивида о своем гражданском статусе и реальных, предоставленных государством возможностей для укрепления или изменения этого общественного положения. Таким образом, политическое участие раскрывает процесс включения индивида (групп граждан) в механизмы артикулирования и агрегирования его (их) властно значимых интересов. Оно характеризует все действия отдельных лиц и групп граждан, стремящихся повлиять на содержание и характер политических решений органов и институтов государственной власти в общенациональном масштабе или на местном уровне.

Формы и разновидности политического участия

Многообразие форм и разновидностей политического участия зависит от определенных свойств действующего субъекта (пол, возраст, род занятий, религиозная принадлежность, образование и т.д.), режима правления (и, следовательно, набора тех средств, которые государство предоставляет гражданам для за-

щиты их прав и интересов), а также от конкретной политической ситуации, а также от технической (ресурсной) оснащенности субъекта (например, участие в электронном голосовании предполагает наличие у граждан соответствующей аппаратуры).

В соответствии с этими условиями американские политологи С. Верба и Л. Пай выделяют следующие разновидности политического участия: совершенно пассивные формы политического поведения граждан; участие людей только в выборах представительных органов; вовлеченность индивидов только в решение местных проблем; политическое поведение активных участников предвыборных кампаний; поведение политических активистов, распространяющих свою активность на всю сферу политики; участие как форма профессиональной деятельности политика.

Их соотечественник Милбэрт предпочитает говорить об «активных» формах политического участия (руководство государственными и партийными учреждениями, деятельность кандидатов в представительные органы власти, организация предвыборных кампаний и т.д.), «промежуточных» (участие в политических собраниях, поддержка партий денежными пожертвованиями, контакты с официальными лицами и политическими лидерами и т.д.), «наблюдательной» (ношение на демонстрациях транспарантов, попытки вовлечь других граждан в процесс голосования или дискуссии и т.д.), а также об «апатичном» отношении граждан к политике.

При всем многообразии форм и разновидностей политического участия очевидно, что все они различаются по **масштабности**, сфере социального распространения. Иначе говоря, обращение индивида к политическим средствам защиты своих интересов может либо предполагать его участие в решении вопросов общенационального характера, либо касаться местных проблем, быть ограниченным рамками локального производственного коллектива, территориального самоуправления и пр. При этом сами формы политического участия могут быть как прямыми, выраженными непосредственными действиями индивида, так и косвенными, характеризующими его включение в политику через различные группы, организации и структуры.

Существенной характеристикой является степень **интенсивности** политического участия. Если одной его крайностью является деятельность активистов партий, политических движений, групп интересов и пр., то другую характеризуют апатия, отчужденность людей от политики, полное равнодушие к этой сфере общественной жизни. В равной степени причинами аполитичности граждан могут выступать разочарование в проводимом властями политическом курсе, отторжение от социальной системы в целом (на-

пример, различных люмпенизированных слоев), сориентированность на сугубо личные, бытовые потребности или полное доверие к правящим элитам и лидерам. В свою очередь столь же многообразны и причины, заставляющие людей значительную часть жизни проводить в политических баталиях. Однако в любом случае крайности политического участия весьма опасны. Так, излишняя вовлеченность в политические отношения абсолютизирует составительский стиль социального существования в целом, увеличивает нервную нагрузку, придает нравственным принципам человека излишнюю целевую направленность, заставляя смотреть на жизнь через призму групповых взаимоотношений. С другой стороны, длительная отчужденность от власти, а следовательно, и отсутствие навыков ведения дискуссий, поиска компромиссов создает у людей предрасположенность к радикализации своих социальных требований и даже экстремизму, провоцирует взрывоопасные формы отношений населения и властей.

Основной и, как показывает опыт, оптимальной формой политического участия для большинства населения являются выборы в представительные органы власти. Эта форма взаимодействия индивида и государства очерчивает ясные сферы компетенции элит и неэлит, предоставляет возможности для проявления людьми самой различной степени активности и, что весьма важно, обладает временной протяженностью, не требующей чрезмерных психологических нагрузок. Характеризуя наиболее распространенные формы политического участия, следует сказать, что они могут быть организованными и неорганизованными, систематическими и периодическими, сориентированными на традиционные и нетрадиционные формы взаимоотношений индивида и власти. С точки зрения мотивации политических действий можно говорить об **автономных** (выражающих сознательно обусловленные формы включения индивида в политику) и **мобилизованных** формах политического участия (характеризующих вынужденное вхождение граждан в политику под давлением государства или других политических структур). В плане отношения к действующим в государстве законам необходимо различать **конвенциональные** (т.е. легальные, соответствующие законодательству) и **неконвенциональные** (незаконные) формы политического участия.

Политический протест

Особым значением для политической системы, действующего режима правления обладают формы и способы политического участия, выражающие политический протест населения. Политический протест представляет собой разновидность негативной реакции индивида

(группы) на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или конкретное действие отдельных органов государства и политических оппонентов.

Как правило, политический протест возникает там, где действуют неэффективные стратегии и технологии осуществления власти (подавляются права меньшинств, невелики права индивида на предъявление претензий властям, действуют системы ограничений — например, в виде имущественных, образовательных и иных цензов на участие в голосовании и т.д.). Его наиболее распространенным источником является слабая приверженность граждан господствующим в обществе ценностям, низкая солидарность с провозглашенными политическими целями режима (из-за признания их неверными, несправедливыми или устаревшими), психологическая неудовлетворенность сложившейся системой взаимоотношений гражданина и государства, страх за свое будущее (ожидание репрессий, преследований за политические убеждения).

В зависимости от причин, вызвавших протест, граждане могут добиваться своих целей либо путем корректировки правительственного курса, не меняя при этом основ и принципов сложившейся политической системы и режима правления, либо борясь за изменение базисных основ и способов существования власти. В этом смысле формы политического протеста могут быть как конвенциональными, так и неконвенциональными.

К первым, в частности, можно отнести разрешенные властями демонстрации, пикеты, политические резолюции партий и запросы парламентариев, возражающих против того или иного решения правительства, отдельные акты гражданского неповиновения. Типичным примером законного политического протеста может служить и деятельность различных молодежных, женских, экологических движений, демонстрирующих «неадекватность традиционных политических форм в условиях современной жизни»³. Такие движения соседских, территориальных, религиозных и прочих общин (так называемые альтернативные движения, обладающие определенным политическим весом во многих странах Запада), не только пытаются найти свой уникальный, новый стиль жизни, но и выдвигают вполне определенные политические требования, в частности борясь за идеал «демократического ответственного государства». Однако при всей нестандартности проповедуемого ими образа жизни, как правило, они действуют только в рамках закона, не скатываясь к противоправным политическим акциям.

³ *Benton S. The Party is Over//Marxism Today. 1989. Vol. 33. № 3. P. 37.*

В качестве незаконных, неконвенциональных форм политического протеста могут рассматриваться запрещенные властями антиконституционные демонстрации и шествия, деятельность подпольных политических партий, политический терроризм, а также самые разрушительные для общества формы политического участия — революции. Стремясь предотвратить подобные действия, государства определяют процедуры совершенствования конституционных основ политического строя, предполагающих даже видоизменение фундаментальных, базисных черт действующей системы власти (т.е. определяют условия и границы политического воздействия групп и граждан), но в то же время формируют структуры и механизмы, пресекающие несанкционированные формы политического участия населения.

§ 3. Процесс принятия политических решений

**Специфика и структура
процесса принятия
политических решений**

Принятие политических решений — центральный элемент преобразования политических требований различных групп и граждан в приемлемые для всего общества средства и методы регулирования и конструирования социальных отношений. Коротко говоря, принятие решений — это технологическое преобразование политической власти в управление социальными процессами.

По существу данный процесс присутствует как на «входе», так и на «выходе» политической системы. При этом увеличение требований населения, социальное «возмущение» среды расширяют масштаб управления и повышают его роль в организации политической жизни. С другой стороны, эффективность реализации принятых решений непосредственно влияет на степень поддержки и авторитет режима правления.

В настоящее время в политической науке сложилось два основных подхода к пониманию процесса принятия решений. Так, **нормативная** теория трактует его как процесс рационального выбора политических целей в сложных ситуациях. В качестве важнейших средств оптимизации такого выбора предлагаются различные математические модели, исследование операций и другие инструментальные приемы. **Поведенческая** теория, рассматривающая данный процесс как специфическое взаимодействие людей, сориентирована на описание разнообразных факторов, которые влияют на принятие решений в конкретной ситуации.

Такого рода подходы отражают двоякий характер управленческого процесса. С одной стороны, они подчеркивают громадную

роль и прерогативы институтов и органов управления, регламента и процедур принятия решений, роль технического персонала и материального обеспечения деятельности всех лиц, занятых в этом процессе, или, одним словом, значение тех внешних и внутренних факторов, которые выражают рациональность, технократизм этой формы политической деятельности людей. С другой стороны, несмотря на большую роль, которую играют в этом деле регламенты и институты, как правило, в процессе принятия решений господствуют неформализованные процедуры, зависящие от личного опыта лиц, определяющих цели и средства их достижения, от интуиции и персональных знаний управляющих, их межличностных связей. Более того, поскольку в обществе, как правило, не существует какой-либо одной группы, способной целиком и полностью контролировать принятие решений, то этот процесс всегда представляет собой «компромисс и примирение соперничающих ценностей»⁴, что только усиливает роль субъективизма в этом деле.

Таким образом, следует признать, что политическая власть реализуется через личное влияние управляющих и, несмотря на регламентирующую роль правил и процедур принятия решений, привносит в этот процесс непредсказуемость и непрогнозируемость. В конечном же счете процесс принятия решений представляет собой симбиоз рациональности и иррациональности, рационально организованного взаимодействия структур и институтов власти и значительного субъективизма управляющих.

Эти два начала соотносятся и взаимодействуют на различных этапах принятия решений — подготовительном, собственно принятия решений, реализации принятых решений.

**Подготовительный этап
принятия решений**

На этом этапе из общего социального контекста выбирают те требования и конфликты, которые носят политический характер. Таким образом, формируется так называемая повестка дня, т.е. совокупность проблем, которые необходимо решать политическими средствами и методами регулирования.

От умения определять насущные проблемы зависит, способен ли правящий режим предвосхитить политические события, сможет ли он препятствовать возникновению кризисов или вынужден будет реагировать на них постфактум. Как правило, на этом этапе различные группы отстаивают собственное понимание того, в какой очередности следует решать важные общественные проблемы.

⁴ Ponton G., Gill P. Introduction to Politics. London, 1986. P. 145.

Избирательное отношение к актуальности тех или иных социальных вопросов может определяться идеологическими требованиями, ролевыми ожиданиями представителей правящих кругов, личными симпатиями, прошлым опытом и другими причинами. Например, невнимательное отношение к важным социальным проблемам может определяться так называемая мобилизационным наклоном (А. Бахрах), т.е. традиционным недопониманием или неприязнью властей к тем или иным нуждам населения, нежеланием нанести ущерб правящим группам, ошибочным представлением элит о собственных интересах и т.д.

Активную роль в этом процессе играют различные структуры — формальные (парламентские комитеты, комиссии, лоббирующие группы) и неформальные (межличностные объединения политиков, экспертов и т.д.). При этом большое значение имеет тот факт, готовится ли решение крупных, стратегических или обычных, рутинных вопросов. В первом случае значительно острее ведется явная или неявная полемика политических групп и сил, растет напряженность в правящих кругах, усиливается воздействие теневых рычагов власти. Но в целом возможность включать те или иные проблемы в «повестку дня» или «удерживать какие-то вопросы вне сферы политики»⁵ и означает обладание властью.

Главным условием выработки «повестки дня» является получение информации, которая собственно и создает для управляющих проблемную ситуацию: как отнестись к тому или иному вопросу. При этом, как отмечает известный специалист в области принятия решений Э. Квейд, информация должна быть получена о тех принципиальных моментах, которые должны быть учтены при принятии решений. Такая необходимость предполагает наличие у органов принятия решений возможностей для накопления достоверных сведений о социальных процессах и для их переработки.

Прежде чем стать «сырьем» для принятия решений, полученная информация должна быть соотнесена с ценностными предпочтениями лиц, принимающих решения, а также с действующими правилами и регламентами рассмотрения вопросов. Эти регламенты могут носить макрохарактер (т.е. воплощать конституционно закрепленный порядок принятия решений, например, требовать наличия не менее 50% голосов законодателей для того, чтобы включить вопрос в повестку заседания парламента) или учитывать действие факторов, условно говоря, микрополитики (устанавливающих, к примеру, порядок представления мнения экспертов по

⁵ *Orridge A. W. Non-decisions /Ed by A. W. Orridge. London, 1980. P. 32.*

литикам, говорящим от лица государства). И те и другие правила действуют для всех, кто не просто участвует в принятии решений, но и пытается сохранить и укрепить свой властный статус. При переходе властей на резервную систему принятия решений в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций (войн, серьезных внутриполитических кризисов) эти регламенты и правила могут быть отменены и заменены новыми.

Ряд проблем и противоречий, возникших на подготовительном этапе, могут быть разрешены на следующих фазах принятия решений. Сюда можно отнести проблему идентификации субъекта принятия решений (является ли им тот, кто уполномочен принимать решения, или тот, кто оказывает наибольшее влияние на отбор политически значимых задач), противоречия между правящей и оппозиционными элитами, лидерами и техническим персоналом аппарата управления, между отраслевыми сегментами правящей элиты (военной, административной, аграрной, промышленной, торговой) и т.д.

Этап принятия решений

На основе выработанной и скорректированной «повестки дня» формулируются политические цели развития и средства их достижения. Цели могут ставиться краткосрочные и долгосрочные, промежуточные и окончательные, первостепенные и второстепенные (А. Нагель). При этом главным является формулирование **фактических** целей, которые могут существенно отличаться от декларируемых правительством и предназначенных в основном для общественного мнения, борьбы с контрэлитой и других подобных задач. Фактические цели должны соответствовать требованиям допустимости, эффективности и оптимальности. (Правда, надо учитывать, что часто формулировка целей страдает «ограниченной рациональностью» (Г. Симон), т.е. отражает неспособность управленцев предвидеть все, порой даже самые крупные последствия их реализации. К тому же в переходные периоды, в условиях неопределенности социальных процессов, эффективных решений может в принципе не существовать.)

Как правило, политические цели формулируются как бы на пересечении действия трех типов институтов: официальных органов государственной власти, групп интересов и механизмов ответственности (например, независимых средств массовой информации). Но центральную роль в этом процессе всегда играют высшие институты государства, где сходятся все формы давления политических сил. Понятно поэтому, что механизм формулирования политических целей существенно различается в унитарных государствах,

странах с полупрезидентско-унитарным правлением, в обществах с парламентско-федеральным устройством и т.д.

Учитывая влияние разнообразных политических сил, а также сложное строение институтов государственного управления (в которых различные сегменты исполнительной и законодательной власти зачастую обладают далеко не единым видением проблем), политические цели формулируются, как правило, в виде альтернатив, предлагающих несколько вариантов достижения необходимых результатов или предусматривающих возможность реализации одной цели разными способами. Как отмечал Д. Дьюи, «разумная политика» имеет дело с выбором вариантов (предполагающих оценку возможных выгод и затрат в каждом отдельном случае), а не с ситуацией «да—нет».

В целом формулирование и принятие решений на данном этапе зависит от уровня централизации (децентрализации) верховной власти и соотношения ее прерогатив с правами местных органов правления, от взаимодействия партийных и государственных структур, степени разделения исполнительной и законодательной властей и уравновешенности полномочий их элит, развитости форм общественного контроля за деятельностью государственной бюрократии и т.д. Характер и своевременность выбранного варианта действий зависят от конкретного лица, принимающего решения, и длительности проблемной ситуации.

Принимать решение могут как определенные индивиды (политики, государственные служащие), так и групповые субъекты (формальные и неформальные). И у тех, и у других есть свои плюсы и минусы.

Так, групповые решения, как правило, отличаются большей взвешенностью, но одновременно и замедленностью реакции на проблемную ситуацию, что особенно негативно сказывается в кризисных обстоятельствах. Для группового субъекта характерно также рассредоточение ответственности, что, впрочем, с успехом используется при принятии непопулярных решений. Специальные исследования показывают, что управленческая группа должна отвечать соответствующим количественным стандартам, нарушение которых чревато возникновением внутренних клик, соревнование которых может привести к устойчивому непринятию решений.

Отдельные же политики, неся персональную ответственность за принимаемые решения, способствуют росту целеустремленности в достижении целей. В то же время деятельность конкретного человека всегда открывает больше возможностей для разнообразных теневого влияния на принимаемые им профессиональные решения. Более того, отдельным политикам выгоднее заниматься

своим имиджем, лавированием между группами (с целью сохранить свое положение в структуре власти), нежели заниматься управленческой рутинной. Как отмечает Р. Вагнер, политики вообще больше склонны участвовать в распределительных процессах, а не принимать крупные политические решения, мало влияющие на их властный статус. При принятии конкретных политических решений у конкретного лица сильнее проявляется и противоречие между представительством и компетентностью.

В определенной степени различия в деятельности группового и индивидуального субъектов управления нивелируют структуры интеллектуальной поддержки (советники, помощники, консультанты), выполняющие научно-аналитические функции и способствующие принятию оптимальных решений.

Методы принятия решений

Методы принятия решений на данном этапе политического процесса зависят от специфики решаемых задач и традиций, сложившихся в структурах управления. Как отмечал американский ученый Р. Говард, в политической жизни, как правило, решаются рискованные, вероятностные задачи, отличающиеся низкой просчитываемостью результатов и принимаемые в условиях социальной неопределенности. Несмотря на сложность такого рода задач, в истории длительное время господствовал по сути один метод их решения — метод прецедента. Но чаще политики шли путем проб и ошибок, полагаясь на свой здравый смысл, ум и интуицию. Конечно, ум и интуиция важны и сегодня, но интенсивность политических процессов, социальная цена ошибочных действий стимулируют субъектов власти руководствоваться при принятии решений более надежной методикой.

Признанные авторитеты в области управления, в частности Ч. Линдблум, считают, что в настоящее время существуют два основных метода принятия решений: рационально-универсальный и метод последовательных ограничений («метод ветвей»)⁶. Первый из них предполагает рациональное вычленение проблемы и выбор путей ее решения, наиболее соответствующих поставленным целям. Это — как бы идеальный план решения вопроса, результат «правильного мышления», предполагающий сбор всесторонней информации, минимизацию издержек при формулировке целей и выборе средств их реализации и т.д.

В то же время понятно, что на практике политики исходят не столько из оптимального, сколько из возможного образа действий.

⁶ См.: Шаран П. Сравнительная политология. Ч. 2. М., 1992. С. 43—45.

«Способность человека оперировать информацией гораздо меньше, чем требуется по этой модели <...> Вполне возможно, что каждый участник управленческого процесса <...> рационален в своей деятельности, однако при столкновении множества участников процесса рациональность их коллективной деятельности при выработке решения становится призрачной»⁷. Иными словами, в практической политике правительство часто не следует логически предписанной схеме: постановка проблемы и ее решение. Реальные проблемы, требующие политического вмешательства, зачастую возникают внезапно, и правящие элиты вынуждены начинать действовать еще до того, как определяют свои цели и предпочтения.

Таким образом, на практике более применим «метод ветвей», который исходит из необходимости внесения в обычную управленческую деятельность так называемых инкрементальных поправок (англ. *increment* — приращение), дающих возможность реализовать частичные цели. Допуская даже действия, противоречащие общей стратегии управления, правящие элиты способны таким путем добиваться постепенного успеха в своей политике. Однако, избегая больших ошибок в управлении государством, элиты при такой тактике не могут обеспечить каких-либо крупных прорывов в политическом реформировании общества.

Учитывая плюсы и минусы того и другого методов принятия решений, ряд ученых, и в частности А. Этциони, настаивают на большей продуктивности так называемого смешанно-сканирующего метода, который предполагает, с одной стороны, широкий рациональный взгляд на политические проблемы общества и выделение их общих, типических свойств, а с другой — использование представлений, раскрывающих глубинные основы противоречий, для разработки какой-то одной проблемы, возникшей в конкретной обстановке. Последовательно применяя общетеоретические, рациональные знания для урегулирования конкретных вопросов, и можно достичь эффективного политического управления.

**Этап реализации
управленческих решений**

На этом этапе центры власти воплощают в жизнь принятые ими решения.

В целом этот этап характеризуется нарастанием конфликтов, ибо решения, которые устраивают далеко не всех субъектов политики, должны быть тем не менее в той или иной степени приняты ими для исполнения. При этом противодействие властям будут оказывать не только оппозиция, но зачастую даже нижестоящие органы власти, стремящиеся приспособ-

⁷ *Kindon J. W. Agendas, Alternatives and Public Policies. Michigan, 1984. P. 83.*

бить принимаемые наверху решения для защиты своих нужд и интересов. Существенно и то, что реализация решений резко повышает роль исполнительных органов, а это может провоцировать их на превышение своих полномочий и даже нарушение законов.

Органам, реализующим решения, необходимо «знать, когда начинать, что предложить, как действовать», чтобы достигнуть необходимого политического согласия вокруг сформулированных целей⁸. Все предлагаемые решения должны быть как минимум облечены в директивную и правомочную (узаконенную) форму. Они также должны предусматривать ответственность конкретных лиц за исполнение (неисполнение) решений и обладать определенной адресностью (т.е. быть сориентированы на исполнение либо всеми группами, либо отдельными слоями населения, конкретными лицами и т.д.). В соответствии с этим решения следует облекать в определенные формы выражения (например, они должны быть выдержаны в моральных терминах, т.е. содержать призывы к гражданским чувствам, предполагать самопожертвование и пр.).

Воплощению управленческого замысла способствуют и определение властями общей стратегии, выбор ими характера действий (т.е. настроенности на конфликт или сотрудничество, применение насильственных или консенсусных методов, использование средств политического торга или прямого давления, манипулирование, обман общественного мнения и т.д.). Выбор стратегии должен опираться на рациональную оценку собственных ресурсов, их достаточности для осуществления намеченной линии поведения, реализации того, что желательно, или того, что достижимо на деле. Необходимо правильно оценить и возможную степень сопротивления принятым решениям; на случай неудачных действий правительство должно выработать планы, способные сохранить его статус и не вызвать дестабилизации системы правления; иметь варианты перехода на резервную систему принятия решений при изменении ситуации. Условиями реализации гибкой политической стратегии и технологии использования ресурсов являются интенсивный сбор информации о первых результатах в достижении целей, отслеживание промежуточных результатов, корректировка принятых решений при выявлении расхождения целей и средств их достижения.

Как правило, принято выделять несколько основных типов реализации решений: популизм, элитизм, консерватизм, демократизм и радикализм. Каждому из этих типов осуществления поли-

⁸ Hague R., Harrop M. *Comparative Government and Politics: An Intro-Auction*. London, 1987. P. 14.

тического курса соответствуют определенные методы властного регулирования, характер взаимоотношений властей и населения, информационный режим властвования.

Так, **популизм** в качестве основного средства достижения властных целей предполагает прямую апелляцию к общественному мнению, непосредственную опору на массовые настроения. Поэтому он неизбежно сориентирован на упрощение, а в ряде случаев и вульгаризацию предлагаемых обществу целей. Правящие элиты пытаются выработать какой-то лозунг, призыв к населению, реализация которого, по их мнению, обеспечит преодоление всех противоречий и быстрое продвижение к успеху. Нередко в таких случаях используются лесть («коммунисты — во главе общественного прогресса»), запугивание внешней или внутренней угрозой («правящие круги — во власти мафии»), необоснованные посулы и обещания («радикальные реформы быстро приведут к подъему экономики»). Наиболее ярко популизм проявляется при харизматическом правлении. Но популистские меры могут выступать составной частью политического курса и при демократических и другого типа режимах, придерживающихся рациональных методов управления.

Отличительная черта **элитизма** — курс на предотвращение сколько-нибудь значительного участия граждан не только в выработке, но и корректировке решений, на поощрение различных посреднических форм взаимодействия с электоратом, усечение политического информирования общественности, закрытый характер принятия и осуществления политических решений на всех этапах.

При **консервативной** политике в деятельности властей доминирует установка на сохранение структуры и функций государственных органов власти, традиционных форм и методов политического регулирования. Такие методы управления характерны для стабильных политических режимов, культивирующих внутреннюю приверженность граждан к хранимым и почитаемым в данном обществе ценностям и идеалам. Это неизбежно усиливает патриотические настроения и способствует сохранению целостности общественного и политического организмов.

К прямо противоположным результатам приводит **радикализм** политического правления. Даже когда стремление революционизировать общество, добиться его качественного переустройства не является самоцелью властей, социальные и политические последствия, вызванные радикальными методами преобразований, редко несут гражданский мир, порядок и улучшение жизни населения. Насилие — основной метод управления революционных ре-

жимов — неизбежно превращает власть в смертоносное орудие преобразований, чреватое массовой гибелью граждан.

В отличие от радикализма, пренебрегающего во имя глобальных будущих целей насущными правами и интересами людей, **демократизм** ориентируется на реальные потребности и запросы граждан, воплощение их неотъемлемых прав и свобод. Культивируя атмосферу взаимовыгодных отношений между рядовыми гражданами и элитой, демократическая политика добивается доверия людей, желания лояльно сотрудничать с властями. Соблюдение процедур избирательных циклов, принципа разделения властей, цивилизованных отношений с оппозицией, как правило, исключает из арсенала политического управления средства жесткого социального принуждения, поощряет механизмы «самодисциплины и самопринуждения» граждан (Н. Элиас).

Умение использовать основные требования теории принятия решений приобретает особую значимость в периоды интенсивных изменений политических систем, их трансформации и модернизации, поскольку в этих условиях нельзя в полной мере опереться на традиции политической жизни и испытанные методы управления государством и обществом.

Глава 20

ВЫБОРЫ

§ 1. Роль выборов в демократической политической системе

Понятие выборов и их место в демократическом государстве

Выборы — важнейший компонент современной политики. Они представляют собой **способ формирования органов власти и управления с помощью выражения по определенным правилам (в соответствии с избирательной системой) политической воли граждан**. В результате выборов избранные кандидаты наделяются властными полномочиями. Выборы используются в различных демократических организациях: партиях, профсоюзах, добровольных ассоциациях, кооперативах, акционерных обществах и т.д. В данной главе речь идет главным образом о выборах в масштабах государства, всей политической системы.

Выборы всегда связаны с голосованием. Однако при всей близости этих понятий они имеют и существенные отличия. Выборы

обычно понимаются как закрепленный в конституции и других законах относительно регулярный, периодичный процесс избрания состава органов государства. Голосование же не всегда связано с выборами. Оно используется и в различных формах прямой демократии: в референдумах, опросах, принятии коллективных решений на собраниях и т.п.

Выборы как неотъемлемый элемент демократии несут на себе отпечаток ее различных форм и играют в ее различных моделях неравноценную роль. Сравнительно низка значимость выборов в политических системах, базирующихся на прямых формах демократии, непосредственном участии граждан в подготовке и принятии важнейших государственных решений. В таких случаях властные полномочия избираемых гражданами руководителей государства сильно ограничены, что снижает и политическую значимость самих выборов. Примером такого рода государств являлась древнегреческая Афинская Республика в периоды непосредственного правления большинства, решения плебсом на площадях вопросов размера налогов, войны и мира, смены судей и военачальников и т.д.

В условиях современных демократий выборы — их стержневой механизм, главная форма проявления суверенитета народа, его политической роли как источника власти. Они служат также важнейшим каналом представления в органах власти интересов различных общественных групп. Всеобщие выборы предполагают право участия в них каждого гражданина. Для многих, а в некоторых странах и для большинства граждан они являются единственной формой их реального участия в политике. Они позволяют осуществлять наибольшее влияние на власть: сохранять или сменять парламенты и правительства, обеспечивать их ответственность перед народом, изменять политический курс и т.д.

Выборы — достаточно частое в политической и общественной жизни явление, поскольку они распространяются на различные институты и уровни правления: парламент, президента, представительные, а часто и исполнительные органы субъектов федерации, местные органы власти. Так, в США один раз в четыре года проводятся федеральные, общенациональные президентские выборы, каждые два года — выборы в палату представителей — нижнюю палату конгресса. В эти же сроки — раз в два года, но не на два, а на шесть лет избирается одна треть членов верхней палаты конгресса — сената. На уровне штатов регулярно избираются губернаторы, законодательные собрания, генеральные прокуроры и другие должностные лица, на местном уровне — мэры, советники, казначеи, клерки, судьи, шерифы, констебли, надзиратели школ и т.д. Общую картину дополняют выборы в партиях, проф-

союзах и многочисленных добровольных ассоциациях. Многообразие электоральных форм открывает перед гражданами достаточно широкие возможности для проявления политической активности и влияния на государственные и общественные дела.

**Функции выборов
в условиях демократии**

Влияние выборов на жизнь современного общества разнообразно и проявляется в их важнейших функциях.

В научной литературе выделяются следующие функции выборов:

— **артикуляция, агрегация и представительство разнообразных интересов населения.** В период выборов создаются наиболее благоприятные возможности для осознания гражданами своих интересов и включения их в избирательные программы партий и отдельных депутатов. Во время выборов, стремясь получить массовую поддержку, депутаты и участвующие в избирательной кампании СМИ особенно восприимчивы к запросам и пожеланиям населения. Это активизирует процесс осознания и представления гражданами своих интересов. В избирательных платформах интересы артикулируются, получают четкую формулировку и агрегируются, освобождаются от крайностей и усредняются, приобретают непротиворечивую, пригодную для реализации форму. И хотя после победы на выборах многие депутаты забывают о своих обещаниях, депутатский корпус в целом, не только руководствуясь нравственными мотивами, но и заботясь о престиже партии и поддержке избирателями на будущих выборах, ориентируется на свои обязательства и запросы электората;

— **контроль за институтами власти.** В результате выборов создается важнейший институт контроля за правительством — парламент, а также оформляется оппозиция, обычно ревностно следящая за соблюдением конституции и закона. Парламентский контроль опирается как на собственные права, судебные инстанции, так и непосредственно на мнение избирателей. Опасаясь поражения на ближайших выборах, правительство обычно вынуждено прислушиваться к критике. Кроме того, сами выборы представляют собой важнейший институт контроля, поскольку они позволяют избирателям регулярно выносить свой вердикт о правительстве и оппозиции, изменять состав органов власти, корректировать политический курс;

— **интеграция разнообразных мнений и формирование общей политической воли.** Плюрализм современного общества имеет свои границы. Чтобы не привести к анархии, хаосу и острым разрушительным конфликтам, он нуждается в государственном регулировании, отражающем общие ценности и интересы граждан. С помо-

щью выборов обеспечивается объединение большинства граждан вокруг определенной политической платформы и представляющих ее лидеров, формируется доминирующая в государстве политическая воля. Выражение этой воли обеспечивает правительству авторитет и поддержку, что повышает его дееспособность;

— **легитимация и стабилизация политической системы**, а также **легитимация конкретных институтов власти: парламента, правительства, президента и т.п.** Участие граждан в выборах обычно означает принятие ими данного типа политической системы, политического режима, правил формирования органов власти, независимо от отношения населения к конкретным должностным лицам, правительству и правящим партиям. Выборы дают гражданам шанс переизбрать неуютное правительство или депутатов, заменить их людьми, пользующимися доверием. Тем самым кризис конкретного правительства и его политики не приводит к отторжению гражданами всего политического строя и дестабилизации политической системы, не перерастает в стремление разрушить существующий политический порядок путем революции. Не случайно выборы нередко уподобляют предохранительному клапану, выпускающему накопившийся пар народного недовольства и предохраняющему весь политический «котел» от перегрева и взрыва. С помощью выборов легитимируется не только политическая система в целом, но и конкретный состав парламента, правительства и некоторых других структур власти, признается их право руководить государством;

— **расширение коммуникаций, отношений представительства между институтами власти и гражданами.** В ходе избирательного процесса кандидаты регулярно встречаются с гражданами, выслушивают их мнения и просьбы, вносят коррективы в свои избирательные платформы. Выборы — важнейший канал обратных связей между гражданами и властью. От их действенности очень во многом зависит характер отношений между руководителями государства и населением, возникновение доверия или недоверия, политического участия или отчуждения, поддержки или борьбы;

— **канализация, перевод политических конфликтов в русло их институционализованного мирного урегулирования.** Выборы позволяют открыто и публично представить противоречивые интересы, ценности, идеи на суд народного мнения, определить реальную поддержку позиций той или иной стороны конфликта, с помощью авторитета общественного мнения и государственных институтов убедить конфликтующих отказаться от наиболее радикальных требований и незаконных форм борьбы. Уже сама ориентация участников конфликта на его электоральное разрешение, как пра-

вило, побуждает их к отказу от крайностей, смягчению позиций, компромиссам, поиску приемлемых для большинства решений;

— **мобилизация избирательного корпуса на решение актуальных общественных задач.** Разъясняя гражданам собственные программы, убеждая людей в необходимости принятия и поддержки определенных политических ценностей и целей, указывая пути их реализации, партии и отдельные депутаты тем самым мобилизуют широкие слои населения и общественное мнение на важные для страны политические действия;

— **политическая социализация населения, развитие его политического сознания и политического участия.** В ходе избирательного процесса граждане особенно интенсивно усваивают политические ценности и нормы, приобретают политические навыки и опыт. В это время резко расширяется поток политической информации и пропаганды, активизируется разнообразная политико-образовательная работа, концентрируется внимание людей на актуальных политических проблемах и альтернативных путях их решения. Широкие слои активистов непосредственно включаются в пропагандистско-агитационную и организационную работу партий и отдельных депутатов. Делая выбор, избиратели в большей или меньшей степени отождествляют себя с определенными политическими силами. Все это повышает их политическую ангажированность и активность;

— **рекрутирование политической элиты.** Выборы — важнейший канал вхождения граждан в состав политической элиты, делания политической карьеры, утверждения и заката политических лидеров. В результате выборов обновляется состав правящей и оппозиционной элит, изменяется политический вес партий и их представителей;

— **генерирование обновления общества посредством конкурентной борьбы альтернативных политических программ.** Выборы — это своеобразное окно, открытое для упорядоченных, институционализированных влияний на государство и общество. Они дают возможность различным политическим силам представить собственное видение общественных проблем и выдвинуть программы их решения. Тем самым стимулируется поиск оптимальных путей развития, обеспечивается конкурентный отбор политических ценностей и альтернатив, создаются благоприятные возможности для преодоления неэффективной политики и утверждения новых, жизнеспособных идей и политических платформ;

— **конституирование эффективной оппозиции и ее подготовка к выполнению функций политического руководства.** Эффективность оппозиции предполагает выполнение ею функций критики и кон-

троля за правительством, а также способность к выработке альтернативной политики. Выборы, побуждая различные политические силы к открытому сопоставлению своих программ, компромиссам и коалициям, способствуют консолидации оппозиции. Кроме того, будучи представленной в результате выборов в парламенте, а нередко и возглавляя правительства в субъектах федерации, оппозиция подготавливается к ответственному и компетентному руководству государством после прихода к власти.

Вышеназванные функции выборы выполняют лишь в том случае, если сами они организованы демократически. Выборы изначально призваны служить демократии, неразрывно связаны с ее общей концепцией и ценностями. Их **главное социальное назначение** — адекватно отражая мнение и волю граждан, обеспечить представительство основных общественных групп в органах власти, а также сформировать эффективное правительство.

§ 2. Основные принципы свободных демократических выборов

Принципы избирательного права

Соответствовать своему социальному назначению выборы могут лишь в том случае, если они базируются на определенных принципах. Можно выделить две группы таких принципов: во-первых, принципы избирательного права, определяющие статус, положение каждого гражданина на выборах; во-вторых, общие принципы организации выборов, характеризующие основополагающие организационные, в том числе социальные, условия их демократичности.

Демократические принципы избирательного права включают:

1. Всеобщность — все граждане, независимо от пола, расовой, национальной, классовой или профессиональной принадлежности, языка, уровня дохода, богатства, образования, конфессии или политических убеждений, имеют активное (в качестве избирателя) и пассивное (в качестве кандидатов) право на участие в выборах. Всеобщность ограничивается лишь крайне небольшим количеством цензов, т.е. условий допуска граждан к участию в выборах. Возрастной ценз разрешает участие в выборах лишь с определенного возраста, как правило, по достижении совершеннолетия. Возраст кандидатов должен быть несколько выше. Ценз недееспособности ограничивает избирательные права психически больных, что должно быть подтверждено судебным решением. Моральный ценз ограничивает или лишает избирательных прав лиц, находящихся по приговору суда в местах лишения свободы. Широко распростра-

нен также ценз оседлости, выдвигающий в качестве условия допуска к выборам определенный срок проживания в данной местности или в стране.

В странах Запада длительное время существовал имущественный и целый ряд других цензов, не допускавших к выборам лиц наемного труда, бедные слои населения, женщин (во Франции этот ценз отменен в 1944 г., Италии и Японии — 1945, Греции — 1956, Швейцарии — 1971, Португалии — в 1974 г.), негров (в США последние ограничения на их участие в выборах сняты в законах 50–70-х гг.). Всеобщее избирательное право утвердилось в демократических странах мира непосредственно после второй мировой войны. Это открыло новый этап в развитии демократии, положило начало эпохе «массовой политики», привело к складыванию партийных и политических систем современного типа.

2. Равенство — каждый избиратель имеет только один голос, который оценивается одинаково, независимо от его принадлежности тому или иному человеку. При этом ни имущественное положение, ни должность, ни какие-либо другие статусные или личные качества не должны влиять на положение гражданина как избирателя. Равенство избирательных прав предполагает также примерное равенство избирательных округов, которое необходимо, чтобы голоса избирателей имели приблизительно одинаковый вес при избрании депутата. На практике постоянно обеспечивать точное равенство избирательных округов достаточно сложно и дорого, поэтому некоторые отклонения от этого принципа допускаются. Так, по избирательному закону ФРГ избирательные округа могут отличаться по численности населения на одну треть.

3. Тайна выборов — решение конкретного избирателя не должно быть кому-либо известно. Этот принцип обеспечивает свободу выбора, предохраняет граждан от возможных преследований, а также подкупа. Он действует применительно лишь к пассивному избирательному праву. Практически тайна выборов обеспечивается закрытой процедурой голосования, наличием специальных кабин для голосования, стандартной формой, одинаковостью бюллетеней для голосования, включением в них имен всех кандидатов или же использованием вместо бумажных бюллетеней специальных машин, сохраняющих тайну избирательного решения и облегчающих технику голосования и подсчет его результатов, опечатыванием избирательных урн, строгим наказанием за нарушение избирательной тайны и т.д.

4. Прямое (непосредственное) голосование — избиратель принимает решение непосредственно о конкретном кандидате на выборную должность, голосует за реального человека. Между изби-

рателями и кандидатами нет каких-либо инстанций, опосредующих их волеизъявление и непосредственно определяющих персональный состав депутатов. В случае, если граждане выбирают лишь выборщиков или специальный орган, непосредственно избирающий кандидата, имеют место не прямые (косвенные) выборы. Такие выборы из-за деперсонализации, абстрактности выбора гасят интерес граждан к участию в голосовании и способствуют развитию абсентеизма. Они искажают волю избирателей в пользу крупных партий или блоков, поскольку на каждом уровне выборов теряются голоса, полученные партиями-аутсайдерами. В наши дни не прямые выборы используются редко.

Общие принципы демократической организации выборов

На базе демократических избирательных прав сформировались принципы, характеризующие организацию избирательного процесса. К таким принципам относятся:

1. Свобода выборов, предполагающая прежде всего отсутствие политического, административного, социально-экономического, психологического и информационного давления на избирателей, активистов, кандидатов и организаторов выборов. Примеры политического давления — расправы с противниками, с активистами или сторонниками партий-конкурентов; административного — угроза снятия с руководящей должности руководителей и других должностных лиц, не сумевших «организовать» победу правящей партии, запугивание увольнением работников, отказывающихся ставить подписи в поддержку выдвижения угодного кандидата и т.п.; социально-экономического — подкуп, угрозы или реальные санкции, в том числе по отношению к целым категориям населения с помощью повышения оплаты труда, выплаты задержанных зарплат, пенсий, пособий и т.п., обещания льгот и привилегий для отдельных регионов и т.п., психологического — запугивание избирателей угрозой гражданской войны, массовыми репрессиями и т.п. в случае прихода к власти на выборах партии-оппонента; информационного — систематическая односторонняя и (или) искаженная подача информации. Кроме того, свобода выборов предполагает свободу, конечно, в рамках закона с некоторыми этическими и иными ограничениями предвыборной агитации.

2. Наличие выбора, альтернативных кандидатов. Сам термин «выборы» предполагает отбор из различных предложений. В случае, если есть лишь один кандидат (или партия), речь может идти о его (ее) одобрении или неодобрении избирателями, но не о выборах в полном смысле этого слова. Конечно, на практике, особенно в странах с еще не сложившейся многопартийностью, иногда

создается ситуация, когда из-за высокого авторитета, мощной организационной и материальной поддержки национального политического лидера оппозиционные силы, не имея сколько-нибудь реальных шансов на успех, не решаются выставлять своих кандидатов. В таком случае демократический потенциал выборов существенно ограничивается. В условиях же политического плюрализма наличие альтернативных кандидатов — важный показатель демократизма выборов.

3. Состязательность, конкурентность выборов. Различные политические силы должны иметь возможность бороться за доверие избирателей на выборах, знакомить и убеждать их в правильности, преимуществах своей предвыборной программы, недостатках электоральных платформ конкурентов. Известно, что истина рождается в споре. И в этом смысле «политическая истина» — наиболее приемлемые для большинства граждан программы, партии и кандидаты — обычно определяется в электоральном споре за властные позиции в государстве. В западных демократиях чрезмерную остроту политической конкуренции призван сдерживать принцип лояльности, обязывающий терпимо, без нарушения этических норм относиться к политическим конкурентам, не допускать оскорблений в их адрес, фальсификаций и т.п.

4. Периодичность и регулярность выборов. Выборы способны выполнять конструктивные функции, служить инструментом демократии при условии, что носители мандатов избираются на определенный, не слишком большой срок. Это необходимо для того, чтобы избиратели могли контролировать своих представителей, предотвращать злоупотребления властью и корректировать политический курс правительства.

5. Равенство возможностей политических партий и кандидатов. Оно предполагает прежде всего примерное равенство их материальных и информационных ресурсов. Обеспечить такое равенство возможно за счет установления максимального для любой партии уровня расходов на проведение выборов, ограничения размера взносов организаций и отдельных лиц в избирательные фонды партий и кандидатов, предоставления им на принципах равенства бесплатного времени на государственном телевидении и радио и др. В некоторых странах, рассматривающих выборы как «государственно-политическое» дело, существует государственное финансирование избирательных кампаний. Так, в ФРГ каждой партии, получившей на выборах в бундестаг и в Европарламент не менее 0,5 % голосов, выделяется из государственного бюджета по 5 марок за каждый голос. Кроме того, слабые в финансовом отношении партии получают от государства немалые средства для «вы-

равнивания шансов». В других же странах, например в США, финансирование выборов — частное дело. Реализация на практике равенства возможностей — пожалуй, наиболее часто нарушаемый на выборах принцип, что в большей или меньшей степени искажает их результаты и демократический характер.

§ 3. Выборы в тоталитарных, авторитарных и переходных обществах

Выборы как орудие политического манипулирования

Соблюдение указанных принципов свободных выборов непосредственно зависит от типа политической системы, в частности от наличия или отсутствия в обществе системных гарантий их демократичности:

распространенности благоприятной для демократии политической культуры, разделения властей, организованной и влиятельной оппозиции, независимого и авторитетного суда и т.п.

В некоторых случаях важной или даже решающей гарантией соблюдения демократических принципов выборов могут выступать внешние факторы: международный контроль, оккупационные войска демократических государств, как это было, например, в ФРГ после второй мировой войны и т.п. Однако такого рода ситуации — редкое явление. Обычно характер выборов определяется внутренними для страны условиями. **Без системной обеспеченности — наличия целого комплекса взаимосвязанных факторов — выборы как относительно самостоятельная политическая процедура могут использоваться в далеких от демократии и даже прямо противоположных ей целях.**

В современном мире выборы широко применяются авторитарными и тоталитарными режимами. Помимо тех, сравнительно редких случаев, когда они служат инструментом перехода к демократии, **главным социальным назначением выборов в условиях авторитаризма или тоталитаризма является укрепление соответствующих типов политического господства с помощью манипулирования сознанием собственных граждан и (или) международным общественным мнением.** Хотя в таком случае выборы не определяют состав правительства, они, выступая утонченным по сравнению с методами прямого принуждения инструментом стабилизации и сохранения власти, выполняют в политической системе важные функции. При всем сходстве социального назначения выборов их функций в тоталитарных и авторитарных политических системах значительно различаются.

Тоталитарные режимы используют неконкурентные выборы, главной особенностью которых является наличие одного кандида-

та (или одного избирательного списка), выставяемого правящей группой или партией. Такие выборы не ставят под сомнение существующий политический режим и даже персональный состав власть имущих. В тоталитарных политических системах коммунистического типа они выполняют главным образом функции политической пропаганды, разъяснения официальных целей и ценностей политики; мобилизации масс на их достижение; упрочения «морально-политического единства» общества; демонстрации сплоченности партии и народа, вождей и масс посредством единодушной поддержки и всеобщего участия в выборах, формирования массовых иллюзий участия в политике и демократизма политического строя.

В авторитарных государствах выборы выступают демократическим фасадом, красивой декорацией, прикрывающей монополию на власть узкой группы лиц или одного человека. Здесь применяются как неконкурентные, так и полуконкурентные выборы. Последним обычно присущи такие черты, как допущение к выборам лишь угодных или по крайней мере лояльных к властям кандидатов и партий, ограничение компетенций избираемых с помощью выборов институтов власти и т.п. На практике это часто проявляется, например, в проведении выборов в фактически беспартийные парламенты, которыми окружают себя многие авторитарные правители в Латинской Америке, Африке, Азии, а также в государствах бывшего СССР. Современные недемократические режимы обычно используют целый комплекс способов, фальсификации результатов выборов и превращение их в инструмент манипулирования, средство организации самообмана собственных граждан и введения в заблуждение международного общественного мнения.

В авторитарных политических системах выборы выполняют функции укрепления легитимности существующего режима; повышения его репутации внутри страны и особенно за рубежом; ослабления политической напряженности в государстве; выявления оппозиции и ее приручения или создания по инициативе властей лишь формально оппозиционных им партий; стабилизации режима с помощью интеграции оппозиции и частичного учета ее требований¹.

**Выборы как инструмент
перехода к демократии**

Значение выборов для утверждения (или предотвращения) демократии непосредственно зависит от общественно-политических условий каждой конкретной страны. В тех авторитарных государствах, где складывается благоприятное для нее соотношение сил и хотя бы в основном обеспечиваются принци-

¹ См.: *Nohlen D. Wahlrecht und Parteiensystem*. Opladen, 1990. S. 26.

пы свободных выборов, они являются наилучшим инструментом демократизации общества.

Выборы обеспечивают **наиболее безболезненный** для граждан и всего общества мирный переход к демократии. По самой своей сути они исключают политическое насилие. Осуществляемые с их помощью изменения власти не требуют пролития крови, человеческих жертв, разрушений и т.п. Кроме того, выборы — **наиболее эффективное** средство ликвидации авторитарного режима и прихода к власти демократических сил. Такие режимы, как правило, опираются на военных, армию, полицию и спецслужбы, хорошо обученные для вооруженной борьбы и обладающие монополией на военную технику и наиболее эффективное оружие. Поэтому методы вооруженной борьбы за власть (сооружение баррикад, вооруженные нападения, партизанская война и т.п.) в современных условиях имеют очень мало шансов на успех без поддержки силовых структур, которые обычно находятся в относительно привилегированных условиях, повышающих их лояльность к власти. Осознавая это, сегодня даже радикальная оппозиция обычно выдвигает требование свободных выборов в качестве главного лозунга борьбы за власть.

Предпочтительность выборов как мирного средства борьбы за демократию не отрицает важности опоры ее сторонников на силу и прежде всего на поддержку демократически настроенных военных. Лишь в редких случаях смена авторитарных режимов обходится без актов политического насилия: попыток запретить оппозиционные партии, запугать или устранить, в том числе с помощью террора, их лидеров, разогнать неугодный парламент и т.п. От поддержки демократических сил военными очень часто зависит само согласие авторитарных правителей на проведение демократических выборов и признание их результатов.

Важное достоинство выборов как инструмента демократизации общества состоит в том, что они сами по себе выступают **крупным шагом на пути демократизации**: либо вообще означают утверждение демократического режима, либо кладут начало процессу интенсивной демократизации политической системы, завершающемуся принятием демократической конституции.

Революционные насильственные формы борьбы даже в случае успеха непосредственно не приводят к возникновению демократических институтов, а завершаются лишь сменой авторитарной власти. Политическое насилие обычно имеет свою логику. Порождая многочисленный слой привыкших к использованию силы и отвыкших от созидательного труда людей, стремление победителей получить привилегии в качестве компенсации за понесенные

жертвы и лишения, нетерпимость к побежденным, оно может провоцировать ожесточенное сопротивление последних. Вообще политическое насилие плохо совместимо с демократическим строем, тормозит его утверждение даже тогда, когда к власти приходят последовательные сторонники демократии. Выборы же исключают негативные для демократизации общества последствия смены власти.

Важнейшее значение выборов как инструмента перехода к демократии связано также с **утверждением ими основополагающих прав и свобод личности, общечеловеческих ценностей**. Свободные выборы сами по себе предполагают уважение правящим режимом (и оппозицией) свободы слова, собраний и объединений, равноправия граждан и других политических прав граждан. Они утверждают в обществе атмосферу осуждения насилия, уважения достоинства личности, мнения большинства народа, что способствует развитию демократического сознания граждан, повышению их политической активности, стремления к демократическим переменам.

Значение выборов как инструмента перехода общества к демократии и важнейшего условия ее жизнеспособности и эффективности, реализация рассмотренных выше основных принципов свободных выборов непосредственно зависят от организации избирательного процесса.

§ 4. Основные стадии избирательного процесса

Нормативные основы выборов. Мажоритарная избирательная система

Избирательный процесс осуществляется по определенным правовым нормам, правилам, содержащимся в конституции и избирательном законе. Главным регулятором выборов является избирательная система, определяющая общие принципы организации выборов, а также способы перевода голосов избирателей в мандаты, властные должности. Главное назначение избирательной системы — обеспечить представительство воли народа, а также сформировать жизнеспособные и эффективные органы власти.

Существует **два основных типа избирательных систем: мажоритарная** (альтернативная) и **пропорциональная** (представительная). При мажоритарной системе для избрания кандидат или партия должны получить большинство голосов избирателей округа или всей страны, собравшие же меньшинство голосов никаких мандатов не получают. В зависимости от того, какое большинство требуется, мажоритарные избирательные системы делятся на системы **абсолютного большинства**, которые чаще используются на прези-

дентских выборах и при которых победитель должен получить больше половины голосов (минимум 50% плюс один голос), и системы **относительного большинства** (США, Великобритания, Канада, Франция, Япония и др.), где для победы достаточно хотя бы на немного опередить других претендентов. При применении принципа абсолютного большинства в случае, если ни один кандидат не получил свыше половины голосов, проводится второй тур выборов, на котором представлены лишь два кандидата, получивших наибольшее число голосов (иногда во второй тур допускаются все кандидаты, набравшие в первом туре голосов больше установленного минимума).

Каждая из основных избирательных систем имеет свои сильные и слабые стороны. К числу **достоинств** мажоритарной системы обычно относят: 1) сравнительную легкость формирования правительства и его большую стабильность. Это достигается за счет распределения парламентских мандатов в основном среди крупных партий-победителей, отсеивания мелких партий, которые обычно не в состоянии обеспечить своим кандидатам большинство в избирательных округах, а также побуждения партий к коалициям или слиянию еще до начала выборов; 2) формирование устойчивых связей между избирателями и депутатами. Поскольку депутаты непосредственно избираются гражданами определенного округа и обычно рассчитывают на свое переизбрание, то они больше ориентируются на свой электорат, который в свою очередь лучше знает депутатов, чем при их избрании в общем партийном списке при пропорциональной системе.

Наряду с определенными достоинствами, мажоритарная избирательная система имеет и ряд существенных **недостатков**. Она во многом искажает реальную картину предпочтений и волю избирателей. При ней возможна ситуация, когда партия, пользующаяся меньшей поддержкой избирателей, одержит победу над партией, получившей в целом по стране большинство голосов. Это может быть достигнуто за счет различной степени концентрации в избирательных округах сторонников различных партий. Так, например, партия А может провести больше депутатов в парламент, чем партия Б, победив с минимальным отрывом в 51 избирательном округе, в то время как за партию Б проголосует подавляющее большинство избирателей в 49 избирательных округах и большинство избирателей в целом по стране.

Непосредственная зависимость результатов выборов от распределения избирателей по округам создает опасность манипулирования посредством тенденциозного нарезания избирательных округов. Такая практика искажения воли избирателей получила назва-

ние «избирательной географии» или «джерримендеринг» (по имени ее изобретателя — американского губернатора штата Массачусетс Джерри).

Создавая возможность формирования правительства, не пользующегося поддержкой большинства населения и сильно ограничивая доступ в депутатский корпус представителей меньшинств, в том числе небольших партий, мажоритарная система может ослаблять легитимность власти, вызывать у граждан недоверие к политическому строю, абсентеизм или даже склонность к радикальным, недемократическим методам политической борьбы. Непосредственная зависимость депутатов от населения определенного избирательного округа побуждает их к местничеству, недостаточному учету общенациональных интересов.

В условиях остроконфликтного общества мажоритарная система достаточно опасна для демократии, поскольку полярно разделяя и противопоставляя кандидатов, она может ориентировать соперников, особенно при близости их программ, не на поиск позитивного решения общественных проблем, а на критику и прямое очернение противника, разжигание атмосферы ненависти. Это может привести к политической поляризации общества, забвению демократических правил игры и разрушению самого демократического строя.

Пропорциональная система

На преодоление этих и некоторых других недостатков мажоритарной системы претендует пропорциональная избирательная система. Ее суть состоит в распределении мандатов пропорционально голосам, полученным партиями или избирательными коалициями. Главное **достоинство** этой системы — представительство партий в выборных органах в соответствии с их реальной популярностью среди избирателей, что позволяет полнее выражать интересы всех групп общества, активизировать участие граждан в выборах и политике в целом.

Однако пропорциональная система имеет и определенные **недостатки**. Важнейший из них — относительно меньшая стабильность правительства. Характерное для этой системы широкое представительство в парламенте различных политических сил очень часто не позволяет какой-нибудь одной партии иметь устойчивое большинство и побуждает к образованию коалиций. Объединение же во многом разнородных по своим целям партий часто приводит к обострению противоречий между ними, к распаду межпартийных коалиций и правительственному кризису. Кроме того, политика правительства, сформированного на базе межпартийной коалиции, отличается большей эклектичностью и меньшей последовательностью.

Для того чтобы преодолеть чрезмерное партийное дробление состава парламента, ограничить возможность проникновения в него представителей крайне радикальных или даже экстремистских сил многие страны используют так называемые заградительные барьеры, или оговорки, устанавливающие необходимый для получения депутатских мандатов минимум голосов. Обычно он составляет от двух (Дания) до пяти (ФРГ) процентов всех поданных голосов. Партии, не собравшие необходимого минимума голосов, не получают ни одного мандата.

К недостаткам пропорциональной системы нередко относят и непосредственную зависимость выдвижения депутатов от позиций партийного аппарата, бюрократии, которая может, руководствуясь своими узкогрупповыми интересами, включать в партийные списки и непопулярных людей. Однако возможность такого рода действий зависит от характера внутрипартийных отношений. В партиях с развитой внутрипартийной демократией она минимальна. Кроме того, предотвращение вхождения в состав выборных органов непопулярных людей зависит от принятой в стране разновидности списков для голосования.

Существуют три основных вида **списков для голосования**: жесткие списки, когда голосуют за партию в целом и кандидаты получают мандаты в той последовательности, в которой они представлены в партийных списках; полужесткие — в этом случае обязательно мандат получает кандидат, возглавляющий партийный список, распределение же остальных полученных партией мандатов осуществляется в зависимости от полученных кандидатом голосов (преференций); свободные — распределение всех депутатских мест происходит в соответствии с преференциями избирателей.

Смешанная и консенсусная системы

В современном мире применяются различные модификации как мажоритарной, так и особенно пропорциональной систем. Многие страны, стремясь максимально использовать достоинства каждой из них и смягчить их недостатки, применяют **смешанные системы**, сочетающие элементы мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Так, в ФРГ одна половина депутатов бундестага избирается по мажоритарной системе относительного большинства, вторая половина — по пропорциональной системе. Подобная избирательная система использовалась и в России на выборах в Государственную Думу в 1993 и 1995 гг.

В последние десятилетия некоторые организации (ООН, партии «зеленых» и др.) используют **консенсусную систему** выборов. Она имеет позитивную направленность, т.е. ориентирована не на кри-

тику противника, а на нахождение наиболее приемлемого для всех кандидата или избирательной платформы. Практически это выражается в том, что избиратель голосует не за одного, а за всех (обязательно больше двух) кандидатов и ранжирует их список в порядке собственных предпочтений. Так, например, если на пост президента претендуют 5 кандидатов, то голосующий определяет место каждого из них. За 1-е место дается 5 баллов, за 2-е — 4, за 3-е — 3, за 4-е — 2, за 5-е — 1 балл. После голосования полученные баллы суммируются и по их количеству определяется победитель.

Ориентируя субъектов политики на определенный порядок борьбы за власть, различные избирательные системы непосредственно влияют на характер партийных систем и всю избирательную кампанию.

**Основные стадии
избирательного процесса.
Подготовка выборов**

В зависимости от временной последовательности и особенностей решаемых задач избирательный процесс делится на несколько этапов, стадий: 1) подготовительный этап, характеризующий ту общественно-политическую почву, из которой «вырастают» выборы, а также организационные мероприятия, делающие возможным проведение выборов; 2) выдвижение кандидатов, завершающееся их регистрацией; 3) агитационно-пропагандистская кампания; 4) голосование и подведение итогов выборов. Строго говоря, лишь последние три этапа характеризуют непосредственно сам избирательный процесс. Однако подготовительный этап также оказывает важное влияние на все его стадии.

Выборы всегда осуществляются в конкретной общественно-политической среде, которая во многом определяет их подлинно демократический или манипулятивный характер. Эта среда (исторический контекст) включает ряд параметров, отражающих ее влияние на избирательный процесс. К ним относятся:

— наличие в обществе ценностного консенсуса, атмосферы доверия, готовности политических партий подавляющего большинства граждан уважать результаты выборов. В частности, поэтому свободные выборы либо вообще невозможны, либо становятся инструментом манипулирования в странах, политические элиты и основные общественные группы которых видят в выборах не средство примирения и нахождения баланса политического влияния, а орудие укрепления своего господства и принуждения противников к повиновению;

— уважение в государстве прав человека. Это необходимо для того, чтобы избиратели и кандидаты чувствовали себя свободны-

ми, не подвергались разного рода угрозам, чтобы в обществе существовала атмосфера уважения личности, воли большинства и прав меньшинства;

— электоральная (гражданская) просвещенность избирателей. Она предполагает знание назначения и процедур выборов, основных политических партий, их программ и кандидатов, информированность и т.д. Гражданская просвещенность обеспечивает сознательность и компетентность решений, без которых выборы являются не волеизъявлением народа, а инструментом массового манипулирования, используемым элитами;

— демократический характер регистрации избирателей. Это означает прежде всего отсутствие любого рода дискриминации: по национальному, расовому, имущественному или какому-либо другому признаку. В большинстве демократических стран мира составлением списков избирателей занимаются местные органы власти, которые автоматически вносят в них изменения в связи с переездом гражданина на другое место жительства, достижением им избирательного возраста и т.п. В США участие в выборах рассматривается как сугубо личное дело и заботиться о регистрации должен сам голосующий. Точность и полнота списков избирателей, а также наличие документов, позволяющих идентифицировать каждого человека, предотвращают возможность фальсификаций с помощью лишения одних людей права голоса и многократного голосования других;

— демократический порядок регистрации и взаимоотношений партий. Партии — главный субъект электоральной активности, политического участия, организации и мобилизации граждан. Они — основной претендент на формирование парламента и правительства. Во всех стабильных демократических государствах характер отношений между партиями определяет общую канву и атмосферу выборов. Для свободных выборов крайне важно, чтобы все признающие демократическую конституцию партии имели возможность регистрации, выдвижения депутатов и электоральной борьбы. Удержать партии от нарушений закона и этических норм и тем самым укрепить общую атмосферу доверия помогают межпартийные соглашения о кодексе поведения партий, для контроля над соблюдением которых обычно создаются специальные комиссии, представляющие всех участников избирательного процесса;

— формирование независимых, беспристрастных и компетентных органов управления избирательным процессом. К ним относится прежде всего избирательная комиссия. Ее функции разнообразны, хотя и не одинаковы в различных странах. Обычно это: толкование избирательного закона, определение правил и проце-

дур проведения выборов, организация избирательных участков, проверка подлинности собранных в поддержку кандидатов подписей, регистрация избирателей и кандидатов, подготовка предвыборных материалов и подбор аппарата, необходимого для проведения выборов, урегулирование возникающих споров, проведение мероприятий по электоральному просвещению граждан, подсчет и сведение результатов выборов и их объявление, общий контроль за процессом выборов. Беспристрастность и независимость членов избирательных комиссий призвано гарантировать наделение их особыми правами (привилегиями) и иммунитетом, как это имеет место у судей. Избирательные комиссии могут оказывать большое влияние на протекание и характер выборов, в том числе служить инструментом их фальсификации. Помимо избирательных комиссий важные функции по организации выборов выполняют местные органы власти, оказывающие им разностороннюю практическую помощь;

— наличие доступных для всех механизмов подачи и рассмотрения жалоб и разрешения споров, а также эффективных и независимых органов контроля за соблюдением избирательного закона всеми участниками электорального процесса, в том числе членами избирательных комиссий. К этим органам относятся специальные (избирательные трибуналы) или общие суды, а в некоторых странах — избирательная прокуратура. Такая прокуратура была создана, например, во время избирательной реформы в Мексике в 1994 г. для расследования электоральных преступлений: в частности использования государственными служащими служебного имущества и средств, в том числе транспортных, для поддержки определенной партии или кандидатов, для давления на подчиненных с целью побуждения их к определенному электоральному решению и т.п. Эффективность судебного контроля за выборами предполагает суровые санкции за противоправные действия: тюремное заключение, штрафы, отмену регистрации кандидатов или партий и т.п.

Выдвижение кандидатов

После проведения подготовительных мероприятий и официального назначения сроков выборов начинается избирательная кампания. Сам этот термин применяется по отношению как ко всему государству, так и отдельным кандидатам или партиям. В первом случае **избирательная кампания представляет собой комплекс организационных, политических, информационно-пропагандистских и агитационных мероприятий по непосредственному обеспечению избирательного процесса в государстве, во втором — систему мероприятий, направленных на успех конкретного кандидата или партии.**

Первый шаг избирательной кампании — выдвижение кандидатов и (или) партий (движений). Существуют различные способы их выдвижения и регистрации: 1) сбор подписей в поддержку кандидата или партии; 2) предоставление регистрационного взноса или денежного залога, а также документов, свидетельствующих о наличии у кандидата определенной поддержки, например списка партийных активистов или членов группы поддержки; 3) автоматическая регистрация кандидатов в случае занятия ими оспариваемых на предстоящих выборах постов.

Наибольшее распространение имеет выдвижение кандидатов партиями, общественными движениями и организациями, группами граждан, собравшими определенное количество подписей в их поддержку. Число подписей, необходимых для регистрации кандидата, зависит от уровня выборов (президентские, парламентские, региональные и т.п.), а также от особенностей избирательного закона страны. В одних государствах требуется миллион и более подписей, в других же, например в Великобритании, для формальной регистрации в качестве кандидата достаточно подать личное заявление, подписанное несколькими избирателями. Большое число подписей, а также короткий срок их сбора могут служить серьезным препятствием для претендентов, представляющих малообеспеченные слои населения, которые обычно не обладают большими финансовыми (деньги), информационными (СМИ) и организационными (поддержка партии и (или) других организаций) ресурсами. Поэтому для обеспечения демократизма выборов процедура выдвижения кандидатов не должна быть чрезмерно сложной и дорогой и в то же время должна ограждать избирательную комиссию от претендентов, не пользующихся значительной общественной поддержкой. Слишком большое количество претендентов и депутатов может затруднять проведение выборов, дезориентировать избирателей и требует больших финансовых затрат со стороны государства. Международно признанные нормы свободных выборов предполагают ограничения для баллотировки кандидатов лишь по признакам гражданства, возраста, срока проживания в стране, судимости по уголовным делам, психической и физической полноценности.

Стадия выдвижения депутатов непосредственно определяет возможности и диапазон электорального выбора. История, в том числе новых государств, образовавшихся на территории СССР, знает немало примеров, когда власть имущие отсеивали неудобных кандидатов еще на этапе их выдвижения, оставляя в списках для голосования лишь «своих людей». В таких случаях создается иллюзия выбора, а само народное волеизъявление превращается в фарс.

Выдвижение кандидатов завершается их регистрацией, после чего начинается агитационная (предвыборная) кампания. На этой стадии наблюдается максимальная активность конкурирующих партий и кандидатов, они получают широкие возможности убеждать избирателей в своих преимуществах с помощью СМИ, рекламы, наглядной агитации, непосредственного личного общения кандидатов и их доверенных лиц с гражданами в ходе многочисленных поездок по стране или электоральному округу. Агитационная кампания оказывает большое влияние на решения избирателей, во многом предопределяет успех или неудачу претендентов. Поэтому ее организации и проведению уделяется особое внимание.

Для ведения избирательной кампании и главным образом для ее агитационного этапа создается специальный штаб, куда обычно входят главный распорядитель, финансовый агент, пресс-секретарь, политический организатор, координатор графика кампании, технический секретарь и помощники. К этому штабу примыкают доверенные лица, группа поддержки кандидата, группа социально-политологического обеспечения, состоящая из профессиональных политологов, социологов, психологов, юристов, имидж-мейкеров (специалистов по политической рекламе), а также активисты-добровольцы и агитаторы, спонсоры кампании и некоторые другие ее активные участники.

Современные агитационные кампании обычно ведутся в соответствии с научными рекомендациями по четко разработанному плану, состоящему из таких основных элементов, как анализ и оценка политической ситуации и уязвимых для кандидата мест, стратегия, тактика и график кампании, структура управления ею и ее бюджет².

Любые выборы требуют наличия немалых **материальных** (деньги, помещения и т.п.), **временных** (время, необходимое для подготовки и проведения выборов, обучения аппарата, печатания бюллетеней и предвыборных материалов, выработки программы и избирательной стратегии, сбора средств и т.п.) и **человеческих** (люди, участвующие в избирательной кампании) ресурсов. Без таких ресурсов выборы либо вообще не состоятся, либо дадут явные преимущества обладателям электоральных ресурсов: представителям правящей группировки, крупного капитала, владельцам СМИ и т.п.

Главное условие демократического характера агитационной кампании — примерное равенство или хотя бы справедливое рас-

² См.: Методическое пособие по организации избирательной кампании. Национальный демократический институт международных отношений (США). М., 1991. С. 4 и др.

пределение ее ресурсов среди всех основных конкурентов. Это предполагает **выравнивание избирательных фондов** с помощью государственного финансирования, ограничения частных взносов, запрета поступлений со стороны корпораций и иностранных граждан, а также с помощью других средств; **обеспечение приблизительно равного доступа к СМИ**, особенно электронным — без этого выборы превращаются в инструмент манипулирования; **строгий запрет использовать государственные средства для получения преимуществ на выборах**. Последнее, в частности, предполагает недопущение использования для ведения собственной кампании (в том числе для привлечения внимания прессы) руководителями государства и высшими чиновниками своего служебного положения, государственных служащих, а также помещений, транспорта, техники, телефонов и т.п.; запрет принятия в период избирательной кампании незапланированных социальных мер и программ, призванных повысить популярность правительства на выборах и др. Нарушениями подобного рода явно изобиловали президентские выборы в России в 1996 г.

Голосование и подведение итогов выборов

Агитационная кампания, завершаясь за одни или несколько суток до голосования, оставляет избирателям возможность самостоятельно, без давления извне обдумать свой выбор и принять окончательные решения, которые они выражают непосредственно в день выборов. Голосование и подведение его итогов — кульминационный этап избирательного процесса. В этот период непосредственно выражается воля граждан, определяющая состав органов власти.

В наши дни голосование осуществляется с помощью либо специальных избирательных машин (их первые образцы уже в конце XIX в. начали использовать в США), либо избирательных бюллетеней. Последний способ голосования распространен гораздо шире. Основным местом голосования служат избирательные участки, хотя в некоторых странах, например в Швеции, разрешается голосовать дома и по почте. В одних государствах (Австрия, Австралия, Бельгия, Италия, ФРГ и др.) голосование рассматривается не только как право, но и как обязанность граждан, а за неучастие предусматриваются денежные штрафы, общественное порицание или другие наказания. В других же странах (США) голосование — дело добровольное.

Сразу же после завершения голосования избирательная комиссия или другой специальный избирательный орган начинают подсчет его результатов. Между голосованием и подсчетом голосов не

должно быть перерыва или задержки, поскольку это может быть использовано для различного рода фальсификаций. В международной практике наиболее часто встречаются такие нарушения правил голосования и подсчета, как изготовление и учет лишних избирательных бюллетеней, прямая приписка голосов одному из депутатов, изъятие бюллетеней, поданных за неудобного кандидата, и др.

Для того чтобы предотвратить подобные фальсификации и обеспечить доверие граждан к результатам выборов, необходим надежный контроль за голосованием и подведением его итогов. Это обеспечивается формированием пользующейся доверием конкурирующих партий избирательной комиссии; использованием независимых, в том числе международных, наблюдателей; независимое параллельное подведение итогов голосования, которое могут осуществлять совместно или раздельно представители партий, СМИ, церкви, авторитетные отечественные или международные наблюдатели. Отсутствие надежного контроля за ходом и результатами выборов может превратить их в инструмент манипулирования, скомпрометировать их в глазах граждан, породить массовые протесты и обострить политическую ситуацию. Поэтому прозрачность выборов, предполагающая открытость всего избирательного процесса для наблюдения и контроля со стороны общественности, самих политических конкурентов и независимых наблюдателей, — важнейшее условие их демократичности.

Глава 21

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

§ 1. Сущность и отличительные особенности политических технологий

Понятие политических технологий

Любые — в том числе и одинаковые — задачи, которые люди ставят перед собой в политике, как правило, решаются ими самыми разнообразными способами. От избираемых людьми способов деятельности, от того *как* они достигают те или иные цели неизбежно меняется содержание политических процессов, их внутренние и внешние зависимости, набор взаимодействующих акторов и другие их признаки.

Более того, в зависимости от этих способов решения задач могут изменяться не какие-то отдельные параметры явлений, но

и сама сущность конкретных политических процессов. Например, выборы депутатов могут происходить на основе честного соперничества кандидатов, рационального оспаривания ими программ своих оппонентов, открытого обращения к избирателям со своим видением целей политического развития общества и т.д. И в этом смысле электоральный процесс будет целиком и полностью соответствовать своему функциональному назначению. Но там, где в массовом порядке используются подкуп или запугивание избирателей, применяются меры административного давления властей, нарушается закон и попираются права граждан на свободное выражение ими своих предпочтений, избирательная кампания может превратиться из выборов обществом своих представителей в процесс искусственного, фактически безальтернативного формирования представительной власти теми политическими кругами, которые контролируют экономические, административные, информационные и другие важнейшие общественные ресурсы. Или, иначе говоря, выборы перестанут быть выборами.

Одним словом, от того, какие методы деятельности будут избраны субъектами для решения той или иной политической проблемы, как при этом будут взаимодействовать те или иные структуры и институты власти, будет непосредственно зависеть сущность и содержание любых политических процессов. Поэтому рассмотрение последних через призму способов деятельности позволяет говорить об особом — **технологическом уровне** анализа политики. Уровне, на котором в центре исследования оказываются те или иные способы, техники, процедуры и методы деятельности политических субъектов, при помощи которых осуществляется государственное управление, принимаются политические решения, согласовываются интересы и урегулируются конфликты, устанавливаются коммуникации и осуществляются другие политические процессы.

В целом можно сказать, что **политические технологии представляют собой совокупность применяемых субъектами знаний и способов деятельности, направленных на оптимальную и эффективную реализацию стоящих перед ними конкретных целей в сфере государственной власти.** Применительно к условиям политической конкуренции рыночного типа, где существенно повышается зависимость методов и приемов деятельности от места и времени их применения, электоральные политические технологии нередко именуют и как **политический маркетинг.**

Функционально политические технологии неразрывно связаны с интересами и ролями субъектов, которые собственно и задают им цели по использованию властных ресурсов, стабилизации

или дестабилизации политических отношений в том или ином государстве, организации избирательных кампаний, информационному обеспечению принятия решений, согласованию позиций при выработке государственных программ и т.д. Если же говорить обобщенно, то наиболее общей **причиной** формирования политических технологий является **потребность человека в более рациональном, экономичном и эффективном способе реализации конкретных целей в политическом пространстве**. В целом такая идущая от субъекта мотивация имеет и весьма позитивные последствия для общества и государства. Ибо рациональный, а потому и более предсказуемый характер деятельности, политического поведения индивидуальных и групповых акторов создает дополнительные предпосылки для упорядочивания и институализации политических процессов, дает возможность применять экономичные и ресурсосберегающие способы управления государством и обществом, усиливать контроль и управляемость политических процессов, способствовать более эффективной политической социализации граждан. А, следовательно, в конечном счете — оптимизировать взаимоотношения власти и общества, снижать политические риски в развитии государства.

Но и памятуя о такой в целом весьма позитивной направленности политических технологий, следует иметь ввиду, что они распространяются не только на конвенциональные (легальные), но и на неконвенциональные процессы применения политической власти и соответствующие типы распределения государственных ресурсов. В силу этого технологии предполагают и использование приемов и процедур, которые могут противоречить политическим традициям в обществе и даже быть прямо запрещены законом. Поэтому в пространстве власти могут присутствовать не только конструктивные с точки зрения политических интересов общества способы влияния на власть, но и техники, нарушающие нормы политической этики («черный пиар», дезинформация, манипулирование, провокации и проч.) и даже методы противоправной борьбы за государственную власть (террор, заговоры и т.д.).

Технологии как алгоритм политической деятельности

Будучи связанными со всеми — законными и незаконными — формами поведения индивидуальных и групповых субъектов, политические технологии представляют собой не просто разрозненные техники и приемы действий, а достаточно целостную совокупность используемых субъектом методов и процедур, обладающих определенной **очередностью** своего применения и использования. В этом смысле политические технологии, свя-

занные с достижением конкретных целей, существуют как некий внутренний **алгоритм** соответствующей деятельности субъекта, программирующий его наиболее эффективные действия. Закрепляя же подобные приемы, алгоритм деятельности субъекта одновременно предстает и в качестве **результата** рационализации решения конкретной проблемы. Поэтому, к примеру, вычленение и закрепление в алгоритме оптимальных и эффективных способов осуществления той или иной акции дают возможность в дальнейшем использовать обретенный опыт другим субъектам, ускоряют обучение персонала передовым методикам действий и расширяют возможности эффективного решения аналогичных задач в схожих условиях.

Конечно, большинство технологий ограничены по месту и времени своего применения. Иначе говоря, у конкретного сочетания техник, способов и приемов деятельности, составляющих некую систему действий, существует свое «внутреннее время» (И. Пригожин). Поэтому, например, методики разрешения каких-нибудь этнических конфликтов в Европе XIX в. могут не дать требуемого эффекта на другом континенте в нынешнем столетии. Однако, там, где субъект сталкивается с необходимостью совершения повторяющихся, стереотипизированных действий, содержащих определенные требования к условиям и результатам данного типа деятельности, там не просто складываются дополнительные возможности для выработки алгоритмов, но и их применение обладает особой эффективностью. Например, партийный активист, призванный собирать подписи в поддержку своей организации, но уже знакомый с алгоритмом, а потому знающий, как и в какой последовательности осуществлять те или иные действия и при этом находиться в рамках законов, регулирующих его деятельность, практически в любых избирательных кампаниях получает возможность максимально эффективно использовать свои силы и ресурсы партии для достижения поставленной цели.

В этом смысле можно сказать, что алгоритмы наиболее продуктивны при решении однотипных задач. Обладая внутренней нацеленностью на расширение круга своих носителей и субъектов, алгоритмы по существу **тиражируют** технологии (рассчитанные на повсеместное применение в аналогичных условиях). В то же время, вырабатывая и закрепляя последовательность действий в **уникальных** условиях, алгоритмы, как правило, утрачивают свою способность к дальнейшему распространению и использованию.

Ориентация на выработку эффективных алгоритмов должна сочетаться с пониманием того, что отдельные политические процессы, виды целенаправленной деятельности человека в сфере

власти слишком сложны и их невозможно технологизировать целиком и полностью. (Причем в политике есть и такие процессы, которые в силу своей сложности вообще не поддаются технологизации.) Поэтому в такого рода случаях алгоритмы разрабатываются применительно к отдельным частям, фазам, этапам деятельности. Поэтому такие локальные, очаговые с точки зрения всего политического процесса технологии способны лишь частично рационализировать и упорядочить деятельность субъекта. Например, в сфере принятия политических решений, где, как правило, решаются нестандартные задачи и где велик удельный вес непредвиденных обстоятельств, политические технологии представляют собой, как правило, набор различных алгоритмов, которые обслуживают лишь отдельные фазы разработки и реализации целей. А в целом, применительно ко всему процессу принятия решений за счет слабой, а то и вовсе отсутствующей связи между собой эти алгоритмы представляют собой совокупность отдельных дискретных цепочек действий.

В плане своего практического применения политические технологии представляют собой форму социотехники (политической инженерии), которая обусловлена как свойствами действующего субъекта (его знаниями, опытом, настроением на реализацию и т.д.), так и материальными и иными ресурсами и техническими компонентами. Но все же наиболее сильно их формирование и применение связаны с квалификацией и компетентностью субъекта, его практическими знаниями и накопленным опытом, а прежде всего умением реализовывать имеющиеся возможности и находящиеся в их распоряжении ресурсы в рамках конкретной ситуации. Это связано с тем, что в условиях высокой динамичности политических процессов многие, казалось бы, известные технологии даже в стандартных условиях нередко строятся как бы заново. Это-то и повышает требования к способностям субъекта импровизировать и творчески применять имеющиеся у него навыки, знания и ресурсы.

С другой стороны, хотя в технологиях всегда есть место творчеству и нестандартным действиям субъекта, тем не менее его свободы действий всегда ограничены, существуют некие пределы, которые он не должен преодолевать. В противном случае действия политического актора превратятся в форму произвола, сплошной импровизации. Ведь технологии по природе своей противостоят интуиции и прецеденту как специфическим способам реализации людьми своих политических целей. Технологии направлены на рационализацию и упрощение действий во имя достижения цели, и именно поэтому им свойственны известная формализация и институализация, закрепление в нормативных представлениях.

По этим причинам, а также принимая во внимание разнообразие условий деятельности и способностей субъектов, выделяют **жесткие** (предполагающие устойчивость и неизменность основных параметров приемов деятельности) и **мягкие** (демонстрирующие более гибкие и адаптивные способы и приемы деятельности) технологии. В частности, к первым могут быть отнесены способы подготовки государственных решений, требующие, например, обязательного согласования проекта с позициями конкретных министерств и ведомств. Примером же мягких технологий могут быть различные способы информационного обеспечения избирательных кампаний, где общие задачи рекламирования кандидата могут быть решены довольно различными методами, варьирующимися в зависимости от специфики региона, состава населения и других местных условий.

Верно найденные алгоритмы выступают в качестве источника саморазвития политики. Так, став элементом оснащения деятельности того или иного политика (группы лиц), постоянно занятых принятием решений, урегулированием конфликтов или выполнением иных определенных функций, алгоритмы дают ему возможность экспериментировать, искать более эффективные технологии и приемы деятельности. Иными словами, рационализируя и оптимизируя политические процессы, технологии в то же время могут побуждать к совершенствованию методов решения уже известных задач, постановке новых целей. Например, использование способов компьютерной коммуникации для оптимизации информационных контактов в политической сфере не только повысило их эффективность, но и спровоцировало формирование особой, виртуальной сферы политики, создавшей особые возможности для связи между политическими элитами и населением, форм презентации гражданских интересов и т.д.

Структура политических технологий

В зависимости от характера и масштаба действующего субъекта — а соответственно и политического процесса — технологии существенно отличаются по своим параметрам (ресурсному и кадровому оснащению, длительности применения и т.д.). В то же время технологии обладают и неким устойчивым содержанием и, в частности, универсальной структурой. В структуру политических технологий, как правило, включаются три наиболее значимых компонента: специфические **знания**; конкретные **приемы, процедуры и способы действий**, которыми обладают их исполнители; а также различные **техничко-ресурсные** компоненты.

Принципиальная роль **знаний** обусловлена тем, что политические технологии воплощают особый способ отображения действительности, на основе которого и происходит поиск средств и способов эффективного решения тех или иных задач. Будучи формой научно-прикладного знания технологии отображают политическую действительность не саму по себе, а как некую **проблему**, стоящую перед субъектом. В этом смысле технологическое знание может представлять собой либо разновидность научных представлений, используемых для анализа конкретной проблемы, либо набор эмпирических, обыденных воззрений, несущих в себе лишь практический опыт решения такого рода задач, либо синтез того и другого типа представлений.

Иными словами, несмотря на то, что технологическое знание чаще всего использует теоретический инструментарий для описания конкретных проблем и событий, тем не менее в ряде случаев оно может обходиться и без научных обобщений, претендующих на универсальный характер. Так что при решении тех или иных практических проблем выводы фундаментальной науки могут быть положены в основу применяемых технологий, а могут быть полностью проигнорированы. Если перефразировать О. Конта, то можно сказать, что это происходит по причине того, что технологии включают в себя те представления, которые установку на «знание» опосредуют установкой на конкретное «действие». Поэтому в ряде случаев носитель технологического знания может, выполняя свою задачу, не обращать внимание на те или иные теоретические выводы и законы, ориентируясь на свои сугубо эмпирические представления.

Такая природа технологического знания задает ему собственную логику отражения и объяснения явлений, которая не присуща ни научным формам отражения, ни обыденным подходам в отдельности. Технологическое знание — это элемент одновременно и познавательно-проективной и идеально-преобразующей деятельности. В отличие от теории, которая связана с практикой не напрямую и опосредует свои отношения с ней рационально-логическими конструкциями, технологическое знание является не «идеально сконструированной абстракцией, которая ... привязана к конкретному трехмерному пространству с определенной точкой отсчета»¹, а формой непосредственного отображения конкретной проблемы, существующей в масштабе реального времени и обладающей вполне определенными пространственными (глу-

¹ Подшивалкина В. И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. Кишинев, 1997. С. 42.

биной, шириной и другими метрическими характеристиками) и темпоральными (временными) параметрами.

Если научное знание идеализирует событие, рассматривает его как проявление некоего класса явлений, то технологическое знание конкретизирует логические объекты; если научное знание обращено к практике-универсуму, то технологическое отображение — лишь к отдельному фрагменту действительности, отображаемому конкретным субъектом. Поэтому технологическое отношение к миру — это не логическое осмысление действительности, а предметный ответ на практические вызовы. В силу этого все технологические «истины» исключительны, подвижны, относительны и уникальны.

В то же время, с другой стороны, технологическое знание непременно включает в себя и определенный уровень обобщений, который отличает его от эмпирических воззрений. Эта систематичность в представлениях опирается на упорядоченность как индивидуального, так и коллективного опыта действий по реализации определенного круга задач (например, по проведению информационно-коммуникационных кампаний, ведению переговоров и т.д.).

Такое сочетание представлений, обладающих различной способностью к отображению действительности, дополняется в технологическом знании и синтезом функционально разнородных воззрений. Другими словами, рассмотрение политической проблемы, обладающей собственной логикой движения, источниками развития, пределами роста и т.д., предполагает наличие в технологическом знании трех относительно самостоятельных позиций: того, кто занимается ее специализированной оценкой (**технолога, аналитика**); того, кто задает конкретные цели решения связанной с данной ситуацией проблемы (**заказчика**), и того, кто действует на стадии практического решения задачи (**субъекта-исполнителя**).

Такое **утроение** источников технологического знания свидетельствует об одновременном включении приоритетов этих субъектов в оценку одной и той же ситуации. С одной стороны, это позитивно, поскольку предотвращает превращение технологического знания в технократическое (т.е. лишенное субъективного смысла и подменяющее мир человеческих страстей и отношений по поводу власти сугубо техническими связями и процедурами ее отправления и применения). С другой стороны, поскольку такое положение показывает, что в рамках технологического знания могут присутствовать несколько представлений о способах решения одной и той же проблемной ситуации, это предопределяет внутреннюю конкурентность и как следствие сложность данного вида представлений.

В соответствии с такой многогранной характеристикой технологического знания формируются и его знаковые структуры. Так, если язык науки всегда предполагает — хоть и разнообразную, но тем не менее строгую — категориально-понятийную форму, то технологическое знание основывается на значительно более свободном порядке образования своей лексики, где строгие понятия соседствуют с образами, а определенные в смысловом толковании термины со множеством нестрогих и многозначных терминов. Причем здесь присутствуют и неспециализированные структуры общения (просторечия, бытовая лексика, аббревиатуры живого языка, слоганы, фольклор и пр.). В целом же технологическое знание базируется на более подвижном языке, знаковых структурах, подчеркивающих субъективность и индивидуальность исследователя, нацеленных на инструментальные цели, эмпирическую коммуникацию и расширение информационного поля.

Процедурные и технические компоненты политических технологий

Разнообразие конкретных приемов, методов и процедур в политических технологиях определяется прежде всего сферами политического пространства, а также типами политических процессов: электорального, информационно-аналитического, переговорного и др., которые собственно и задают человеку его политические роли и функции. В то же время, поскольку технологические представления направлены на практическую реализацию тех или иных целей, то их основной ценностью является даже не самое знание о том, как можно нечто сделать, а *конкретное умение*, навыки свершения действий и достижения целей.

Содержание таких конкретных навыков и умений выражается в характере применения определенных приемов, процедур и техник, которые непосредственно задаются конкретными целями и задачами. Например, в сфере принятия решений это могут быть приемы согласования и соизмерения интересов сторон при выработке тех или иных целей государственной политики; в рамках решения международных конфликтов эти приемы могут выражать способность субъекта к поиску компромиссов между конфликтующими сторонами или воздействию на них со стороны примиряющих (арбитражных) структур; в информационной сфере политической власти — умение дезинформировать общественность или, напротив, ее честного и взаимоуважительного информирования и т.д.

При этом узко предметная ориентация навыков и умений показывает, что, например, специалист в решении международных

конфликтов может не обладать такими способностями при решении внутривластных или же корпоративных (характеризующих властно-управленческие отношения в рамках отдельной организации), локальных или же межличностных противоречий и кризисов.

Как уже говорилось, практическая необходимость овладения технологиями решения конкретных задач предполагает и существование в политике не только нормативных, жестко обусловленных существующими в обществе (организации) законами, нормами, традициями или обычаями способов деятельности, но и девиантных, т.е. отклоняющихся от норм и стандартов технологий. Причем использование некоторых приемов подобного рода невозможно устранить полностью. Например, учитывая распространение современных средств связи, даже чисто технически невозможно полностью предотвратить различные агрессивные способы ведения политической полемики (диффамацию, скандалы, провокации и т.д.) или электронный шпионаж, а также иные аналогичные приемы деятельности. В то же время применение «черных», аморальных технологий можно и нужно ограничивать, подобно тому, как с помощью соответствующих мер можно сокращать количество дорожно-транспортных происшествий.

Наряду с конкретными техниками и приемами действий важную роль играет техническое оснащение действующих в политике лиц, наличие у них тех или иных (финансовых, административных, информационных и пр.) ресурсов, влияющих на содержание политических технологий и т.д. Например, применение технологий информационного обеспечения государственной политики невозможно без технических структур, обеспечивающих защиту государственной тайны; стесненный в материальных средствах избирательный штаб того или иного кандидата, как правило, вынужден отказываться, к примеру, от организации его выступлений на ТВ или применения других дорогостоящих технологий, которые необходимы для достижения победы на выборах; использование управленческих технологий в условиях кризисов невозможно без структур, дублирующих принятие решений, снижающих риски, сохраняющих кадровый резерв и т.д. Таким образом, наличие данных компонентов политических технологий накладывает самые существенные ограничения на способы решения задач, применение тех или иных приемов деятельности или же, напротив, может существенно увеличить эффективность последних.

§ 2. Формирование политических технологий

Субъективный и аналитический способы формирования политических технологий

С практической точки зрения процесс формирования политических технологий всегда направлен на выработку неких рекомендаций, следование которым и позволит рационализировать и оптимизировать деятельность субъекта, расширить его возможности в деле контроля и управления той или иной областью политической жизни. Такая нацеленность сформировала в политической сфере даже особую разновидность деятельности по оказанию профессиональной помощи руководителям политических организаций, отдельным лицам (группам) в политике по решению их специализированных задач — **политическое консультирование**.

С содержательной точки зрения, независимо от того, разрабатываются ли эти рекомендации (и соответствующие технологии) применительно к распространенным или уникальным ситуациям, логика этих действий формируется вокруг цепочки: сбор информации — диагностика ситуации — оценка проблемы — прогнозно-проектные операции — выработка целей — определение последовательности действий — формулировка рекомендаций — практическое применение технологий (действия).

На практике формирующиеся таким образом технологии предполагают сочетание теоретико-нормативных способов оценки проблемы с наблюдениями и опытом лиц, участвующих в практическом решении такого рода задач. В то же время сочетание этих способов подхода к решению задачи предопределяет как бы два принципиально различных способа такой оценочно-проективной деятельности.

Один из них может быть охарактеризован как **субъективный** (волюнтаристский) процесс, основывающийся на здравом смысле, практическом опыте и интуиции субъекта. Другой как использующий в основном специальные **аналитические** методы и процедуры, которые и определяют основные параметры и условия достижения цели.

Этот аналитический способ постановки и решения конкретных политических проблем предполагает **прикладное** использование научно-теоретических знаний в сочетании с накопленным людьми практическим опытом, навыками и умениями решать аналогичные задачи, интуицией и иными дологическими представлениями человека. В этом случае используемые здесь научные методы не столько задают предел субъективизму при оценке целей и параметров деятельности человека, сколько определяют ему

соответствующее место, позволяя наиболее эффективно использовать возможности и резервы интуитивно-опытной, прецедентной диагностики при определении целей и средств их достижения.

Политический анализ включает как субъективно-оценочный, так и аналитический подходы к реальности. Он выходит за рамки собственно научных форм отображения политики, представляя собой разновидность политического «искусства» (ремесла, специализированной деятельности по решению конкретных проблем). И если в широком смысле термин «политический анализ» может использоваться для обозначения *всех* научных исследований политики, то в узком, своем специальном значении политический анализ рассматривается как прикладная дисциплина, которая **формулирует основные требования к изучению конкретных политических проблем, поиску их наиболее приемлемых решений, а также определению необходимых для этого технологических средств и приемов деятельности.**

Формируясь в связи с наличием реальных проблем, прикладные исследования политики затрагивают не все ее пространство, а лишь те **наиболее значимые области**, которые имеют важнейшее практическое значение для функционирования государственной власти. В настоящее время к числу таких сфер в основном относятся процессы урегулирования и разрешения конфликтов, принятия решений, ведения переговоров, организации избирательных и информационных кампаний и некоторые другие. Вокруг ряда таких областей в рамках политического анализа исторически сформировался и ряд прикладных субдисциплин, освещающих проблемы принятия решений (*policy making*), формирования и осуществления политических проектов (*policy management*), разрешения и урегулирования политических конфликтов (*conflict management*), ведения переговоров, обеспечения политических коммуникаций (*policy communication*) и некоторые другие группы вопросов.

Разработкой политического анализа как специфической прикладной области политических знаний занимается особая группа ученых: технологов, аналитиков, экспертов, консультантов, пиарменов (специалистов в области *public relation (PR)* — налаживания информационных связей политических структур с общественностью), работников партийных аппаратов, одним словом, всех тех, кто занимается разнообразными видами обслуживания профессиональной деятельности политиков, корпоративных политических структур (например, консультативных агенств), органов государственного управления. Итогом деятельности этой группы

лиц являются разнообразные советы и рекомендации, прогнозы, планы и программы деятельности государственных и партийных органов, аналитические справки для совершенствования деятельности органов управления и другие материалы, которые направлены на оптимизацию решения конкретных политических проблем и в конечном счете — выработку конкретных технологий деятельности.

Особенности политического анализа

Особенности политического анализа как специфического способа выработки политических рекомендаций и технологий определяются целым рядом причин и обстоятельств. Как разновидность прикладного знания он сориентирован прежде всего на описание и изучение конкретной, стоящей перед субъектом *проблемы*, существующей в рамках реальной **ситуации** и не имеющей каких-то однотипных источников, связей и иных аналогичных параметров. Именно в контексте сложившейся ситуации политический анализ и призван раскрыть причины возникновения конкретной проблемы, объяснить ее симптомы и содержание соответствующих фактов, обосновать степень их распространенности, определить динамику и перспективы развития, показать конкретные способы ее разрешения и урегулирования.

Вместе с тем в качестве проблем, подлежащих политическому анализу, могут выступать не любые социальные конфликты и противоречия, влияющие на осуществление людьми их ролей и функций в поле власти, а только те из них, которые затрагивают деятельность институтов власти, обладают существенным для общества значением, затрагивают интересы широких слоев населения, общественные верования и ценности, прямо или косвенно влияют на деятельность органов управления, т.е. обладают публичностью и политической значимостью.

Содержательно политический анализ представляет собой форму поискового и отчасти даже экспериментального познания, которая формируется по мере развития самой ситуации и развертывания деятельности субъектов. Принимая же во внимание открытый, т.е. незавершенный во времени процесс развития ситуации со всеми ее возможными — кратко- и долгосрочными — последствиями, можно утверждать, что в ряде случаев политический анализ не способен вычислить те или иные параметры ситуации, до конца раскрыть внутренние причины активности тех или иных акторов, а следовательно, и предложить оптимальные технологии, стратегию действий. В этом смысле аналитический образ ситуации нередко является лишь предпосылкой последующего по-

ведения субъекта, определенной корректировки им своей деятельности.

В силу конкурентной природы политической сферы, а равно и наличия оценочных подходов технолога, заказчика и исполнителя политический анализ одной и той же ситуации может выявлять **разные** проблемы и как следствие — разные рекомендации относительно возможных технологий. Особенно сильно зависимость технологий от социального заказа проявляется на стадиях диагностики ситуации и формулировки оценок. Например, совершенно противоположные оценки и технологии могут быть предложены заказчикам, в роли которых выступают представители правящей и оппозиционной партий, одинаково мечтающих победить на выборах, но тем не менее обладающих для этого различными статусами и ресурсами, заставляющими их по-разному трактовать складывающуюся ситуацию. Так же по-разному могут относиться к политическому кризису и представлять себе технологии его урегулирования представители органов государственного управления (правлящего режима) и общественных движений, представляющих интересы наиболее страдающих от действий администрации слоев населения. И поэтому для одних один и тот же кризис будет предполагать укрепление власти и повышение ее легитимности, а для других — способы сохранения или повышения уровня жизни и других важнейших параметров своего социального положения.

В любом случае аналитик должен беспристрастно соединять научность оценки и интересы клиента. Конечно, как показывает практика, в предвыборных кампаниях нередки случаи, когда эксперты и аналитики из-за низкой профессиональной компетентности, ошибок или желая угодить своим заказчикам давали им далекие от реальности, но приятные прогнозы.

С логической точки зрения ситуативно-прикладное, аналитическое исследование ситуации представляет собой последовательное применение разнообразных измерений, критериев, систем координат, которые в своей совокупности пытаются дать адекватные представления о структуре и тенденциях развития ситуации. На этой основе и вырабатываются определенные технологии, способствующие оптимизации деятельности субъекта по достижению своих целей.

Коротко говоря, политический анализ как исследовательский процесс представляет собой множественную дифференциацию и структуризацию ситуации, направленную на вычисление ее параметров, характеризующих ритм (темп) и цикличность ее функционирования в масштабе реального времени, а также выделение наиболее важных фаз и этапов деятельности субъекта, обеспечи-

вающих достижение цели. На такой основе определяется характер взаимоотношений акторов, временных и пространственных показателей, факторов внешней среды, уточняются состояние и вероятные варианты развития данной ситуации, ее поворотные точки («точки ветвления», выбора альтернатив) и другие важнейшие показатели, от которых зависят действия политического субъекта. В этом смысле политический анализ при всем разнообразии исследования ситуаций предполагает решение некоторых **универсальных задач**. К ним можно отнести:

- разведение внешнего контекста (условий) и локализованных в его границах наиболее важных конкретных политических событий (проблем);

- определение задействованных в ситуации конкретных акторов, характера их функционально-ролевых и психологических взаимоотношений;

- выявление расстановки политических сил (отнесение акторов к различным идеологическим позициям или блокам по различным политическим вопросам);

- выявление ресурсов и потенциала действующих лиц (групп);

- определение временных и пространственных (глубины, ширины, места политического события) параметров ситуации, налагающих основные ограничения на действия акторов;

- определение соотношения социальных и несоциальных параметров окружающей среды;

- уточнение реально сложившихся норм и регламентов деятельности, которых придерживаются субъекты;

- выяснение конкретных предпосылок и причин, влияющих на поведение субъектов;

- вычленение конкретных акций и интеракций субъектов в контексте влияния внутренних (мотивационных) факторов и воздействий внешней среды;

- определение последствий произошедших и происходящих событий.

Особые сложности оценки проблемы и формирования соответствующих технологий нередко возникают в связи с тем, что прикладной анализ, осуществляемый в рамках ответственности тех или иных лиц и институтов (обязанных, к примеру, оперативно реагировать на те или иные конфликты, опасные для населения), нередко испытывает на себе жесткие временные ограничения для выбора оптимальных способов управления ситуацией. Например, государственным деятелям зачастую приходится принимать решение в чрезвычайных, форс-мажорных условиях, оперативно формулировать адекватные ответы на вызовы ситуации.

Причем им приходится применять те или иные методы решения проблемы даже тогда, когда нет ясности ни в оценке ситуации, ни в понимании тех ресурсов, которых она требует. Поэтому скорость аналитического овладения проблемой становится иногда решающим фактором ее решения.

Методы политического анализа

Возможность адекватной оценки конкретной ситуации и выработки технологий основана прежде всего на определении соответствующих проблеме средств и приемов познания. От применяемых методов политического анализа зависят как продуктивность диагностико-оценочной деятельности, так и содержание технологий.

В силу чрезвычайной сложности любой конкретной ситуации, складывающейся в политическом пространстве, наличия у нее разноплановых связей и отношений применяемые для ее изучения методы, как правило, носят **междисциплинарный** характер. Поэтому собственно политическая оценка ситуации, как правило, дополняется применением психологических, социологических, антропологических, культурных и иных способов анализа различных аспектов поведения субъектов, выработки и реализации ими своих позиций. В этом смысле прикладной политический анализ осуществляется на основе применения **системной аналитики**, формирующейся вокруг решения конкретной задачи. В связи с этим основные трудности применения политического анализа связаны с умением субъектов увязывать различные подходы и техники исследования ситуации, «состыковывать» выводы и информацию, полученную в результате применения качественно различных методик.

В целом применение этих разнокачественных по своему содержанию методов осуществляется как бы на **двух уровнях** исследования. Первый отражает применение основополагающих теоретических установок, на базе которых формулируются исследовательские гипотезы или, иными словами, определяются наиболее широкие рамки постановки конкретных задач и целей, выявляются принципиальные ограничения в определении необходимых для этого средств, методов и ресурсов. Такого рода подходы позволяют выявить наиболее общие параметры ситуации, понять связь конкретных политических явлений с природной и социальной средой, встроить представления о конкретной политически значимой проблеме в картину окружающего аналитика мира.

Такие макро- и мезо- (среднего уровня) теоретические подходы могут основываться на разных принципах: формулировки иде-

альных типов явлений (Вебер), признании зависимости политики от доминирующих тенденций материального мира (Маркс), убежденности в правоте основополагающих идей теории рационального выбора, нового институционализма и т.д.

В соответствии с этими общеконцептуальными установками в анализе ситуации могут применяться и наиболее соответствующие им методы: структурно-функциональный, системный, исторический, нормативный, социокультурный, антропологический и др. В то же время, несмотря на свое принципиальное значение для политического анализа текущей ситуации, такие теоретические подходы, как правило, специально не фиксируются, существуя скорее латентно, как бы исподволь предопределяя действия по диагностике проблемы и выработке рекомендаций и технологий.

Второй уровень анализа связан уже с непосредственным отражением сложившихся реалий на основе специальных исследовательских подходов. Причем независимо от их содержания их применение основано на использовании дискретного подхода, предполагающего рассмотрение ситуации как определенного фрагмента в общей цепи политических событий и изменений. В силу этого применение методов направляется на описание и анализ (мыслительных и практических) действий конкретных (индивидуальных, групповых) субъектов, рассмотрение их мотивов, установок, форм поведения. В этом смысле политический анализ предстает как разновидность поведенческих исследований.

В данном контексте уже применяются методы, позволяющие конкретизировать зависимости и параметры конкретной деятельности субъектов. Это, например, методы **ивент-анализа** (представляющего политический процесс в качестве некоего ряда событий — например, принятия законов, проведения демонстраций, акций политического протеста и т.д., которые упорядочиваются и связываются между собой на основе той или иной объясняющей их происхождение логики); **корреляционного** анализа (связывающего и измеряющего связи между постоянными и переменными факторами развития той или иной ситуации); **пат-анализа** (разводящего и устанавливающего зависимости между действием внешних — экзогенных и внутренних — эндогенных переменных факторов); различные методики **эмпирической социологии** (контент-анализ). К таким методам относятся также интервьюирование, тестирование, опросы общественного мнения и пр.; разнообразные **количественные** методики (к примеру, метод «затрат и выгод», демонстрирующий зависимости между затраченными ресурсами и ожидаемой выгодой от принятого решения) и др.

Рассматривая политический анализ как специфический процесс выработки рекомендаций и технологий, можно выделить его внутренние логические этапы, которые предопределяют успешность его познавательно-прикладных действий.

Американские ученые Д. Б. Мангейм и Р. К. Рич выделяют целый ряд этапов аналитического процесса².

По их мнению, начальной точкой начала политического анализа является **концептуализация проблемы**. Это предполагает рассмотрение реальной ситуации с точки зрения ее влияния на реализацию интересов важнейших субъектов поля политики, деятельность органов государственного управления, их взаимодействия с зарубежными партнерами и вообще — существенного изменения политического контекста. Выявление такой проблемы предполагает ее формулировку, содержащую характеристику наиболее важных черт и структурных компонентов, отличий от иных проблемных ситуаций.

Второй этап предполагает **моделирование** проблемы, т.е. выработку представлений, несколько упрощающих, но одновременно предполагающих целостное восприятие ее наиболее значимых элементов, структуры, внешней и внутренней формы. Как правило, такая модель строится на основе определенной исследовательской гипотезы, в рамках которой определяются и уточняются важнейшие параметры проблемы. Такое уточнение характеристик проблемы осуществляется за счет последовательной **операционализации**, т.е. трансформации абстрактных, качественных оценок, характеризующих понятие этой проблемы, в визуально наблюдаемые показатели, способные дать количественное описание ее изменений. Уточнение шагов и действий при проведении такого рода наблюдений составляет процедуру **инструментализации**. А завершающим эти действия шагом является **измерение** проблемы, т.е. выделение соответствующих индикаторов (объективно измеряемых показателей состояния ситуации с известными предельными значениями). Эти показатели раскрывают причинно-следственные связи ситуации, вырабатывают критерии успешных и неудачных действий субъекта, определяют переменные как позитивных, так и негативных изменений ситуации и т.д.

В принципе такого рода действия упрощают содержание ситуации до ее основных значений и формализуют их. В идеале моделирование стремится к максимальной формализации, что пред-

² См.: Дж. Б. Мангейм, Р. К. Рич. Политология: Методы исследования. М., 1997.

полагает использование на этом этапе математического аппарата и иных инструментов количественного описания развития политической ситуации.

Коротко говоря, моделирование представляет собой процесс рационализации представлений исследователя, в результате которого на основе уточнений параметров ситуации и перехода от качественных к количественным оценкам проблема предстает как достаточно строго измеряемое явление, изменения параметров которого можно проверить. В целом процесс моделирования должен быть логически непротиворечивым, подчиненным задачам верификации выводов.

Следующий этап — это этап **составления программы исследования**, обоснования и формулировки логики исследования конкретной проблемы. В рамках этого этапа формулируются конкретные цели исследования (с учетом того, что должно быть достигнуто в результате изучения проблемы), уточняются значения переменных показателей в рамках различных альтернатив достижения поставленной задачи, детально описываются организация и проведение наблюдений. Таким образом, здесь специально обозначаются формы влияния наиболее важных (структурных) факторов, последствия их позитивного и негативного воздействия на решение проблемы, формулируются различные прогнозы относительно предположительной динамики ситуации и т.д.

В основе такой программы лежит задача упорядочения эмпирических данных. Но в результате ее решения по сути формируется многоуровневая исследовательская конструкция, которая связывает воедино все имеющиеся и получаемые знания и предполагает постепенное развертывание исследований в направлении решения конкретной практической задачи. Поэтому формирование такой программы можно расценивать как образование самокорректирующегося способа овладения ситуацией.

В зависимости от того, какой характер ситуации анализируется и соответственно, какой тип целей превалирует, могут формироваться различные программы политического анализа: **прогностические** (направленные на исследование будущей, гипотетической ситуации), **актуальные** (связанные с анализом текущей ситуации) и **ретроспективные** (обращенные на поиск новых подходов к прочтению уже произошедших событий).

Принципиальным значением обладает этап **выбора методов** исследования проблемы и решения конкретной задачи. Как уже говорилось, применяемые здесь методики носят междисциплинарный характер. Тем не менее решение конкретной задачи все-

гда предполагает выбор приоритетных средств и приемов исследования, который определяется характером самой конкретной проблемы, подготовленностью аналитиков, условиями, в которых осуществляется анализ. При всех вариантах такой выбор непременно предполагает сочетание качественных и количественных, теоретических и эмпирических подходов и т.д. Применяемые методы также могут также различаться и по своей **форме** (мозговой штурм, индивидуальная и групповая экспертиза и т.д.).

Наряду с отбором методов исследования неотъемлемой составной частью этого этапа является и определение правил, процедур, уточнение последовательности операций, упорядочивающих применение разнообразных техник и методик познания. Эти правила применения методов основаны на логически последовательных методических и организационных процедурах, которые объединены целью получения достоверных данных о явлении и использовании этих результатов на практике.

Итоговым этапом политического анализа выступает **выработка** окончательной (промежуточной) **рекомендации**, совета, установки на действие и, следовательно, собственно технологий, применение которых признается оптимальным. Правда, иногда при крайней неясности ситуации таким итоговым результатом может являться не столько рекомендация по использованию тех или иных технологий, но и даже формулировка проблемы, которая лишь в начальной степени снижает неопределенность представлений о рассматриваемой ситуации или проясняет позиции заказчика.

Принципиальным значением для проведения политического анализа являются сбор и постоянное уточнение поступающей информации. Для выработки практического совета, выбора технологий решения задачи информация должна отвечать требованиям необходимости (соответствовать характеру решаемой проблемы), минимальной достаточности (для полноценного рассмотрения проблемы), надежности (быть достоверной) и своевременности (быть представленной в нужное время и в нужном месте). При этом информация должна быть по-возможности исчерпывающей, т.е. удовлетворять соответствующие потребности как аналитика, так и тех лиц, кто будет применять те или иные технологии на практике.

В современном мире политические технологии находят широчайшее применение в процессе подготовки выборов в органы государственной власти.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

§ 1. Политическое развитие

Понятие политического развития

Эволюция политических систем и режимов правления в каждый отдельный момент отличается тем или иным состоянием структур управления, степенью включенности граждан в отношения с государством и другими показателями, выражающими качественные особенности и характер политических изменений. Оценка этих параметров дает возможность говорить о степени политической развитости данных систем власти.

В политической мысли различные идейные течения сформулировали собственные критерии политического развития. Так, в либеральных представлениях политическое развитие выражает воплощенность основополагающих прав человека, подконтрольность государства гражданскому обществу, плюрализм, духовную свободу и т.д. Консерваторы делают упор на преобладании моральных стимулов политического поведения, на обеспечении преемственности с предыдущими формами правления, сохранения базовых норм и принципов организации власти. Марксизм связывает критерии развитости политических систем с обеспечением ими господства коллективных форм собственности, гегемонии рабочего класса и лидирующей роли коммунистической партии. Следование данным принципам оценки политической реальности дает возможность говорить о предпочтительности, к примеру, демократии над тоталитаризмом или — в марксистском понимании — социализма над капитализмом.

Однако в переходных обществах, в условиях незавершенных политических процессов использование данных критериев не только затруднительно, но нередко противостоит самой идее развития. К примеру, институализация демократических процедур отправления власти, расширение плюрализма могут вести в этих условиях к установлению деспотических форм правления, потере управляемости обществом и другим, явно негативным последствиям.

Теоретическое решение этой проблемы было сформулировано в различных теориях («теории катастроф», «циклического развития», марксизме и т.д.). Однако наиболее конструктивный и подтвержденный временем подход был предложен в трудах Ф. Тённиса, М. Вебера, Т. Парсонса, заложивших основы так называемой *социологии развития*. Странники этого направления рассматривали все модифи-

кации политических систем в рамках обширного перехода от традиционного к современному обществу. При этом первое понималось по преимуществу как аграрное, основанное на простом воспроизводстве и отличающееся закрытой социальной структурой, низким индивидуальным статусом гражданина, жестким патронажем государственного правления. Современное общество трактовалось как индустриальное (постиндустриальное), базирующееся на открытости социальной структуры и рациональной организации власти.

Поскольку в переходных условиях всегда существует то или иное соотношение элементов традиционной и современной организации власти, было предложено различать два типа политических изменений. Первый тип изменений означает нарушение соотношения элементов, которые выражают равновесие системы и не затрагивают основных структур общества и власти. Например, могут меняться лидеры, правительства, отдельные институты, но ведущие ценности, нормы, способы отправления власти сохраняются в прежнем качестве. Второй же тип изменений касается модификации несущих элементов, трансформирующих базовые институты, нормы и коммуникации, которые в совокупности способствуют достижению системой нового качественного состояния.

Ученые, конкретизировавшие эту теоретическую схему, пришли к выводу, что политическое развитие осуществляется в той мере, в какой политические структуры, нормы и институты способны к оперативному, гибкому реагированию на новые социальные, экономические и прочие проблемы, к восприятию общественного мнения. Иными словами, формируя механизмы с устойчивой обратной связью, рациональной организацией звеньев управления, способные к учету мнений населения и реализации решений, политическая система превращается в гибкий механизм для адресного регулирования конфликтов и выбора оптимальных вариантов применения власти. И в этом смысле не имеет никакого значения, какую конкретную национально-государственную форму обретут эти политические изменения (унитарную, федеративную или другую), какая партия получит статус правящей, какая идеология будет определять политику будущего. Главное, что способность политических институтов решать все новые и новые проблемы, их открытый характер отношений с обществом будут выражать позитивную динамику данной системы власти, обозначать ее переход на качественно новый уровень своего существования.

Таким образом, **политическое развитие можно определить как нарастание способностей политической системы к гибкому приспособлению к изменяющимся социальным условиям (требованиям групп, новому соотношению сил и ресурсов власти) при сохране-**

нии и увеличении возможностей для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в деле управления обществом и государством.

**Критерии развития
политических систем**

Повышение адаптируемости политической системы к новым социальным требованиям на основе рационализации ее

строения и организации предполагает нарастающую дифференциацию структур и функций органов управления. Чтобы иметь возможность учесть интересы социальных групп, чье положение может достаточно быстро меняться в связи с территориальными перемещениями, ростом образования, профессиональной подготовки и т.д., политическая система должна формировать соответствующие каналы для артикулирования и агрегирования этих потребностей (в частности, расширяя возможности действия групп интересов, партий, институализируя прямую демократию и т.д.). Важным условием для осуществления этих изменений является формирование и совершенствование нормативной (прежде всего — законодательной) базы, способной обеспечить равенство политического участия традиционных и новых социальных групп, а также усилить влияние ценностей, предполагающих интеграцию социума и идентификацию граждан.

Из сказанного непосредственно вытекает требование к росту компетентности политических — как правящих, так и оппозиционных — элит. По сути именно от их способности использовать консенсусные, правовые технологии властвования зависит возможность избежать насилия при проведении реформ, исключить издержки политического радикализма. Понятно, что такое требование предполагает создание условий для свободной конкуренции элит в борьбе за поддержку населением. В свою очередь и рядовые граждане должны обладать возможностью контролировать своих избранников, отслеживать, соответствуют ли их профессиональные и личные качества занимаемому общественному положению. Селекция компетентных элит важна и для формирования рациональной управленческой бюрократии, ответственной перед правящими элитами и населением, выполняющей свои обязанности на основе действующего законодательства и профессиональной этики.

Одним из основных условий успешного эволюционного политического развития является своевременное выделение по преимуществу кратковременных задач в проведении реформ и преобразований, нацеленных на реальное, а не декларативное продвижение общества вперед. В противоположность этому проекты, сориентированные на длительную историческую перспективу, не могут учесть динамизм текущих изменений и при последовательном их

воплощении превращаются в фактор, усиливающий сопротивление реформам и ведущий к обвальному, неконтролируемому развитию событий. В результате государство, как считал Э. Бёрк, не только лишается средств проведения реформ, но и прекращает свое существование.

§ 2. Политическая модернизация

**Сущность и этапы
политической модернизации**

Проблемы политического развития стран в **переходных** условиях наиболее полно описываются теорией модернизации, которая представляет собой **совокупность различных схем и моделей анализа, раскрывающих динамику преодоления отсталости традиционных государств**. Теоретическая основа этих концепций заключена в идейном наследии Дж. Локка, А. Смита, а также в трудах уже упоминавшихся основоположников «социологии развития». Многие ученые рассматривают теорию модернизации как альтернативу учению К. Маркса.

Несмотря на различие подходов к описанию переходных процессов, все эти теории и модели анализа основываются на признании неравномерности общественного развития, наличия досовременного периода в развитии государств, реальности существования современных сообществ, а также на понимании необходимости преобразования (модернизации) отсталых стран в индустриальные (постиндустриальные). Таким образом, термин «модернизация» означает одновременно и стадию (состояние) общественных преобразований, и процесс перехода к современным обществам.

Неся в себе нормативность, заданность перехода к «модерну», эти теории вынуждены определять критерии современного общества, которые необходимо учитывать недостаточно развитым странам в процессе своего реформирования. При этом страны, достигшие высокого уровня развития естественным путем, рассматриваются как носители «спонтанной модернизации», а те, которым еще предстояло пройти этот путь, — как государства «отраженной модернизации».

Поскольку первые теории подобного рода возникли в 50—60-е гг. XX в., когда приоритет западных стран, и прежде всего США, в области управления, стандартов потребления и многих других аспектов был бесспорен, то в качестве прообраза «современного» государства поначалу признавалось «свободное» американское общество. Иными словами, модернизация понималась как вестернизация, т.е. копирование западных устоев во всех областях жизни (а в политической сфере предполагала воспроизведение парламент-

ских и партийных институтов, разделение властей, выборность законодательных и исполнительных органов власти и т.д.). В этом смысле модернизация была предварительным условием социально-экономического и политического развития стран, ибо само развитие становилось возможным только после укоренения основных черт организации общественной жизни западного образца.

Понимаемая как последовательное движение к заданному состоянию через ряд промежуточных этапов, модернизация выступала формой «догоняющего развития», выражающей зависимость осуществляемых реформ от образцов — стран, уже совершивших подобный переход. Главным же средством осуществления преобразований считалась экономическая помощь западных государств. Предполагалось, что достижение определенного уровня дохода на душу населения вызовет такие же, как на Западе, изменения в социальной и политической системах общества. Иначе говоря, основным модернизирующим фактором признавался капитал, способный, якобы, транслировать социальные технологии, ценности, демократические институты и тем самым победить низкие стандарты потребления, нарушение прав человека, деградацию культуры и т.д.

Однако взгляд на модернизацию как на линейное движение и последовательное освоение афро-азиатскими, латиноамериканскими и рядом других стран ценностей и стандартов западной организации власти, отношений государства и гражданина не выдержал испытания жизнью. В реальности демократизация, институализация либеральных ценностей, установление парламентских систем и прочих стандартов западной организации власти оборачивались не повышением эффективности государственного управления, а коррупцией чиновничества, произволом бюрократии, занятой собственным обогащением, катастрофическим расслоением населения и его политической аморфностью, нарастанием конфликтности и напряженности в обществе. Многие ученые объясняли это неподготовленностью этих стран к демократическому пути развития. Но односторонность, искусственность данных теоретических схем модернизации была тем не менее очевидной.

В результате в 70—80-е гг. связь между модернизацией и развитием была пересмотрена: первая стала рассматриваться не как условие второго, а как его функция. Приоритетной целью было названо изменение социальных, экономических, политических структур, которое могло проводиться и вне западной демократической модели. При этом сам факт существования традиционных институтов и ценностей политологи уже не рассматривали как препятствие к «модерну». При сохранении приоритета универсальных критериев и целей будущего развития главный упор стал делаться на национальную форму их реализации.

Переход к «модерну» стали представлять как целостный, относительно длительный этап, на котором возможно не только развитие, но и простое воспроизводство ранее существующих структур, а также и упадок. Кроме «догоняющей», стали говорить о модернизации «частичной», «рецидивирующей», «тупиковой» и т.д.

Главным элементом, от которого зависит характер переходных процессов и преобразований, по мнению ведущих теоретиков этого направления политической мысли, служит социокультурный фактор, а еще точнее — тип личности, ее национальный характер, обуславливающий степень восприятия универсальных норм и целей политического развития. Стало общепризнанным, что модернизация может осуществиться только при изменении ценностных ориентаций широких социальных слоев, преодолении кризисов политической культуры общества. Некоторые теоретики (М. Леви, Д. Рюшемейер) даже пытались вывести некий закон глобальной дисгармонии, раскрывающий несовпадение социокультурного характера общества и потребностей его преобразования на основании универсальных целей.

**Пути модернизации общества
и политической системы**

Обобщая условия модернизации различных стран и режимов, многие ученые настаивали на необходимости определенной последовательности преобразований, соблюдения известных правил при их осуществлении. Так, У. Мур и А. Экстайн полагали необходимым начинать реформирование с индустриализации общества; К. Гриффин — с реформ в сельском хозяйстве; М. Леви настаивал на интенсивной помощи развитых стран, С. Эйзенштадт — на развитии институтов, которые могли бы учитывать социальные перемены; У. Шрамм считал, что главная роль принадлежит политическим коммуникациям, транслирующим общие ценности; Б. Хиггинс видел главное звено модернизации в урбанизации поселений и т.д.

В более общем виде проблема выбора вариантов и путей модернизации решалась в теоретическом споре консерваторов и либералов. Так, теоретики же **консервативной** ориентации придерживаются иной точки зрения на процесс модернизации. По их мнению, главным источником модернизации является конфликт между мобилизованностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти, а следовательно, и неосуществимость их ожиданий от включения в политику способствуют деста-

билизации режима правления и его коррумпированности. Таким образом, из-за опережающего участия масс модернизация вызывает «не политическое развитие, а политический упадок»¹. Иначе говоря, в тех странах, где промышленный, индустриальный скачок не ложится на почву демократических традиций, на приверженность населения праву, идеи компромисса, любые попытки реформирования системы власти будут иметь негативные для общества последствия.

Если, полагают консерваторы, для экономики главным показателем реформирования является рост, то для политики — стабильность. Поэтому для модернизируемых государств необходим «крепкий» политический режим с легитимной правящей партией, способной сдерживать тенденцию к дестабилизации. Таким образом, в противоположность тем, кто, как К. Дейч, призывал укреплять интеграцию общества на основе культуры, образования, религии, философии, искусства, С. Хантингтон делает упор на организованности, порядке, авторитарных методах правления. Именно эти средства приспособления политического режима к изменяющейся обстановке предполагают компетентное политическое руководство, сильную государственную бюрократию, возможность поэтапной структурализации реформ, своевременность начала преобразований и другие необходимые средства и действия, ведущие к позитивным результатам модернизации.

Ученые консервативного направления указывали на возможность вариантов модернизации, ибо авторитарные режимы весьма неоднородны. Так, американский ученый Х. Линдз полагал, что, во-первых, авторитарные режимы могут осуществлять частичную либерализацию, связанную с определенным перераспределением власти в пользу оппозиции (т.е. устанавливая так называемый полусостязательный авторитаризм), чтобы избежать дополнительного социального перенапряжения, но сохранить ведущие рычаги управления в своих руках; во-вторых, авторитарные режимы могут пойти на широкую либерализацию в силу ценностных привязанностей правящих элит; в-третьих, режим правления может развиваться по пути «тупиковой либерализации», при которой жесткое правление сначала заменяется политикой «декомпрессии» (предполагающей диалог с оппозицией, способный втиснуть недовольство в законное русло), а затем выливается в репрессии против оппозиции и заканчивается установлением еще более жесткой диктатуры, чем прежде. В принципе не исключался и четвертый вариант эволюции авторитарного режима, связанный с рево-

¹ *Huntington S. P. Political Development and Political Decay//World Politics. 1965. Vol. 17. № 3. P. 12.*

люционным развитием событий или военной катастрофой и приводящий к непредсказуемым результатам.

Ученые **либерального** направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай) полагают, что появление среднего класса и рост образованного населения приводят к серьезным изменениям в природе и организации управления. Это не только кладет предел вмешательству идеологии в регулирование социальных процессов, но и ставит под сомнение эффективность централизованных форм реализации решений (поскольку политически активное население способствует возникновению дополнительных центров властного влияния). В целом же характер и динамика модернизации зависят от открытой конкуренции свободных элит и степени политической вовлеченности рядовых граждан. От соотношения этих форм, которые должны обязательно присутствовать в политической игре, и зависят варианты развития общества и системы власти в переходный период.

В принципе возможны четыре основных варианта развития событий:

— при приоритете конкуренции элит над участием рядовых граждан складываются наиболее оптимальные предпосылки для последовательной демократизации общества и осуществления реформ;

— в условиях возвышения роли конкуренции элит, но при низкой (и отрицательной) активности основной части населения складываются предпосылки установления авторитарных режимов правления и торможения преобразований;

— доминирование политического участия населения над соревнованием свободных элит (когда активность управляемых опережает профессиональную активность управляющих) способствует нарастанию охлократических тенденций, что может провоцировать ужесточение форм правления и замедление преобразований;

— одновременная минимизация соревновательности элит и политического участия масс ведет к хаосу, дезинтеграции социума и политической системы, что также может провоцировать приход третьей силы и установление диктатуры.

В русле этого подхода американский политолог Р. Даль выдвинул теорию *полиархии* (о которой уже говорилось в гл. 11). По его мнению, применительно к слаборазвитым странам полиархия обеспечивает открытое политическое соперничество лидеров и элит, высокую политическую активность населения, что и создает политические условия и предпосылки осуществления реформ. При этом полиархическая политическая система не всегда легко достижима для стран,двигающихся от «закрытой гегемонии» к системе,исключающей произвол элиты и дающей возможность гражданам контролировать деятельность власть предержащих.

Роберт Даль выделял семь условий, влияющих на движение стран к полиархии: последовательность в осуществлении политических реформ; установление сильной исполнительной власти для социально-экономических преобразований в обществе; достижение определенного уровня социально-экономического развития, позволяющего производить структурные преобразования в государстве; установление определенных отношений равенства—неравенства; субкультурное разнообразие; наличие интенсивной иностранной помощи (международного контроля); демократические убеждения политических активистов и лидеров.

По мнению этого американского ученого, переход к полиархии должен быть постепенным, эволюционным, избегающим резких, скачкообразных движений и предполагающим последовательное овладение правящими элитами консенсусной технологии властвования. Авторитаризм же, понимаемый им как неизбежное установление гегемонии лишь одной из сил, участвующих в политическом диалоге, может не только иметь отрицательные последствия но и негативно сказаться на достижении целей модернизации. Поэтому эффективность полиархического режима власти, нарастание его политической результативности зависят от обеспечения взаимной безопасности конкурирующих элит, установления сильной исполнительной власти и развития центров самоуправления на местах.

В целом идеи либерально ориентированных ученых более адекватно отобразили характер переходных трансформаций в последней трети XX столетия. И самым ярким подтверждением этому стала развернувшаяся (с 1974 г. — года установления демократического режима в Португалии) в мире так называемая **третья волна демократизации**.

Обобщая опыт этих преобразований, ученые разработали ряд теоретических моделей, описывающих процесс перехода к демократии. Так, Д. Растоу выделял, к примеру, его следующие фазы: «подготовительную» (характеризующую поляризацию интересов сторонников и противников демократии), «фазу принятия решений» (отображающую принятие правящими кругами демократических правил организации политической игры) и «фазу привыкания» (на которой происходит закрепление ценностей и институтов демократии в обществе). Причем в качестве необходимых предпосылок осуществления этих мер он выдвигает наличие в обществе национального единства и национальной идентичности.

А. Пшеровский, Г. О. Доннел, Ф. Шмиттер и другие ученые, предлагая собственные модели демократических переходов (транзитов), обращали внимание на несколько иные аспекты данного процесса. В частности, на особую роль соотношения политических

сил в этих странах, необходимость достижения согласия между прежней и реформистски настроенной элитами, характер усвоения населением демократических ценностей, темпы реформирования, необходимость обеспечения «консолидации демократии» (т.е. достижения необратимости этих трансформаций) и др. При этом практически все ученые сходятся в признании того факта, что на характер и даже цели демократических преобразований все большее влияние оказывают исторические и цивилизационные особенности политического развития этих стран и народов.

**Современное значение
теории модернизации**

Рассматривая теорию модернизации как специфическую логику политологического анализа, следует признать, что она помогает адекватно описывать сложные переходные процессы. Многочисленные исследования, формирующиеся в этом русле, подтверждают общую направленность развития мирового сообщества к индустриальной (постиндустриальной) фазе своей эволюции. Этот глобальный процесс развивается в тесной связи с расширением экономического сотрудничества и торговли между странами, распространением научных достижений и передовых технологий, постоянным совершенствованием коммуникаций, ростом образования, урбанизацией.

Считается общепризнанным, что модернизация носит альтернативный характер. Однако мировой опыт позволил уточнить тот некогда интуитивно формировавшийся образ «современного государства», чьи стандарты в организации экономики, политики, социальных отношений выражают необходимые цели переходных преобразований. К таким универсальным требованиям в сфере экономики следует отнести, например, товарно-денежные регуляторы производства, увеличение затрат на образование, рост роли науки в рационализации экономических отношений и т.д. В социальной сфере можно говорить о необходимости формирования открытой социальной структуры с неограниченной мобильностью населения. В области политики — это плюралистическая организация власти, соблюдение прав человека, рост политических коммуникаций, консенсусная технология реализации управленческих решений и пр.

Признание приоритета универсальных норм и требований модернизации, тем не менее, не является основанием для умозрительного навязывания некоей «обязательной» программы для всех развивающихся государств. Универсальные критерии «модерна» — это тот комплекс целей, ориентируясь на воплощение которых страны могут создать политические, экономические и прочие структуры, позволяющие им гибко реагировать на вызовы времени. Однако сред-

ства, темпы, характер осуществления данных преобразований целиком и полностью зависят от внутренних факторов, национальных и исторических способностей того или иного государства.

В этом смысле можно сказать, что главным противоречием модернизации является конфликт между ее универсальными целями (или нормами «мировой политической культуры» — Л. Пай) и традиционными, национальными ценностями и традициями развивающегося государства. Цели и ценности модернизации, проникая в сложившийся менталитет того или иного государства, порождают мощные социальные дисфункции, перенапряжение структур и механизмов управления. Поэтому правящие структуры, заинтересованные в реализации реформаторской политики, должны максимально снижать взрывную реакцию политического поведения граждан, искать способы встраивания социокультурной архаики в логику общественных преобразований. Только последовательность и постепенность использования национальных культурных стереотипов могут способствовать позитивному решению стоящих перед обществом проблем. Ни игнорирование прежних традиций, ни гоночный темп реформ психологически непосильны для человека традиционного общества. В противном случае протест «массы рассерженных индивидов» (Х. Арендт) — даже не возражающих против модернизации как таковой — может быть направлен против реформаторского режима и, как показал опыт ряда стран Восточной Европы и России, вызвать достаточно серьезную дестабилизацию в обществе, поставить под вопрос реализацию принципиально необходимых целей.

Не менее серьезное значение для процесса модернизации имеет и противоречие между дифференциацией ролей в политической системе, императивами равенства граждан (на участие в политике, перераспределение ресурсов) и возможностями власти к интеграции социума. В этом смысле, как свидетельствуют многочисленные исследования, правящие режимы должны акцентировать внимание на правовых способах решения конфликтов, соблюдении равенства всех граждан перед законом, решительно пресекать политический радикализм, противодействовать терроризму.

Важным выводом теории модернизации является положение о двух этапах этого переходного процесса — условно говоря, первичном, когда развитие осуществляется по преимуществу за счет внутренних ресурсов и источников, и вторичном, предполагающем более активное привлечение зарубежной помощи.

Модернизируемые страны, будучи смешанными обществами, т.е. сочетающими элементы традиционного и современного устройств, обладают мощными источниками как внутренних, так и

внешних конфликтов. Поэтому характер и интенсивность внешней помощи могут определяться не исчерпанием тех или иных внутренних ресурсов преобразований, а соображениями зарубежных партнеров о собственной безопасности.

Повышенная конфликтность социальных и политических процессов в условиях модернизации определяет весьма высокую вероятность немирных способов урегулирования общественных преобразований. Более того, как показывает опыт, после непродолжительных периодов либерализации нередко устанавливаются диктатуры левого или правого толка. Так, например, в России столыпинскую оттепель сменила диктатура большевиков; приход Муссолини завершил в Италии либеральную эру правления Джолитти; гитлеровский режим разрушил Веймарскую Республику; диктатор Франко пришел на смену либерально-демократическому правлению Примо де Риверы и т.д. Таким образом, в модернизируемых государствах не только проблематична институализация демократических норм и принципов власти, но и достаточно высока вероятность попятных политических процессов.

В целом для успешного реформирования модернизируемых государств необходимо достичь трех основных консенсусов (между правящими и оппозирующими политическими силами): по отношению к прошлому развитию общества (избежать «охоты на ведьм», стремиться к примирению побежденных и победителей, относительно затишью полемики по поводу переоценки прежних режимов правления); в установлении временных норм при обсуждении в условиях политической свободы целей общественного развития; в определении правил «политической игры» правящего режима². Достижение подобного рода социально-политических консенсусов зависит не только от искусства правящих и оппозиционных элит, их способности вести заинтересованный диалог и находить точки соприкосновения с оппонентами, но и от степени ценностной и идеологической дифференциации общества. Так, например, в России традиционный для общества ценностный раскол существенно затрудняет решение этих задач, постоянно провоцируя подрыв достигнутого гражданского согласия.

Если же удастся достичь этих трех компромиссов, то реорганизация политических структур и институтов (обновление функций органов управления, рост партий, укрепление самоуправления на местах и т.д.), обладает значительно большим социальным эффектом, растет способность власти мобилизовать на проведение реформ человеческие и материальные ресурсы, укрепляется стабильность ре-

² См.: «Три консенсуса» на пути к демократии//Полис. 1993. № 3. С. 189.

жима правления, шире используются правовые технологии подготовки и осуществления управленческих решений и т.д.

Раскрывая пути развития переходных систем, теория модернизации выделяет специфические кризисы, которые обуславливают исполнение политическими субъектами своих функций в отношениях власти.

§ 3. Кризисы политического развития

Кризис идентичности

Кризис идентичности наступает тогда, когда распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры, заставляет людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в обществе и своих связей с государством.

Необходимость поиска новой духовной связи с социальными и иными группами вынуждает людей пересматривать отношение к традициям, прошлому опыту, символам государственности, господствовавшей идеологии. Осознавая значимость сохранившихся или новых идей, человек определяет и свои возможности политического участия в изменившемся государстве, использования механизмов власти для защиты своих ценностей и интересов. Особо острые проблемы встают перед людьми в связи с пониманием ими своей общности с большими, макросоциальными, группами — классами, народами, государствами, которые претерпевают в этот период наиболее существенные изменения. Весьма ощутимо это сегодня в России, где народ — как полиэтническая и мультисоциальная общность — формируется не только в связи с появлением новых слоев, развивающихся на базе возникновения частного уклада, товарных отношений, но и на основе массовой миграции населения, вызванной изменениями в национально-государственном устройстве. В результате во многих районах изменяется соотношение местного и некоренного населения, возникают этнические диспропорции, усложняются конфессиональные и прочие связи.

Явно негативную окраску идентичность приобретает у граждан, усматривающих в новых формах социальной и политической жизни не дополнительные возможности для личного существования, а «обман» государством населения, невыполнение им своих обязательств, а то и «заговор» против «трудящихся». Осознание отсталости своей страны нередко стимулирует чувство социальной замкнутости, склонность к радикализму, усиливает недоверие к государству и демократическим ценностям. Эти разрушительные эмоции препятствуют развитию более рациональных взглядов на положение человека в обществе и на характер государства.

Наиболее простым способом обретения идентичности является чувство принадлежности к той или другой нации. В то же время национальное самосознание способно принимать в переходных условиях любые формы: от роста потребности в освоении культурных ценностей этноса до активного отрицания равных прав других наций в данном государстве. У маргинальных слоев такие чувства нередко окрашены резким этноцентризмом и шовинизмом, что провоцирует определенные политические силы на этнические чистки, террор и другие насильственные средства решения политических противоречий (как, например, в Боснии, Абхазии, Чечне).

Типичное средство разрешения кризиса идентичности — поиск харизматического лидера, способного взять на себя всю тяжесть морального выбора, снять с людей индивидуальную ответственность за их выбор политической позиции. В то же время правление харизматического лидера дает человеку определенное время для оценки ситуации, включения в новые связи с государством.

Снизить остроту кризиса идентичности могут открытый характер режима правления, развитие коммуникаций, системы образования, поощрение вертикальных и горизонтальных политических связей населения и другие методы, позволяющие устранить предубежденность людей в чужеродности демократических форм для данного общества.

**Кризис распределения
материальных и культурных
благ**

Объем и характер потребляемых благ — один из ключевых факторов, от которого зависит поддержка или отрицание населением реформ и осуществляемых их режимов. Далеко не всегда власти в переходный период способны обеспечить населению устойчивый рост материального благосостояния, причем в приемлемых для людей формах стимулирования и распределения. Поэтому переходные правительства часто сталкиваются с протестом населения, вызванным изменением стандартов и способов потребления, а также ростом социальных ожиданий граждан от предложенных новых методов хозяйствования, развития отношений с другими странами и т.д.

Властям приходится сталкиваться с позициями тех, кто: 1) положительно относится к прежним принципам социального контракта с государством (ненапряженный труд — стабильность социального существования), но считает привлекательными для себя новые стандарты потребления; 2) положительно оценивает прежние принципы распределения и отрицательно — новые; 3) отрицательно относится к ранее доминировавшим нормам и способам получения продукта и положительно воспринимает новые принципы получения материальных и культурных благ.

Носители разных социальных пристрастий сориентированы на различные модели взаимоотношений с государством. Первые выступают за централизованные пути распределения благ, социальную помощь государства и другие методы, по сути лишаящие смысла структурные экономические преобразования и сохраняющие разрыв между трудом и денежным эквивалентом. Сторонники второй точки зрения, испытывая симпатии к централизованному распределению благ, активно выступают против рыночных стратегий, мешая укоренению новых принципов. Представители третьей группы могут выступать за распределение материальных и духовных благ в зависимости от интенсивности индивидуального труда как основы добывания необходимых жизненных средств. Однако без определенных социальных корректив такая позиция может привести к массовому распространению бедности, оставить «за бортом» многие недостаточно жизнеспособные слои (пенсионеров, студентов). Сторонники быстрых, решительных изменений в этой сфере нередко переоценивают роль правящих элит, точнее, их способность повернуть «кран материального обеспечения» в любую сторону. Столь же поверхностны и иллюзорны их надежды на иностранную помощь, отодвигающую на неопределенное время перестройку отечественной инфраструктуры, их уверенность в возможности быстрого изменения стереотипов и предрассудков населения, касающихся социальных отношений с государством.

Правительства, таким образом, должны выработать стратегию, которая, с одной стороны, была бы сориентирована на структурные изменения в экономике, на преобразование принципов распределения материальных и культурных благ, а с другой — учитывала бы реальные возможности государства и населения перейти к нетрадиционным формам поддержания социальных взаимоотношений. Необходимыми элементами такой стратегии, как показал опыт, должны стать эффективная система налогообложения, способная поощрять отечественного производителя; формирование массовых структур переобучения работников; создание разнообразных компенсационных механизмов (например, адресная социальная помощь), обеспечивающих не столько сокращение разрыва в доходах, сколько сохранение стабильности социального статуса для определенных категорий населения; всемерное поощрение мелкого и среднего бизнеса и т.д.

Кризис участия

Кризис участия обусловлен ломкой привычных форм и механизмов вовлечения граждан в политику при увеличении числа стремящихся к участию в управлении и создании нового баланса политических сил.

В условиях модернизации интенсивно растут специализированные группы интересов, соревнующиеся за доступ к рычагам власти. Политическая система — путем формирования новых и совершенствования функций традиционных институтов власти, придания стабильности отношениям управляющих и управляемых и т.д. — должна уметь впитывать и интегрировать эти «заявки» на политическое участие. Но при этом строго пресекать все агрессивные формы артикулирования и агрегирования интересов. Агрегированность может сопровождать претензии на участие во власти как тех традиционных групп, которые достаточно быстро становятся социальными аутсайдерами, так и тех формирований, что отрицают любые цивилизованные формы достижения цели.

Чаще всего кризис участия усугубляется слабой развитостью системы представительства социальных интересов, несоответствием политических структур и институтов запросам и чаяниям населения (в результате чего политический протест может «обходить» предлагаемые государством каналы и механизмы учета мнений, порождая непредсказуемые последствия для органов управления), а также нерешительностью властей в пресечении деятельности политических радикалов и террористов. Препятствия для урегулирования данного типа отношений создают и нарастание сопротивления оппозиции, сепаратистские тенденции и национально-территориальные конфликты, бюрократизация элиты, попытки ее отдельных звеньев и образований перехватить несвойственные им функции в процессе принятия решений. Свою лепту в ужесточение кризиса участия вносят и индифферентизм населения, обесценивающий попытки властей преобразовать политические структуры, нежелание (и неумение) широких социальных слоев отбирать достойных и компетентных представителей своих интересов в органы управления.

Чтобы преодолеть кризис участия, правящий режим должен стараться не форсировать преобразования, вызывающие взрывные реакции больших групп населения, придерживаться принципов равенства политического участия различных групп населения и в то же время стараться не доводить социальные или идеологические разногласия граждан до политических форм их разрешения. Власти обязаны строго следовать предложенным ими правилам политической игры, создавать прецеденты правового выхода из ситуаций, связанных с их нарушением, всемерно поддерживать идеалы и ценности, способные интегрировать общество и государство.

Кризис «проникновения»

Кризис «проникновения» отражает противоречия, которые возникают при стремлении правящих сил (прежде всего высших органов государственной власти) реализовать свои решения во всех сферах общест-

венной жизни. В условиях модернизации соперничество групп за ресурсы власти, господство своих ценностей, властные полномочия приводит к появлению множества центров влияния, обладающих возможностью изменять в свою пользу содержание управленческих решений (законов, установлений) центральных властей. Например, местные элиты апеллируют к местным нормам, обычаям и интересам, что при распаде хозяйственных и иных связей позволяет им сохранить и усилить свое влияние. На изменение характера принятых решений могут претендовать не только местные правящие элиты, стремящиеся к дополнительным полномочиям и прерогативам при решении политических вопросов, но и оппозиция. Снижают эффективность политического регулирования также и разнородность позиций различных групп и слоев населения, отсутствие у граждан политического опыта, иррациональные черты массового сознания, влияющие на неадекватное восприятие решений центра.

В результате законы, постановления и иные нормативные распоряжения властей во многом теряют свою регулируемую способность, т.е. не проникают в достаточной мере в социальные и политические отношения. Понижение эффективности решений центральных властей снижает авторитет не только режима, но и исповедуемых им ценностей. Попытки исправить положение, любой ценой «продать» необходимые решения нередко заставляют режим перешагивать допустимые границы в политическом торге с оппонентами, толкают правящие круги к популизму, способствуют нарастанию коррупции, усиливают теневые механизмы власти.

Чтобы решения исполнялись, несмотря на сопротивление, правящие круги должны прежде всего формировать рациональную организацию власти. С одной стороны, к прерогативам центра следует относить только те вопросы, которые необходимо решать в масштабах всего государства (соблюдение равенства всех граждан перед законом, охрана границ, обеспечение стабильности валюты и т.д.), способствуя тем самым активному перераспределению полномочий между центром и местами, возлагая на территориальные органы управления ответственность за принятие конкретных решений по вопросам реформ в их регионах. С другой стороны, такая реорганизация власти должна сохранять вертикальную ответственность нижестоящих органов управления, препятствовать их атомизации и обеспечивать надежные формы контроля за деятельностью всех структур, задействованных в принятии и осуществлении решений. Таким образом можно будет не только сохранить необходимую обществу централизацию управления, но и решить более общую задачу — обеспечение зависимости государства от гражданского общества.

Кризис легитимности возникает в результате рассогласования целей и ценностей правящего режима с представлениями основной части граждан о необходимых формах и средствах политического регулирования, нормах справедливого правления и с другими ценностями массового сознания. Соответствие целей режима и массовых представлений способствует поддержке и росту легитимности правящих структур, а несоответствие — падению легитимности и дестабилизации государственности.

Достижение необходимой степени поддержки массами правящих структур, соответствующего консенсуса между элитой и неэлитой заставляет их вступать в различного рода переговоры, торги, взаимостимулировать поведение друг друга. Нередко степень поддержки властей населением даже не зависит от эффективности управления и применения власти (например, в ряде африканских государств население отказывало в поддержке эффективно действующим властям только по причине их колониального происхождения). Иными словами, режимы могут быть неэффективными, но легитимными, и наоборот.

Тем не менее при прочих равных условиях эффективность экономических или социальных реформ, правовых или политических преобразований служит наиболее серьезной основой для обеспечения поддержки режима правления со стороны населения. Но достигнуть эффективного функционирования экономики в условиях ее структурного реформирования крайне сложно, если вообще возможно. В любом случае для этого требуется время, которого переходные правительства чаще всего не имеют. Поэтому нередко вместо позитивного социально-экономического и политического строительства правящие режимы выбирают иные методы обеспечения массовой поддержки, способные даже привлечь на их сторону политических оппонентов, консервативные круги общества. Речь идет о попытках интеграции общества под флагом противоборства с внешним (или внутренним) противником, стимулирования патриотических чувств и даже гражданского самопожертвования. Однако такие методы обеспечения легитимности режима, как правило, не носят долговременного характера.

В целом наиболее продуктивными средствами обеспечения легитимности правящего режима является способность элиты обеспечивать постепенное реформирование общества, достигать консенсуса и соглашения с политическими противниками (что означает согласие меньшинства в той или иной степени присоединиться к выполнению принимаемых большинством решений), образовывать разнообразные политические коалиции, согласительные ко-

митеты и пр. для поддержания гарантий гражданского мира, формировать позитивный образ своих лидеров в глазах населения. Наиболее благоприятные последствия от ведения такой политики наступают при доминировании в обществе толерантности, доброжелательности, ассоциативном перенесении авторитета лидеров на структуры и институты правящего режима.

Глава 23

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

§ 1. Понятие международной политики и основные вехи развития ее теории

**Система категорий,
отражающих
международную политику**

В ходе истории все большее влияние на жизнь отдельных граждан и государств в целом оказывает международная политика. Это связано прежде все-

го с усилением взаимозависимости стран и народов, расширением экономического, научно-технического, политического и иного сотрудничества между ними, развитием межличностных контактов, созданием мощных, не знающих национальных границ СМИ и глобальных, общемировых информационных систем.

В современном мире различные уровни политики: макро-, микро- и мегауровни — тесно взаимосвязаны и оказывают друг на друга большое влияние. Первый из них характеризует политические отношения внутри государств как обладающих границами и суверенитетом социальных систем, второй — внутри отдельных организаций — участников политической жизни: партий, профсоюзов, государственных учреждений и т.п., третий — отношения между государствами и другими субъектами международной политики. Макро- и микроуровни политики называют **«внутренней политикой»**.

Политику, выходящую за пределы национальных государств, характеризует ряд категорий: «внешняя политика», «международная (интернациональная) политика», «межгосударственная политика», «наднациональная (супранациональная) политика», «мультинациональная политика», «транснациональная политика», «трансправительственная политика». Что же они означают и как соотносятся?

В обыденном языке, а порою и в научных публикациях между названными понятиями часто не проводят четких различий, употребляют некоторые из них как синонимы. В то же время они имеют

свое специфическое содержание. Наиболее общее из всех выше-названных категорий — **«международная (интернациональная) политика»**. «Международная политика включает все отношения и целенаправленные действия, которые формируются или осуществляются акторами, представляющими политические системы различных стран. Кроме того, международная политика охватывает деятельность всех международных организаций (например, ООН) или надгосударственных объединений (например, ЕС)¹. Она — важнейшая часть **международных отношений**. Эти отношения не ограничиваются интернациональной политикой и включают также имеющие политическую значимость экономические, правовые, культурные и другие отношения, выходящие за рамки отдельных стран. В условиях существования национальных государств как главных субъектов международной политики и права все другие интернациональные отношения регулируются государственными институтами и в большей или меньшей степени политизируются. Поэтому международная политика в широком смысле слова часто отождествляется с международными отношениями.

Категория **«межгосударственная политика»** отражает систему отношений между государствами, их органами, службами и представителями (президент, правительство, парламент, министерство иностранных дел и т.п.), а также организации, представляющие Мировое Сообщество.

«Наднациональная (супранациональная) политика» — сравнительно новое в политическом лексиконе понятие, еще не получившее широкого распространения в российской политологии. Оно обозначает сферу политики, образовавшуюся в результате передачи отдельными государствами части своих суверенных прав наднациональным органам, которые принимают в этой области обязательные для всех членов объединения решения. Супранациональная политика осуществляется наднациональными институтами. Она — следствие политической интеграции, наиболее ярко проявившейся в странах, входящих в Европейский Союз, которые, сохраняя собственную государственность, подчиняются по большому количеству вопросов наднациональным политическим органам — Европарламенту и правительству ЕС.

Мультинациональная политика — это влияющая на международные отношения совместная деятельность объединений политических субъектов из нескольких или многих государств, напри-

¹ Politikwissenschaft: eine Einführung/Mols, M. (Hrsg.) — 2., erw. Aufl. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1996. S. 144–145.

мер общая политика Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организации Африканского Единства (ОАЕ). Субъекты мультинациональной политики — не наднациональные органы, а действующие согласованно национальные государства, стремящиеся реализовать с ее помощью свои общие интересы.

Транснациональная политика — сфера международной деятельности негосударственных акторов или субъектов: партий, профсоюзов, международных неправительственных организаций («Социалистический Интернационал», «Гуманистический Интернационал», «Гринпис», «Международная амнистия», международные церковные организации и т.п.), а также транснациональных корпораций, которые обычно не только пытаются реализовать свои экономические цели, но и стремятся оказывать влияние на государственную политику.

Внешняя политика характеризует деятельность или, гораздо реже, сознательную бездеятельность (например, в случае неучастия в международных санкциях) государства по отношению к другим странам.

Различные области международной политики и специфику их субъектов поясняет следующая таблица².

Субъекты, действующие на международной арене, находятся в сложном взаимодействии и образуют **систему международной политики**. Ее ядро составляют отношения между государствами — главными носителями власти и суверенитета.

Основные вехи в развитии теории международной политики

Международная политика, ее различные стороны, аспекты являются предметом изучения соответствующей «частичной» (т.е. входящей в политологию как ее составная часть) науки — **теории международной политики**.

Последняя составляет главное содержание **теории международных отношений** (из-за содержательной близости эти отрасли знаний нередко отождествляются). Развитие теории международной политики непосредственно зависело от состояния предмета ее изучения, а также от арсенала познавательных средств, которыми обладала общественная наука. Незрелой системе международной политики соответствовали и упрощенные, фрагментарные представления о ней.

Международная политика как сложная система межгосударственных и иных связей и взаимодействий сложилась постепенно, на протяжении многих веков. Зачатки международных отношений

² См.: Nohlen D. (Hrsg.). Wörterbuch Staat und Politik. München 1991. S. 292.

Понятия, характеризующие международную политику

Название сферы	Актеры	Примеры
Международная политика в широком смысле, международные отношения	Все субъекты международных отношений (они указаны ниже)	Любые взаимодействия, в которых участвуют представители двух или более государств
Межгосударственная политика (международная политика в узком значении)	Любые государства и их органы в их взаимозависимости, организации, представляющие Мировое Содружество	Отношения между РФ и США, ФРГ, Японией и т.п., деятельность ООН, Совета Безопасности
Наднациональная (супранациональная) политика	Органы, представляющие объединения государств, передавших часть своих суверенных прав	Политика органов ЕС, Союза России и Белоруссии и т.п.
Мультинациональная политика	Объединения ряда государств и представляющих их организаций для решения определенных вопросов, сохраняющих суверенные права при принятии решений	СНГ, Контадорская группа, Организация Американских государств, ОБСЕ
Транснациональная политика	Международные неправительственные организации, объединения партий, групп интересов, церковных организаций, транснациональные концерны, воздействующие на международные отношения	«Гринпис», Социнтерн, Всемирная конфедерация труда, Международный Совет Церквей, транснациональная корпорация ИБМ (IBM)
Внешняя политика	Отдельные государства, правительства и парламенты, их органы	РФ, правительство, Министерство иностранных дел, Комитет по международным связям Федерального собрания

возникли еще в родоплеменном обществе. Их главным содержанием были взаимоотношения между племенами по поводу войны и мира. Однако современную, хотя еще и не развитую форму международная политика приобрела в результате складывания этносов и появления государств и государственных территориальных границ. Действия государства за пределами своих границ получили назва-

ние внешней политики. Из внешнеполитических действий складывалась международная политика.

В древности главными проявлениями международной политики были предотвращение нападений извне, расширение влияния одних государств на другие, поглощение сильными слабыми, заключение союзов против общих врагов, создание благоприятных условий для торговли. Война рассматривалась как естественное состояние международных отношений, ось, вокруг которой вращается политика. «Страсть к завоеваниям, — писал Н. Макиавелли, — дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобряют или же никто не осудит...»³.

По мере развития международной политики, повышения ее значимости активизировались попытки ее теоретического осмысления. Одним из первых попытался понять природу международной политики, ее антропологические мотивы автор «Истории Пелопонесской войны» древнегреческий историк Фукидид (ок. 460 — ок. 400 до н.э.). Он выдвинул идею циклического повторения исторических явлений и в том числе международных конфликтов, что вызвано неизменностью человеческой природы, в основе которой лежат стремление к господству и жажда власти, а также еще более сильно выраженное стремление к свободе.

Многих мыслителей древности занимали вопросы о соотношении насильственной внешней политики и морали, нравственной оценки войн. Так, Цицерон (106—43 до н.э.) пытался обосновать возможность «справедливой и благочестивой войны», которая являлась таковой в том случае, если велась для отмщения за причиненное зло или же для изгнания вторгшегося в страну врага. Идея о справедливых войнах получила развитие у ряда более поздних мыслителей. Так, Аврелий Августин Гиппомский (354—430) добавил к условиям нравственной войны «справедливость намерений» ведущего войну. Фома Аквинский (1225—1274) считал, что, помимо вышеназванных условий, справедливая война должна быть санкционирована государственной властью. Гуго Гроций (1583—1645) в своей основной книге «О праве войны и мира» пытался обосновать принципы сохранения мира и ведения справедливых войн. Он считал, что человек в отличие от животных по своей природе стремится к мирному общению, организованному на принципах разума. Война есть проявление разрозненного состояния людей, преодоление которого (через воздержание от посягательств на чужую собственность, соблюдение договоров и наказание за преступления) ведет к складыванию права человеческого, устанавливающе-

³ Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 307.

го справедливость в международной политике. Эти идеи легли в основу более поздних теорий международного права.

Целый ряд интересных мыслей об эффективной политике, в том числе международной, высказал Н. Макиавелли (1469—1527). В трактате «Государь» (1532) он, в частности, дает политическим лидерам такие советы:

— «В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой».

— «...Лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя, если к этому не побуждает необходимость...»⁴.

Этому же мыслителю принадлежит и столь часто используемая на практике мысль о целесообразности «создания врагов», победа над которыми гарантирована.

Значительное влияние на теорию международной политики оказали идеи Томаса Гоббса (1588—1679) о догосударственном состоянии человечества как «войны всех против всех», о возникновении государства из потребности людей в установлении и обеспечении мира и др. Эти идеи были использованы, в частности, в концепции «баланса сил».

Заметный вклад в осмысление проблем войны и мира внес трактат «О вечном мире» И. Канта (1724—1804), а также теоретическая и практическая деятельность ряда других мыслителей и политиков. Широкое признание в последующей теории международной политики получило определение войны прусским генералом и военным теоретиком Карлом фон Клаузевицем (1780—1831): «война есть продолжение политики другими средствами».

Великие географические открытия, а также развитие капитализма в Европе способствовали расширению экономических, торговых и иных связей между государствами, глобальному распространению и интенсификации международной политики.

В XIX в. свыше половины территории Земли (не учитывая Антарктиду) оказалось поделенной между тремя крупнейшими империями: четверть поверхности планеты контролировала Британская, одну шестую Российская и одну десятую Французская империи. После наполеоновских войн пять европейских монархий (Россия, Англия, Франция, Австрия и Пруссия,) попытались создать регулируемую систему европейской политики, поддерживающую на основе приблизительного баланса сил политический ста-

⁴ Там же. С. 309—310, 376.

тус-кво в Европе. Эта система получила название «европейский концерт». Она предусматривала совместное давление на державу, усиливающую свое влияние, требование от нее «компенсирующих уступок». Попытка совместного регулирования международных отношений оказалась успешной — на континенте целый век — с 1815 по 1914 г. не было общеевропейских войн.

И все же первая мировая война показала иллюзорность надежд на исключение войн из жизни Европы. Послевоенное стремление государств не допустить в будущем разрушительных конфликтов и рационально регулировать международную политику дали мощный импульс развитию теории международных отношений, ее сближению с реальной политикой. После заключения Версальского договора (1918 г.) в ряде стран для исследования причин войн и поддержки усилий по упрочению мира были созданы специальные научные институты. В 1919 г. государства-победители (США⁵, Англия, Франция, Италия, Япония) основали международную организацию — Лигу Наций. Согласно уставу, ее задачей было развитие сотрудничества между народами, обеспечение мира и безопасности. Главным инициатором создания этой международной организации выступил президент США Вудро Вильсон, ранее профессор Принстонского университета. Его теоретические идеи (в форме «14 пунктов») легли также в основу послевоенного международного устройства.

Лига Наций — первая международная организация, созданная при прямом участии политической науки. Ее образование, а также создание ряда научных институтов, исследующих международные отношения, явились знаменательной вехой на пути выделения теории международной политики как специфического направления научных исследований и относительно самостоятельной политической дисциплины.

§ 2. Основные школы в теории международной политики

Идеалистическая школа

Деятельность Лиги Наций и связанных с нею научных институтов базировалась на идеалистическом подходе к международным отношениям, представителей которого в политической науке называют **идеали-**

⁵ Несмотря на ведущую роль В. Вильсона в создании Лиги Наций, сенат США, посчитав чрезмерными уступки Англии и Франции при заключении Версальского мира, не стал ратифицировать соответствующий договор и США не вошли в Лигу Наций. СССР вступил в нее в 1934 г., в 1939 г. был исключен из-за начала войны с Финляндией.

стической школой. Одним из основоположников этой школы в теории и политике был В. Вильсон. Идеалистический подход отличается более отчетливо по сравнению с другими подходами выраженная этическая позиция. Он исходит из позитивной картины человека как существа разумного, способного к нравственному совершенствованию и социальному прогрессу. Ради общего блага государства должны отказаться от господствовавшей на протяжении многих веком политики силы и стремления к доминированию. Им следует развивать нравственные начала в международной политике и добровольно подчинить свои действия общим для всех правилам, международному праву.

«Идеалисты» стремились создать гармоничную, лишенную военных конфликтов модель международных отношений. Путь к этому — расширение и институционализация международного сотрудничества. Институционализация означает упорядочивание и регулирование взаимоотношений между народами с помощью международных организаций, правил, норм, международного арбитража.

Политику тайной дипломатии необходимо заменить постоянным сотрудничеством политиков в международных организациях, открытым обсуждением спорных проблем на переговорах и конференциях с участием широкой международной общественности.

Свое развитие и модификацию идеалистический подход получил в **интеграционной теории**, представленной в двух основных направлениях: **федерализме** и **функционализме**. Оба этих направления исследовали международные отношения в целях сохранения мира и повышения благосостояния народов. Они исходили из того, что реализовать эти цели можно на пути интеграции народов, их объединения в более крупные, чем национальные государства, сообщества. Однако в вопросе о средствах международной интеграции федералисты и функционалисты радикально расходились. Первые, федералисты, считали, что достичь интеграционные цели можно посредством политических решений правительств об объединении, вторые же, функционалисты, видели в правительствах скорее тормоз, чем инструмент объединения и рассматривали международную интеграцию как процесс поэтапного развития неполитических, прежде всего экономических, научно-технических и культурных связей между гражданами и неправительственными организациями различных государств. Позднее оба этих направления показали свою односторонность и были синтезированы в **неофункционализме**⁶ и некоторых других теориях.

⁶ См.: *Zimmerling R. Externe Einflüsse auf die Integration von Staaten. Zur politikwissenschaftlichen Theorie regionaler Zusammenschlüsse.* Freiburg, München, 1991.

Идеалистическая школа оказала большое влияние на международное сотрудничество. Наиболее сильно ее воздействие на политику проявилось в создании в 1945 г. Организации Объединенных Наций (ООН). В отличие от Лиги Наций ООН получила полномочия по контролю за соблюдением международного права и обеспечением его реализации. Такого рода функции уполномочен осуществлять Совет Безопасности ООН, состоящий из 15 членов, 5 из которых — постоянные члены: США, Россия (ранее — СССР), Великобритания, Китай и Франция имеют право вето на принимаемые решения.

Идеалистический подход проявился также в создании организаций, устанавливающих **международные режимы**. Международный режим — это система принципов, норм и правил поведения частных лиц и организаций, а также процедур принятия общих решений в различных областях интернационального сотрудничества: экономике, торговле, использовании радиочастот, воздушного и космического пространства и т.д. Помимо интернациональных, общемировых, в различных частях света возникли региональные организации, в значительной степени регулирующие соответствующие сферы международных отношений. Это, например, Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Американского Единства (ОАЕ), Европейский Союз и т.д. Создание наднациональных организаций, наделенных правом принимать обязательные для их членов решения, существенно изменяет характер международной политики. В тех случаях, когда международные организации демократически организованы и свободны от диктата мировых или региональных сверхдержав, их деятельность укрепляет шансы на сохранение мира и решение целого ряда глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Однако это происходит далеко не всегда. В мировой политике, в том числе и современной, установки идеалистической школы на обуздание национального эгоизма, создание мира, основанного на равноправном сотрудничестве и принципах морали, очень часто ставятся под сомнение сторонниками **школы политического реализма**.

Реалистическая школа

Идейные истоки школы политического реализма коренятся в воззрениях мыслителей прошлого: Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Л. фон Ранке (немецкий историк XIX в.), А. Тойнби (английского историка XX в.), а также теоретиков геополитики. Непосредственным идейным вдохновителем этой школы выступил протестантский теолог Р. Нибур. Ее современные представители — Дж. Кеннан, У. Липпман,

Р. Арон, Дж. Фрэнкель, З. Бжезинский, У. Ростоу, Г. Киссинджер, К. Томпсон, С. Хантингтон и др.

Школа политического реализма в основном сформировалась во второй половине 40-х гг. в США под воздействием импульсов «холодной войны». Она длительное время господствовала в научных кругах, непосредственно влияющих на американскую внешнюю политику.

Всех реалистов объединяет понимание человека как существа несовершенного, движимого эгоистическими интересами, проявляющимися в непрерывной борьбе за существование. Еще Гоббс уподоблял человека волку и считал, что естественному состоянию людей соответствует борьба всех против всех, сдержать которую, обеспечить порядок и безопасность в обществе может лишь государство — Левиафан. Нибур также считал человека неспособным к последовательно альтруистической позиции и склонным к злоупотреблению властью. В 30-е годы XX в. он остро критиковал «идеалистов» за игнорирование первостепенной роли «национального интереса» в международных отношениях, исходя при этом из принципа несовместимости политики и морали. Идеи Нибура и других предвестников реалистов развил применительно к послевоенному устройству мира американский политолог Ганс Моргентау. Он создал из отдельных идей политического реализма целостную теорию и поэтому заслуженно считается главным представителем этого направления общественной мысли.

Согласно Моргентау, единственными важными акторами международной политики являются национальные государства. «Международная политика, как и любая политика, есть борьба за власть. Власть же означает господство одного человека над другим», неважно в каких формах это господство осуществляется⁷.

С помощью внешней политики одни государства стремятся добиться власти над другими, расширить и укрепить свое доминирующее положение, обеспечить себе превосходство. Ограничить властное устремление одного актора международной политики можно лишь с помощью силового противодействия ее другого субъекта. Мир и стабильность обеспечиваются через равновесие или баланс сил. При этом мир понимается как отсутствие войны, а сила, по выражению Л. Халле, — как «способность добиваться желаемых результатов любыми средствами — красноречием, убедительной аргументацией, шантажом, торговлей, угрозой или принудительными действиями, а также умением вызвать жалость,

⁷ *Morgenthau H. J. Macht und Frieden. Grundlegung einer Theorie der internationalen Politik. Gütersloh 1963. S. 69, 54.*

раздражение или неловкость»⁸. Чтобы быть успешными, переговоры и дипломатия в целом должны опираться на военную мощь.

Баланс сил формируется в результате создания блоков и союзов во главе с наиболее мощными державами. Он служит самой надежной гарантией мира. Нарушения силового равновесия влечет за собой войны или же активизирует подготовку к ним. Вследствие этого достижение и поддержание баланса сил — важная цель международной политики. Однако длительный прочный мир в принципе невозможен в силу конфликтности человека по своей природе, его эгоизма.

Моргентау не противопоставляет политику морали, однако по существу не оставляет ей места в своей концепции, поскольку исходит из того, что политические действия определяются несовершенной природой человека. Требования морали отражаются в политике в основном лишь тогда, когда достигается равновесие сил. В целом же «моральные принципы никогда не могут быть полностью реализованы и должны в любом случае приблизительно соответствовать друг другу через неизменно временный баланс интересов и всегда непрочное урегулирование конфликтов»⁹.

Из-за своей простоты — мировая политика объясняется посредством борьбы за власть, достижения баланса сил или его нарушения — и соответствия позиции США в период холодной войны теория международной политики Моргентау получила широкое распространение и была взята на вооружение главными разработчиками американской внешней политики, а также известными учеными из числа политических советников и консультантов. Одна из признанных заслуг реалистической школы — широкое исследование с помощью сравнительного анализа мировых событий с целью их типологизации, разработки общих правил и оптимальных образцов действий в области международной политики.

В то же время теория Моргентау имеет и ряд слабостей. К числу ее главных недостатков обычно относят чрезмерную упрощенность, одномерность в объяснении сложной системы международных отношений (почти все объясняется стремлением к власти); неучет влияния на международную политику экономических акторов и многочисленных неправительственных организаций, преувеличение значения власти в детерминации политики. По мнению большинства политологов, власть не столько самоцель, сколько средство реализации государственных интересов.

⁸ Цит. по: Пономарева И. Б. Стремление к власти над народами: Теория и практика американской политики «баланса сил». М., 1983. С. 15.

⁹ Morgenthau H. Politics Among Nations. N.-Y., 1960. P. 4.

Слабости теории Моргентау пытались преодолеть более поздние представители школы политического реализма — **неореалисты** (С. Д. Краснер, Р. Гильпин и др.). Они стремились осмыслить новые политические реалии, возникшие в 80-е годы в связи с завершением периода разрядки в международных отношениях после ввода советских войск в Афганистан и прихода к власти в США президента Р. Рейгана, публично объявившего СССР «империей зла».

В отличие от классических реалистов, объясняющих международную политику главным образом стремлением к власти, неореалисты учитывают влияние на нее экономических акторов как носителей национальных интересов государства. Они вводят в проблематику международных конфликтов вопрос о распределении экономических ресурсов, борьба за которые, а не только за власть, также движет мировую политику. Международные отношения формируются под влиянием конкурентной борьбы, в которой одни государства стремятся улучшить свои экономические и иные позиции за счет других. При этом в отличие от идеалистов и транснационалистов, считающих, что от международного сотрудничества могут выиграть все его участники, они трактуют такое взаимодействие как игру с нулевой суммой (т.е. когда выигрыш одного участника означает такой же проигрыш другого).

Хотя неореалисты исходили из общих постулатов школы политического реализма о балансе сил и стабильности как условиях мира, многих из них занимал в первую очередь вопрос о сохранении и улучшении позиций США в мировой системе. Эгоистическую прагматическую установку неореализма четко выразил Р. Мейерс: «в любом случае успешная реализация собственных интересов оказывается масштабом практических политических действий»¹⁰. На практике это означает, что в международной политике допускаются любые действия, если они выгодны. Такая установка во многом объясняет политику двойных стандартов и нарушения США и их союзниками по НАТО международного права, когда это им представляется выгодным, например в случае развязывания войны против Югославии в 1999 г.

Неореалисты разработали концепцию национальных интересов, ядро которых составляют постоянные интересы: национальная безопасность (защита от внешней опасности), экономические интересы (развитие связей с партнерами, наращивание экспортного

¹⁰ *Meyers R. Grundbegriffe, Strukturen und theoretische Perspektiven der Internationalen Beziehungen//Bundeszentrale für Politische Bildung (Hrsg.): Grundwissen Politik. Bonn 1991. S.245.*

потенциала и заграничных инвестиций, защита внутреннего рынка) и интересы поддержания мирового порядка. Кроме того, национальные интересы включают и относительно второстепенные, текущие интересы.

Защищаемая реалистической школой и в общем-то не новая концепция баланса сил и сегодня играет важную роль в теории международных отношений и в определении практической политики в области государственной безопасности. Необходимостью обеспечения этого баланса часто объясняется стремление государств к наращиванию вооружений. Как показала новейшая история, нарушение военно-стратегического равновесия после распада СССР и роспуска военного блока стран Варшавского Договора действительно усилило нестабильность в мире и активизировало гегемонистские устремления внешней политики США.

**Марксистский подход
к международной политике**

С момента своего возникновения теории «реалистов» постоянно подвергались критике с стороны «идеалистов», марксистов, а позднее — сторонников концепции взаимозависимости и некоторых других теорий. Школу политического реализма обвиняют не только в упрощенности, одномерности, чрезмерной политической ангажированности, но и в расплывчатости, недостаточной конкретности ее ключевых понятий, таких, например, как «баланс сил», «безопасность» и др., в невозможности использовать количественные методы исследований, в ограниченности прогностических способностей и т.д.

Марксисты характеризовали «реалистов» как адептов агрессивной внешней политики США (поскольку последние исходят из неизбежности международных конфликтов и борьбы за господство в мире), оправдывающих политику военного противостояния двух блоков и сдерживания освободительной борьбы народов (упование на силу и стремление к сохранению баланса сил).

Марксистская концепция объясняет международную политику классовыми интересами. Она утверждает, что антагонизм классов внутри наций и государств порождает антагонизм в отношениях между ними. Основанный на непримиримых классовых противоречиях капиталистический строй после вступления в свою последнюю, империалистическую стадию отличается особой агрессивностью и стремлением ведущих держав к переделу сфер влияния и к мировому господству. С появлением социалистических государств определяющее влияние на международную политику оказывает борьба двух противоположных систем: социалистической и капиталистической, которая завершится победой социализма и ком-

мунизма в мировом масштабе и постепенным «слиянием наций».

Марксистский подход к международным отношениям отразил реальную зависимость внешней политики от политики внутренней, от гуманности внутригосударственного устройства и политической культуры, от уровня благосостояния граждан и социальной справедливости. Мировой опыт показывает, что демократические государства с низким уровнем социального неравенства и конфликтности, высоким политическим участием граждан проводят миролюбивую внешнюю политику, открыты к равноправному международному сотрудничеству. Однако в целом марксистская концепция международной политики оказалась несостоятельной, о чем свидетельствует крах командно-административного социализма в СССР, государствах Восточной Европы и Монголии, острые, в том числе и военные, конфликты между социалистическими странами. В современном мире непосредственное влияние марксизма на политическую науку невелико.

**Транснационалистская
(глобалистская) школа**

В мировой политической мысли последних десятилетий широкую известность и влияние приобрела **транснационалистская школа** (Й. С. Най, Р. О. Кохане, Е. Л. Морзе и др.). Ее нередко называют **глобалистской**, или же школой **взаимозависимости**. Она вышла на авансцену политической мысли в 70–80 годы, а ее научная аргументация широко используется и сегодня, особенно так называемыми «глобалистами».

Транснационалистская школа претендует на более высокий по сравнению с идеалистами и реалистами уровень научной доказательности своих выводов. Она опирается на так называемое **модернистское течение** в исследовании международных отношений, представители которого — К. Райт, К. Дойч, М. Каплан, Ш. Макклелланд, Р. Розекранц, Дж. Най и др. Модернисты использовали основополагающие идеи бихевиоризма, системного анализа, структурного функционализма и некоторых других научных направлений. Они заявили о намерении осмыслить связанные с НТР новые международные явления и процессы с помощью строго научных эмпирико-аналитических, а также кибернетических методов и создать на этой основе эмпирически верифицированные модели международных отношений, которые можно анализировать с помощью компьютеров.

Некоторые из таких моделей были разработаны учеными, близкими к Римскому Клубу. Несмотря на ограниченность своих возможностей в познании и предсказании мировых событий, они своевременно обратили внимание общественности и правительств на

такие глобальные угрозы для человека, как истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, губительные последствия мировой термоядерной войны и др.

К. Дойч и В.Д. Эбервайн создали многомерную «модель-глобус», которая на основе сопоставления обширных данных о 25 государствах позволяла проигрывать различные сценарии отношений между ними и учитывать последствия каждого возможного варианта событий.

Сами модернисты не смогли создать какой-либо общей содержательной теории международных отношений. Однако они побудили представителей транснационалистской школы к использованию более строгих научных методов для развития теории международной политики.

Идейное кредо транснациональной школы достаточно полно представлено в **теории взаимозависимости**. Последняя отразила процесс возрастания количества субъектов международной политики, расширения международного сотрудничества и усложнения системы взаимосвязей между народами. В 60-е годы в основном завершился процесс деколонизации, в результате которой на мировую арену вступили десятки новых государств. Многие из них активно включились в международную политику, в том числе в рамках влиятельного международного объединения — Группы неприсоединившихся стран.

Период возникновения концепции взаимозависимости ознаменовался также разрядкой международной напряженности, созданием многочисленных неправительственных организаций (сегодня в мире их насчитывается свыше 10 000), в том числе влиятельных транснациональных корпораций, углублением международного разделения труда, развитием хозяйственной кооперации и интеграции, особенно в рамках крупных регионов: Европы, Америки и т.д. В международную жизнь активно включились партии, профсоюзы, защитники окружающей среды и прав человека, церковь и другие организации.

Согласно теории взаимозависимости, все эти политические акторы в большей или меньшей степени влияют на международную политику. Различные страны заинтересованы не только в экономическом сотрудничестве, но в объединении усилий для решения общих, глобальных проблем, например охраны окружающей среды. В результате расширения разностороннего международного сотрудничества почти любая отдельная страна в большей или меньшей степени зависит от ее отношений с другими государствами и от международной системы в целом.

Транснационалистская школа не только констатировала эти перемены, но и выдвинула на основе их анализа ряд новых идей. Эта школа продолжила традицию «идеалистов», выступающих за сближение государств и создание наднациональных органов, гарантирующих сохранение мира и рост благосостояния народов. Однако транснационалисты в обосновании этой идеи исходили не из нормативных, ценностных соображений, а из реальных фактов и интересов народов.

Они утверждают, что национальные государства постепенно утрачивают свою роль главных субъектов международной политики и свой суверенитет в пользу международных организаций. Структура международной системы (многополярность, биполярность или гегемония одной сверхдержавы) определяет главные направления международной политики, линии поведения отдельных государств. В силу растущей взаимозависимости различных стран разграничение внутренней и внешней политики государств становится все более относительным: не только внешняя политика зависит от внутренней, но и внутренняя от внешней, причем во все большей мере. Многосторонняя зависимость государств делает невыгодным силовое разрешение конфликтов, в то время как международная кооперация, активизируемая в том числе с помощью международных режимов торгового, валютного и другого сотрудничества, создает возможности выигрыша для всех ее участников.

Научные разработки транснационалистской школы, равно как и идеалистического и реалистического направлений, концентрируются прежде всего на определенных вопросах, традиционно волнующих человечество.

§ 3. Центральные проблемы теории мировой политики

Безопасность, конфликт, война

Теория международной политики развивается в тесной связи с реальными интересами государств и народов, помогает правильному осмыслению международных отношений и выработке стратегий и решений, обеспечивающих практический успех. На протяжении многих веков главным объектом изучения этой отрасли знаний была проблема обеспечения внешней **безопасности государства**, а также тесно связанные с ней вопросы **войны и мира, международных конфликтов и сотрудничества**. Известно, что в условиях угрозы нападения человек чувствует беспокойство, психологический и иной дискомфорт. Поэтому стремление

обеспечить безопасность являлось главным двигателем теории международной политики на протяжении всей мировой истории.

Международная политика отличается от политики внутренней прежде всего тем, что в ней нет обладающей достаточной силой единой верховной инстанции, которая гарантировала бы ее акторам мир и порядок. Хотя Совет Безопасности ООН обладает правом использовать силу против государств-агрессоров или в случае массового нарушения прав человека, отдельные страны, особенно обладающие правом вето, могут блокировать принятие таких решений или же вообще не выполнять их.

Внутри государства каждого человека от физического насилия и других противоправных действий со стороны окружающих защищает закон, опирающийся на мощь соответствующих учреждений. На мировой арене хотя и существуют различного рода договора, соглашения и нормы международного права, а также призванные следить за их соблюдением комитеты и другие институты, однако они не могут надежно защитить государство от нападения извне. Это еще раз подтвердила агрессия НАТО против Югославии в 1999 г., нарушившая нормы международного права. В случае международного конфликта государство вынуждено рассчитывать в конечном счете на собственные силы и поддержку своих союзников, если они имеются и готовы оказать помощь.

Отражением отсутствия прочных гарантий защищенности от внешнего нападения и важности устрашения потенциального агрессора для обеспечения безопасности государства явилась знаменитая рекомендация древних римлян «Хочешь мира — готовься к войне». Государство только тогда может чувствовать себя спокойно, когда его оборонная мощь превосходит силу любого возможного нападающего, т.е. когда создается потенциал устрашения, заставляющий недругов под угрозой возмездия воздерживаться от нападения. Забота о создании потенциала устрашения побуждает государство вооружаться. Однако наращивание военной мощи одного государства воспринимается другими как потенциальная угроза для себя, что мотивирует их стремление вырваться вперед в области военной мощи. Поскольку это правило действует для каждого государства, то в мире разворачивается гонка вооружений.

Если следовать этой логике, то спираль гонки вооружений может разворачиваться бесконечно, поглощая все большие ресурсы и делая мир все более непрочным с каждым новым, более высоким уровнем военного противостояния. В условиях международной напряженности военный конфликт может возникнуть по разным причинам. Это могут быть:

- жажда власти над другими народами и овладения их ресурсами;
- нанесение превентивного удара, в том числе при неправильной оценке событий;
- неконтролируемое разрастание экономического, этнического или другого крупного конфликта;
- несанкционированное начало войны из-за сбоя в работе техники, действий психически неуравновешенных политиков или военнослужащих, провокаций террористов.

В условиях гонки вооружений никто не может быть уверен в своей безопасности. В период военного противостояния «Восток — Запад» делались попытки прервать заколдованный круг гонки вооружений, остановить ее с помощью международных соглашений об ограничении ядерных и обычных вооружений, о нераспространении ядерного оружия, о создании зон, свободных от ядерного оружия, о мирном использовании космоса и др. Однако, после распада Восточного блока у США и их союзников по НАТО появился соблазн достичь для себя в области военной мощи одностороннего превосходства. Это проявилось, в частности, в расширении НАТО на восток и приближении этого блока к границам России, в попытках США выйти из ранее заключенных международных соглашений по противоракетной обороне и сделать свою территорию неуязвимой для возмездия в случае военного конфликта и т.д. Такой ход развертывания событий чреват новым витком гонки вооружений и повышением вероятности ядерной войны, которая может привести к гибели всей человеческой цивилизации.

Мир через сотрудничество и взаимозависимость

Изучая процессы международного сотрудничества, политическая наука реально показала возможность прекращения гонки вооружений и установления прочного мира на планете. Такую возможность открывает процесс развития и углубления разносторонних интернациональных связей. Он создает предпосылки, при которых мир может быть выгоднее военного конфликта для всех его участников, в том числе и победителей. Война, особенно в условиях современного мощного разрушительного оружия, означает не только гибель людей, но и уничтожение дорогостоящих сооружений, загрязнение окружающей среды, прекращение взаимных поставок, остановку производства, крупные материальные и иные издержки.

Международное сотрудничество стимулирует и общая для всех потребность в решении обостряющихся глобальных проблем: загрязнения окружающей среды, разрушения озоновой оболочки Зем-

ли, истощения природных ресурсов, международного терроризма и др. В современных условиях отдельные государства просто не в состоянии в одиночку решать такого рода проблемы.

Несмотря на многие выгоды международной кооперации, ее возможности реализуются далеко не всегда. Современная наука установила, что главное препятствие на этом пути — незнание преимуществ сотрудничества и неуверенность в готовности к нему иностранного партнера. Поэтому, как рекомендуют ученые, эффективной стратегией в развитии кооперации может быть отказ от ожидания первых действий со стороны компаньона, инициатива во взаимодействии. Каждому участнику следует быть готовым сделать первый шаг и затем углублять сотрудничество сообразно соответствующему желанию делового партнера.

Осознание преимуществ кооперации не только экономически выгодно, оно усиливает позиции сторонников мира в каждой стране и дает шанс постепенно устранить войны из жизни человечества. Чем теснее и глубже сотрудничество между народами, тем более реальными становятся такие шансы.

Международная кооперация и интеграция неизбежно означают ослабление национальной независимости и государственного суверенитета. Длительное время для подавляющего большинства политиков и теоретиков это считалось неприемлемым, суверенитет рассматривался как высшая политическая ценность. Задача его укрепления подчинялась внешней политике. Такой подход широко распространен и в наши дни, особенно там, где у власти стоят националистические правительства. Яркий пример гипертрофирования ценности национальной независимости и суверенитета — название объединения стран бывшего СССР — Содружество Независимых Государств¹¹.

В тех странах, где политики в большей степени руководствуются рекомендациями науки, здравым смыслом и интересами народов, тесная взаимозависимость трактуется не как политическое зло, а как важное преимущество, позволяющее успешнее развивать экономику, торговлю, туризм, повышать благосостояние, обогащать культуру, укреплять доверие между народами и т.д. Именно такой подход, сопровождающийся добровольным отказом стран от части своих суверенных прав в пользу наднациональных орга-

¹¹ В данном случае заведомо известно, что новые государства, жившие на протяжении веков в едином государстве и объединенные теснейшими экономическими, культурными, родственными и иными связями, не могут быть подлинно независимыми. В этих условиях реальная независимость может означать лишь изоляционизм и цивилизационную деградацию.

нов, позволил создать новое мультигосударственное объединение — Европейский Союз.

Зависимость как инструмент подчинения

Благотворное влияние международной кооперации и интеграции на жизнь человечества и отдельных стран воз-

можно лишь тогда, когда сотрудничество строится на взаимной выгоде и подлинно демократической основе, когда в нем нет явной асимметрии и доминирования одной державы.

В наши дни не прекращаются попытки использования неравнозначной зависимости в целях гегемонизма и мирового господства, превращения менее экономически развитых стран в сырьевые придатки ведущих индустриальных держав. Как считают авторы **концепций зависимого развития** (А. Кордова, О. Зункель, Ф. Х. Кардозо и др.), главной причиной отсталости большинства стран мира является политика экономического неокOLONIALИЗМА, характерные признаки которой — **структурная зависимость и опосредованная, скрытая эксплуатация**. Последняя осуществляется и в виде вывоза получаемых в слаборазвитых странах доходов, и в форме асимметричного обмена ценностями и информацией. С помощью сдерживания повышения цен на производимые в зависимых странах товары и постоянного опережающего роста цен на ввозимые в них технику, оборудование и другую продукцию развивающиеся государства для сохранения их доходов побуждаются к непрерывному наращиванию экспорта сырья, материалов, сельскохозяйственной продукции.

В то же время обеспечиваются сверхвысокие прибыли транснациональных корпораций. Вывоз капитала в западные страны делает невозможным его аккумуляцию в странах-производителях. Даже та, сравнительно небольшая часть доходов, которая остается в странах поставщиках сырья, почти не используются для инвестиций в производство, а расходуется сравнительно немногочисленной местной олигархией и торговой буржуазией на импорт дорогостоящих продуктов потребления из стран Запада (роскошные автомобили, самолеты, виллы и т.п.). Ориентация наиболее богатой части населения на импортные товары в свою очередь ведет к сужению внутреннего рынка и разорению мелких производителей, которые пополняют ряды люмпен-пролетариата.

В результате действия механизма перераспределения и использования доходов слаборазвитые государства обычно не в состоянии не только сами производить дорогостоящее оборудование и технику, но и закупать их. Это приводит к росту их внешней задолженности и как следствие фактической утрате ими государ-

ственного суверенитета. Их экономический рост и политическая стабильность все больше зависят от политики стран-метрополий и транснациональных корпораций, которые заинтересованы главным образом в развитии в них сырьедобывающего и экологически вредного производства и удержании их в состоянии подчиненности. Как пишет А. Бёк, «интеграция развивающихся стран в мировой рынок привела к формированию импортно-экспортной экономики, структуры которой задают общие рамки, границы дальнейшего развития» отдельных государств¹². В результате скрытой, не прямой эксплуатации слаборазвитые страны попадают в структурную зависимость от индустриально развитых государств, что предопределяет однобокость и своеобразие их развития.

Наиболее адекватной политической формой зависимого развития являются демократически приукрашенные авторитарные в большей или меньшей степени марионеточные режимы, псевдо- или полудемократические полицейские государства, широко использующие клановую солидарность, неконкурентные или полуконкурентные выборы, манипулирование массовым сознанием и электоральным поведением, подкуп политических и этнических элит, репрессии против оппозиции и т.п.

Хотя теории зависимого развития разрабатывались на базе анализа стран «третьего мира», описанная ими картина очень во многом предвосхитила ход событий в постсоветской России и других государствах бывшего СССР.

Широко распространенный инструмент политики экономического неокOLONIALИЗМА — предоставление кредитов на условиях, обрекающих национальные экономики на положение мировых аутсайдеров. Так, например, в России разрушительным для отечественной экономики явилось требование МВФ повысить цены на сырье и энергоносители в соответствии с их мировым уровнем. Учитывая суровый природный климат, традиционную для страны высокую сырьевую и энергетическую затратность, почти полное отсутствие современных ресурсосберегающих технологий, резкое повышение цен в первые постсоветские годы сделало большинство отечественных предприятий неконкурентоспособными, способствовало их банкротству. Это породило в общественном мнении скепсис относительно целесообразности широкого международного сотрудничества, особенно с транснациональными организациями.

¹² Boeckh A. Dependencia//Nohlen D., Schultze R.-O. (Hrsg.) Politikwissenschaft (Piper Wörterbuch zur Politik. Band 1. München, 1985. S. 149 f.

Предоставление кредитов правительствам, которые заведомо не способны их эффективно использовать, обрекает страны получатели на долговую зависимость и не позволяет им выступать равноправными акторами международной политики.

Важной особенностью современной международной политики становится повышение значимости в ней экономических и информационных ресурсов. Военная сила сохраняет свою роль в достижении политических целей, однако в отношениях между крупными государствами она обычно рассматривается лишь как крайний, последний аргумент. Что же касается остальной части мира, то здесь после окончания военного противостояния «СССР — США» количество войн значительно возросло. Современная система международных отношений характеризуется структурной нестабильностью, альтернативой которой может быть установление нового мирового порядка.

§ 4. На пути к новому мировому порядку

Глобализация и ее осознание

Крах административно-командного, номенклатурного социализма в СССР и других странах Восточного блока означал окончание эры длительного противостояния «Восток—Запад» и устранение политических и социально-экономических барьеров на пути интеграционных процессов в Европе и на планете в целом. Мир приблизился к однополюсной структуре, на центральную позицию в котором претендует единственная сверхдержава — США. На повестку дня в международной политике встал вопрос о новом мировом порядке, представления о котором формируется под влиянием ускоряющегося примерно с 90-х годов процесса глобализации.

Хотя термин «глобализация» часто трактуется неоднозначно, обычно под ней понимается устранение административно-политических барьеров в международном сотрудничестве, планетарное объединение финансовых рынков, общемировое циркулирование финансовых потоков, информации и технологий, интернационализация, всеобщность конкуренции. «Важнейшей чертой глобализации является формирование в масштабах всего мира не просто финансового или информационного рынка, но финансово-информационного пространства, в котором во все большей степени осуществляется не только коммерческая, но и вся деятельность человечества»¹³. Уже сегодня можно с определенностью сказать, что

¹³ Делягин М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000. С. 133–134.

в обозримом будущем глобализация способна радикально изменить не только экономическую, но и политическую, социальную и культурную жизнь мира.

Ускоряющийся процесс глобализации непосредственно повлиял на направленность политических исследований. После распуска СССР и устранения фундаментального мирового конфликта «Восток — Запад» главное внимание теории международной политики сконцентрировалось вокруг проблем глобализации и установления нового мирового порядка. В новых исторических условиях границы между различными школами политической науки стали достаточно размытыми. Оценки ими явлений и перспектив развития международных отношений уже четко не дифференцируются в зависимости от научных школ и свойственных им подходов. Общим для всей теории международной политики является отказ от упрощенных, монокаузальных подходов в объяснении международных событий, использование различных методологических установок. Современные направления в теории международной политики отличаются друг от друга главным образом в зависимости от того, каким интересам (власть, престиж, безопасность, благосостояние и т.д.) и каким когнитивным или психологическим свойствам (рациональность, готовность к риску или боязнь его, нравственные установки, особенности восприятия и т.д.) они отдают приоритет в объяснении действий ведущих акторов¹⁴.

Каков будет новый мировой порядок!

Представители различных направлений в теории международной политики по-разному оценивают процесс глобализации и его роль в установлении нового мирового порядка. Среди многообразных оценок и сценариев этого процесса можно выделить три главные точки зрения:

1. Оптимистическая позиция. Ее сторонники считают, что глобализация создает материальные предпосылки для постепенного сближения народов, выравнивания уровня их экономического и социального развития, укрепления демократии, оптимизации процесса принятия решений. Общность техники, технологий, предметов потребления, развитие международного общения с помощью Интернет, СМИ и т.д. будет способствовать нарастанию у представителей различных наций элементов схожести в труде, одежде, пище, образе жизни, политике, культуре, менталитете. Из-за страха перед терроризмом и под угрозой обострения глобальных общечеловеческих проблем нации отдадут свои суверенные права международных орга-

¹⁴ Politikwissenschaft: eine Einführung/Mols M. (Hrsg.). S. 156.

низациям, которые наведут жесткий порядок и обеспечат планетарную стабильность. Часть функций национальных правительств возьмет на себя бизнес в лице представляющих его международных организаций. Разум и интересы выживания, а также лидерство и стремление к демократии единственной сверхдержавы — США помогут народам преодолеть вражду и недоверие. В результате всего этого человечество впервые в истории предстанет как единое рационально организованное целое — «планетарная деревня».

2. Реалистическая позиция. Ее приверженцы ставят под сомнение оптимистические ожидания. Они считают, что за прошедшие тысячелетия природа человека не изменилась и человечество не выработало иммунитета против насилия и войн, которые становятся все более разрушительными. Оснований для пессимизма у современного человечества ничуть не меньше, чем для оптимизма. Мощь человеческого разума вполне может быть направлена не на созидание, а на разрушение достижений цивилизации, уродование самой человеческой личности. Надежды на чудодейственное влияние мирового рынка также безосновательны. Как отмечал Президент Бразилии Ф. Кардозо, «рынок важен для производства товаров, достижения эффективности, но он не предполагает решения всех проблем. Рынок подвержен маниям, панике и кризисам. Рынок не является решением там, где проблемы завязаны на фундаментальные этические ценности, такие как мысль о том, что все люди рождены равными»¹⁵. До сих пор ни рынок, ни действия США по отношению к странам, находящимся в орбите их глобальной политики (например, государствам Латинской Америки), не помогли устранить массовую бедность и другие социальные пороки. Нет никаких оснований надеяться, что в будущем действия глобалистов будут служить интересам всего человечества.

3. Пессимистическая позиция. Теоретики и политики этого направления не ограничиваются скепсисом «реалистов» относительно будущего, рассматривают его как исторический горизонт, на котором все более сгущаются тучи. Они трактуют глобализацию как инструмент скрытой, без воспроизводства традиционных структур реколонизации и эксплуатации, создания устойчивой системы экономических, информационных, политических и иных отношений, позволяющим одним странам, и прежде всего США, получать различного рода выгоды за счет других.

Уже в обозримом будущем можно с уверенностью ожидать обострения ряда глобальных проблем и конфликтов. Одна из таких проблем — углубление разрыва в экономическом развитии между

¹⁵ *Cardoso F. An Age of Citizenship//Foreign Policy. Summer 2000. P.42.*

Севером и Югом. Сегодня на наиболее бедные 20% населения планеты приходится всего 1% мирового внутреннего валового продукта, в то же время на жителей США, составляющих менее 5% населения Земли, приходится до трети мировых ресурсов и богатств¹⁶. Растущее неравенство в мире не может предвещать ничего иного, кроме международных конфликтов.

Этому же способствует и обострение экологической и сырьевой проблем. Если уровень потребления ресурсов у ныне экономически отсталых стран приблизится к современному уровню США, то ожидаемое к 2050 г. как минимум восьмимиллиардное население Земного шара не сможет существовать из-за нехватки продуктов питания.

Процесс глобализации по модели, внедряемой США, ведет к тому, что важнейшие решения, касающиеся остальных наций, принимаются узкой группой никому не подконтрольных американских и близких к ним других западных финансистов и медиократов (руководителей СМИ), а также связанных с ними политиков. Обладание финансовыми, информационными и научными ресурсами позволяет новой мировой элите оказывать незаметное влияние на отдельные государства по принципу «триггерного эффекта» или «акупунктуры», т.е. воздействуя на ключевые точки, определяющие развитие социальных процессов, вызывать нужные реакции, например с помощью кредитов и информационной поддержки сохранять у власти угодные правительства и, наоборот, требуя уплаты долгов и вводя экономические санкции, устранять с политической арены неугодных. В результате такого рода действий при сохранении формальных демократических институтов реальная мировая власть становится авторитарной и даже — в случае манипулирования массовым сознанием и поведением — тоталитарной.

Не следует ожидать ничего хорошего и от попыток США подорвать престиж и влияние единственного общемирового демократического форума — ООН и присвоить себе роль мирового полицейского. Стремление утвердить монополярную структуру мира во главе с США рано или поздно вызовет мощное сопротивление со стороны остальных государств и прежде всего таких центров влияния, как ЕС, Китай, Индия и др. Все это чревато новыми мировыми катаклизмами.

Современная политическая наука не в состоянии однозначно предвидеть ход мирового развития. Каждая из рассмотренных выше

¹⁶ См.: Уткин А. Что век грядущий нам готовит//Международная жизнь. 2001. № 1. С. 58–59 и др.

позиций может оказаться в большей или меньшей степени реализованной. Практическое осуществление прогнозов во многом зависит от демократического или же авторитарного структурирования международных отношений. Демократическая структура международной политики предполагает полицентризм, наличие многих акторов и центров влияния, укрепление ООН и других транснациональных организаций. Авторитарная модель международной политики коррелирует с монополярностью и гегемонизмом. В нынешних условиях она выражается в стратегии — «Pax Americana» — устройства мира по-американски.

Любой сценарий мирового развития в XXI в. предполагает расширение и углубление межнациональных связей, интенсификацию международной политики. А это означает повышение значимости для человечества политической науки. Если на протяжении многих веков и даже тысячелетий мировые процессы складывались стихийно и теоретические разработки мало влияли на реальную политику, то в наши дни воздействие науки на международные отношения неуклонно возрастает.

* * *

В настоящем учебнике освещены лишь наиболее общие проблемы политической науки и прежде всего те из них, которые имеют непосредственную значимость для жизни общества и отдельных граждан. Практическое применение политических знаний в России требует внимательного учета специфики страны. Наша противоречивая действительность далеко не всегда укладывается в рамки классических, политических теорий и поддается однозначным научным оценкам. Во многом это объясняется переходным состоянием общества, наличием в нем самых различных, порою трудно совместимых явлений. Однако и здесь без политического образования невозможно правильно ориентироваться в сложном лабиринте событий.

Материалы учебного пособия призваны помочь студенту понять основы политики и демократического государственного устройства, компетентно анализировать реальные политические процессы и активно участвовать в строительстве новых, гуманных и цивилизованных отношений между гражданами. Конечно, более глубокое знакомство с миром политики требует дальнейшего изучения политической теории и практики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
----------------	---

Раздел I

ПРЕДМЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Глава 1. Что такое политика?	8
------------------------------------	---

§ 1. Понятие политики	8
-----------------------------	---

Многообразие определений политики. Группа социологических трактовок политики. Экономические дефиниции. Стратификационные и правовые определения политики. Власть как политическая субстанция. Институциональные и антропологические трактовки политики. Конфликтно-консенсусные определения. Политика как отношения «друзей» — «врагов». Группа научно сконструированных трактовок политики. Деятельностные, телеологические и системные определения.

§ 2. Структура и функции политики	16
---	----

Форма, содержание и процесс политики. Полити (polity)-, полиси (polisy)- и политикс (politics)-исследования. Элементы и уровни политики. Функции политики.

§ 3. Границы политики в обществе	20
--	----

Область распространения политики. Подвижность границ политики. Тоталитарная и анархистская трактовки политики. Либерализм и кейнсианство.

Глава 2. Политология как теория и прикладные исследования	24
---	----

§ 1. Возникновение и предмет политологии	24
--	----

Зарождение политической науки. Политология как самостоятельная дисциплина. Политическая наука в России. Дискуссии о предмете политологии. Политология — одна из наук о политике. Политология — точная наука. Политология — весь комплекс знаний о политике.

§ 2. Структура политической науки	30
---	----

Науки о самой политике. Пограничные политологические дисциплины.

§ 3. Методы политической науки	34
--------------------------------------	----

Парадигмы политической мысли. Общие методы политологии. Общелогические и эмпирические методы.

§ 4. Прикладная политология	41
-----------------------------------	----

Роль бихевиоризма в развитии эмпирического анализа. Отличительные черты и социальное назначение прикладной политологии. Методы прикладной политологии. Основные сферы применения прикладной политологии.

Раздел II

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Глава 3. Политика и мораль. Насилие и ненасилие в политике ... 48

§ 1. Соотношение политики и морали 48

Мораль как воплощение гуманизма. Функциональная общность политики и морали. Различия между политикой и моралью. Основные точки зрения на взаимоотношение морали и политики. Морализаторский и автономистский подходы. Политика — это всегда зло? Компромиссный подход к соотношению политики и морали. Институционализация нравственных требований.

§ 2. Цели и средства в политике 58

Что такое цели, средства и методы в политике? Цель оправдывает средства. Что важнее — цели или средства? Пути разрешения противоречий между целями и средствами.

§ 3. Насилие и ненасилие в политике 64

Понятие и историческая роль насилия. Насилие и мораль. Право на насилие. Религиозные истоки ненасилия. Развитие теории и практики ненасилия. Особенности ненасильственной политики. Ненасильственные действия. Ненасильственные способы борьбы в правовом государстве.

Глава 4. Права человека 75

§ 1. Понятие и история прав человека 75

Права человека во взаимоотношениях государства, общества и личности. Идеи прав человека в античности и средневековье. Либеральная трактовка прав человека. Борьба за социальные права. Индивидуальные потребности как источник прав человека. Основные подходы к правам человека.

§ 2. Важнейшие права личности и проблема их реализации в современном мире 84

Типология прав человека. Негативные и позитивные права. Гражданские и политические права. Экономические права. Социальные, культурные и экологические права. Коллективные права. Права народов и права человека. Обязанности и ответственность граждан, гарантии их прав. Права человека как критерий гуманизма политики. Универсальны ли права человека? Права человека в международной политике.

Раздел III

ВЛАСТЬ И ЕЕ НОСИТЕЛИ

Глава 5. Власть в обществе 94

§ 1. Понятие, структура и агенты власти 94

Многообразие определений власти. Субъект власти. Объект власти. *Природа подчинения.*

§ 2. Ресурсы, процесс и виды власти 100

Понятие ресурсов власти. Типы ресурсов. Процесс властвования.

Два «лица власти». Виды власти. Особенности политической власти. Соотношение властей в обществе.	
§ 3. Политическое господство и легитимность	107
Понятие политического господства. Политическая легитимность. Соотношение легитимности и эффективности власти.	
Глава 6. Социальные группы как субъекты политики	111
§ 1. Социальная стратификация	111
Понятие социальной стратификации. Система социального представительства. Виды социальной стратификации. Социальная мобильность.	
§ 2. Роль социальных классов в политике	120
Марксистская трактовка политической роли классов. Антагонистические классы и современность. Трактовка классов М. Вебером. Функциональный подход к классам. Средний класс.	
§ 3. Динамика социальной структуры в современном мире	128
Тенденции развития социальной структуры в странах Запада. Социальные источники политических отношений в России.	
Глава 7. Политические элиты	132
§ 1. Возникновение понятия и теории элит	132
Происхождение понятия «политическая элита». Теория элит Моски. Концепции Парето и Михельса.	
§ 2. Основные направления современной элитарной теории	137
Макиавеллистская школа. Ценностные теории. Теории демократического элитизма. Концепции плюрализма элит. Либериальские концепции.	
§ 3. Типология, социальная результативность и рекрутирование элиты	144
Общее определение и причины существования элиты. Типология элит. Результативность и интеграция элиты. Социальная представительность элиты. Системы рекрутирования элит. Номенклатурная система и ее социальные последствия.	
Глава 8. Политическое лидерство	152
§ 1. Понятие лидерства	152
Идеи лидерства в истории. Определения лидерства. Объективная и субъективная стороны лидерства.	
§ 2. Природа политического лидерства	159
Теория черт. Ситуационная концепция. Теория конституентов. Психологические концепции и интерактивный анализ.	
§ 3. Классификация, функции и тенденции развития лидерства	164
Типы лидерства. Функции лидера. Тенденции развития политического лидерства. Имидж лидера.	

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ.
ДЕМОКРАТИЯ: ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Глава 9. Тоталитарные и авторитарные политические системы	171
§ 1. Понятие и типы политических систем	171
«Политическая система» как инструмент исследования и механизм власти. Типология политических систем.	
§ 2. Истоки и основные разновидности тоталитаризма	174
Классическая теория тоталитаризма и ее кризис. Специфика тоталитаризма. Основные типы тоталитаризма. Религиозный тоталитаризм.	
§ 3. Характерные черты политического тоталитаризма	180
Сфера сознания. Политические черты. Социальные и экономические признаки. Разновидности политического тоталитаризма.	
§ 4. Неототалитарные тенденции в современном обществе и их социальные истоки.	185
Рост рационализма и организованности. Средства контроля. Методы контроля. Программирование сознания. Экономическая и политическая власть. Иллюзорная демократия.	
§ 5. Авторитаризм	194
Отличительные черты авторитаризма. Реформаторские возможности авторитаризма.	
Глава 10. Демократия: понятие и возникновение	198
§ 1. Понятие и измерение демократии	198
Этимологические определения демократии. Нормативный подход к демократии. Эмпирический подход к демократии. «Полиархия». Связь нормативных и эмпирических дефиниций демократии. Конституирующие признаки демократии. Всеобщая и социально-ограниченная демократия. Охлократия. Индивидуалистическая, плюралистическая и коллективистская демократии. Прямая, плебисцитарная и представительная демократии. Формы демократического государства. Политическая и социальная демократия. Деспотическая, тоталитарная и конституционная демократии.	
§ 2. Древняя и средневековая демократии	205
Первобытная демократия. Возникновение афинской демократии. Народ и личность. Роль среднего класса. Участие в управлении. Деспотия большинства. Судьбы демократии после падения Афин. Христианство и народовластие.	
Глава 11. Современная демократия	212
§ 1. Демократия классического либерализма	212
Либерализм как идейная основа государственного устройства. Отличительные черты либеральной демократии. Слабости либеральной демократии.	

§ 2. Коллективистская демократия	216
Концепция демократии Руссо. «Социалистическая демократия».	
Отличительные черты коллективистской демократии. Уроки коллективистских экспериментов. Плебисцитарная партийная демократия.	
§ 3. Плюралистическая демократия	221
Особенности современной демократии. Плюралистическая теория демократии. Группа как главный субъект политики. Демократия как баланс групповых интересов. Общие черты плюралистических теорий демократии. Слабости теории и практики плюралистической демократии.	
§ 4. Роль масс в современных демократиях	225
Репрезентативная демократия. Партиципаторная демократия.	
Глава 12. Переход к демократии	230
§ 1. Нужна ли обществу демократия?	230
Ценностные обоснования демократии. Демократия и свобода. Свобода как ценность. Ценность политической свободы. Демократия, равенство, социальная справедливость. Рационально-утилитарные обоснования демократии. Системные обоснования демократии. Демократия не универсальная ценность. Преимущества демократии.	
§ 2. Предпосылки и пути демократизации	237
Экономические предпосылки демократии. Социальные предпосылки демократии. Политическая культура как предпосылка демократии. Влияние религии. Внешнеполитические предпосылки демократии. Общие модели демократизации. Закономерности демократизации. Особенности перехода к демократии постсоциалистических стран. Путь либерализации. Китайская модель реформирования.	

Раздел V

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 13. Государство	248
§ 1. Сущность государства	248
Широкое и узкое значение термина «государство». Общие признаки государства. Причины возникновения государства. Исторические рубежи в развитии государства. Конституция.	
§ 2. Правовое социальное государство	254
Понятие правового государства. Гражданское общество. Отличительные черты правового государства. Социальное государство. Соотношение социального и правового принципов. Тенденции развития государства.	
§ 3. Устройство современного государства	260
Формы правления. Парламентская республика. Президентская республика. Полупрезидентская республика. Референдум. Территориальное устройство. Унитарное государство.	

Глава 14. Группы интересов и партии	267
§ 1. Группы интересов	267
Понятие групп интересов. Функции групп интересов. Типология групп интересов.	
§ 2. Политические партии	272
Происхождение и сущность партий. Функции политических партий.	
§ 3. Типы партий и партийных систем	278
Типология партий. Сущность и разновидности партийных систем. Основные тенденции в развитии партий и партийных систем.	

Р а з д е л V I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Глава 15. Мировые политические идеологии	286
§ 1. Понятие политической идеологии	286
Сущность и функции политической идеологии. Уровни политической идеологии.	
§ 2. Основные идеологические течения в современном мире	289
Либерализм и неолиберализм. Консерватизм и неоконсерватизм. Социализм. Фашизм. Национальные идеологии.	
§ 3. Идеологический дискурс	301
Идеологический дискурс: основные тенденции. Основные идеологические направления в современной России.	
Глава 16. Политическая культура	306
§ 1. Сущность и отличительные черты политической культуры	306
Понятие политической культуры. Функции и структура политической культуры. Типы политической культуры.	
§ 2. Политическая психология	318
Понятие и значение политической психологии. Особенности политической психологии Структурные элементы политической психологии.	
§ 3. Политическая социализация	324
Понятие политической социализации. Процесс политической социализации. Типы и механизмы политической социализации. Этапы политической социализации.	
Глава 17. Средства массовой информации	330
§ 1. Понятие и функции СМИ	330
Роль коммуникаций в политике. Что такое СМИ? Развитие средств политических коммуникаций. Функции СМИ. Информирование граждан. Образование и социализация. Критика и контроль. Артикуляция и интеграция. Мобилизационная и другие функции СМИ. СМИ и демократия.	

§ 2. Основные каналы и особенности политического влияния СМИ	336
Рациональное и эмоциональное воздействие СМИ. Влияние СМИ на информационный процесс. Правила отбора материала в СМИ. Способы распространения информации. Особенности телевидения. Противоположность оценок роли СМИ в современном обществе.	
§ 3. Политическое манипулирование и пути его ограничения	342
Что такое манипулирование? Социальные мифы как основа манипулирования. Способы манипулирования. Пределы манипулирования. Общественная организация СМИ. Плюрализм СМИ. Контроль за СМИ. Педагогика СМИ.	

Раздел VII

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Глава 18. Политические конфликты	349
§ 1. Сущность и значение конфликтов в политике	349
Место и роль конфликтов в политике. Источники политических конфликтов. Типология политических конфликтов.	
§ 2. Управление политическими конфликтами	355
Общее и особенное в технологиях урегулирования конфликтов. Этап возникновения конфликта. Этап развития конфликта. Этап окончания конфликта.	
Глава 19. Политические процессы	365
§ 1. Сущность и структура политического процесса	365
Понятие политического процесса. Структура и особенности политического процесса. Режимы протекания политического процесса.	
§ 2. Политическое участие	370
Сущность политического участия. Формы и разновидности политического участия. Политический протест.	
§ 3. Процесс принятия политических решений	375
Специфика и структура процесса принятия политических решений. Подготовительный этап принятия решений. Этап принятия решений. Методы принятия решений. Этап реализации управленческих решений.	
Глава 20. Выборы	384
§ 1. Роль выборов в демократической политической системе	384
Понятие выбора и их место в демократическом государстве. Функции выборов в условиях демократии.	
§ 2. Основные принципы свободных демократических выборов	389
Принципы избирательного права. Общие принципы демократической организации выборов.	
§ 3. Выборы в тоталитарных, авторитарных и переходных обществах	393
Выборы как орудие политического манипулирования. Выборы как инструмент перехода к демократии.	

§ 4. Основные стадии избирательного процесса	396
Нормативные основы выборов. Мажоритарная избирательная система. Пропорциональная система. Смешанная и консенсусная системы. Основные стадии избирательного процесса. Подготовка выборов. Выдвижение кандидатов. Голосование и подведение итогов выборов.	
Глава 21. Политические технологии	406
§ 1. Сущность и отличительные особенности политических технологий	406
Понятие политических технологий. Технологии как алгоритм политической деятельности. Структура политических технологий. Процедурные и технические компоненты политических технологий.	
§ 2. Формирование политических технологий	416
Субъективный и аналитический способы формирования политических технологий. Особенности политического анализа. Методы политического анализа. Процесс политического анализа.	
Глава 22. Политическое развитие и модернизация	426
§ 1. Политическое развитие	426
Понятие политического развития. Критерии развития политических систем.	
§ 2. Политическая модернизация	429
Сущность и этапы политической модернизации. Пути модернизации общества и политической системы. Современное значение теории модернизации.	
§ 3. Кризисы политического развития	438
Кризис идентичности. Кризис распределения материальных и культурных благ. Кризис участия. Кризис «проникновения». Кризис легитимности.	
Глава 23. Международная политика	444
§ 1. Понятие международной политики и основные вехи развития ее теории	444
Система категорий, отражающих международную политику. Основные вехи в развитии теории международной политики.	
§ 2. Основные школы в теории международной политики	450
Идеалистическая школа. Реалистическая школа. Концепции неореалистов. Марксистский подход к международной политике. Транснационалистская (глобалистская) школа.	
§ 3. Центральные проблемы теории мировой политики	459
Безопасность, конфликт, война. Мир через сотрудничество и взаимозависимость. Зависимость как инструмент подчинения.	
§ 4. На пути к новому мировому порядку	465
Глобализация и ее осознание. Каков будет новый мировой порядок?	

Учебное издание

**Василий Павлович Пугачев
Александр Иванович Соловьев**

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТОЛОГИЮ

Редактор **Е. А. Воронкова**
Технический редактор **Н. К. Петрова**
Корректоры **В. Ф. Герасимова, А. А. Барина**
Компьютерная верстка **О. С. Коротковой**

Подписано к печати 18.04.2005. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 30,22.
Доп. тираж 1·8000 экз. Заказ № 9313.

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»
111141, Москва, Зеленый проспект, 8
Тел. 306-78-01, 306-83-71
E-mail: info@aspectpress.ru www.aspectpress.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство
«Аспект Пресс»
предлагает учебники и учебные пособия
для вузов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

Под редакцией А. И. Соловьева

В книге раскрываются важнейшие черты информационно-коммуникативных процессов, разворачивающихся в сфере политики; освещаются способы организации публичного дискурса между властью и гражданскими структурами на международном уровне и в рамках национального государства; демонстрируются особенности и направления государственной информационной политики, развивающейся на основе освоения человеком новых средств передачи сообщений.

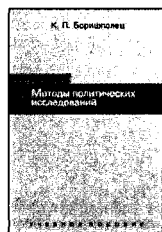

Объем 336 с. Переплет.

К. П. Боршшполец

МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Целью предлагаемого учебного пособия является ознакомление студентов и аспирантов гуманитарных факультетов, специализирующихся в области изучения международных отношений, с широким спектром междисциплинарного научного инструментария, применяемого в современных прикладных исследованиях, оценках и прогнозировании внешнеполитических ситуаций и процессов.

Объем 208 с. Переплет.

Г. Алмонд и др.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
Мировой обзор
(перевод с англ.)

Книга написана коллективом известных и квалифицированных авторов под общим руководством и при самом непосредственном участии Габриэля Алмонда, живого классика современной политологии. Книга входит в списки обязательной литературы подавляющего большинства курсов по политологии в университетах США. Учебное пособие посвящено проблемам политики в целом и сравнительной политологии в частности.

Объем 537 с. Переплет.

Учебник, выдержавший четыре издания, знакомит студентов с важнейшими категориями и понятиями политической науки, раскрывающими основные проблемы и тенденции развития современной политики.

Учебник рассчитан на студентов высших учебных заведений.

ISBN 5-7567-0165-6

9 785756 701654